

ДЕПАРТАМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ
ГОРОДА МОСКВЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А.С. ПУШКИНА

Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа

Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
«Фундаментальная лингвистика и проблемы
судебной экспертизы: социальные сети
как объект научного и экспертного анализа»
(Москва, 5–6 октября 2021 г.)

Москва
2022

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА

**Фундаментальная
лингвистика и проблемы
судебной экспертизы:
социальные сети как объект
научного и экспертного
анализа**

Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
**«Фундаментальная лингвистика и проблемы
судебной экспертизы: социальные сети как
объект научного и экспертного анализа»**
(Москва, 5–6 октября 2021 г.)

Москва
2022

УДК 81
ББК 81
Ф 94

*Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.
Протокол № 6 от 23 апреля 2021 года.*

Редакционная коллегия:

П. А. Катъшев, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И. В. Огорелков, кандидат филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

А. В. Горбачева, научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Рецензенты:

А. Н. Баранов, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;

М. А. Осадчий, доктор филологических наук, вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ)

Ф 94 **Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа» (Москва, 5–6 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. – Москва : Государственный институт русского языка, 2022. – 445 с.**

ISBN 978-5-98269-260-3

Статьи посвящены исследованию актуальных вопросов лингвистической теории и экспертной практики в отношении вербальных правонарушений, совершаемых в цифровой среде. Представлены работы об исследовании вопросов лингвистической семантики и дискурс-анализа социальных сетей в приложении к задачам лингвистической экспертизы, разработки и применения методов лингвистической диагностики и идентификации цифровой личности, достижений, а также внедрения компьютерной, когнитивной лингвистики и психолингвистики в судебно-экспертную практику.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-98269-260-3

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022

Содержание

Раздел 1. МЕТОДЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ ДИГИТАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

Громова А. В., Логинова С. Н., Китаева Е. С.

К вопросу о выявлении признаков искусственной генерации текстов
при проведении автороведческого исследования 11

Колмакова В. В.

Речевое поведение цифровой личности
в современном судебном дискурсе 17

Абрамкина Е. Е.

Жанровый анализ судебного решения
как основа для идентификационного исследования. 27

Хоменко А. Ю.

Лингвистическое моделирование как инструмент атрибуции текста 37

Раздел 2. ВОВЛЕЧЕНИЕ В ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Пантелеева В. В.

Манипулятивные методы вовлечения в коммуникацию
и средства выражения интенции побуждения к суициду в Интернете 58

Надеина Т. М., Чубина Е. А.

Речевое воздействие в социальных сетях: новые практики. 68

Злоказов К. В., Ворошилова М. Б.

Социальная поддержка, признание и уважение: психологические
мотивы вовлечения молодежи в экстремистские сообщества 75

Хохловская О. Г.

Роль интенционального анализа в выявлении признаков
сексуального побуждения в интернет-коммуникациях 84

Раздел 3. РИТОРИКА И ПРАКТИКА НАСИЛИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ**Трофимова В. А., Меликян В. Ю.**

Коммуникативное давление в системе видов речевого воздействия 92

Бабук А. В.Виды и вариации интернет-троллинга
как формы речевой киберагрессии 104**Джуманова Г. Ж.**

Религиозная радикализация в социальных сетях 111

Громыко С. А.Признаки легального националистического текста
(на примере публикаций об исполнительнице Manizha) 117**Троицкая Т. А.**Проблема запрещенной символики
и современная молодежная мода 125**Измestьева И. А.**Вежливость в виртуальной коммуникации взрослого и ребенка
в жанре секстинга 135**Раздел 4. ПРИМЕНЕНИЕ ДОСТИЖЕНИЙ
КОМПЬЮТЕРНОЙ, КОГНИТИВНОЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИКИ
В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ****Шетиева А. Т.**Применение SEO-анализа для выявления смыслового содержания
спорного текста 145**Новичихина М. Е.**

К дискуссии о методах исследования словесных товарных знаков 151

Сироткина Т. А.Тема коронавирусной инфекции в социальных сетях:
опыт оценки текстов лингвистом-экспертом 157

Коновалова М. В.

Репрезентация когнитивных категорий в интернет-медиадискурсе164

Анисина Н. В.

Лингвистические технологии формирования неосознаваемой
установки и судебная лингвистическая экспертиза178

**Раздел 5. ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
И ДИСКУРС-АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
В ПРИЛОЖЕНИИ К ЗАДАЧАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

Карасик В. И.

Диффамация в медийно-сетевом дискурсе188

Каменская Ю. В.

Методика выявления признаков умаления деловой репутации
в большом объеме текстов (на примере отзывов в соцсетях)198

Венгранович М. А.

«Ружье снова рискует выстрелить»:
к проблеме снятия двусмысленности в макроконтексте205

Гасанова М. А., Зюзина Е. А.

Языковая игра как прием создания коннотативных смыслов
(на материале независимых дагестанских СМИ)215

Третьякова Д. В.

Множественность интерпретации семантики слова *жулик*
в практике экспертного исследования225

Грачев М. А.

История криминальных татуировок в России
как важная составная часть знания для лингвистов-экспертов240

Буйлов В. В.

Методические инструменты лингвистической экспертизы текстов
художественной литературы (на материале прозы А. Платонова)247

Распопова Т. А.

Способы кодирования и декодирования речевых интенций
при совершении вербальных правонарушений
в интернет-коммуникации 257

Голиков Л. М.

Побудительное/непобудительное долженствование
в дискурсе русских националистов (на материале сообщества
«спутник и погром» социальной сети «ВКонтакте») 265

Пешкова Н. В.

Метафорические модели,
реализующие интенции конфронтационного типа 275

Грибкова К. Е.

Дискурс-анализ: возможности использования
в экспертном исследовании социальных сетей 291

**Раздел 6. АКТИВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕТЕВОЙ
КОММУНИКАЦИИ И НОВЫЕ ОБЪЕКТЫ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ**

Кривошапова Н. В.

Новые объекты судебной лингвистической экспертизы
в конфликтной интернет-коммуникации. 302

Дударева Я. А.

Жалобы в социальных сетях на представителей власти:
особенности лингвистической экспертизы 311

Моштылева Е. С.

Ненадежная наррация в социальных сетях
(судебно-лингвистический аспект) 317

Ляшенко Д. И.

Феномен «фейк» в юрислингвистическом аспекте 327

Меркулова И. А.

Оскорбительные соционимы в интернет-дискурсе 334

Нефляшева И. А.

Экспертная оценка окказиональных прозвищ медийных лиц
и вопросы модерации виртуальной коммуникации 342

Уманцева Л. В., Изюмская С. С.

Судебный дискурс и современная сетевая коммуникация:
информационное поле и информационная норма 349

**Раздел 7. НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
И ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКИ В ОТНОШЕНИИ ВЕРБАЛЬНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ**

Иваненко Г. С.

Диалектика конфликта в социальной сети 357

Мишланов В. А., Салимовский В. А., Данилевская Н. В.

О лингвистическом обеспечении правоприменительной практики
(относительно преступлений, предусмотренных статьей 354.1 УК РФ
«Реабилитация нацизма») 363

Жарков И. В., Колтунова Е. А.

Понятия одобрения, оправдания и обоснования
как средства доказывания с использованием специальных знаний
в области лингвистики 376

Красса С. И.

Деструктивные понятия в судебной лингвистической экспертизе 389

Вязигина Н. В.

Основные проблемы лингвистической экспертизы по делам
о развратных действиях интеллектуального характера
в отношении несовершеннолетних в сети Интернет. 396

Новожилова Е. В.

Установление адресата речи в судебной лингвистической экспертизе . . . 410

Акинина А. В.

Фамилия, ставшая товарным знаком:
проблемы экспертного исследования и функционирования
в сети Интернет 426

Азевич И. П.

Средства аргументации в судебно-экспертном дискурсе:
лексический и синтаксический уровни
(на примере судебных лингвистических экспертиз) 431

Раздел 1.

МЕТОДЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ ДИГИТАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

А. В. Громова

agromova7@mvd.ru

*кандидат филологических наук, подполковник полиции,
врио начальника управления инженерно-технических экспертиз
Экспертно-криминалистического центра
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Москва, Россия*

С. Н. Логинова

sloginova4@mvd.ru

*подполковник полиции, главный эксперт отдела фоноскопических,
лингвистических и автороведческих экспертиз
Экспертно-криминалистического центра
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Москва, Россия*

Е. С. Китаева

edokukina3@mvd.ru

*лейтенант полиции, эксперт отдела фоноскопических,
лингвистических и автороведческих экспертиз
Экспертно-криминалистического центра
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Москва, Россия*

К ВОПРОСУ О ВЫЯВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ ИСКУССТВЕННОЙ ГЕНЕРАЦИИ ТЕКСТОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ АВТОРОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В целях обеспечения корректной оценки искусственных текстов при решении задач автороведческих экспертиз исследованы доступные на сегодняшний день системы, генерирующие тексты, определены характерные признаки применения алгоритмов генерации печатных текстов.

Ключевые слова: автороведческая экспертиза, искусственный текст, генерация текста, чат-бот.

В настоящее время создание печатных текстов уже не является уникальной способностью человека. Все больший интерес вызывают компьютерные программы для генерации автоматизированных текстов, которые написаны не с помощью разума человека, а посредством искусственного интеллекта. Специальные алгоритмы уже позволяют генерировать искусственный текст (далее – ИТ) автоматически на основе некоторых исходных данных.

Такие ИТ имеют ряд особенностей, например, Д. Ю. Кульничкая и Т. И. Фролова отмечают, что «текст, написанный алгоритмом, может состоять из нескольких абзацев. В структуре материала иногда встречается справочная информация (бэкграунд). Особенностью автоматических текстов можно назвать очень высокую степень точности цифр: иногда указываются не только сотые, но и тысячные доли» [5: 6].

Возможности генерации искусственных текстов активно используются в современной медиа-журналистике, например, при подготовке сводок о погоде, выборах или котировках. А. Д. Иванов утверждает, что роботы-журналисты на данный момент обладают характерными чертами: «отсутствием стиля и чувства юмора» [3: 15]. На это также указывает П. Лебедев: «алгоритмы уже могут писать без грамматических ошибок, генерировать сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, основываясь на выборке корпуса языка. Но они все еще не умеют шутить и острословить, использовать метафоры, сравнения и другие нестандартные средства выражения» [6] и приводит классификацию систем генерации текстов: простые (так называемые «жесткие») шаблоны; простая система генерации текстов или «Natural language generation» (NLG), в которой используются шаблоны и лингвистические алгоритмы (rule-based подход); система NLG с частичным использованием машинного обучения, с помощью которого определяется, что именно войдет в статью. Информационные агентства с большим архивом статей могут использовать свои материалы для обучения систем NLG [6].

Примитивный ИТ создается при помощи простых алгоритмов, которые складывают слова и фразы в предложения, то есть создают псевдоуникальные тексты, обладающие низким количеством грамматических ошибок, но не имеющие смысловую цельность. Примерами могут служить метод генерации текстов на основе использования цепи Маркова, основанный на теории вероятности [4: 25], и метод генерации текстов на основе SIMP-таблиц, позволяющий генерировать общеупотребительные псевдонаучные фразы, складывая в случайном порядке структурные части предложения [там же: 29–30].

Использование технологий генерации ИТ не ограничивается сферой журналистики. Они могут быть применены также при создании текстов, имеющих криминалистическую значимость по различным категориям преступлений и правонарушений (например, клевета, оскорбление, вымогательство). Так, отмечаются случаи создания экстремистских ИТ по принципу «дерево текстов»: «на основе конкретного текста-шаблона создается целый ряд текстов-вариантов, подчас в различных речевых жанрах. Этот способ массовой передачи агрессивного содержания, что называется «по шаблону», является одновременно оптимальным по трудозатратности для производства подобных текстов и затруднительным для экспертного исследо-

вания, поскольку разнообразие таких текстов-дериватов может исчисляться десятками и сотнями» [1: 118].

Объектами автороведческих экспертиз все чаще становятся электронные публикации и переписки, актуальна задача выявления признаков генерации печатных текстов на этапе оценки пригодности объекта для решения задач автороведческой экспертизы. Для этого нами рассмотрены особенности работы роботизированных монологических и диалогических систем, проанализированы характерные для ИТ признаки на разных уровнях языка.

В рамках научной работы проведено экспериментальное исследование в целях диагностики особенностей и ошибок, допускаемых разными автоматизированными системами, предназначенными для генерации ИТ. Для эксперимента были выбраны два алгоритма на русском языке: «Text Generation API» (<https://app.inferkit.com/generate>) и «Порфирьевич» (<https://porfirevich.ru/>), которые генерируют ИТ на основе введенных слов или сочетания слов. По результатам исследования выявлены признаки на разных уровнях языка, которые характерны для ИТ, сгенерированного посредством определенного алгоритма.

Например, на уровне синтаксиса в ИТ, сгенерированных посредством алгоритма «Text Generation API», отмечены незавершенные конструкции; в ИТ, созданных посредством онлайн-генератора «Порфирьевич», отмечены парцеллированные конструкции.

На лексическом уровне в ИТ, сгенерированных посредством алгоритма «Text Generation API», отмечены случаи нарушения лексической сочетаемости («Сирийский Советский чело век»), использования окказионализмов («Выкрутно»); в ИТ, созданных посредством онлайн-генератора «Порфирьевич», соблюдаются нормы лексической сочетаемости, отмечены случаи использования топонимов и разговорной лексики («К черту!»).

На морфологическом уровне в ИТ, сгенерированных посредством алгоритма «Text Generation API», в основном нормы согласования и управления не соблюдаются, прослеживается соблюдение норм словообразования; в ИТ, созданных посредством онлайн-генератора «Порфирьевич», нормы согласования и управления соблюдаются на уровне отдельных словосочетаний.

На графическом уровне в ИТ, сгенерированных посредством алгоритма «Text Generation API», отмечено изменение регистра при оформлении высказываний внутри предложения в начале слова («Самый директор Группа пришел») и буквенное написание числительных; в ИТ, созданных посредством онлайн-генератора «Порфирьевич», отмечается написание лексем с использованием средств латинского алфавита.

На семантическом уровне в ИТ, сгенерированных посредством алгоритма «Text Generation API», отмечены отдельные семантически связные словосочетания; в ИТ, созданных посредством онлайн-генератора «Порфирьевич»,

14 | отмечается повтор лексем с целью усиления значения слова («Отступить некуда – позади Москва! Позади! Позади! Сзади! Сзади! Вперед!!! Вперед, вперед, вперед!!!!»).

Таким образом, ИТ, сгенерированный посредством алгоритма «Text Generation API», сохраняет внешние признаки текста, написанного человеком, но не имеет смысла; ИТ, созданный посредством онлайн-генератора «Порфирьевич», имеет грамматические и смысловые связи только на уровне словосочетания.

Для генерации текста в диалоге используются чат-боты. Чат-бот – это программа, участвующая в диалоге с поочередной передачей инициативы, целью которой является интерпретация входного текста или речи и вывод соответствующего полезного ответа [2: 251]. На сегодняшний день чат-боты стали широко использоваться как современный инструмент коммуникации и активно применяются в сфере услуг. Они интегрируются в веб-сайты, платформы обмена сообщениями и различные устройства.

Условно чат-боты можно разделить по следующим параметрам: вид (стандартные и самообучающиеся), функции (целеориентированные и виртуальные собеседники с открытым доменом), канал связи (голосовые, текстово-голосовые чат-боты, текстовые).

Общая архитектура роботизированных диалоговых систем построена по модульному принципу, включает три основных модуля: обработки естественного языка, управления диалогом, генерации ответа, исходящего текста.

Наибольшие трудности вызывает этап обработки естественного языка, именно на нем неверная интерпретация входящего текста дает последующий сбой в диалоге и ошибки в генерации ответа. На данном этапе в словах с явно допущенными опечатками проводится исправление обнаруженных ошибок на основе орфографических словарей, слова приводятся к начальной форме, числа переводятся в буквенное написание, а сокращения приводятся в полном объеме, используются возможности лексического и синтаксического анализа, основываясь на контексте и статистике употребления слова в корпусе, снимается проблема омонимии, определяется тональность текста и др.

В рамках научной работы проведено экспериментальное исследование в целях диагностики ошибок, допускаемых роботизированными диалоговыми системами. Для эксперимента были отобраны наиболее популярные и современные чат-боты: «rBot», «Алиса», «Маруся», «Cleverbot». В качестве участников эксперимента были привлечены специалисты-филологи. На протяжении месяца группа вела переписку с выбранными программами. Общение велось на различные темы с использованием разговорного, делового и художественного стилей речи. По результатам исследования выделен ряд признаков, которые характерны для таких текстов, а также отмечены

признаки, которые отличают диалог с чат-ботом от диалога, протекающего в рамках межличностного общения.

Например, на уровне синтаксиса для сгенерированных текстов характерно построение простых нераспространенных/малораспространенных конструкций и не характерно построение высказываний с прямой / несобственно-прямой речью, парцеллирование конструкций / разбиение высказывания на несколько коротких сообщений, дополнение высказываний, введение уточнения/пояснения содержания отправленного сообщения в следующем сообщении.

На лексическом уровне в ИТ отмечаются случаи использования жаргонизмов, эвфемизмов, обценной лексики, аббревиатур. При этом не отмечены, свойственные естественной речи, окказионализмы, профессионализмы, плеонастические конструкции, сочетания слов с семантической избыточностью, замена прямой номинации на метафорическую и т. д.

На морфологическом уровне отмечено соблюдение норм согласования, управления, образования и использования различных грамматических форм, при этом для сгенерированных текстов не характерны актуализация значения слова при помощи частиц, пропуск предлогов, использование частиц, выражающих степень достоверности сообщаемого и т. д.

На графическом уровне в ИТ в отдельных случаях отмечается использование эмодзи, многоточий, лексем с использованием средств латинского алфавита, небуквенных символов («»), «(», «:Р») и ошибочное написание лексем. Не характерно дублирование букв для имитации особенностей произношения, использование вопросительного и/или восклицательного знаков в виде отдельного сообщения для привлечения внимания собеседника и побуждения его к ответу, использование графодериватов и др.

Таким образом, в результате проведенного эксперимента сделан вывод о потенциальном выявлении признаков на разных уровнях языка, свидетельствующих о генерации текста автоматизированными системами в диалоге. Ряд проблем, таких как изменение смысла высказываний в зависимости от расстановки пунктуационных знаков, свободный порядок слов, что не всегда может быть снято инструментами обработки текста, ведет к коммуникативным неудачам и появлению ошибок на разных уровнях языка.

Анализ научной литературы, специализированных источников и результаты пилотных экспериментов показали, что несмотря на высокий уровень развития технологий генерации искусственных текстов, постоянную модернизацию соответствующих алгоритмов, найти признаки отличия ИТ от текста, написанного человеком, на данном этапе возможно.

Таким образом, при проведении автороведческой экспертизы необходимо оценивать текст на наличие признаков, характерных для сгенерированных текстов, и исключать данные фрагменты из анализа. При наличии призна-

16 | ков, указывающих на искусственную генерацию целого текста, решение идентификационных и диагностических задач не может быть осуществлено.

В заключение отметим, что проведенная работа является начальным этапом исследования актуализированной проблематики. С учетом интенсивного развития технологий искусственного интеллекта в области генерации текстов требуется дальнейшая систематизация признаков и совершенствование подходов к исследованию таких объектов.

Литература

1. Бельская Н. С. К разработке методики лингвистической экспертизы экстремистских материалов, произведенных посредством рерайтинга и автоматической генерации текстов // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2015. № 6. 224 с.
2. Бенгфорт Б., Охеда Т., Билбро Р. Прикладной анализ текстовых данных на Python. Машинное обучение и создание приложений обработки естественного языка. СПб., 2019. 341 с.
3. Иванов А. Д. Роботизированная журналистика и первые алгоритмы на службе редакций международных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 2 (16). 40 с.
4. Исакова А. О. Метод и программное средство определения искусственно созданных текстов: дис. канд. технич. наук: 05.13.17 / Исакова Анастасия Олеговна; ТУСУР. Томск, 2016, 123 с.
5. Кульчицкая Д. Ю., Фролова Т. И. Компьютерные алгоритмы в работе российских информационных агентств (на примере ИА «Интерфакс» и «ТАСС») // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. № 1. С. 3–19.
6. Лебедев П. Роботы на выборах: как алгоритмы помогают журналистам. URL: <https://m.vk.com/@sysblok-roboty-na-vyborah-kak-algoritmy-pomogaut-zhurnalistam>.

*A. V. Gromova
S. N. Loginova
E. S. Kitaeva*

ON THE ISSUE OF IDENTIFY INDICATIONS OF TEXT GENERATION FOR THE FORENSIC AUTHOR IDENTIFICATION

Abstract. Currently available generating texts systems, characteristic features of the use of printed text generation algorithms were determined, in order to give the correct assessment of artificial texts during solving the problems of copyright expertise.

Keywords: author's expertise, artificial text, text generation, chat bot.

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДИГИТАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье приводится анализ особенностей речевого поведения языковой личности сотрудника правоохранительных органов. Речевая стратегия следователя репрезентирует дискретное (дигитальное) восприятие объективной реальности и транслирует крайне субъективное восприятие фактических обстоятельств совершенного преступления.

Ключевые слова: языковая личность, дигитальная личность, дискретное восприятие, речевое поведение, судебный дискурс, следователь, обвинение.

Особенности современной коммуникации и речевое поведение языковой личности составляют круг активно изучаемых проблем лингвистики. Ученые-языковеды, обращаясь к выявлению принципов и правил речевого поведения, анализируют своеобразие стратегий и тактик в речи коммуникантов, применяемых в профессиональной коммуникации. Одним из аспектов изучения особенностей языковой личности является анализ ее речевого поведения в судебном дискурсе. Актуальность работ в этой области на стыке интересов психолингвистики, лингвоюристики и прагматической лингвистики обусловлена их междисциплинарностью и значимостью развития навыков эффективной речевой коммуникации в современном судебном дискурсе.

Дискурсивный анализ обращает нас к пониманию термина «языковая личность» как к промежуточной идее, пронизывающей все аспекты изучения языка и одновременно разрушающей границы между дисциплинами, изучающими человека: «нельзя изучать человека вне его языка» [4: 37].

Под понятием «языковая личность», как правило, следует подразумевать «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые отличаются друг от друга:

- а) степенью структурно-языковой сложности;
- б) глубиной и точностью отражения реальности;
- в) определенной целевой направленностью» [4: 8].

Исследователь В. И. Карасик рассматривает языковую личность как «многомерное образование» сообразно ценностной, образной и понятийной составляющей [3].

Согласно мнению Ричарда Бэндлера и Джона Гриндера [2], представителей нейролингвистического программирования, одного из направлений в психологии и психотерапии, тип языковой личности определяется исходя из особенностей репрезентативной системы:

- визуальная система с опорой на зрительные образы,
- аудиальная система с опорой на слуховые образы,
- кинестетическая система с опорой на ощущения,
- дискретная система, или дигитальная (от англ. «digital» — дискретный) с опорой на символы, прежде всего слова и числа.

Апеллируя к логическому осмыслению сигналов остальных систем, дигитальная личность через внутренний диалог выражает субъективное восприятие фактов и оценку событий реальной действительности.

Особый интерес в рамках данного исследования представляет тип языковой личности, логически осмысливающей сигналы остальных систем, с дискретной (дигитальной) репрезентативной системой. У людей такого типа доминирует восприятие мира путем построения человеком внутреннего диалога, позволяющего активизировать мыслительную деятельность. Речевое поведение дигитальной языковой личности отличают логичность, структурированность, точность словоупотребления. Помимо указанных проявлений речевых особенностей, дигиталам свойственно четкое планирование деятельности, минимальное проявление чувств при общении, слабые эмоции, стремление к содержательным разговорам и неприятие пустых тем для них, высокое самообладание и спокойствие в условиях стресса.

Дигитальное мышление, по определению основателя американской лингвистической школы Грегори Бейтсон, основано на принципах формальной математической логики и по существу действует на метауровне сознания над сенсорными уровнями визуальной, аудиальной и кинестетической репрезентативных систем [1]. Как правило, такой человек имеет хорошее образование в научно-исследовательской, экономической, юридической сферах деятельности.

В рамках данного исследования значимый интерес для изучения особенностей речевого поведения языковой дигитальной личности представляет следователь, в компетенцию которого входит проведение допросов, очных ставок, опознаний, обысков, осмотров, следственных экспериментов и иных процессуальных действий. Качествами, обеспечивающими успешность выполнения профессиональной деятельности следователя, являются: высокий уровень развития восприятия (целенаправленность, осмысленность),

концентрация, устойчивость и избирательность внимания, гибкость мышления, словесно-логическая память, точность и понятность речи, способность быстро и самостоятельно принимать решения, быстрота и грамотность письменной речи и пр.

Согласно п. 56 ст. 5 УПК РФ, стадиями уголовного судопроизводства являются досудебное и судебное производство. На досудебной стадии возбуждают уголовное дело и проводят предварительное расследование. В судебном производстве проводят подготовку к судебному заседанию, производят разбирательство в судах различных инстанций, выносят и исполняют приговор. На каждом из указанных этапов в той или иной мере формируется оценка события преступления различными участниками судебного производства и находят проявление различные способы речевого воздействия на слушателя. Наиболее ярким проявлением выражения оценки может быть названо досудебное производство, когда следователь, получив информацию о совершенном преступлении, на стадии предварительного расследования решает вопрос о возбуждении уголовного дела и последующей передаче материалов дела в судебную инстанцию.

На стадии возбуждения уголовного дела решается вопрос о наличии достаточных оснований для того, чтобы начать производство по уголовному делу. На этой стадии досудебного производства по предоставленным следствию материалам следователем единолично принимается решение об отказе или возбуждении уголовного дела. В зависимости от этого единоличного субъективного мнения сотрудника правоохранительных органов зависит дальнейшая деятельность органов судебной власти.

Вся полученная в результате поисковой и коммуникативной деятельности следователя информация на стадии возбуждения уголовного дела в процессе удостоверительной деятельности реализуется в специальные предусмотренные законом письменные формы: протоколы, постановления и т. д.

На следующем уровне находится реконструктивная сторона деятельности следователя, этап переработки информации и принятия решения. В создании следственных версий и последующей их разработке большую роль играют интуиция и воображение следователя. Однако по мере приближения расследования к обвинительному заключению в процессе доказывания они должны сводиться к нулю.

Труды ученого С. А. Шейфера о следственных действиях отображают сохранение преемственности во взглядах процессуалистов: как должно происходить раскрытие и расследование преступлений следственным путем [11]. Под уголовным делом С. А. Шейфер понимает систему производений следователя с преимущественным использованием производных доказательств, которые вторичны по своему происхождению и сформулированы с позиций оценки следователем обстоятельств дела. В этом

20 | случае речь идет о возникновении опосредованных отношений судебной власти с реальностью: возникает информационная зависимость судьи от следователя [11].

Анализ документального процесса и власти документа над судьей ученого-юриста И. Я. Фойницкого также показывает, что уголовное дело представляет собой информационно-коммуникативную модель особенностей восприятия фактических обстоятельств дела следователем, модель «власть — знание». Информирование судьи происходит посредством модели письменной коммуникации получения-оценки-передачи информации при реализации следователем своих конъюнктурных интересов прежде всего посредством использования оценочных понятий в различных судебных документах на этапе возбуждения уголовного дела и предварительного следствия.

Оценочные суждения являются особым средством отражения правовых отношений, при помощи которых формируются наиболее подходящие предпосылки для воплощения воли законодателя [5; 6]. В статьях УК РФ содержится широкий спектр терминов оценочного характера как при описании составов преступлений, так и при дифференциации уголовной ответственности и наказания. Толкование оценочных понятий предусматривает соблюдение принципа законности, базирующегося на адекватной уголовно-правовой оценке преступлений, выражающейся в точной квалификации преступления и назначении справедливого наказания за него.

Оценочно-понятийной проблематике в судебном дискурсе посвящены исследования В. И. Вильнянского, В. Н. Кудрявцевой, М. И. Бару, Т. В. Кашаниной, В. В. Питецкого и др. В классификации правовых оценочных понятий, основополагающим принципом которой выступает содержание, все оценочные понятия представлены в виде семантических групп:

- 1) качественные,
- 2) количественные,
- 3) смешанные.

Большой интерес для нас представляет классификация правовых оценочных понятий, предложенная исследователем А. Ф. Черданцевым. В ее основу положены эмпирические свойства явлений, реализуемых в оценочном понятии [10]:

- 1) ситуации и состояния;
- 2) действия;
- 3) результаты действий;
- 4) причины действий;
- 5) предметы и вещи.

Наиболее объективной, на наш взгляд, является классификация правовых оценочных понятий А. Ф. Черданцева, согласно которой производится анализ использования языковых средств в судебном дискурсе.

Обратимся к конкретному примеру судебного дискурса: возбуждение уголовного дела.

В федеральном суде ...ского района г. N. рассматривалось уголовное дело, возбужденное в отношении полицейских — сотрудников патрульно-постовой службы – по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ и пп. «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Согласно материалам уголовного дела, полицейских обвиняют в превышении должностных полномочий и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, группой лиц по предварительному сговору в отношении группы молодых людей, задержанных полицейскими в преддверное время по подозрению в потреблении наркотических средств или психотропных веществ.

В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого полицейского Б. в совершении преступления, предусмотренного пп. «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ – совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан и охраняемых законом интересов общества и государства, если они реализованы с применением насилия и специальных средств, старший следователь следственного отдела Следственного комитета по ...скому району г. N. лейтенант юстиции Г. усматривает в соблюдении должностных обязанностей и реализации прав сотрудником полиции, предусмотренными ст. 2, 3, 5, 12, 13, 20, 28 ФЗ «О полиции» от 07.02.2011, нарушение должностного регламента одним из полицейских.

Следователь Г. на этапе предварительного расследования по установлению события преступления и в ходе подготовки материалов уголовного дела для судебного разбирательства выносит субъективную оценочную характеристику действиям полицейского: «в ходе задержания и досмотра гражданина Д. у полицейских ППС возник преступный умысел на превышение должностных полномочий путем применения насилия в отношении гражданина Д». Далее в тексте постановления следователь Г. неоднократно использует оценочную лексику: «явно превысил свои должностные полномочия, применяя специальное средство «Зверобой-10 М», «продолжая реализацию своего преступного умысла, направленного на совершение действий, явно выходящих за пределы его полномочий ... с применением насилия и специальных средств», «после совершения противоправных действий», «своими умышленными действиями...» и т. д. Сообразно классификации правовых оценочных понятий А. Ф. Черданцева, представленные в тексте обвинительного заключения словосочетания отражают результаты действий обвиняемых: превысил полномочия, умышленные действия, противоправные действия, а также указание на причины действий: преступный умысел.

Однако следует обратить внимание на тот факт, что, производя оценку действиям сотрудников полиции, следователь инкриминирует полицейским совершение преступления в исполнении их непосредственных профессиональных обязанностей, изложенных в Законе «О полиции» (Глава 3. Обязанности и права полиции, пп. 2.4 ст. 12. Обязанности). Сотрудники ППС должны незамедлительно прибывать на место совершения преступления или происшествия для пресечения противоправных действий и обеспечения безопасности граждан и общества.

В ходе исследования языкового материала данного Постановления о возбуждении уголовного дела со значением оценки и их юридической составляющей можно с уверенностью сказать, что выражения, применяемые следователем Г., явно свидетельствуют о целенаправленном субъективном воздействии на формирование убеждения и оценки судом действий полицейского как выходящих за пределы его полномочий.

Значительно позже по этому же уголовному делу в качестве обвиняемого был привлечен еще один полицейский Е., водитель служебного автомобиля ППС, ранее проходивший по делу как свидетель, затем подозреваемый и ставший обвиняемым с оценки того же следователя Г. Ранее обвиняемому полицейскому Б. в превышении должностных полномочий согласно пп. «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ и полицейскому Е., проходившему по делу сначала в качестве свидетеля, затем подозреваемого, а теперь обвиняемого в обвинительном заключении по данному уголовному делу следователь Г. вменяет сотрудникам полиции уже две статьи УК РФ: обвинение в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ и пп. «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

В тексте обвинительного заключения содержится субъективное оценочное отношение следователя к действиям полицейских. Более того, следователем усугубляется юридическая квалификация преступления по обвинению сотрудников Б. и Е.

Согласно п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ квалификация деяния предусмотрена за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. В действиях сотрудников полиции следователь Г. уже усматривает предварительный сговор группы лиц.

Обратимся к анализу языкового материала текста обвинительного заключения по обвинению полицейских сотрудников Б. и Е. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ и пп. «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ, чтобы наглядно убедиться, каким образом и какими речевыми способами стала возможна вербальная перекодировка квалификации преступления, которая приобретает диаметрально противоположный юридический смысл.

В тексте обвинительного заключения субъектом действия по выявлению и пресечению правонарушений начинает выступать не каждый полицейский в отдельности, что само собой должно разумеется, а некий обобщенный субъект, «два лица в одном»: «ими (полицейскими) были замечены ранее им незнакомые», «Б. совместно с Е. вышел из автомобиля», «Б. совместно с Е. нанесли удары Д.», «своими совместными умышленными действиями (многократно встречается в тексте) ... причинили Д. физическую боль», «Б. совершил умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, совершенное группой лиц», «у Б. возник совместный с Е. преступный умысел на причинение тяжкого вреда здоровью группой лиц, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений», «Б., продолжая реализовывать единый с Е. преступный умысел, направленный на причинение тяжкого вреда здоровью Д., действуя группой лиц...», «Б. совместно с Е. нанес каждый не менее пяти ударов ногами в туловище Д.» и т. д.

В представленных фрагментах обвинительного заключения языковые формулы (см. авторские выделения) выражают семантическую общность в действиях сотрудников полиции, что приводит не только к преднамеренно неверной оценке действий подозреваемых, но и к логически неверному смысловому умозаключению: «*Б. совместно с Е. нанесли удары Д.*», «*у Б. возник совместный с Е. преступный умысел на причинение тяжкого вреда здоровью группой лиц, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений*». В лингвистических словарях представлено следующее толкование значений выделенных слов. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой словоформа «совместный» – означает «осуществляемый вместе с кем-чем-н., общий» [7, с. 742]. В Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой [8] наречию «совместно» соответствует значение: «вместе, сообща». С этих позиций, изложение фактических обстоятельств дела следователем Г. приобретает определенную, навязываемую оценочную характеристику действиям обвиняемых, поскольку отсутствует подробная конкретизация действий каждого полицейского в отдельности и причины их поведения. Тем более очевидным становится предвзятое отношение следователя Г. к действиям Б. и Е. в выражении «*Б. совместно с Е. нанес каждый*».

Согласно классификации правовых оценочных понятий А. Ф. Черданцева, в обвинительном заключении отражена оценка ситуации и состояния: личные неприязненные отношения, а также указание на действия: нанесли удары и результаты действий: причинили физическую боль.

Как с позиций точности и правильности, так и с позиций здравого смысла невозможно произвести действие совместно, если в одно и тоже время каждому субъекту приписываются индивидуальные конкретные, отличные друг от друга действия.

Следует также обратить внимание на употребление в тексте обвинительного заключения выражений: «возник совместный преступный умысел», «внезапно возникших личных неприязненных отношений». Согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [7, с. 93] слово «возникнуть» имеет 2 значения: 1. Начаться, образоваться, зародиться. 2. Появиться неожиданно, а также (прост. неодобр.) вообще начать как-то действовать, что-н. говорить. В Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой [8] слово «возникнуть» также имеет 2 значения: 1. Появиться, зародиться, получить начало. 2. Предстать перед глазами, показаться. Исходя из приведенных значений, можно с определенностью утверждать, что «совместный преступный умысел», как и «внезапно возникшие личные неприязненные отношения», которые вменяют сотрудникам правоохранительных органов, не могут сиюсекундно возникнуть. В соответствии со ст. 25. УК РФ считается, что преступление совершено умышленно, если у обвиняемого был прямой или косвенный умысел, требующий обоснования следователем при возбуждении уголовного дела. Заявленный в тексте обвинительного заключения совместный преступный умысел, для воплощения которого необходима договоренность лиц в реализации последовательных действий в отношении определенного лица или лиц, также не имеет обоснования.

Нормы права не вносят определенности в данные вопросы, оставляя их решение на усмотрение сотрудникам следственных органов. Совершенно очевидно, что заранее объединиться в организованную группу можно только посредством предварительной договоренности о том, как и кому из участников надлежит действовать для достижения целей готовящегося преступления. В тексте обвинительного заключения не содержится указаний на то, что полицейские имели предварительную договоренность в отношении задерживаемых лиц. До момента задержания сотрудники полиции не знали задерживаемых, поэтому можно прийти к выводу, что ничем не подкрепленные, субъективно оценочные высказывания следователя Г. являются реализацией его права как уполномоченного лица самостоятельно направлять ход расследования и квалифицировать действия обвиняемых (пп. 3, 5 ст. 38 УПК РФ).

Анализ текста обвинительного заключения приводит к многочисленным вопросам: было ли совершено преступление сотрудниками полиции в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группой или это преступление, совершенное каждым из полицейских в отдельности с разной степенью участия? Было ли вообще совершено преступление? Какие основания были у следователя, чтобы в действиях сотрудников полиции, выполняющих свои профессиональные обязанности во время обычного следования по маршруту, увидеть «преступный умысел» в задержании компании молодых людей, «прогуливавшихся» по предутреннему городу?

Что значит «внезапно возникшие личные неприязненные отношения»? Отсутствие обоснования использования оценочных суждений следователем Г. в тексте обвинительного заключения приводит к мысли, что сотрудник Следственного комитета транслирует дигитальную прагматическую установку: преднамеренное влияние на внутреннее убеждение судьи в истинности представленных материалов.

В тексте обвинительного заключения в отношении полицейских сотрудников Б. и Е. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ и пп. «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ, отсутствуют какие бы то ни было обоснования следователя по этому поводу. Отсутствие обоснования квалификации преступления в обвинительном заключении дает основание предположить, что следователем Следственного комитета как должностным лицом совершено не допустимое законом использование субъективно-оценочных высказываний и как дигитальной языковой личностью реализовано проявление личностного начала при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела. В этом случае может идти речь о нарушении следователем Г. как должностным лицом не только «Основных принципов и правил служебного поведения государственных служащих», предусмотренных Кодексом этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации, но и оказывающего непосредственное воздействие на формирование мнения судьи путем использования в тексте обвинительного заключения необоснованных оценочных суждений, свойственных дигитальной языковой личности.

Таким образом, значимую роль при анализе современного судебного дискурса играет изучение особенностей языковой личности следователя, чье речевое поведение репрезентирует дискретное(дигитальное) восприятие объективной реальности. Используя внутренний диалог, дигитальная языковая личность сотрудника Следственного комитета транслирует крайне субъективное восприятие и изложение фактических обстоятельств совершенного преступления.

В настоящее время во избежание осложнения деятельности правоприменителя становится очевидна необходимость выработки определенных критериев и четких требований по использованию оценочных понятий как терминологического, так и субъективно-эмоционального характера. Законодательное закрепление основных оценочных признаков и соблюдение уже установленных требований при применении норм с оценочными понятиями позволит избежать ошибки в определении квалификации преступления на всех стадиях судебного разбирательства. Такая реализация права будет соответствовать интересам общества и приведет к значительному повышению уровня доверия граждан к правоприменительным органам, а также формированию чувства уважения к закону.

Литература

1. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 476 с.
2. Бэндлер Р., Гриндер Д. Паттерны гипнотических техник Милтона Эриксона. Сыктывкар: «Флинта», 2000. 184 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. 264 с.
5. Колмакова В. В., Шалков Д. Ю. Лингвистическая судебная экспертиза как объект лингвоэкологического права // Актуальные проблемы лингвистики и формирования языковой компетенции юристов в современных условиях. Сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции. 2020. С. 78–83.
6. Колмакова В. В., Шалков Д. Ю. Проблема установления границ языкового оскорбления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78). В 4 ч. Ч. 1. С. 111–113.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2010. 874 с.
8. Словарь русского языка. В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. П–Р. 750 с.; Т. 4. С–Я. 797 с. [Электронный ресурс]. URL: [http:// feb-web. ru/feb/mas/mas-abc/default.asp](http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp).
9. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. 607 с.
10. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. Москва : Юрид. лит., 1979. 166 с.
11. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара: «Самарский университет», 2004. 191 с.

V. V. Kolmakova

**SPEECH BEHAVIOR OF A DIGITAL PERSONALITY IN MODERN
JUDICIAL DISCOURSE**

Abstract. The article analyzes the features of speech behavior of the linguistic personality of a law enforcement officer. The speech strategy of the investigator represents a discrete (digital) perception of objective reality and translates an extremely subjective perception of the actual circumstances of the crime committed.

Keywords: language personality, digital personality, speech behavior, judicial discourse, investigator, prosecution.

ЖАНРОВЫЙ АНАЛИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ КАК ОСНОВА ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье представлены результаты рассмотрения одного из актуальных и мало исследованных жанров процессуальных документов, судебного решения с позиции возможности проведения его идентификационного исследования. Основой исследования является составление модели речевого жанра судебного решения, включающей определение структурных особенностей, образов автора и адресата, а также языковых черт текстов этого жанра.

Ключевые слова: автороведческая экспертиза, языковая личность, идентификация автора, процессуальные документы, судебное решение.

Судебное решение – это один из основных жанров процессуальных документов, оформляющий финальную стадию гражданского процесса.

Тексты судебных решений, по сравнению со многими другими жанрами процессуальных документов, пользуются достаточной большой популярностью среди исследователей. Внимание лингвистов привлекают, прежде всего, язык и дискурс судебных решений [3; 5; 6], а также особенности аргументации [2]. Несмотря на активное изучение, анализ судебного решения с позиции языковой личности его автора и возможностей его идентификационного исследования до сих пор оставался за пределами исследовательского интереса. Между тем, тексты этого жанра все чаще становятся объектами автороведческих экспертиз, выступая, чаще всего, в качестве образцов письменной речи судьи. Как и все процессуальные документы, тексты судебных решений вызывают значительные сложности и требует специального подхода в силу жанровой специфики. В настоящей статье мы рассмотрим основные черты жанра судебного решения, которые оказывают влияние на идентификационную экспертизу таких текстов.

На материале текстов протоколов допросов нами была разработана трехкомпонентная модель речевого жанра, которая показала свою эффективность при автороведческом исследовании сложных жанров официально-делового стиля [1]. Она включает 1) структуру жанра; 2) систему, включающую образы автора, адресата и коммуникативную ситуацию их взаимодействия; 3) языковые признаки жанра. Первый компонент позволяет нам отделить те части текста, которые не содержат авторской речи, второй определяет количество и роли языковых личностей, участвующих в создании текста, третий направлен на выделение идентификационных признаков, свойственных конкретному жанру.

Структура судебного решения. В соответствии с требованиями УПК РФ, решение суда имеет четырехчастную структуру: вводная, описательная, мотивировочная и резолютивная части. Для каждой части законом определяется содержание и, нередко, даже конкретные формулировки.

Вводная часть решения суда содержит информацию о деле, по которому выносится решение, составе суда, лицах, участвующих в деле, времени, месте принятия решения, предмете спора и заявленных требованиях. Граница этой части – начало документа, с одной стороны, и слово «Установил», с другой. Вводная часть решения, как правило, имеет небольшой объем, что обусловлено его содержанием. Пример оформления этой части представлен на рисунке 1 (рис. 1).

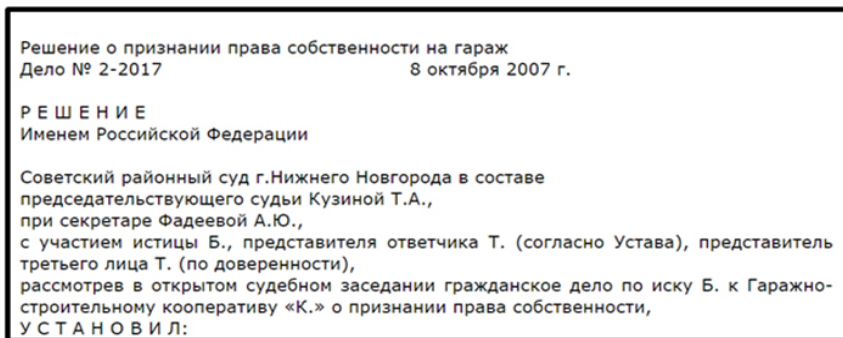

Рис. 1. Пример вводной части решения суда

Вводная часть решения суда носит шаблонный характер, информация о навыках письменной речи автора в этой части может касаться, главным образом, орфографических и пунктуационных навыков, на остальных уровнях языка текст не содержит идентификационных признаков авторской речи.

Описательная часть решения суда содержит сведения о сути спора, характеризует требования истца, возражения ответчика, объяснения других лиц. Кроме того, здесь указываются все изменения, внесенные сторонами, если они имеют место: признание или частичное признание ответчиком

исковых требований, увеличение или уменьшение требований истцом и т. п. Задача этой части – дать всестороннее освещение сути спора. Границами этой части в тексте являются слово «Установил», выполняющее роль заголовка раздела, и фраза, фиксирующая факт ознакомления суда с материалами дела и принятие решения. Например, в уже опоминавшемся решении о признании собственности на гараж границей описательной части является высказывание «Суд, выслушав стороны, представителя третьего лица, проверив материалы дела, приходит к следующему». Эта часть, в отличие от вводной, может составлять больше трети объема всего документа, размер ее зависит от конкретного дела. В решении о признании права собственности на гараж описательная часть имеет сравнительно небольшой объем (рис. 2). В приведенном примере границы части выделены красным подчеркиванием.

УСТАНОВИЛ:
 Истица обратилась в суд с иском к ответчику ГСК «Кузнечиха» о признании права собственности на гараж в ГСК «К.», указав в исковом заявлении, что она является членом ГСК «К.», находящегося по адресу: г.Нижний Новгород, Советский район, ул.***. С 20 ноября 1998 года открыто и добросовестно владеет и пользуется гаражом в ГСК «К.». Пай в ГСК ею выплачен полностью и задолженности по взносам не имеет. В списке членов ГСК «К.» владельцем гаража она, Б. Советским отделением Нижегородского филиала ФГУП «Ростехинвентаризация» ею получен инвентаризационный план гаража ГСК «К.» по ул.*** и выписка из инвентарного дела ГСК «К.». На основании вышеизложенного и руководствуясь п.4 ст.218 ГК РФ истица просит признать за ней право собственности на гараж в ГСК «К.» и обязать ГУФРС зарегистрировать право собственности на указанный гараж с выдачей свидетельства
 В судебном заседании истица Б. исковые требования поддержала, суду пояснила, что она просит признать за ней право собственности на гараж как на вновь возведенный объект строительства, полностью построенный, при этом ей известно, что в настоящее время нет разрешения на ввод в эксплуатацию комплекса гаражей ГСК «К.», по вопросу регистрации права на гараж во внесудебном порядке она с заявлением никуда не обращалась и в этом ей не отказывали, на указанных требованиях она не настаивает.
 Предстатель ответчика председатель ГСК «К.» Т. (по Уставу) исковые требования в части признания права собственности на гараж за истицей как объект незавершенного строительства признал, пояснив по существу, что истица выполнила все обязательства, принятые перед ГСК «К.», данные гаражи в настоящее время считаются объектами незавершенного строительства, право собственности регистрируется на указанные гаражи на основании решений суда.
 Представитель третьего лица Администрации города Нижнего Новгорода Т. (по доверенности) исковые требования не признала, суду пояснила, что истцом по делу не представлено доказательств того, что гараж находится в комплексе гаражей ГСК «К.» и на отведенном под данный комплекс земельном участке – соответствующей исполнительной съемки, изготавливаемой Администрацией г.Нижнего Новгорода, в деле в настоящее время не имеется.
Суд, выслушав стороны, представителя третьего лица, проверив материалы дела, приходит к следующему.

Рис. 2. Пример описательной части решения суда

Данная часть основывается на материалах дела и содержит выдержки из них, часто судья дословно переписывает фрагменты искового заявления, возражений на иск и других процессуальных документов, включая в текст решения чужую речь. Поэтому анализ описательной части с позиции идентификационной экспертизы, несмотря на сравнительно большой объем текста, затруднен.

Мотивировочная часть поясняет адресату причину принятия судом определенного решения, она содержит аргументы, ссылки на статьи закона и т. п. С точки зрения содержания, эта часть включает два типа оснований принятия решения: фактические и юридические. Фактические основания – это те установленные судом факты данного дела, на которых он основывает свое решение, юридические основания включают перечисление тех нормативно-правовых актов, которые суд считает возможным и необходимым применить к рассматриваемой ситуации. Как и описательная часть, мотивировочная может включать пересказ или, чаще, цитирование чужой речи. Например, в решении суда о признании утратившим право пользования квартирой цитируются показания истца от первого лица: *«Из объяснений истца следует, что ответчики добровольно выехали из спорной квартиры. С этого времени ответчики в спорную квартиру не возвращались, сведений о своем местонахождении мне не сообщали. Вещей ответчиков в спорном жилом помещении нет, они не принимают участия в содержании жилого помещения и в текущих ремонтах. Я вынужден выполнять за них обязанности по содержанию квартиры»*. Как видно из цитаты, суд представляет свои выводы из объяснений, а затем подтверждает их цитированием слов истца. В другом решении прямая речь не используется, аргументация передается косвенной речью: *«Из объяснений сторон следует, что ответчик не проживает в спорном жилом помещении и никогда там не проживала, что подтверждается актом от г. /л.д. 24/. Ответчик проживала в другом жилом помещении, расположенном на пр. в Санкт-Петербурге, также принадлежащем на праве собственности истцам, что ею не оспаривается: После расторжения брака ответчица добровольно выехала из указанного жилого помещения по Большому проспекту»*.

С позиции эксперта-автороведа, наибольшую ценность для исследования представляют фактические основания, так как они содержат авторскую речь, аргументирующую принятие решения. Однако и при анализе фактических оснований, изложенных в мотивировочной части, необходимо учитывать приведенные выше варианты цитирования. Ссылки на юридические документы, как правило, имеют клишированный характер и не несут информации об авторских навыках письменной речи, за исключением орфографических и пунктуационных признаков, а также особенностей употребления союзов и вводных слов. Объем мотивировочной части может быть таким же или меньше, чем объем описательной части.

Резолютивная часть представляет собой окончательное решение суда об удовлетворении иска или об отказе в его удовлетворении. Точное содержание этой части различается в зависимости от особенностей дела, однако ключевыми ее компонентами являются: 1) фиксация решения (удовлетворить, отказать в удовлетворении, признать и т. п.); 2) фиксация правовых послед-

ствий принятого решения (выплата компенсации, выплата штрафа и т. п.); 3) упоминание о возможности, сроках и месте обжалования решения. Например, в одном из образцов решений о снятии с регистрации резолютивная часть имеет вид, указанный на рис. 3.

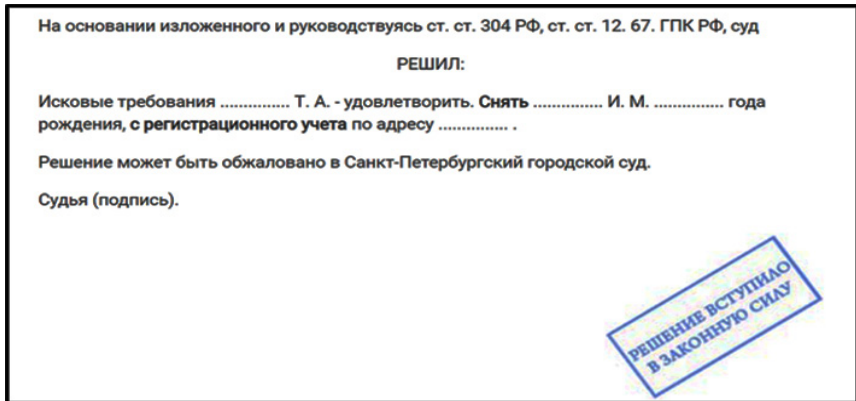

Рис. 3. *Пример резолютивной части решения суда*

Как видно из примера, первый компонент реализуется формулой «исковые требования удовлетворить», второй – инфинитивным сочетанием «снять с регистрационного учета», а последний – фразой «решение может быть обжаловано». С позиции идентификационного исследования интерес может представлять орфографический и пунктуационный уровни, а также предпочтение тех или иных клишированных конструкций из ряда синонимичных.

В целом, анализ структуры судебного решения позволяет сделать следующие важные для дальнейшего идентификационного исследования выводы.

1. Наиболее информативной с точки зрения автороведческой экспертизы является мотивировочная часть, она содержит большее количество авторской речи, аргументацию составителя документа и другие возможности для его авторского выражения.

2. В отличие от протокола допроса, в решении суда значительную роль будут играть орфографический и пунктуационный уровни. И хотя в целом значимость их заметно меньше, чем в текстах публицистического, художественного и разговорного стилей, возможности для проявления авторских признаков на этих уровнях в тексте судебного решения присутствуют.

3. Текст судебного решения, помимо речи самого автора, содержит цитаты и пересказ чужой речи, при этом кавычки не всегда присутствуют, что затрудняет выделение соответствующих фрагментов.

Автор и адресат судебного решения. Составителем судебного решения, как указано в ст. 197 ГПК РФ, является председательствующий или один из судей, однако назвать его единоличным автором нельзя. Судебное решение

32 | содержит цитаты из объяснений, исков, возражений и отзывов на иски и других документов, соответственно, помимо речи составившего решение судьи, включает речь истца, ответчика, адвоката и других участников процесса. Как показала практика, чужая речь в судебном решении не всегда выделяется кавычками, поэтому ее вычленение может быть проблематично. Если говорить о составителе документа, то его статус не равен статусу адресата. Составитель судебного решения – лицо, облаченное властью и являющееся воплощением этой власти, он статусно выше адресата, и это влияет на его речь, придавая ей директивный характер.

Образ адресата также неоднороден. Прежде всего, адресатами судебного решения являются заинтересованные стороны: истец и ответчик. Ориентация на них диктует необходимость ясности и простоты изложения, так как это люди, чаще всего, не обладающие достаточной юридической компетенцией и не владеющие юридическим дискурсом. Другой тип адресатов – юристы: адвокаты, прокурор, другие суды, где решение может быть обжаловано. Их присутствие определяет такие языковые черты, как наличие специальной лексики, лексических и синтаксических клише, а также однозначность толкования текста и его непротиворечивость.

Языковые черты судебного решения. Язык судебного решения во многом определяется принадлежностью к юрисдикционной разновидности официально-делового стиля и отмеченными выше особенностями структуры и ситуации взаимодействия автора и адресата. В целом можно отметить такие дискурсивные черты судебных решений, как точность и однозначность толкования используемых понятий и аргументированность речи. Поскольку судебное решение определяет юридические последствия для лица, одним из ключевых требований к документу является однозначность понимания текста решения. Требование аргументированности определяется, прежде всего, той ролью, которую играет судебное решение, а также, наличием специально нацеленной на аргументацию мотивировочной части. Рассмотрим подробнее основные языковые особенности лексико-семантического, синтаксического и стилистического уровней.

Лексические и семантические черты судебных решений. На этом уровне, прежде всего, отмечается характерное для процессуальных документов в целом 1) использование слов в прямом значении. Это связано уже с отмеченным выше требованием однозначности и непротиворечивости содержания документа. Помимо этого, на лексическом уровне можно отметить 2) предпочтение существительных по сравнению с глаголами, в том числе, частое использование отглагольных существительных. Например, в одном из решений по делу о признании права собственности на гараж можно отметить следующие фразы: *«Предстатель ответчика председатель ГСК «К.» Т. (по Уставу) исковые требования в части признания права собственности на*

гараж за истицей как объект незавершенного строительства признал»; «истица Б. заключила договор с ГСК «К.» о долевом участии в строительстве гаражного комплекса».

Среди глаголов преобладают 3) глаголы в пассивном залоге, например «истцом по делу не представлено доказательств»; «соответствующей исполнительной съёмки, изготавливаемой Администрацией г. Нижнего Новгорода, в деле в настоящее время не имеется». Также можно отметить частое использование таких глагольных форм, как 4) причастие («суд, рассмотрев в открытом судебном заседании дело по иску...»), в том числе 5) краткое страдательное причастие («Пай в ГСК ею выплачен полностью»; «ею получен инвентаризационный план гаража»; «Истцом исполнены обязательства по договору...»).

Употребление в тексте решения 6) деепричастий также характерно для жанра судебного решения. Так, в одном из решений о признании права собственности на гараж можно обнаружить следующие примеры использования деепричастий: «Советский районный суд, рассмотрев в открытом заседании...»; «Истица обратилась в суд с иском к ответчику ГСК «Кузнечиха» о признании права собственности на гараж в ГСК «К.», указав в исковом заявлении, что она является членом ГСК «К.»»; «Предстатель ответчика председатель исковые требования за истицей признал, пояснив по существу...» и т. п. В другом аналогичном решении встречаем использование нескольких деепричастий в одном предложении: «Заслушав стороны, изучив представленные материалы дела, обозрев материалы другого гражданского дела (Устав, выписки, свидетельства, протокол заседания правления), суд полагает исковые требования В. Н. подлежат удовлетворению».

Использование служебных слов в текстах судебных решений также имеет свои особенности. Для текстов этого жанра характерно 7) использование производных предлогов «в соответствии с», «в связи с» («в соответствии с которым истец инвестирует свою долю в строительстве»; «в связи с чем»), а также 8) употребление специфических сочинительных союзов «равно как», «а равно» и т. п.

Если говорить о семантической составляющей, необходимо указать такие черты, как 9) использование клишированных фраз для передачи значений предупреждения («по истечение срока», «в случае неисполнения»), причинно-следственной связи («в соответствии с решением суда»), аргументации («на основании...», «в порядке исключения...») [4].

Таким образом, подводя итог анализу лексико-семантических характеристик, можно отметить преобладание существительных над глаголами, использование глаголов и причастий в страдательном залоге, активное использование деепричастий; что касается служебных частей речи, здесь присутствуют специфические предлоги и союзы, не свойственные другим

жанрам и стилям. Семантическое наполнение судебного решения отражает его установку на однозначность и точность передачи информации, что приводит к использованию слов в прямом значении и определенных клише, свойственных только этому жанру.

Синтаксические черты судебных решений. На уровне простого предложения можно отметить следующие черты:

1) использование преимущественно осложненных простых предложений с однородными членами («В соответствии со ст. 3 п.2 Федерального закона « Об архитектурной деятельности в РФ» строительство любого объекта должно вестись при наличии разрешения собственника земельного участка с соблюдением градостроительных, строительных норм и правил»), обособленными определениями («гараж, общей площадью 19,2 кв. м, расположенный в ГСК в Железнодорожном районе г. Самары»), уточнениями («Постановлением Главы города Самары от 1995 года ГСК предоставлен в аренду земельный участок и разрешено проектирование многоэтажной гаража – стоянки площадью 0,3560 га сроком на два года»);

2) отсутствие неполных предложений и эллипсиса, что связано с требованием точности и аргументированности речи [4].

Для сложных предложений можно отметить 3) преобладание сложных предложений над простыми. Как правило, это сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным («Из материалов дела следует, что ответчик на спорную жилую площадь не вселялся, место его фактического проживания неизвестно»).

Помимо типов предложений, отдельного внимания заслуживает порядок слов. Авторы научно-методических рекомендаций [4] указывают на необходимость использования 4) прямого порядка в грамматической основе, 5) постпозиции несогласованного определения («право на пользование жилым помещением») и 6) препозиции согласованного («принятое решение»). Анализ судебных решений по разным делам показал, что, в целом, эти рекомендации отражают реальные жанровые черты.

Как видно из анализа синтаксических черт, для судебного решения характерны, прежде всего, сложные или осложненные предложения, позволяющие максимально полно и точно раскрыть мысль.

Стилистические черты судебного решения. Как и для всех официально-деловых текстов, для жанра судебного решения характерно 1) использование терминологии и специальной лексики. Например, «истец», «ответчик», «ходатайство», «исковые требования» и т. п.

В текстах судебных решений часто используются 2) канцеляризмы («удовлетворение иска», «возражений не поступало», «согласно которому»).

В текстах этого жанра могут использоваться некоторые 3) устаревшие слова и выражения, например «чинить препятствие», «дабы», «таковой», «сей».

В целом тексты судебных решений характеризуются 4) отсутствием экспрессивности и эмоциональности повествования, использованием исключительно неэмоциональной лексики.

Судебное решение как жанр официально-делового стиля имеет свои особенности, накладывающие отпечаток на возможности его автороведческого анализа. И первым шагом на пути к полному и корректному автороведческому исследованию является жанровая характеристика текста. Так, описание структуры судебного решения позволяет сделать вывод, что не все части документа имеют одинаковую значимость для автороведа: вводная и резолютивная части практически не отражает признаки письменной речи автора, а описательная и мотивировочная, помимо речи составившего документ судьи, могут содержать речь истца, ответчика и других участников процесса. Анализ образов автора и адресата показывает их неоднородность – наличие речи нескольких языковых личностей в тексте и ориентацию как на интрапрофессиональное, так и на интерпрофессиональное общение. Это, в свою очередь, определяет некоторые языковые черты. Исследование языка судебных решений позволяет нам выделить черты этого жанра на разных уровнях языка и спрогнозировать возможный диапазон идентификационных признаков. Так, из числа идентификационных для языковой личности судьи можно исключить слова и выражения разговорной речи, многозначные слова и некоторые типы производных предлогов. Кроме того, анализ жара позволяет заключить, что в судебных решениях большую роль будут играть идентификационные признаки орфографического и пунктуационного уровней, что отличает этот жанр от протоколов.

Разработку системы идентификационных признаков, присущих текстам жанра судебного решения, необходимо проводить с применением технологий корпусной и компьютерной лингвистики.

Литература

1. Абрамкина Е. Е. Автороведческая экспертиза документных текстов: моделирование жанра как основа выделения идентификационных признаков // Политическая лингвистика, № 2 (80). 2020. С. 151–158.
2. Атабекова А. А., Василенко Л. Ю. Аргументация в тексте судебного решения: лингвокогнитивный анализ // Вестник Челябинского государственного университета, 2011. № 25 (240). Филология. Искусствоведение. Вып. 58. С. 19–21.
3. Лейкина М. М. Структура текстов судебных решений: Дис... канд. филол. наук. Орел, 2003. 189 с.
4. Мильков А. В., Параскевова С. А., Айрапетова Э. Г., Ковалева Ю. В. Язык и стиль изложения судебных актов. Научно-методические рекомендации. Ессентуки, 2009. 55 с.

5. Чаплыгина Т. С. Языковое своеобразие дискурса судебных решений (на примере решений европейского суда по правам человека) // Проблемы формирования единого научного пространства. Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 4-х частях. Уфа, 2017. С. 75–78.

6. Шалова Е. Н. Анализ глобальной структуры дискурса судебных решений (на примере решений федерального конституционного суда ФРГ) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 13 (842). М., 2020. С. 170–182.

E. E. Abramkina

JUDJMENT'S GENRE ANALYSIS AS A BASIS FOR IDENTIFICATION RESEARCH

Abstract. The article presents the results of considering from the standpoint of the possibility of carrying out its identification research one of the relevant and little-studied genres of procedural documents a judgment. The research is based on drawing up a model of the speech genre of a judgment, including the definition of structural features, images of the author and addressee, as well as the linguistic features of the texts of this genre.

Keywords: authorship research, linguistic personality, author identification, procedural documents, judgment.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ АТРИБУЦИИ ТЕКСТА¹

Аннотация. Настоящее исследование посвящено разработке проблем текстовой атрибуции на основе постулатов модельной лингвистики. В работе речь пойдет о решении идентификационной задачи закрытого класса при попарном сравнении письменных текстов.

Ключевые слова: атрибуция письменного текста, автороведческая экспертиза, моделирование языковой личности, моделирование идиостиля автора.

Автор любого текста есть языковая личность. Феномен языковой личности изучается исследователями с точки зрения разных подходов: когнитивной лингвистики [20; 21; 35], лингводидактики [41], психолингвистики [5; 39], лингвокультурологии [10; 11], социолингвистики и антропологии [9; 62], судебной лингвистики [15; 19; 49; 55]. Все эти подходы принимают постулат о том, что материальной репрезентацией языковой личности является идиостиль пишущего. Феномены языковой личности и идиостиля очень сложны и многоаспектны, поэтому эти сущности приходится моделировать. Обычно при их моделировании используются модели речевой деятельности, а именно модели анализа [2: 99–107]. Сама же атрибуция есть не что иное, как модель лингвистического исследования, «имитирующая те исследовательские процедуры, которые ведут лингвиста к обнаружению того или иного языкового явления» [2: 99].

Атрибуционная лингвистика со времен Л. Кэмпбелла [48] и В. Люто-славского [54] на западе и Н. А. Морозова [28] в России всегда шла двумя параллельными путями: путем стилеметрии и путем квалификативного анализа текста. Квантитативные методы сейчас получают наибольшее распространение [45; 50–53; 56–61] в то время, как квалификативные в основном используются в судебном автороведении [1; 22; 36; 38] как дань традиции [12–14] и в связи с законодательством [31; 42]. Многие из квантитативных подходов продуктивны, тем не менее они рассматривают индивидуальный стиль как череду языковых вероятностей, а не как продукт формирования

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта «Аспиранты» (№ 19-312-90022).

речевой способности индивида, что, на наш взгляд, является важной методологической проблемой. С помощью только количественных подходов, основанных на сборе данных о неких традиционных стилеметрических параметрах, пусть даже и в большом их количестве [46], невозможно создать полную, адекватно отражающую оригинал модель идиостиля автора текста, являющуюся экспликацией языковой личности. Полная, адекватно отражающая оригинал модель языковой личности может быть создана только с помощью обширного квалификативного анализа индивидуального стиля автора экспертным путем, основным недостатком которого, в свою очередь, является немалая доля субъективизма и прямая связь с уровнем компетенции исследователя. Так, для создания, с одной стороны, полной и адекватной, а с другой – объективной модели языковой личности на современном этапе развития атрибуционной лингвистики, на наш взгляд, необходима интеграция квалификативного и количественного анализов в одной модели исследования.

В работе предлагается именно интегративная модель, реализуемая по следующему алгоритму: 1) автоматическое извлечение из текста параметров, описывающих идиостиль с точки зрения прагматикона, тезауруса и лексикона автора (имитация экспертной работы в автоматическом режиме); 2) поиск традиционных стилеметрических данных; 3) присвоение веса каждому параметру; 4) построение математических моделей сравниваемых текстов; 5) сравнение математических моделей; 6) экспертный анализ статистических данных. Так, в работе речь идет о концепции интегративной модели, которая соединяет два подхода, объективируя интерпретацию статистикой с последующим анализом статистических данных при автоматической имитации экспертной работы.

Гипотеза исследования заключается в том, что с помощью фиксированного свода формализованных правил можно создать интегративную атрибуционную модель, являющуюся объективной, всесторонне имитирующей оригинал и достаточно полной для успешного решения идентификационной задачи атрибуционной лингвистики на текстах разного объема и жанровой отнесенности в полуавтоматическом режиме.

По результатам разработки проблемы лингвистического моделирования, на основе теоретических выкладок [2–4; 7; 17; 33; 47; 26; 27; 29; 44] и пр. создана классификация модельных свойств для оценки эффективности модели с теоретической точки зрения (Таблица 1).

Таблица 1. Критерии для оценки лингвистической модели

Критерии для оценки свойств моделей			
№	Критерий (наименование)	Описание (объяснение)	Шкала оценки
1.	Полнота модели	способность отражать всю необходимую информацию	низкий / средний / высокий уровень

2.	Простота модели	использования относительно небольшого количества средств (сигнатуры, правил) для достижения поставленной научной цели	низкий / средний / высокий уровень
3.	Точность модели	возможность выполнения операций представляемым моделью формальным аппаратом	наличие / отсутствие
4.	Экономичность модели	экономичное использование энергетических и временных ресурсов при применении модели	низкий / средний / высокий уровень
5.	Адекватность модели	свойство максимальной схожести с объектом-оригиналом	низкий / средний / высокий уровень
6.	Единство в своей раздельности	модель всегда предполагает разбиение на части внутри целого (модельный кортеж всегда состоит из подмножеств)	возможность / отсутствие возможности разбиение на подмножества
7.	Цельность модели	модельный кортеж представляет собой неделимое множество	наличие / отсутствие целостности (обуславливается наличием / отсутствием связи между подмножествами элементов кортежа, создающей неделимую в своем единстве структуру)
8.	Структурность модели	перенесения структуры субстрата моделируемого объекта на другой субстрат	а) наличие / отсутствие; б) удачный / неудачный выбор «принимающего» субстрата; в) удачная / неудачная организация структуры модели
9.	Экспланаторность	«объяснительная мощность» модели; способность модели давать информацию о причинах наблюдаемых фактов и предсказывать новые	наличие / отсутствие
10.	Эвристичность модели (как частный случай экспланаторности)	способность модели к поиску новых знаний об объекте	низкий / средний / высокий уровень
11.	Коммуникативность модели (с точки зрения языка)	в основе любой лингвистической модели лежит не набор отвлеченных статистических закономерностей, формул, функций и цифр, а язык как инструмент общения	наличие / отсутствие

12.	Дедуктивность модели	наличие/отсутствие эмпирического изучения языковых фактов как основы моделирования; моделирование «снизу»: использования средств и методов классического языкознания для обследования языковых фактов	а) наличие / отсутствие; б) низкий / средний / высокий уровень оперирования собственно языковыми, лингвистическими методами анализа как основой для моделирования
13.	Интерпретируемость модели	интерпретация модели – возможность подстановки объектов некоторой предметной области вместо объектов (символов) модели	а) наличие / отсутствие; б) простота / сложность подстановки
14.	Математичность, точность, однозначность модели	коррелирует с уровнем формализации математической модели	а) полный, целостный / неполный аппарат формализации модели; б) удачная / неудачная работа этого аппарата как основа для машинной реализации модели
15.	Уровень формализации модели	представляет собой структуру, описанную условной сигнатурой языка, либо структуру, описанную с помощью математического, числового, формального аппарата	дескриптивный уровень / математический уровень
16.	Уровень технического отражения объекта моделирования	удачный / неудачный способ формализации модели, выбор сигнатуры; удачная / неудачная машинная реализация (при наличии)	низкий / средний / высокий уровень
17.	Уровень реально-жизненного отражения объекта моделирования	насколько объемно и полно структура модели передает объект-оригинал	низкий / средний / высокий уровень
18.	Уровень субъективизма в модели	наличие / отсутствие личностных оценок и суждений исследователя в структуре модели	низкий / средний / высокий уровень

19.	Уровень существенности модельных признаков (уровень абстракции (идеализации) модели)	удачное / неудачное нивелирование, элиминация в модели языковых фактов, не имеющих значения для конкретной задачи	низкий / средний / высокий уровень
20.	Уровень действенности	оценка работоспособности модели в условиях решения поставленной задачи	низкий / средний / высокий уровень
21.	Уровень функциональной и практической направленности модели	соответствие модели ее целевому использованию. Цель создания модели может быть: собственно лингвистическая, практическая, математическая и пр.	а) соответствует / не соответствует целевому использованию; б) низкий / средний / высокий уровень соответствия
22.	«Гипотезная мощность»	имеется ли в основе модели какая-либо гипотеза	наличие / отсутствие
23.	Эстетические свойства модели (опционально)	гармоничность организации структуры модели	наличие / отсутствие

Эта таблица применяется при оценке работоспособности созданной атрибуционной модели с теоретической точки зрения.

В предлагаемой модели идентификационные параметры выделяются на всех трех уровнях языковой личности при ее понимании в концепции Ю. Н. Караулова: вербально-семантическом; лингвокогнитивном; мотивационном [21: 53]. Языковая личность понимается как результат ее формирования в определенной социальной среде: автобиографический, социолингвистический и юрислингвистический подходы [9; 12; 13; 49; 62].

Для извлечения лингвистической информации компьютерным способом (имитация работы эксперта в автоматическом режиме) все формальные правила, основанные на принципах семантического синтаксиса [30], грамматики конструкций [24], грамматики русского языка [37] при использовании структурных схем, были запрограммированы и интегрированы в электронный ресурс «ХоРом»: <http://khorom-attribution.ru/#/2>.

Модуль пользователя ресурса имеет следующие функции: на вход подаются два текста А и В; предварительно пользователь имеет возможность выбрать жанр текста (рис. 1). Наличие этой опции мотивировано варьированием правил поиска лингвистических структур в разных дискурсах.

² Ресурс «ХоРом» разработан командой исследователей под руководством Хоменко А. Ю. Главный инженер проекта: Баранова Ю. Н.

Рис. 1. Пользовательский функционал ресурса «ХоРом»: выбор жанра текста

Пользователь может строить модель не только на основе предустановленных параметров, но и имеет возможность выбирать те, которые считает наиболее релевантными для определенной пары текстов (рис. 2). Этот функционал отличает разработанное программное обеспечение от других, например, основанных на машинном обучении [59; 60], где все параметры предустановлены не пользователем, а разработчиком. Это же делает настоящий алгоритм не полностью автоматическим, а конечное решение модель оставляет за пользователем.

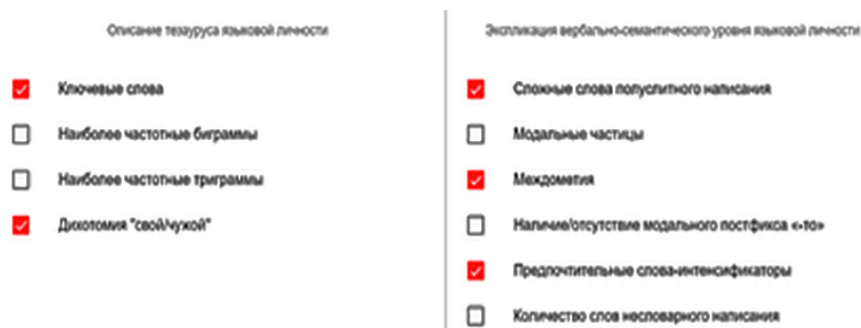

Рис. 2. Пользовательский функционал ресурса «ХоРом»: выбор параметров анализа

Пользователь не только может посмотреть, где в тексте расположены все включенные в подсчет частот реализации параметров, но также может исключить те, которые он считает шумом, а затем пересчитать данные для конечных моделей (рис. 3).

№	Атрибут	Тест 1	Тест 2	Проверка										
24	Глагольные единственные предложения	0	1	👁										
25	Обращения	0	0	🔍										
26	Местоимения "я, мы"/группы	5	2	👁										
27	Местоимения "ты, вы"/группы	5	4	👁										
28	Словные связи: Местоимения "я, мы"/группы			✕										
29	Мод	Тест 1	Тест 2											
30	!	<table border="1"> <thead> <tr> <th>Правило</th> <th>Исполнено</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>В предложении есть местоимения: Подчеркни я и мы и выдели их. Как выделите выделит, как не выделит не выделит.</td> <td>☐</td> </tr> <tr> <td>В предложении есть обращения: Подчеркни ты и вы и выдели их. Как выделите выделит, как не выделит не выделит.</td> <td>☒</td> </tr> <tr> <td>Есть местоимения-группы: Подчеркни я и мы и выдели их. Как выделите выделит, как не выделит не выделит.</td> <td>☐</td> </tr> <tr> <td>Есть местоимения-группы: Подчеркни ты и вы и выдели их. Как выделите выделит, как не выделит не выделит.</td> <td>☐</td> </tr> </tbody> </table>			Правило	Исполнено	В предложении есть местоимения: Подчеркни я и мы и выдели их. Как выделите выделит, как не выделит не выделит.	☐	В предложении есть обращения: Подчеркни ты и вы и выдели их. Как выделите выделит, как не выделит не выделит.	☒	Есть местоимения-группы: Подчеркни я и мы и выдели их. Как выделите выделит, как не выделит не выделит.	☐	Есть местоимения-группы: Подчеркни ты и вы и выдели их. Как выделите выделит, как не выделит не выделит.	☐
Правило	Исполнено													
В предложении есть местоимения: Подчеркни я и мы и выдели их. Как выделите выделит, как не выделит не выделит.	☐													
В предложении есть обращения: Подчеркни ты и вы и выдели их. Как выделите выделит, как не выделит не выделит.	☒													
Есть местоимения-группы: Подчеркни я и мы и выдели их. Как выделите выделит, как не выделит не выделит.	☐													
Есть местоимения-группы: Подчеркни ты и вы и выдели их. Как выделите выделит, как не выделит не выделит.	☐													
31	Наличие/отсутствие			☐										

Рис. 3. Пользовательский функционал ресурса «ХоРом»: ручная отладка работы модели

В результате эмпирического исследования валидности идентификационных параметров на вербально-семантическом уровне были запрограммированы для поиска такие стилостатистические параметры, как частеречная отнесенность слов (количество знаменательных частей речи, соотношение разных частей речи – индекс удобочитаемости, коэффициент предметности и пр. [16], индекс туманности Ганнинга, индекс Флеша-Кинкейда с коэффициентом для русского языка [63: 679]), средние длины слов; а также такие параметры идиолекта [25], как наличие/отсутствие сложных слов полуслитного написания, модальные частицы, междометия, наличие/отсутствие модального постфикса «-то», предпочтительные слова-интенсификаторы. Всего было использовано 10 стандартных алгоритмов и 32 уникальных, созданных непосредственно для целей исследования формализованных правила для извлечения лингвистических структур. Формализованный поиск единиц этого уровня осуществляется в соответствии с морфологической природой этих единиц, материально эксплицированной посредством присвоения им морфологических тегов. Например, поиск элементов с модальным постфиксом «-то» осуществляется в соответствии со следующим алгоритмом:

1) + Prnt-to

2) – SPRO, nom / gen / dat / acc/ ins / loc / voc / gen2 / acc2 / loc2, sin / pl

3) – APRO, nom / gen / dat / acc/ ins / loc / voc / gen2 / acc2 / loc2, sin / pl

где Prnt – любая часть речи; «+» в начале схемы – наличие элемента в предложении; «-» в начале схемы – отсутствие элемента в предложении; «/>» – обозначение «или»; SPRO – местоимение-существительное; APRO – местоимение-существительное; nom – именительный падеж; gen/gen2 – родительный и родительный второй соответственно; dat – дательный падеж;

acc / acc2 – винительный и винительный второй соответственно; ins – творительный падеж; loc / loc2 – предложный и предложный второй соответственно; voc – звательная форма; sg / pl – единственное и множественное число соответственно³.

Схему можно прочесть следующим образом: осуществляется поиск любой части речи, имеющей модальный постфикс «-то», кроме местоимений, обладающих семантикой и синтаксической функцией существительных, и местоимений, обладающих семантикой и синтаксической функцией прилагательных, в любом падеже множественного или единственного числа.

При поиске слов-интенсификаторов использовалось понимание этого термина в парадигме определения степени семантической категории интенсивности [34]. Чаще всего говорят о наречиях-интенсификаторах, но несмотря на высокую частоту употребления этой части речи для реализации категории интенсивности, она не исчерпывается исключительно наречиями. Всего для поиска экспликаторов этой категории написано 16 специфических правил, а также создан список из 93 интенсификаторов.

Вербально-семантический уровень (уровень идиолекта в соответствии с концепцией [8; 23; 43]) легко формализуем, поскольку сам по себе имеет «более формальные» языковые характеристики, которые априори считаются стабильными [25].

Для репрезентации фрагмента тезаурусного уровня выбраны такие параметры, как ключевые лексемы, наиболее частотные словные триграммы и биграммы, экспликатory аксиологических текстовых доминант дихотомии «свой / чужой».

Ключевые лексемы определяются с помощью алгоритма логарифмического правдоподобия при сравнении интересующего текста с референтным корпусом большого объема (использовался корпус «OpenCorpora», URL: <http://opencorpora.org>, дата обращения: 08.02.2020, объемом на дату обращения 1540034 слова). В результате для каждого текста получаем список ключевых слов с числовой экспликацией значения меры логарифмического правдоподобия (LL). В конечный список включаются лишь слова со значением LL более 50 (экспериментально полученный коэффициент). Поиск словных биграмм и триграмм основан на абсолютной частотности встречаемости слов рядом друг с другом и осуществляется с помощью встроенной функций Python 3.6. При подсчете реализаций этого параметра учитывается отсутствие слова в списке стоп-слов, кириллическое написание и длина слова более 2 символов. При анализе ключевых лексем и наиболее частотных сочетаний слов из полученных списков удаляются сочетания с именами собственными,

³ Здесь и далее используется номенклатура, соответствующая частеречному и морфологическому тегированию в Национальном корпусе русского языка: <https://ruscorpora.ru/new/corpora-morph.html>.

поскольку данные лексемы маркируют не собственно особенности авторских идиостилей, а тематическую отнесенность текстов. Под экспликаторами аксиологических текстовых доминант групп «свой / чужой» в настоящем исследовании понимается дисперсия местоимений «я / мы-группы», «ты / они-группы», то есть ведется подсчет местоимений всех разрядов в прямых и косвенных падежах по соответствующим группам [40].

Тезаурусный уровень наиболее труден для формализации. Можно автоматически создать материальную экспликацию авторского тезауруса [6], тем не менее определить, как лексемы в тезаурусе «выстраиваются в упорядоченную, достаточно строгую иерархическую систему, в какой-то степени (непрямой) отражающую структуру мира» [21: 52], крайне сложно. Этот уровень репрезентирован наименьшим количеством параметров (всего 3 стандартных алгоритма и одно аутентичное правило для извлечения лингвистической информации) именно в силу стремления не просто формализовать некоторые компоненты языковой личности с целью ее компьютерной репрезентации, но и сделать конечную модель интерпретируемой.

Прагматикон языковой личности формализован посредством следующего набора параметров: вводные слова и конструкции, эксплицирующие субъективную модальность; целевые, выделительные обороты, конструкции с сопоставительными союзами, репрезентирующие уровень освоения автором компетенций письменной речи и его коммуникативные стратегии и тактики; синтаксические сращения, дающие представление в том числе об авторских предпочтениях в функционально-стилистической отнесенности текста; предложения с обособленными приложениями; сложные синтаксических конструкции; сравнительные придаточные, глагольные односоставные предложения, эксплицирующие функциональный тип повествования; наличие/отсутствие и виды обращений как контактоустанавливающего элемента. Всего выделяется 11 конструкций и создано 107 аутентичных правил для извлечения информации из текста.

Для анализа синтаксических структур были прописаны правила, основанные на POS-tags, а также на том, какие синтаксические отношения имеют место в предложении [30] и какую грамматическую конструкцию реализуют те или иные его компоненты [24]. Например, для вычленения из текста вводных слов формализованное правило (алгоритм поиска) выглядит следующим образом:

для машинного представления создается словарь из всех возможных вводных слов русского языка;

прописывается грамматико-пунктуационное правило, которое позволяет выделить из текста именно вводную конструкцию, а не омонимичную ей:

- 1) __, Prnt, __
- 2) <начало предложения> Prnt,

где Prnt – любая часть речи; __ – некоторая часть предложения, <начало предложения> – обозначение начала предложения.

Правило для поиска целевых оборотов основано на понятии семантической валентности [30: 44] и грамматики предложных конструкций [24]. Так, составные предлоги «с целью / из расчета» требуют инфинитива (условие валентности) при реализации целевого оборота, значит, формализованное правило для поиска таких структур будет выглядеть следующим образом: «с целью / из расчета» + INF, где обозначение INF использовано для инфинитива.

Уровень прагматикона автора не слишком сложен для формализации, но результаты работы алгоритма на этом уровне требуют тщательной проверки и интерпретации исследователем.

После извлечения всех параметров, связанных со словесными структурами, реализуется подсчет ipm (instance per million). Для синтаксических параметров количество каждого параметра делится на количество предложений в тексте. Это значение присваивается каждому параметру как его относительная частота встречаемости; в конечные модели также включены значения стилеметрических метрик (Таблица 2).

Таблица 2. Пример модели идиостиля, репрезентированного в текстах «Последний поклон» и «Звездопад» В Астафьева

Параметры с относительной частотой появления		
Номер и название параметра	Текст 1	Текст 2
1. Индекс удобочитаемости Флеша-Кинкейда	15.5663	13.1349
2. Индекс туманности Ганнинга	18.9063	16.3078
3. Средняя длина слова (в буквах)	5.2664	4.9911
4. Средняя длина предложения (в словах)	13.3458	9.4829
5. Количество предложений длиннее 8-ми слов	533864.7494	404742.0965
6. Коэффициент предметности (Pr)	1.282	1.1534
7. Коэффициент качества (Qu)	0.3839	0.48
8. Коэффициент активности (Ac)	0.198	0.2041
9. Коэффициент динамизма (Din)	0.4192	0.4701
10. Коэффициент связности текста (Con)	2.7853	2.0499
11. Количество слов несловарного написания	1405.3771	1710.7514
12. Предложения с однородными рядами	5578.5664	2324.8673
13. Предложения с обособленными приложениями	382.5749	833.443
14. Вводные слова и конструкции	3923.3445	6272.7552
15. Целевые и выделительные обороты	210.8066	87.7308
16. Конструкции с семантикой сравнения	4934.4353	5088.3888

17. Синтаксические сращения	113.2109	175.4617
18. Сравнительные придаточные	9365.277	9299.4692
19. Конструкции с сопоставительными союзами	148.3454	438.6542
20. Вставные конструкции	66.365	2544.1944
21. Сложные синтаксические конструкции	34849.449	42198.5349
22. Глагольные односоставные предложения	7046.4048	10747.0281
23. Обращения	1077.4558	1886.2131
24. Местоимения «я, мы»-группы	32444.6926	53691.2752
25. Местоимения «ты, вы»-группы	28431.5601	38031.3199
26. Сложные слова полуслитного написания	1495.1651	1096.6355
27. Модальные частицы	13561.8893	18598.9385
28. Междометия	620.7082	1272.0972
29. Наличие/отсутствие модального постфикса «-то»	2908.3499	2588.0598

В качестве результата работы алгоритма выводится значения коэффициента корреляции Пирсона, значение линейной регрессии (оценивать следует коэффициент детерминации), критерия Стьюдента для моделей двух сравниваемых текстов, а также значения метрик каждого параметра для двух текстов, метрик, доказывающих или опровергающего гипотезу H_0 о том, что автором двух сравниваемых текстов, вероятно⁴, является одно лицо (рис. 4).

		Корреляция по ключевым словам: -0.22	
Коэффициент корреляции Пирсона: 1		Корреляция по словам-интенсификаторам: -0.48	
Линейная регрессия: r-value - 0, n-value - 1, sstest - 0.01		Корреляция по биграммам: -0.21	
t-критерий Стьюдента: r-value - 0.99, statistic - 0.01		Корреляция по триграммам: -0.86	
	Атрибут	Текст 1	Текст 2
1	Индекс работности Влада Кивалда	12.7025	14.6661
2	Индекс гласности Гамлета	15.8154	18.4731
3	Средняя длина слова (в буквах)	5.0144	5.4463
4	Средняя длина предложения (в словах)	9.9518	9.48
5	Количество предлогов длинее 5-ти слов	451754.306	442857.1429
6	Коэффициент предности (P)	1.061	1.2062
7	Коэффициент качества (Q)	0.2957	0.3731
8	Коэффициент активности (A)	0.2234	0.2019

Рис. 4. Пользовательский функционал ресурса «ХоРом»: результаты сравнения моделей

⁴ Вероятностный характер вывода связан с тем, что в каждом конкретном случае в соответствии с разработанной моделью решение о конечном авторстве принимает исследователь.

Важно, что данный блок не является конечным шагом в разработанной модели. Текстовую статистику необходимо интерпретировать. Так, для традиционной математической статистики значимым считается коэффициент корреляции более 65% [18], в случае обработки текстовой информации о сходстве моделей следует говорить при коэффициенте корреляции 86% и выше [32]. Программное обеспечение намеренно не выдает результат в виде выводного знания формата «Автором двух сравниваемых текстов является одно лицо/ Авторами двух сравниваемых текстов являются разные лица», поскольку в разработанной модели именно эксперт, основываясь на статистических данных и на их интерпретации, принимает конечное решение об атрибуции текста, используя рейтерские таблицы, подготовленные по результатам исследования (Таблица 3), и свой экспертный опыт.

Таблица 3. Пример рейтерской таблицы для оценки результатов работы атрибуционной модели

Тип дискурса	Коэффициент корреляции Пирсона	Коэффициент детерминации линейной регрессии	t-критерий Стьюдента (p-value)	Автором сравниваемых текстов, вероятно ⁵ , является одно лицо	Авторами сравниваемых текстов, вероятно, не является одно лицо	Комментарий
Художественная проза	не ниже: 0,97; обычно: 1,00	не ниже: 0,94; обычно: 1,00	не ниже: 0,91; редко выше: 0,93 Итог: около 0,90	+	-	значения всех метрик примерно от 0,90 до 1,00
Художественная проза	1,00	1,00	не ниже: 0,84	+	-	при анализе текстов художественной прозы встречаются ситуации, когда значение наиболее важной для объемных произведений метрики p-value t-критерия Стьюдента достаточно низко. В таких случаях, чтобы была возможность признать автором сравниваемых текстов одно лицо, значения других метрик должно достигать единицы

⁵ Вероятностный характер вывода связан с тем, что в каждом конкретном случае в соответствии с разработанной методикой решение о конечном авторстве принимает исследователь.

Художественная проза	может достигать 0,97	может достигать 0,94; обычно около 0,84	около 0,50	–	+	если для текстов художественной прозы значение p-value t-критерия Стьюдента низко (около 0,50), то высокие значения иных метрик при их наличии можно не брать в расчет
----------------------	----------------------	---	------------	---	---	--

Оценка результатов работы модели проводилась с двух точек зрения:

1) полученные модели языковой личности рассматривались с точки зрения шкалы теоретической оценки моделей, представленной в Таблице 1. Посредством этих оценок удалось доказать гипотезу о том, что с помощью фиксированного свода формализованных правил можно создать интегративную атрибуционную модель, являющуюся полной, всесторонне имитирующей оригинал и одновременно объективной;

2) полученные модели также оценивались с точки зрения решения с их помощью идентификационной задачи атрибуционной лингвистики. Тестирование и апробация созданного алгоритма проходили на разножанровых текстовых коллекциях. Результаты апробации представлены ниже:

– коллекция текстов художественной литературы, включающая тексты С. Д. Довлатова и В. П. Астафьева: 10 текстов, средний объем – 20,000 слов). Доля правильных ответов алгоритма (accuracy), точность (precision) и полнота (recall) равны 100%, F-мера – 1⁶;

– коллекция текстов современной сетевой беллетристики (авторские тексты, размещенные на ресурсе «Книга фанфиков»), включающая тексты 3 авторов-женщин, 4 авторов-мужчин: 187 текстов; средний объем – от 1,500 до 40,000 слов. Accuracy – 83%, precision – 67%, recall – 100%, F-мера – 0,8;

– коллекция текстов сетевой публицистики (тексты электронной газеты «The Village»), включающая тексты 3 авторов-женщин, 3 авторов-мужчин: 600 текстов, средний объем – от 500 до 1,500 слов. Accuracy, precision и recall равны 100%, F-мера – 1;

– коллекция текстов электронных комментариев (тексты, размещенные на развлекательном портале «ЯПлакалъ»), включающая тексты 3 авторов-женщин, 3 авторов-мужчин, 424 текста, средний объем – от 50 до 100 слов. Accuracy – 40%, precision – 0, recall – 0, F-мера – 0;

– коллекция текстов корпоративной русскоязычной переписки, включающая тексты 2 авторов-женщин, 2 авторов-мужчин, всего 236 текстов

⁶ Здесь и далее значения метрик указаны в связи с интерпретацией статистических данных с помощью методических рекомендаций и рейтинговых таблиц, разработанных для целей анализа.

50 | (от 45 до 49 писем для одного автора); средний объем – от 50 до 500 слов. Accuracy – 83%, precision – 67%, recall – 100%, F-мера – 0,8.

Посредством исследования удалось также сделать следующие выводы:

– для дискурса художественной прозы (как прозы признанных авторов, так и беллетристики) наиболее информативной метрикой является t-статистика Стьюдента;

– для жанра современной беллетристики неинформативным является стилостатистический пул, поскольку, по экспериментальным данным, значения стилостатистических параметров близки для всех обследованных текстов;

– для признания гипотезы H_0 верной при анализе публицистических текстов значения коэффициентов корреляции и детерминации должны достигать единицы. Необходимость такого высокого уровня значений связана с объемом текстового материала и его спецификой. Важно, что для публицистического дискурса следует признать значительно менее релевантным t-статистику, которая для художественного дискурса является наиболее информативным показателем. Что касается гендерной дифференциации материала, стоит заметить, что «женские» публицистические тексты более коррелируют с «женскими» равно, как и «мужские» с «мужскими»;

– для коротких текстовых сообщений: корпоративная переписка, комментарии в сети интернет, – необходимо создание репрезентативной выборки из совокупности текстов объемом не менее 500 слов. Ограничение в 100 слов, выведенное еще С.М. Вулом и имеющее место до сих пор в судебном автороведении [36] как объем, необходимый для определения авторства текстов, при встраивании в анализ статистической информации должен быть увеличен. Для улучшения работы алгоритма на данном материале в настоящий момент разрабатываются дополнительные параметры для построения моделей идиостиля. Они связаны с так называемым дигитальным почерком. Это графический литуратив, графическая гибридизация, использование элементов текста, написанных заглавными буквами, эмодзи и прочие графические символы, выражающие эмоциональность речи;

5) разножанровые произведения тоже можно валидно обследовать с помощью разработанной интегративной модели (можно, например, сравнить текст электронного сообщения с публицистической статьей): accuracy – 83 %, precision – 67 %, recall – 100 %, F-мера – 0,8.

Так, следует говорить о том, что созданная модель дает исследователю возможность успешно решать идентификационную задачу атрибуционной лингвистики на текстах разного объема и жанровой отнесенности.

При использовании алгоритма самым ценным становятся не выводные данные, а собственно модели идиостилей как репрезентации языковых личностей пишущих, созданные с его помощью (пример – Таблица 2). Эти модели являются понятными и простыми, легко интерпретируемыми экс-

партным путем, с одной стороны, и полными и адекватно имитирующими объект-оригинал – с другой.

Результаты работы атрибуционной модели можно сравнить с результатами работы других моделей, основанных на машинном обучении и нейронных сетях. Так, экспериментальный результат работы программного обеспечения «Авторовед» [61], разработанного для решения задач в том числе судебной лингвистики, на материале художественной прозы известных авторов и публицистики этих же авторов – это точность классификации 96,6 %. «Авторовед» использует метод опорных векторов и логистическую регрессию для решения задачи атрибуции. Этот алгоритм оказывается чувствительным к объему анализируемого текстового материала. Так, он не всегда успешно идентифицирует автора при исследовании текстов большого объема (В.Астафьева: «Затеси», «Последний поклон», «Ловля пескарей в Грузии»; С.Довлатова: «Ариэль», «Записки надзирателя», «Соло на ундервуде», «Компромисс»), отличного от того, на котором проходило обучение программы. Для улучшения точности работы алгоритма тексты подвергаются семплированию⁷. Предлагаемая в работе атрибуционная модель менее чувствительна к текстовому объему, поскольку разница в нем нивелируется относительным характером используемых частот и правильной параметризацией модели анализа для каждой конкретной текстовой пары.

Следует отметить, что сравнение разработанной модели с другими алгоритмами, основанными на машинном обучении и нейронных сетях, можно считать практически нерелевантным, поскольку представленная модель атрибуции имеет базис, отличающий ее от полностью автоматических система: эта модель всегда требует интерпретации исследователем.

Следует отметить, что функционал разработанных моделей анализа и модели исследования, а также созданного на их основе электронного ресурса много шире изначально заложенных возможностей. Нарботки можно использовать не только для решения идентификационной задачи атрибуционной лингвистики, но и для исследования языковой личности писателей, журналистов, политиков и пр., при проведении диагностики языковой личности конкретного человека для решения задач психолингвистики, психологии, для обследования обобщенной языковой личности той или иной социальной группы, субкультуры и др. в целях решения задач социолингвистики, социологии. Важно, что при использовании разработанной методики в любом из представленных выше случаев модель языковой личности будет отвечать принципам полноты, простоты, адекватности, технически точного и объективного описания оригинала, она будет экспланаторной, коммуникативной и интерпретируемой.

⁷ Данные о работе программы «Авторовед» предоставлены А. С. Романовым. Автор исследования выражает благодарность за предоставленные данные.

Исследование поддержано Российским фондом фундаментальных исследований: грант РФФИ в рамках научного проекта «Аспиранты» (№ 19-312-90022).

Литература

1. Абрамкина Е. Е. Протокол допроса как объект автороведческой идентификационной экспертизы: задачи, проблемы, методика анализа // Сборник материалов Международной научная конференция «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы», г. Москва, 1–2 октября 2019 г. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. С. 492–506.
2. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. 305 с.
3. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
4. Белоусов К. И. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 11 (117). С. 94–97.
5. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе / В. П. Белянин; Российская акад. наук, Ин-т языкознания, Фонд Чтения им. Н. А. Рубакина. М.: Тривола, 2000. 247 с.
6. Бессмертный И. А., Нугуманова А. Б. Метод автоматического построения тезаурусов на основе статистической обработки текстов на естественном языке // Известия Томского политехнического университета. 2012. № 5. С. 125–130.
7. Брюшинкин В. Н. Когнитивный подход к аргументации // РАЦИО.ru. 2009. № 2. С. 2–22.
8. Буров А. А. К вопросу об идиостиле современного оратора как языковой личности // Записки Горного института. 2017. Т. 160. Ч. 1. С. 8–9.
9. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей / В. В. Виноградов. М.: Гослитиздат, 1961. 614 с.
10. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
11. Воробьев В. В. Языковая личность в лингвокультурологии // Тез. докл. Языковая личность: Лингвистика. Лингвокультурология. Лингводидактика. БашГУ. Ноябрь 2011 г. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 234–237.
12. Вул С. М. Криминалистическое исследование признаков письменной речи / М-во юстиции УССР. Харьк. науч.-исслед. ин-т судебных экспертиз им. заслуж. проф. Н. С. Бокариуса. Киев: [М-во юстиции УССР], 1973. 44 с.

13. Вул С. М. Особенности оценки следователем и судом заключения идентификационной судебно-автороведческой экспертизы // Криминалистика и судебная экспертизы, 1982. № 24. С. 81–84.

14. Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения: Монография / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М.: СТЭНСИ, 2003. – 236 с.

15. Галяшина Е. И., Ермолова Е. И. Перспективы развития автороведческой экспертизы в России // Судебная экспертизы, 2005. № 3. С. 5–10.

16. Головин Б. Н. Язык и статистика. М.: Просвещение, 1970. 190 с.

17. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев ; пер. с англ. [В. А. Звегинцев и др.]. Москва : URSS, 2005. 243 с., Пер.: Hjelmslev, Louis Prolegomena to a theory of language.

18. Ивченко Г. И., Медведев Ю. И. Математическая статистика: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1984. 600 с.

19. Ионова С. В., Огорелков И. В. Речевая диагностика личности по гендерному признаку в автороведении: квантитативный подход // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. Т. 19. № 1. С. 115–127.

20. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик; Науч.-исслед. лаб. «Аксиол. Лингвистика». М.: ГНОЗИС, 2004 (ГУП Смол. обл. тип. им. В. И. Смирнова). 389 с.

21. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

22. Ким Л. Г. Холистические принципы проведения идентификационной автороведческой экспертизы разножанровых текстов // Международная научная конференция «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы». М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. С. 507–516.

23. Кристалл Д., Дейви Д. Стилистический анализ // Новое в зарубежной лингвистике, 1980. № 9. С. 148–165.

24. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: «Издательский центр «Азбуковник», 2010. 584 с.

25. Литвинова Т. А. Идиолект как объект корпусной идиолектологии: к становлению нового лингвистического направления. // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 7 (25). С. 1–5.

26. Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. / Под ред. И. А. Василенко. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 296 с.

27. Медведева Т. Н. Формальные модели в лингвистике : Учебное пособие / Т. Н. Медведева. Саратов: Научная книга, 2010. 56 с.

28. Морозов Н. А. Лингвистические спектры: Средство для отличения плагиатов от истинных произведений того или другого известного автора :

- 54 | Стилеметрический этюд / Н. А. Морозов // Известия Отдела русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1915. Т. 20, кн. 4. С. 93–127.
29. Павловская Н. Ю. Моделирование языковых категорий в свете когнитивно ориентированной парадигмы научного знания. // Модели в современной науке: единство и многообразие: сб. науч. тр. / под ред. С. С. Ваулиной, В. И. Грешных. Калининград: Изд-во РГУ им. И.Канта, 2010. 472 с. С. 73–80.
30. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974.
31. Приказ от 27 декабря 2012 года N 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» (с изменениями на 13 сентября 2018 года). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.05.2020).
32. Радбиль Т. Б., Маркина М. В. Вероятностно-статистические модели в производстве автороведческой экспертизы русскоязычных текстов / Т. Б. Радбиль, М. В. Маркина // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 156–166.
33. Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика: Проблемы и методы / И. И. Ревзин ; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. Москва : Наука, 1977. 263 с.
34. Родионова С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке / С. Е. Родионова // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб.: Издательство «Наука», 2005. С. 150–169.
35. Романова Т. В. Человек и время: Язык. Дискурс. Языковая личность. Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2011.
36. Рубцова И. И., Ермолаева Е. И., Безрукова А. И. и др. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз: Методические рекомендации. М: ЭКЦ МВД России, 2007. 192 с.
37. Русская грамматика: научные труды: в 2 т. URL: <http://rusgram.narod.ru/index.html> (дата обращения: 12.01.2021).
38. Сааков Т. А. К вопросу о понятии демографических характеристик автора в судебной автороведческой экспертизе. // Язык. Право. Общество: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : ПГУ, 2018. С. 99–102.
39. Седов К. Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999.
40. Степаненко А. А. Гендерная атрибуция текстов компьютерной коммуникации: статистический анализ использования местоимений. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С.17–25.

41. Тарнопольский О. Б., Кожушко С. П. Культурно-обусловленные составляющие и методика формирования вторичной языковой личности у изучающих иностранный язык в его вузовском курсе // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию основания каф. теории и практики перевода фак. социокультур. коммуникаций Белорус. гос. ун-та, Минск, 24–25 окт. 2019 г. Минск: БГУ, 2019. С. 300–304.

42. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», Российская газета, N 256 от 31.12.2001. URL: <https://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения: 03.05.2020).

43. Федотова М. А. К вопросу о разграничении понятий идиостиль и идиолект языковой личности // Записки романо-германской филологии, 2013. № 1. С. 220–226.

44. Штофф В. А. Моделирование и философия / В. А. Штофф. М.; Л.: Наука, 1966. 304 с.

45. Vacciù A., Morgia M. La, Mei A., Nemmi E. N., Neri V., Stefa J. CrossDomain Authorship Attribution Combining Instance-Based and Profile-Based Features // Notebook for PAN at CLEF 2019, 2019. URL: http://ceur-ws.org/Vol2380/paper_220.pdf (дата обращения: 05.07.2020).

46. Bhargava M., Mehndiratta P., Asawa K. Stylometric Analysis for Authorship Attribution on Twitter Author's // International Conference on Big Data Analytics, 2013. URL: <https://www.researchgate.net/publication/299669552> (дата обращения: 03.05.2021).

47. Bloomfield L. A set of postulates for the science of language // Language, 1926. № 2 (3). Pp. 153–164.

48. Campbell L. The Sophistries and Polilicus of Plato / L. Campbell. Oxford : Clarendon, 1867. 170 p.

49. Coulthard M. Author Identification, Idiolect, and Linguistic Uniqueness // Applied Linguistics. 2004. № 24 (4). Pp. 431–447.

50. Custódio J. E., Paraboni I. EACH-USP Ensemble Cross-domain Authorship Attribution // Notebook for PAN at CLEF 2018, 2018. – URL: http://ceur-ws.org/Vol-2125/paper_76.pdf (дата обращения: 05.07.2020).

51. Gomzin A., Laguta A., Stroev V., Turdakov D. Detection of author's educational level and age based on comments analysis // Paper presented at Dialogue 2018, Moscow, 30 May – 2 June 2018. URL: http://www.dialog-21.ru/media/4279/gomzin_turdakov.pdf (2018) (дата обращения: 05.07.2020).

52. Korobov M. Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages / Khachay M. Y., Konstantinova N., Panchenko A., Ignatov, D. I., Labunets V. G. (eds.) // AIST 2015. CCIS, vol. 542, 2015. Pp. 320–332.

53. Litvinova T. A., Sboev A. G., Panicheva P. V. Profiling the Age of Russian Bloggers // Proceedings of the 7th International Conference, AINL 2018, St. Petersburg, 2018. Pp. 167–177.

54. Lutoslawski W. The origin and growth of Plato's logic. London. Longmans, Green and Co. 1897.

55. McMenamin G. R. Forensic Linguistics: advances in forensic stylistics / G.R. McMenamin. 2002. 331 p.

56. Murauer B., Tschuggnall M., Specht G. Dynamic Parameter Search for Cross-Domain Authorship Attribution // Notebook for PAN at CLEF 2018, 2018. URL: http://ceur-ws.org/Vol-2125/paper_84.pdf (дата обращения: 05.07.2020).

57. Muttenthaler L., Lucas G., Amann J. Authorship Attribution in Fan-Fictional Texts given variable length Character and Word N-Grams // Notebook for PAN at CLEF 2019, 2019. URL: http://ceur-ws.org/Vol-2380/paper_49.pdf (дата обращения: 05.07.2020).

58. Panicheva P., Mirzagitova A., Ledovaya Y.: Semantic feature aggregation for gender identification in Russian Facebook⁸ // Filchenkov A., Pivovarova L., Žizka J. (eds.) AINL 2017. CCIS, 2018. Vol. 789. P. 3–15.

59. Pimonova E., Durandin O., Malafeev A. Doc2vec or better interpretability? A method study for authorship attribution // Paper presented at Dialogue 2020, Moscow, June 15 – 20, 2020, 2020.

60. Romanov A., Kurtukova A., Fedotova A., Shelupanov A., Goncharov V. Authorship Identification of a Russian-Language Text Using Support Vector Machine and Deep Neural Networks // Future Internet. 2021. Vol. 13. Iss. 1. – 3. – 16 p.

61. Romanov A. S., Sobolev A. A., Kurtukova A. V, Fedotova A. M., Shelupanov A. A. Determining the Age of the Author of the Text Based on Deep Neural Network Models // Information. 2020. Vol. 11. Iss. 12. – 589. 12 p.

62. Shuy R. W. Creating language crimes: How law enforcement uses (and misuses) language. New York: Oxford University Press, 2005. 194 p.

63. Solnyshkins M., Guryanov I., Gafiyatova E., Varlamova E. Readability metrics: the case of Russian educational texts // Proceedings of ADVED 2018-4th International Conference on Advances in Education and Social Sciences. – Istanbul, Turkey, 2018.

Anna Yu. Khomenko

LINGUISTIC MODELING AS A TECHNIQUE IN AUTHORSHIP ATTRIBUTION

Abstract. This paper discusses the testing of an integrative attribution analysis method for texts in the Russian language. It is based on interpretative language study with its objectification through the usage of mathematical statistics methods. The algorithm solves the identification problem of authorship attribution.

Keywords: written text attribution, forensic text attribution, language personality modeling, author's individual style modeling.

⁸ Принадлежит организации, признанной экстремистской в Российской Федерации.

Раздел 2.

ВОВЛЕЧЕНИЕ В ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ МЕТОДЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ В КОММУНИКАЦИЮ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕНЦИИ ПОБУЖДЕНИЯ К СУИЦИДУ В ИНТЕРНЕТЕ

Аннотация. В статье обобщен опыт проведения судебно-психологических экспертиз на предмет вовлечения личности в суицидальное поведение в социальных сетях. Представлены алгоритм проведения анализа, категории интент- и контент-анализа, описан процесс манипулятивного вовлечения и воздействия на адресата.

Ключевые слова: психолого-лингвистическая экспертиза, контент-анализ, интент-анализ, склонение к суициду, манипулятивное воздействие.

Современное информационное пространство дает молодежи не только возможности для получения информации конструктивного и развивающего характера, но и предоставляет доступ к ресурсам, являющимся потенциально опасными. В частности, в интернете отмечается большое количество групп в социальных сетях, ведущих активную пропаганду суицидального поведения. В подобных группах, ориентированных на подростковую и детскую аудиторию, размещаются фото-, графические и текстовые материалы, посвященные теме смерти. Привлечение к ответственности администраторов таких групп и пресечение их опасной деятельности должно опираться на объективную доказательную базу. В качестве инструмента доказательства наличия в подобных материалах намерения доведения до суицида используется судебная психолого-лингвистическая экспертиза. Целью настоящей статьи является обобщение опыта проведения судебно-психологических экспертиз на предмет вовлечения личности в суицидальное поведение в социальных сетях.

В рамках судебно-психологической экспертизы оценке подлежат объективно фиксируемые поведенческие проявления (в т.ч. в форме интернет-коммуникации), в которых проявляются определяющие их психологические механизмы и закономерности. Анализу могут быть подвергнуты проявленные в указанных поведенческих актах намерения, вероятные мотивы, личностные свойства авторов сообщений. С другой стороны, выраженные в поведенческих

актах намерения одного субъекта оказывают воздействие на психическое состояние, ответные реакции и поступки других людей, что также подлежит анализу и прогнозированию.

Опыт проведения ряда исследований в рамках психолого-лингвистической экспертизы интернет-материалов, направленных на вовлечение несовершеннолетних в совершение суицидальных действий, позволил нам сделать определенные обобщения и разработать алгоритм проведения экспертизы, который представлен в данной статье и проиллюстрирован фрагментами одного заключения. Исследование, на примере которого далее представлен алгоритм анализа, было проведено на материале группы в социальной сети «ВКонтакте». В распоряжение специалиста были представлены файлы, содержащие фото или графические изображения, сопровождаемые текстовыми надписями (интернет-посты).

Организация исследования включала следующие этапы. Первоначально в материалах, представленных на экспертизу, были вычленены структурно-содержательные элементы коммуникативного процесса. Любой коммуникативный акт (в том числе опосредованный средствами интернет-коммуникации) следует рассматривать исходя из наличия и содержания следующих основных элементов: коммуникатор, сообщение, реципиент (объект воздействия). В ходе изучения структурно-содержательных элементов коммуникации соблюдалась следующая последовательность анализа:

- 1) анализ особенностей коммуникатора или субъекта воздействия, под которым понимается автор публикации, на предмет потенциальной способности оказать влияние на адресата;
- 2) анализ сообщения (непосредственно представленных образцов интернет-постов), содержания текстов и изображений, приемов влияния и методов воздействия на адресата, используемых для передачи информации;
- 3) анализ особенностей адресата в качестве объекта воздействия, которые обуславливают формирование установок и возможное изменение поведения.

Анализ особенностей коммуникатора проводился с учетом источника информации – группа социальной сети интернет, ориентированная на подростковую аудиторию, что следует из названия и содержания постов, представленных для исследования. От имени автора сообщения в предложенных образцах выступают молодые люди возраста 13–16 лет, изображенные на фотографиях, выражающие мысли, комментирующие, обращающиеся к читателю. Являясь представителями той же социально-демографической группы, персонажи публикаций могут оказать влияние на представления и установки аудитории подросткового возраста, поскольку при восприятии информации адресат принимает источник как достоверный на основе механизма идентификации. Нами была рассмотрена специфика подросткового возраста в аспекте подверженности влиянию воздействий, имеющих целью

склонение к суицидальному поведению и формированию установки на суицид, что будет конкретизировано далее.

В ходе исследования содержательной части коммуникативных сообщений проанализировано сочетание графических (изобразительных) средств передачи информации и речевых высказываний на предмет прямого смысла, содержания контекста и ассоциаций, существующих стереотипных представлений. Правовыми понятиями, выраженными в постановлении следователя о назначении экспертизы склонения к суициду, являются понятия «содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации» и «организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства». С психологической точки зрения побуждение, способствование может быть проявлено явным образом, а может осуществляться скрыто, завуалированно, с использованием специальных методов воздействия, к которым не относятся прямые призывы. Для ответа на поставленные перед экспертом вопросы необходимо определить психологические признаки «побуждения к совершению самоубийства» и «содействия совершению самоубийства».

Понимание мысли автора сообщения без понимания ее мотива, того, ради чего высказывается мысль, необъективно и неполно. Действительное и полное понимание чужой мысли становится возможным только тогда, когда вскрывается ее действенная, аффективно-волевая подоплека. Для обозначения мотивационной основы общения нами используется понятие «коммуникативное намерение (интенция)» – речевое высказывание или невербальное сообщение, являющееся побуждением к определенным действиям и служащее формированию установок к осуществлению определенных действий. В соответствии с поставленными перед экспертами вопросами в рамках применения метода интен-анализа нами были сформулированы критерии наличия в представленных материалах интенции (намерения) побудить адресата к совершению самоубийства:

- речевые (вербальные) и/или неречевые (фотоизображения) компоненты сообщений, имеющих отношение к теме суицида;
- инициатива обсуждения темы самоубийства и/или нанесения себе вреда;
- побуждение со стороны коммуникатора (автора публикации / поста) к совершению каких-либо действий, направленных на причинение себе вреда путем нанесения увечий или лишения себя жизни;
- привлечение внимания и активизация интереса к теме самоубийства и смерти;
- снабжение информацией о способах совершения самоубийства;
- представление суицида как конструктивного поведения (в плане социального одобрения или возможного способа разрешения проблемы);
- представление суицидального поведения в привлекательном свете.

Вторым инструментом анализа представленных на экспертизу материалов в исследовании был выбран метод контент-анализа, направленный на выявление личностных аспектов коммуникации, интерпретацию замысла автора сообщения, генерацию выводов о мотивационной основе коммуникативных актов. Реализация метода контент-анализа позволяет выявить специальные приемы в сообщении, определить наличие специальных средств психологического воздействия на реципиента (собеседника), обнаружить явные и скрытые психологические послания, наличие в сообщении попыток манипулирования, внушения, убеждения, психологического давления. Для реализации метода контент-анализа составляется классификатор категорий анализа. В нашем исследовании были выделены смысловые единицы, отражающие речевые действия коммуникатора и невербальные символы, имеющие отношение к теме самоубийства, а также свидетельствующие об эмоциональном вовлечении в действия, связанные с нанесением себе вреда и лишения себя жизни.

Дополнительное измерение, в котором был реализован контент-анализ – это стадияльная реализация коммуникации, которая описана в социальной психологии. В соответствии с принятой структурой коммуникативного акта, нами были выделены классификаторы анализа, описывающие стадию установления контакта и поиска общих тем для перехода к личному «доверительному» общению, применение техник присоединения через демонстрацию общности интересов для облегчения дальнейшего общения, наличие манипулятивных форм психологического воздействия путем сближения, предполагающих ответную реакцию необходимости идти на ответное сближение.

В качестве средства воздействия на адресата рассматривались как прямые высказывания, имеющие форму прямого призыва, так и способы влияния, основанные на косвенном или не подлежащем сознательному контролю воздействии внушающего характера. К группе средств внушения, согласно Г. А. Копниной, относится речевое манипулятивное влияние, которое может быть определено как «последовательность действий манипулятора, реализуемых в его речевом поведении с целью побуждения адресата к определенному действию» [4: 35]. Манипулятивный вид воздействия на адресата основан на запуске ряда этапов: учет информации об объекте воздействия – использование мишеней воздействия – запуск механизма аттракции, принятия – понуждение к совершению действий – достижение цели и получение инициатором выигрыша. Е. Л. Доценко сходным образом описывает этапы манипулятивного воздействия: установление контакта – присоединение, выбор мишени воздействия – пристройка – инициатива – передача информации – психологическое давление [2]. Далее мы конкретизируем этапы манипулятивного воздействия, воспользовавшись конкретным примером.

На *этапе обнаружения и формирования мишеней воздействия* автор сообщения задействует уязвимые элементы сознания, болевые точки, актуальные проблемы, обсуждение которых привлекает внимание, облегчает нахождение общего языка и помогает осуществить пристройку. В качестве мишеней воздействия могут использоваться различные побудители активности личности: актуальные потребности или интересы, нереализованные склонности или идеалы. Автор сообщения демонстрирует негативные эмоциональные состояния, суждения или убеждения, подтверждающие и конкретизирующие неблагоприятные психические состояния. Перечислим ряд вероятных мотивов суицидальных поступков, характерных для подросткового возраста:

- разрешить лично-семейные конфликты (в основе могут лежать сомнения подростка в справедливом отношении со стороны других людей (родственников, окружающих), переживание конфликтов между родителями и отсутствие контакта с ними, несчастная любовь);
- устранить проблемы в учебно-профессиональной сфере (неудачи в учебе, потеря престижа, несогласие с требованиями);
- преодолеть изоляцию (чувство, что никто не понимает, никто не интересуется);
- справиться с чувством беспомощности (ощущение неспособности контролировать жизнь);
- избавиться от состояния безнадежности, отсутствия позитивной перспективы будущего;
- избежать чувства собственной незначимости в силу низкой самооценки, неуверенности в себе, стыда, уязвления собственного достоинства) [1; 5; 7].

После обращения к мишени воздействия происходит *установление контакта и его удержание*, адресат должен быть приведен в определенное психическое состояние, облегчающее принятие информации и ее не критичное восприятие. Примеры таких состояний, согласно Е. Л. Доценко: дестабилизация, усталость, нетерпеливость, не критичность, сосредоточенность, подавленность, растерянность, нерешительность, эйфория и др. [2].

На этапе *аттракции или присоединения* устанавливается контакт на основе положительного отношения – мотивационного, смыслового. Это достигается сообщением, которое воспринимается адресатом как привлекательное и одобряемое, выражающее аналогичное эмоциональное состояние или уже обдумываемое намерение. Происходит имитация хорошего понимания друг друга. Для реализации сообщения могут применяться особые стилистические приемы, например, игра слов, метафора, ирония, каламбур и т. д. Главная цель коммуникатора – вызывать интерес, положительный отклик, не провоцировать сопротивления или критики. Возможно применение психических автоматизмов, связанных с установлением ролевых позиций сторон сверху / снизу / на равных.

На *этапе понуждения к действию* коммуникатор формирует мотивационное обеспечение действия, к которому принуждает. Он имитирует хорошее понимание адресата, а затем связывает актуальную проблему с мотивами суицидального поведения. Могут применяться разнообразные средства: прямая актуализация мотива, обусловливание, мотивационное опосредование. Происходит информационное оформление сообщения. Может быть использован призыв в прямой или косвенной форме к совершению определенных действий. В качестве индикатора прямого побуждения вовлечь в суицидальное поведение в нашем исследовании идентифицировалось прямое обращение с предложением нанести себе физический вред, совершить опасные для жизни и здоровья поступки. Косвенная форма понуждения к совершению суицида может быть реализована посредством приемов внушения, интерпретируемого нами как воздействие на основе насилия, поскольку в этом случае имеет место неравенство сторон. Автор сообщения осознанно стремится сформировать нужные ему установки у адресата, а адресат бессознательно их усваивает. Поступки, которые он может совершить под влиянием усвоенных установок по сути являются навязанными извне.

В качестве иллюстрации таких установок приведем данные А. М. Каргина с коллегами относительно исследования лиц, совершивших попытку суицида, у которых выявлены базовые убеждения, классифицируемые как факторы суицидального риска [3]. Примеры иррациональных убеждений этого типа: «Все люди должны меня любить», «Я ничего не могу сам, я слабый», «Людям нельзя доверять», «Я обязан нравиться всем», «Я не смогу этого вынести», «Проблема не существует, если ее игнорировать», «Этот мир враждебен ко мне», «Я не могу ничего изменить». Иррациональные мысли, как правило, ригидны, принимаются некритично и переносятся на все жизненные сферы. Человек, который принимает подобные убеждения, постоянно находится под влиянием стресса, потому что невозможно всем нравиться и все контролировать, быть в безопасности. В результате происходит запуск потока негативных автоматических мыслей, повышающих психологическую готовность к суициду. Опираясь на указанное исследование, в качестве одного из критериев формирования суицидальной готовности мы сформулировали критерий «трансляция дисфункциональных убеждений».

Признаком психологического насилия в случае склонения к суициду, по данным И. С. Гвоздевой, является представление самоубийства в качестве единственного выхода из сложившегося положения [1], в результате чего адресат действует исходя не из своих личных интересов, а против них.

В качестве способов повышения психологической готовности перехода от стадии пресуицида к стадии активного суицида на этапе понуждения к действию может использоваться внедрение в сознание индикаторов суицидального риска (суицидальных ключей) – вербальных, эмоциональных,

поведенческих признаков, по которым психологи прогнозируют вероятность поведения, имеющего своей целью самоубийство [6]. По нашему мнению, частое столкновение с такими ключами в окружающей реальности (в частности, в соцсетях) способно вызвать привыкание, подражание, эмоциональное заражение. У человека, находящегося в неуравновешенном психоэмоциональном состоянии, может повыситься уровень психологической готовности к суициду в результате многократного просмотра постов, содержащих индикаторы суицидальной готовности. В соответствии с описанием содержания различных стадий суицида в качестве способов повышения психологической готовности перехода от пресуицида к активному суициду рассматривается информирование о способах совершения самоубийства, поскольку на активной стадии осуществляется выбор средств и происходит планирование действий.

В качестве индикатора намерений вызывать у адресата интерес к суицидальным действиям рассматривалось также информирование о возможности совершения суицидальных действий другими людьми. Описание действий, которые персонаж намеревается совершить в сообщении (интернет-посте), интерпретируется как прием косвенного влияния. В качестве механизма снятия блокировки суицидного поведения рассматривалась демонстрация примеров совершения подобных действий людьми, которые могут выступать в качестве объекта для идентификации, вызывать стремление быть похожими на них, сопереживать их состоянию. Таким образом осуществляется снятие уникальности проблемы адресата (зрителя, читателя поста в соцсети), которая допускает возможность опасного и суицидного поведения, проводится апелляция к чувствам и мнениям других людей, которые одобряют и демонстрируют такое поведение. Классификаторами служили индикаторы наличия в речевых посланиях убеждения, уговаривания, подсказки решения, предложения обмена желательного состояния взамен на требуемое (суицидальное) поведение.

Этап психологического давления может быть реализован различными техниками лингвистического манипулирования, вынуждающими сделать вывод о возможности или даже необходимости самоубийства. Примеры техник: генерализация, ложная аналогия, неявное указание как бы общепризнанной нормы, пресуппозиция, неопределенный референтный индекс, подмена нейтральных понятий эмоционально-оценочными, модальные операторы долженствования, создание информационной неопределенности, двусмысленности высказывания и другие. Языковое манипулирование имеет целью неявное внесение в психику адресата чуждых ценностей, желаний и целей путем преподнесения информации таким образом, чтобы затруднялось ее рациональное критическое восприятие. Для осуществления психологического давления может применяться апелляция к собственным преимуществам автора сообщения, например, статусные, деловые, а также

привлеченные силы, например, опора на третьих лиц, обобщенных «других», всеобщие требования и убеждения. Психологическое давление и использование внушения выявлялось через индикаторы демонстрации собственной уверенности и осведомленности, авторитетности для реципиента. Учитывалась когнитивная (информационная) обработка для привлечения внимания и стимулирования интереса к спорному вопросу и последующего вовлечения в изучение, обсуждение темы смерти и суицида.

Описанный алгоритм анализа был использован для изучения образца интернет-поста, представленного на рисунке 1.

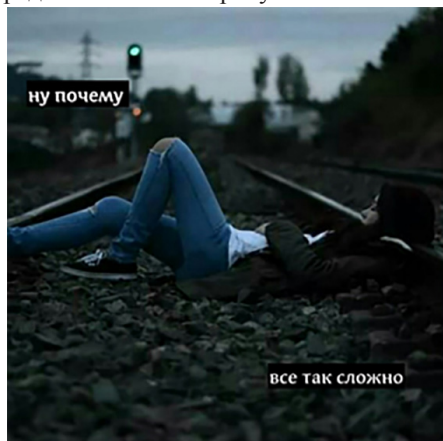

Рис. 1. *Образец интернет-поста, представленного на экспертизу на предмет вовлечения в суицидальное поведение*

Все части изображения и текста анализируются как индикаторы выраженности смысловых единиц и обозначаются по принадлежности к определенной категории. В качестве единиц анализа выступали изображения, фрагменты текста, словосочетания, суждения, реплики, отдельные слова, сочетания слов и знаков пунктуации, символы.

Приведенный для примера интернет-пост размещен в подростковой группе. Пост изготовлен на основе фотографии девочки подросткового возраста, лежащей на рельсах на фоне зеленого семафора. Изображение сопровождается надписью белыми буквами на черном фоне: «Ну почему все так сложно?». Выявлен эмоциональный индикатор суицидального риска – безразличие к своей судьбе, подавленность, безнадежность, беспомощность, который может интерпретироваться как мишень воздействия. Невербальный компонент – фото девочки, которая лежит на рельсах, вызывает ассоциативный ряд: «апатия», «отсутствие страха за свою жизнь и желания жить». Изображенное состояние – «лежать на рельсах» – ассоциируется с действием «броситься под поезд», что означает убить себя. Для привлечения

и удержания внимания используется мишень воздействия – сложность решения проблем, невозможность нахождения простого выхода, бессилие объяснить происходящее, неуверенность в себе. Путем изображения персонажа подросткового возраста происходит присоединение к адресату того же возраста на фоне демонстрации общности интересов и наличия похожих проблем, что способствует усилению доверия к информации, идущей от персонажа. Цветовая гамма, положение тела персонажа, изображенное состояние опасности способствуют акцентированию и усилению отрицательных переживаний, фиксации на переживаниях настоящего момента, уходу адресата от осознания и осмысления последствий и возможных будущих событий, обесцениванию жизни, эмоциональному вовлечению в ситуацию персонажа, принимающего решения об уходе из жизни. Вербальными средствами осуществляется фокус внимания на невозможности преодолеть сложное психоземotionalное состояние другими способами кроме суицида, проводится внедрение деструктивного убеждения «все сложно». Можно отметить выраженность категории «устранение неопределенности относительно способа разрешения проблемной ситуации» путем подсказки решения через лишение себя жизни с указанием возможного способа самоубийства. Психологическое подкрепление требуемого поведения происходит путем эмоциональной поддержки, предложением обмена на желаемое состояние – решение проблемы сложности жизни и необходимости нести ответственность за свои решения.

Выводы. На основании проведенного анализа сделано заключение о том, что в представленных материалах отмечена интенция как к явному, так и косвенному побуждению к совершению самоубийства. По всем выделенным критериям у коммуникатора, выложившего рассматриваемый пост в социальной сети, выявлены все сформулированные интенции в соответствии с вопросами к эксперту. Представленные на экспертизу материалы содержат элементы, которые могут спровоцировать переход от сложившейся стадии пресуицида к активному суициду, привлекая внимание к актуальной для воспринимающего сообщении проблеме, но не давая конструктивного решения, подсказывая мысль о самоубийстве, усугубляя негативное эмоциональное состояние, снабжая реципиента информацией о возможности самоубийства и средствах лишения себя жизни. В связи с вышесказанным трансляция в социальных сетях материалов, представленных на экспертизу, является потенциально опасной.

Представленный в настоящей статье подход был апробирован в нескольких экспертизах на предмет склонения к суицидальному поведению, а общий алгоритм анализа послужил для формулировки интенций и категорий контент-анализа в материалах по вовлечению несовершеннолетних в действия сексуального характера и доказал свою эффективность.

Литература

1. Гвоздева И. С., Шапиро Л. Г., Южанинова А. Л. Специальные психологические знания при расследовании побуждения несовершеннолетних к совершению самоубийства с использованием сети «Интернет» // Суицидология. 2018. № 4 (33).
2. Доценко Е. Л. Психология манипуляции. М., 1996. 265 с.
3. Каргин А. М., Холмогорова А. Б., Войцех В. Ф. Личностные факторы суицидального поведения у пациентов кризисного стационара, совершивших суицидальные попытки // Социальная и клиническая психиатрия. 2009. Т. XIX. № 4. С. 15–20.
4. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. Москва : ФЛИНТА, 2012. 170 с.
5. Лукашук А. В., Байкова М. А. Терапевтические аспекты коррекции аутодеструктивного поведения у подростков. Тюменский медицинский журнал. 2016. № 18 (4). С. 9–12.
6. Малкина-Пых И. Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 960 с.
7. Сакович Н. А. Суицидальное поведение подростка: профилактика и коррекция. Минск: Пачатковая школа, 2013. 36 с.

V. V. Panteleeva

MANIPULATIVE METHODS OF INVOLVEMENT IN COMMUNICATION AND MEANS OF EXPRESSING THE INTENTION OF INITIATING SUICIDE ON THE INTERNET

Abstract. The article summarizes the experience of conducting forensic psychological examinations relatively the involvement in suicidal behavior in social networks. In the publication the analysis algorithm and the categories of intent and content analysis are presented. The process of manipulative involvement and influence on the addressee is described.

Keywords: psychological and linguistic expertise, analysis categories, content analysis, intent analysis, suicidal tendencies, manipulative involvement and influence.

Т. М. Надеина

tanadeina@yandex.ru

доктор филологических наук,

профессор Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Москва, Россия

Е. А. Чубина

chubina@mail.ru

кандидат педагогических наук,

доцент Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Москва, Россия

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: НОВЫЕ ПРАКТИКИ

Аннотация. Отмечается неоднозначность трактовок содержания понятия «речевое воздействие». Раскрывается сущность речевого воздействия, его эффекты, способы и виды. Предложен подход к исследованию признаков речевого воздействия, предполагающий анализ речевых средств в соответствии с этапами речевого воздействия, что позволяет учитывать не только вербальный, но и невербальный контент социальных сетей.

Ключевые слова: механизм речевого воздействия, классификация, заражение, вовлечение.

Понятие «речевое воздействие» трактуется в лингвистических исследованиях неоднозначно. Это касается не только широкого и узкого понимания, но и самого содержания понятия. Существуют также разные подходы к классификации типов, видов, способов, форм речевого воздействия, основания которых нередко пересекаются.

Адекватное понимание сущности речевого воздействия может способствовать совершенствованию методики проведения лингвистических экспертиз, направленных на выявление признаков побуждения (приказа/призыва/склонения/подстрекания и пр.) – того, что непосредственно относится к сфере речевого воздействия.

В данной статье мы придерживаемся широкого понимания сущности речевого воздействия, охарактеризованной в теории речевого воздействия как составной части общей теории речевой деятельности: «В каждом акте речевого общения можно увидеть процесс достижения некоторой неречевой цели, которая в итоге соотносится с регуляцией деятельности собеседника» [11: 3]. Поэтому любой акт речевого общения рассматривается в аспекте его

целенаправленности и целеобусловленности, а процесс речевого воздействия определяется как «регуляция деятельности одного человека другим человеком при помощи речи» [11: 3].

Концептуальными основами психолингвистики речевого воздействия являются труды по психологии деятельности А. Н. Леонтьева и Л. С. Выготского, а также исследования в области психологии общения начала 1970-х годов, основная мысль которых заключается в том, что речевое воздействие есть преднамеренная перестройка смысловой сферы личности ([1; 6; 13] и др.).

Результатом речевого воздействия могут являться изменения: (1) поведения субъекта реципиента, (2) его эмоционального состояния, (3) его знаний о мире, (4) его отношения к тем или иным событиям или реалиям этого мира. Другими словами, эффект речевого воздействия проявляется в изменении личностного смысла реципиента, и в широком смысле слова речевое воздействие связано с изменениями индивидуального сознания, или с изменениями имплицитной картины мира, или образа мира субъекта [8].

Процесс речевого воздействия подразделяется на два основных этапа: 1) организация общения, 2) побуждение объекта воздействия к посткоммуникативной деятельности [10: 5]. В процессе организации речевого общения решаются следующие основные задачи: 1) привлечение и удержание внимания объекта РВ; 2) ориентирование объекта РВ в ситуации общения; 3) формирование установки восприятия. Перечисленные этапы и их стадии можно назвать моделью, отражающей процессуальный механизм речевого воздействия в общем виде.

Успех организации общения зависит от того, насколько оптимальными будут условия восприятия речевого сообщения, а оптимальность условий, в свою очередь, определяется тем, насколько успешно решена каждая из перечисленных задач. Несмотря на важность задач организации общения, центральной проблемой РВ является второй этап – изменения в состоянии, поведении или личностно-смысловых образованиях объекта воздействия. Предполагается, что эти изменения осуществляются на основе формирования структур языкового сознания и создания общности этих структур у субъекта и объекта РВ. Такая общность является основной предпосылкой осуществления общения, адекватного задачам субъекта РВ [11].

Изучение структур языкового сознания является предметной областью психосемантики, и в рамках психосемантической модели сознания выделяются три формы изменения образа мира человека, которые в реальном процессе речевого воздействия существуют в единстве, но характеризуются различной степенью выраженности [8].

1. Изменение отношения субъекта к объекту (изменение коннотативного значения этого объекта) без изменения категориальной структуры индивидуального сознания субъекта.

Речевое воздействие такого типа характеризуется образностью, метафоричностью. Его стилистика тяготеет к языку «улиц и площадей», где агитатор при дефиците времени должен вызвать у слушателей мгновенный отклик. Подобный тип РВ, заключающийся в изменении коннотации единичного объекта за счет привязки к нему ярких, эмоционально насыщенных образов, специфичен для формирования стереотипов, типажей, т.е. эмоционально ярких, малоструктурированных и обладающих системной организацией форм обобщения [8: 60–61].

2. Формирование общего эмоционального настроения, мироощущения реципиента воздействия.

Эмоциональный настрой определяет избирательность в восприятии объектов, событий, реалий окружающего и воображаемого мира, которые, оказавшись по эмоциональному тону резонансными состоянию души, образуют узор ассоциативных связей, выступающий материалом для формирующегося концептуального образа мира.

3. Изменение категориальной структуры индивидуального сознания, введение в нее новых категорий (конструктов), проявляющихся в классификации, формах упорядочивания объектов, событий окружающей предметной и социальной действительности [8: 166].

Все сказанное касается сущности речевого воздействия и как процесса, и как его результата (эффекта). Если изучать речевое воздействие как процесс, то необходимо устанавливать соответствие между средствами, используемыми адресантом, и каждым этапом (или стадией) процесса речевого воздействия (привлечение внимания, удержание внимание и пр.). Результат же речевого воздействия соотносится с указанными выше тремя формами изменения мира человека, зафиксировать которые можно только в ходе психосемантического экспериментального исследования. Поэтому при производстве судебных лингвистических экспертиз речевое воздействие изучается в сущности только как процесс.

В связи с этим уместно привести цитату из методического пособия по проведению судебной психолого-лингвистической экспертизы: «В компетенцию экспертов не входит также установление воздействия, реально оказанного на адресата. Некорректны умозрительные предположения о том, может или не может повлиять текст на адресата и каким образом. <...> Недопустимо проведение каких-либо социально-психологических экспериментов с целью установления реального воздействия определенного материала на адресата либо рекомендация таких экспериментов» [5: 17]. Очевидно, что в данном случае термин «воздействие» используется в результативном значении. А вот сама методика предметом изучения имеет речевое воздействие как процесс, поскольку центральными ее элементами являются диагностические комплексы «убеждение», «побуждение (в том числе призыв)» и другие.

Подход, предполагающий последовательное изучение средств речевого воздействия в соответствии с его процессуальными этапами, предпринят в работе А. Н. Сусликова. Автор использует модель речевого воздействия, модифицированную относительно исходной, которая представлена нами выше. Исследуются подготовительный, рефрейминговый этапы и этап организации совместной деятельности и контроля. «При этом каждый из этапов подразумевает прохождение нескольких стадий, в процессе выполнения которых преступником и достигается эффект, приводящий к употреблению потерпевшим наркотиков» [9: 179]. Продемонстрировав, как реализуются эти стадии речевого воздействия на конкретных примерах из судебной практики, автор сделал вывод о том, что понимание сути этапов речевого воздействия позволит установить не только виновность или невиновность лица в инкриминируемом преступлении, но и задокументировать преступное деяние подробно и последовательно [9: 182].

Речевое воздействие в зависимости от целей адресата может осуществляться разными способами, и классификация этих способов не является однозначной. Чаще всего выделяют следующие способы: внушение (приказ, побуждение и т. п.), убеждение (аргументация, рассуждение и т. п.), заражение (сопереживание, сочувствие, возбуждение, угнетение и т. п.), подражание. Несколько иную классификацию предлагает Е. В. Шелестюк, выделяя три основных способа: убеждение, внушение и побуждение, которые характеризуются специфическими приемами. Заражение при этом рассматривается как подвид внушения, а подражание как его результат [12: 55]. При этом автор отмечает, что набор подвидов внутри каждого из способов нуждается в уточнении.

Приемы побуждения и убеждения изучены в языкознании достаточно хорошо (работы А. Н. Баранова, О. С. Иссерс, П. Б. Паршина и др.), а внушение и заражение в силу преобладания в этих процессах психологических факторов редко являются предметом лингвистических исследований.

Эмоциональному аспекту речевого воздействия принадлежит особая роль в процессе общения в социальных сетях. По мнению специалистов, пространство социальных сетей характеризуется повышенной эмоциональностью, поскольку пользователи, преследуя определенные цели в общении, стремятся сделать свою речь более яркой, выразительной, воздействующей и т. д. Эмоциональное заражение и его приемы в устной речи бывают выражены вербальными средствами и сопровождаются соответствующей невербаликой (мимикой и жестами), а при письменном общении, особенно в социальных сетях, – невербальным контентом (изображениями и мультимедийными продуктами). В последние годы именно эти компоненты контента соцсетей все чаще привлекают внимание лингвистов. Например, проводятся лингвистические исследования невербальных средств выражения эмоций – эмодиконов:

72 | смайлов и стикеров [4; 7], которые используются вместе с соответствующими словами, а нередко вместо них. Составлен перечень наиболее распространенных языковых форм, которые чаще всего заменяются смайликами или стикерами при переписке в сети ВКонтакте [7: 71].

Одной из новых технологий воздействия на адресата в социальных сетях является использование так называемых виртуальных инфлюенсеров, т. е. созданных при помощи компьютерной графики персонажей с человеческим обликом, так называемых CGI-моделей (Computer Generated Imagery). Такие персонажи обладают придуманной биографией, существуют только в интернете, отличаются активностью в соцсетях – словом, «живут», как обычные люди, делятся своими мыслями и эмоциями, обсуждают жизненные реалии. Образы таких персонажей обладают собирательными качествами, которые идеально соответствуют запросам широкой аудитории, поэтому они пользуются большой популярностью, имеют достаточно много подписчиков и способны оказывать различного вида и типы воздействия на целевую аудиторию. Характер и степень воздействия таких персонажей на пользователей требует всесторонних исследований, в том числе лингвистических.

Не менее важной задачей является также изучение средств речевого воздействия, используемых на этапе организации общения: привлечение и удержание внимания, а также формирование установки восприятия.

Содержание этих стадий соотносится по своим целям с технологиями вовлечения, достаточно давно и широко используемыми в маркетинге для побуждения целевой аудитории к совершению покупки какого-либо товара. Маркетинговые технологии в подавляющем большинстве случаев являются не речевыми, а игровыми. На разных стадиях вовлечения используются головоломки, ребусы, арифметические задачи и т. п. (стадия привлечения внимания), голосования, розыгрыши призов, квесты и т. п. (стадия удержания внимания) [14]. Несмотря на отсутствие вербального компонента, подобные технологии воздействия не должны, по нашему мнению, оставаться без внимания лингвистов, изучающих речевое воздействие деструктивной направленности.

Лингвистические исследования механизмов и приемов вовлечения посвящены, в частности, изучению языковых средств, используемых в том или ином социальном контексте и способствующих возникновению эффекта речевого воздействия ([2; 3] и др.). Когнитивно-дискурсивные модели вовлечения, предлагаемые исследователями, в целом укладываются в рассмотренную нами модель речевого воздействия, дополняя и конкретизируя ее.

В заключение необходимо отметить, что предметная область теории речевого воздействия как научного направления в значительной части пересекается с предметом теории речевых актов. Различия заключаются, на наш взгляд, главным образом в целях изучения. Если теория речевого воздействия

акцентирует внимание на изменениях в смысловой сфере личности, в категориальной структуре сознания, то теория речевых актов фокусируется на условиях успешности речевого общения. В лингвистических исследованиях предпринимаются попытки установить соответствие между типами речевого воздействия и видами речевых актов («прагматическими типами высказывания») [12: 59–65]. Однако эта тема требует самостоятельного исследования, чтобы интегрировать результаты многочисленных исследований в этих обширных научных направлениях.

В аспекте производства судебных лингвистических экспертиз следует отметить необходимость унифицированного подхода к анализу разных проявлений речевого воздействия, упорядочения терминологии, а также адаптации существующих методик к новым реалиям социальных сетей.

Литература

1. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1980. 224 с.
2. Катышев П. А. Вовлечение в деятельность радикальной организации: когнитивно-дискурсивная модель для целей критического исследования // Языковое бытие человека и этноса. Материалы XIII Березинских чтений (Москва, 15 мая 2017 г.). Выпуск 19 / под ред. В. А. Пищальниковой. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 21–23.
3. Катышев П. А., Осадчий М. А. Речевое вовлечение в деятельность радикального сообщества: критическое дискурсивное исследование прецедентности // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 19–26.
4. Кронгауз М. А. Мем в русскоязычном Интернете: опыт реконструкции // Русский язык и новые технологии / под ред. М. В. Ахметовой, В. И. Беликова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 87–95.
5. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
6. Леонтьев А. А. К психологии речевого воздействия // Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972. С. 28–41.
7. Матусевич А. А. Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики: Дисс. ... кандидата педагогич. наук. Киров, 2016. 190 с.
8. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М.: МГУ, 1988. 207 с.

9. Сусликов А. Н. Этапы речевого воздействия как интуитивного рефрейминга (на примере склонения к потреблению наркотиков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 6 (428). Филологические науки. Вып. 117. С. 178–184.

10. Тарасов Е. Ф. Психологические и психолингвистические аспекты речевого воздействия // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы: Сборник статей / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: ИЯЗ, 1986. С. 4–9.

11. Тарасов Е. Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М.: Наука, 1990. С. 3–14.

12. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 344 с.

13. Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М.: Мысль, 1973. 215 с.

14. Энциклопедия вовлечения: 60 проверенных механик для всех соцсетей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vc.ru/marketing/80180-enciklopediya-vo vlecheniya-60-proverennyh-mehanik-dlya-vseh-socsetey>.

Tatiana M. Nadeina

Elena A. Chubina

SPEECH IMPACT IN SOCIAL NETWORKS: NEW PRACTICES

Abstract. The ambiguous interpretations of the concept «speech impact» are noted. The essence of speech impact, its effects, methods and types are revealed. An approach to the study of speech impact signs is proposed, which assumes the analysis of speech means in accordance with the stages of speech impact, which makes it possible to take into account not only verbal, but also non-verbal content of social networks.

Keywords: mechanism of speech impact, classification, infection, involvement.

К. В. Злоказов

zkirvit@yandex.ru

*кандидат психологических наук, начальник научно-исследовательского
отдела Санкт-Петербургского университета МВД России
Санкт-Петербург, Россия*

М. Б. Ворошилова

voroshilova-mb@ranepa.ru

*кандидат филологических наук, начальник управления научной работы
Уральского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Екатеринбург, Россия*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА, ПРИЗНАНИЕ И УВАЖЕНИЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ЭКСТРЕМИСТСКИЕ СООБЩЕСТВА⁹

Аннотация. В статье рассматриваются социально-психологические предпосылки вовлечения в экстремистские сообщества. Гипотезой исследования выступает предположение о влиянии депривации социального взаимодействия на радикализацию молодежи. Описываются теоретические предпосылки гипотезы, проводится эмпирическое ее тестирование. Подтверждение гипотезы расширяет знание о роли социальных потребностей в механизме вовлечения молодежи в экстремистские сообщества.

Ключевые слова: вовлечение в экстремистские сообщества, социально-психологические причины, социальное взаимодействие, депривация социальных потребностей.

Актуальность исследования обусловлена ситуацией вовлечения российской молодежи в экстремистские сообщества и недостаточной эффективностью методов противодействия этому процессу. Анализируя состояние молодежной преступности, следует отметить усиление радикализации российской молодежи, выражающееся в увеличении числа тяжких преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия в отношении

⁹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-012-00415 «Когнитивные интернет-технологии как фактор формирования экстремистского поведения молодежи: механизмы воздействия и профилактика».

несовершеннолетних. Случаи массовых убийств в школах, техникумах и вузах, посягательства на жизнь сверстников и учителей в 2019–2021 году, ставят вопрос об эффективности существующей системы психологической профилактики настроений. Вторым обстоятельством, актуализирующим необходимость исследования, выступает 30% рост числа экстремистских преступлений, совершенных в России за период с января по сентябрь 2021 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года¹⁰.

Приведенные аргументы показывают, что предупреждение и профилактика радикализации, а также экстремистского поведения молодежи в Российской Федерации является актуальной проблемой, требующей научной разработки методов противодействия.

С научной точки зрения исследования процессов вовлечения молодежи в экстремистские сообщества является актуальным поскольку до сих пор однозначно не определены механизмы, факторы и условия, побуждающие молодежь вступать в экстремистские сообщества. Стоит отметить, что эта проблема проявляется не только в России, но и других странах мира, поэтому исследования психологических причин вовлечения молодежи носят транснациональный характер.

В выполненном нами исследовании изучаются социально-психологические причины вовлечения молодежи в экстремистские сообщества. Наряду с социологическими, криминологическими и педагогическими исследованиями, социально-психологические исследования изучают влияние взаимодействия людей на побуждение к экстремизму [13]. Проведенное исследование основывается на гипотезе о том, что депривация социальных потребностей молодежи обуславливает восприимчивость к экстремистским идеям. Отсутствие социальной поддержки, отчуждение и обесценивание окружающих определяют поиск молодежью новых социальных связей. Как правило, эти обстоятельства используются представителями экстремистских сообществ для вербовки новых членов, популяризации своих идей в молодежной среде.

Предпосылки гипотезы обсуждаются в теоретической части тезисов в ходе анализа социологических и социально-психологических концепций аномии, радикализации и криминализации. Для проверки гипотезы нами проводится эмпирическое изучение актуальных социальных потребностей молодежи, выявляется связь депривации потребностей с уровнем экстремистских установок, изучаются материалы вовлечения (вербовки) молодежи в радикальные и экстремистские сообщества посредством бесед в прямом и виртуальном общении. В завершении формулируются выводы о направлениях дальней-

¹⁰ Зарегистрировано преступлений экстремистской направленности. Генеральная прокуратура Российской Федерации. – URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 10.07.2021).

шего исследования социально-психологических мотивов, используемых при вовлечении молодежи в экстремистские сообщества.

Теоретические основания исследования. Определяя теоретические предпосылки нашего исследования, следует отметить, что они разработаны в социологических и социально-психологических концепциях девиации и радикализации общества.

В частности, Р. Мертоном показано, что социальное неравенство обуславливает социальные девиации, отрицание правил и норм общества, криминальное и антиобщественное поведение [18]. Социальная структура общества имеет существенное значение для удовлетворения потребности человека. Молодежь не всегда занимает социальную позицию, позволяющую ей не только удовлетворять насущные жизненные потребности, но и амбиции. Вследствие этого молодые люди находятся в поиске групп и сообществ, обладающих возможностями и ресурсами для достижения целей [5]. Нередко, этим пользуются радикальные и экстремистские сообщества, вовлекая молодежь обещаниями заработка, обретения престижа и повышения статуса [8].

Предпосылки исследования представлены в психологических теориях ценностей. К числу можно отнести теорию потребностей А. Маслоу, включавших признание окружающих в число важных жизненных потребностей человека [11]. Теория социальных потребностей, предложенная М. Брюер [7] также показывает, что молодежи свойственно стремится к вовлечению в группы и сообщества. Желание быть вовлеченным в социальные группы, быть признанным окружающими актуальна и для современной российской молодежи. Большое число социальных контактов, друзей и групп членства свидетельствует о популярности, выступает предметом подражания, конкуренции и зависти. В свою очередь, трудности со взаимодействием, низкая контактность и малое число друзей снижают статус человека в глазах молодежи, делают его предметом насмешек и оскорблений [19]. Возможность быть участником групп и сообществ, получить в них высокий статус и признание относится к числу социальных потребностей современной молодежи.

Третья группа предпосылок исследования основывается на психосоциальных теориях идентичности [15]. Представителями психосоциального направления утверждается, что человеку присуще формировать особое представление о себе и своем месте в обществе – идентичность. Идентичность описывает выполняемые социальные роли и занимаемые позиции, интегрирует их в целостное мнение человека о себе. Идентичность является образованием самосознания, формируемым посредством рефлексии взаимодействия с разными социальными сообществами и группами. В эмпирических исследованиях показано, что готовность к участию в радикальных и экстремистских сообществах обусловлена нарушением идентификации, неопределенностью идентичности [7].

Обобщая результаты краткого анализа можно прийти к выводу о том, что все три теоретических направления показывают важность социального взаимодействия для молодежи. В них взаимодействие с окружением имеет свойства потребности и рассматривается в качестве условия социального и психологического благополучия.

Отмечается, что недостатки взаимодействия с социальным окружением снижают возможности удовлетворения потребностей молодежи, а также ухудшают социальный статус в среде сверстников. Можно предположить, что депривация либо фрустрация этих социальных потребностей может выступать условием радикализации молодежи. Для проверки выдвинутой гипотезы нами были проведены три исследования.

Первое заключалось в определении перечня актуальных социальных потребностей современной молодежи. Второе было нацелено на выявление отношений между уровнем социальных потребностей и экстремистскими установками. Третье исследование было посвящено анализу коммуникаций, в ходе которых молодых людей вербовали представители радикальных и экстремистских сообществ. В результате нами были получены новые сведения о влиянии поддержки окружающих, признания и уважения на вовлечение молодежи в экстремистские сообщества. Рассмотрим содержание исследований, их процедуру и полученные результаты последовательно.

Целью первого исследования являлось определение перечня и уровня социальных потребностей.

Методом сбора данных выступал самоотчет в форме открытых вопросов. В ходе анкетирования обследуемым требовалось описать недостатки взаимодействия с социальным окружением (использовался вопрос: «Что именно Вам не хватает в отношениях с окружающими людьми?»).

Выборку исследования составили русскоязычные студенты (262 человека, обучающиеся в образовательных учреждениях г. Санкт-Петербурга, Екатеринбург, 47% мужчин, ср. возраст 20,1 год, SD=1,31 лет).

Методом сбора данных являлся частотный контент-анализ (word-mining). Метод предполагает анализ частоты применения слов, относимых к одной словоформе, а также установление связей между часто употребляемыми словоформами [12].

Анализируемый объем лексики составил 458 слов. В результате анализа были выделены 11 словоформ, применяемых для репрезентации недостатков социального взаимодействия. Далее из них были сгруппированы 3 концепта:

- 1) поддержка близких (названы по наибольшей частоте словоформ: мощь, забота, поддержка);
- 2) признание (словоформы: взаимность, участие, согласие);
- 3) уважение окружающих (словоформы: уважение, похвала, оценка).

В результате проведенного исследования были определены три группы актуальных социальных потребностей, нуждающихся в удовлетворении: потребность в поддержке, признании и уважении. Далее, в следующем исследовании изучалось состояние удовлетворения данных потребностей у молодежи и их связь с экстремистскими установками.

Второе исследование нацелено на выявление отношений между состоянием социальных потребностей и экстремистскими установками.

Методом сбора данных являлся самоотчет. Использовались две методики:

- методика оценки экстремистских установок (националистские, фанатические, авторитарные), включающая 20 утверждений, сгруппированных в шкалы соответствующей тематики. Данная методика уже применялась в изучении экстремистских установок [4]. Измерение установок осуществляется методом Лайкерта – пятибалльной шкалой регистрации ответов, содержащей градации от “полностью согласен” до “полностью не согласен”;

- методика субъективной оценки взаимодействия с социальным окружением. Методика состоит из 15 утверждений, сгруппированных в шкалы “социальная поддержка”, “социальная самооценка”, “социальное влияние”. Измерение взаимодействие осуществляется с помощью шкалы Лайкерта.

Методом обработки результатов выступили процедуры корреляционного анализа (по Спирмену). На основании полученных коэффициентов корреляции были выявлены связи между уровнем социальных потребностей молодежи и экстремистскими установками.

Выборка исследования составила 170 человек (жители Республики Узбекистан, Республики Кыргызстан, обучающиеся в образовательных учреждениях 71% – мужчины, ср. возраст 21,2 года).

В результате сбора данных и их статистической обработки были установлены:

- статистически значимая корреляция между социальной поддержкой, социальной самооценкой и фанатическими установками (R Спирмена, $p < 0,01$)

- статистически значимая корреляция авторитарности и социальной поддержки (R Спирмена, $p < 0,05$).

Эти результаты подтвердили наше предположение о связи уровня социальной поддержки и социальной самооценки с экстремистскими установками. Несмотря на отсутствие корреляций социальных потребностей со всеми измеряемыми экстремистскими установками, наличие отдельных связей показывает, что экстремистские установки связаны с представлениями молодежи о взаимодействии с социальным окружением.

Сопоставление этих результатов с аналогичными исследованиями на выборках российской молодежи подтверждает наши выводы. К примеру, социологическое исследование молодежи Красноярского края, выполненное К. А. Дивеевой показывает, что формирование радикальных установок

80 | обусловлено в том числе и проблемами социального взаимодействия [4]. В российских психологических исследованиях насильственного экстремизма установлена схожая связь радикализации с диспозициями насильственного экстремизма [3].

Третье исследование было направлено на изучение содержания коммуникаций, направленных на вовлечение в экстремистские сообщества. Его цель определить наличие в коммуникации тематики поддержки, признания и уважения. Выборкой исследования выступили:

а) материалы 13 диалогов в социальных сетях (мессенджеров) лиц, заявивших о склонении их к участию в экстремистских группах (экстремистской деятельности).

б) материалы самоотчетов о склонении к экстремистской деятельности (14 самоотчетов).

Методом анализа материалов выступил частотный контент-анализ. Для его проведения привлекались три эксперта рассматривающие материалы диалогов и самоотчетов на предмет нахождения в них высказываний, выражающих поддержку, признание или уважение. Согласованность мнения экспертов оценивалась с помощью коэффициента вариации.

Результатом контент анализа стал вывод о том, что:

– в 9 диалогах (69,2 %) с высокой частотой встречаются темы поддержки, демонстрацию уважения;

– в 5 материалах самоотчетов (37,5 %) респонденты указывают на ощущение поддержки, уважения со стороны коммуникатора, осуществлявшего их вовлечение в экстремистское сообщество.

Можно заключить, что стратегии вовлечения молодежи в экстремистские сообщества основывается на демонстрации поддержки и создания эффекта уважения по отношению к собеседнику.

Подводя итоги, отметим, что проведенное исследование подтвердило гипотезу, показав, что неудовлетворенные социальные потребности молодежи могут способствовать повышению радикализации и поддержке экстремистских идей.

Поскольку исследование основано на социально-психологической методологии, то выявленные в первом и втором эмпирических исследованиях факты свидетельствуют не о реальных социальных потребностях, а субъективном переживании молодежью состояния взаимодействия с окружающими людьми. Так как структуры социального взаимодействия молодежи определяют возможности удовлетворения потребностей, их недостаточное функционирование воспринимается и осознается нашими реципиентами в качестве дефектов поддержки и признания окружающих. Следовательно, преодоление проблем социального взаимодействия молодежи может иметь не только психологическое, но и социальное,

экономическое, воспитательное и иные виды решения. Поэтому, по нашему мнению, низкое качество социального взаимодействия не следует относить только к индивидуальным особенностям молодежи [17], но и способности социального окружения обеспечивать должный уровень поддержки [14].

Недостаток социальной поддержки, признания окружающих и уважения со стороны социального окружения, по-видимому, образует психологический механизм радикализации молодежи. Депривация поддержки, признания и уважения обуславливает поиск молодежью новых связей с группами и сообществами, удовлетворяющими данные потребности. Имея возможности взаимодействовать не только в реальном, но и виртуальном мире, молодежь легко устанавливает отношения с теми, кто способен выразить поддержку, предоставить помощь и проявить уважение. Данный факт также свидетельствует о существенном значении качеств социального окружения молодежи. Отрицание, обесценивание и игнорирование молодежи не только на уровне сообществ, но и уровне семей, учебных и производственных групп, выступает катализатором радикализации поведения. К схожим выводам приходят зарубежные исследователи, изучающие влияние внутрисемейных отношений [16] и роль сверстников [9] на радикализацию молодежи. Результаты показывают, что депривация социальных потребностей молодежи «играет на руку» деструктивным социальным сообществам. Имитируя поддержку, манипулируя чувством сниженной самооценки у молодежи, оказавшейся в ситуации депривации социального взаимодействия, они привлекают новых участников для своих сообществ.

Вторым выводом из полученных в исследовании фактов, следует другое значение социального окружения в радикализации молодежи. Нахождение в числе окружения лиц, имеющих радикальные взгляды или придерживающихся экстремистских установок, может привести к «заражению» ими молодежи. Подобный эффект уже был выявлен по отношению к процессам криминализации под влиянием близкого окружения [10].

Третьим выводом исследования стала конкретизация стратегии вовлечения молодежи в экстремистские сообщества. Как было установлено анализом самоотчетов лиц, подвергшихся вербовке, при продвижении используются техники, основанные на демонстрации этих характеристик. В материалах вербовки представлены высказывания о потенциальной поддержке, выражение уважения со стороны участников экстремистских групп за действия в пользу экстремистского сообщества. Эти результаты дополняют знания относительно дискурса и стратегий вовлечения [2], показывая, что не только политические, социально-экономические проблемы, религиозные противоречия выступают обоснованием вербовки [1], но и состояния, вызванные проблемами социального взаимодействия.

Возможными мероприятиями противодействия вовлечению в экстремистские сообщества следует считать повышение социального взаимодействия молодежи внутри и вне молодежных сообществ, повышение вовлеченности молодежи в социальные, производственные, творческие и иные проекты. К числу мероприятий могут относиться программы формирования просоциальной идеологии в молодежной среде, федеральные и региональные программы поддержки молодежных инициатив, образовательные программы развития компетенции молодежи в сочетании с программами поддержки молодежи в различных сферах общественной жизни.

Завершая, отметим, что выявленные факты и выводы уточняют представление о социально-психологических мотивах вовлечения молодежи в экстремистские сообщества, показывают новые направления дальнейшего исследования этой острой социальной проблемы.

Литература

1. Злоказов К. В., Софронова А. Ю. Образы коммуникаторов в стратегии воздействия при пропаганде идей террористической организации «Исламское государство» // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 247–253.
2. Соснин В. А. Современный терроризм и проблема вербовки людей в террористические сети: психологические аспекты // Прикладная юридическая психология. 2015. № 2. С. 20–28.
3. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Методика диагностики диспозиции насильственного экстремизма // Психологическая диагностика. 2017. Т. 14. № 1. С. 78–97.
4. Дивеева К. А. Экстремистские установки студенческой молодежи Красноярск // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 139–145.
5. Blee K. M., DeMichele M., Simi P., Latif, M. How racial violence is provoked and channeled. *Socio*, 2017. № 9. P. 257–276.
6. Brewer M. B. The social self: On being the same and different at the same time // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1991. № 17 (5). P. 475–482.
7. Borum R. Radicalization into violent extremism: a review of social science theories // *Journal of strategic security*. 2011. № 4 (4). P. 8.
8. Fahey S., Simi P. Pathways to violent extremism: A qualitative comparative analysis of the US far-right. // *Dynamics of Asymmetric Conflict*. 2019. № 12 (1). P. 42–66.
9. Jahnke S., Schröder C. P., Goede L. R., Lehmann L., Hauff L., Beelmann A. Observer sensitivity and early radicalization to violence among young people in Germany // *Social Justice Research*. 2020. № 33 (3). P. 308–330.
10. Levey E. K. V., Garandeanu C. F., Meeus W. The Longitudinal Role of Self-Concept Clarity and Best Friend Delinquency in Adolescent Delinquent Behavior // *Journal Youth Adolescence*. 2019. № 4 (8). P. 1068–1081.

11. Maslow A. H. A theory of human motivation // *Psychological Review*. 1943. № 50 (4). P. 370–396.
12. Mautner G. Mining large corpora for social information: the case of elderly. *Language in Society*. Cambridge University Press (CUP); 2007. № 6 (01).
13. Moghaddam F. M. The staircase to terrorism: A psychological exploration // *American Psychologist*. 2005. № 60 (2). P. 161–169.
14. Moskalenko S., McCauley C. The psychology of lone-wolf terrorism // *Counselling psychology quarterly*. 2011. № 24 (2). P. 115–126.
15. Schwartz S. In search of mechanisms of change in Identity development: Integrating the constructivist and discovery perspectives in Identity // *Identity*. 2006. № 2 (4). P. 317–339.
16. Sikkens E., van San M., Sieckelinc S., de Winter M. Parental influence on radicalization and de-radicalization according to the lived experiences of former extremists and their families // *Journal for Deradicalization*, 2017. № 12. P. 192–226.
17. Taylor M., Horgan J. A. Conceptual framework for addressing psychological process in the development of the terrorist // *Terrorism and political violence*. 2006. № 18 (4). P. 585–601.
18. Tusini S. Reading religious radicalization by Merton's strain theory // *Quaderni di Sociologia*, 81 – LXIII. 2019. P. 47–69.
19. Webber D., Klein K., Kruglanski A., Brizi A., Merari A. Divergent paths to martyrdom and significance among suicide attackers // *Terrorism and Political Violence*. 2017. № 29 (5). P. 852–874.

Kirill V. Zlokazov

Maria B. Voroshilova

**SOCIAL SUPPORT, ACCEPTANCE AND RESPECT BY OTHERS:
PSYCHOLOGICAL ROOTS OF YOUTH INVOLVEMENT IN
EXTREMIST GROUP**

Abstract. Factors of youth involvement in extremist communities are the subject of our study. The assumption of the influence of social interaction deprivation on youth radicalization is hypothesis of the study. The theoretical foundations are described and the hypothesis is empirically tested. Confirmation of the hypothesis extends knowledge about the role of social needs in the mechanism of youth involvement in extremist communities.

Keywords: involvement in extremist communities, socio-psychological reasons, social interaction, deprivation of social needs.

О. Г. Хохловская
khokh-olga@yandex.ru
кандидат филологических наук,
доцент Челябинского государственного университета
Челябинск, Россия

РОЛЬ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА В ВЫЯВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ СЕКСУАЛЬНОГО ПОБУЖДЕНИЯ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯХ

Аннотация. Статья посвящена феномену речевой деятельности, реализующей механизм побуждения к действиям сексуального характера, а также технологиям лингвоэкспертного анализа такого рода речевой деятельности. Особое внимание уделяется специфике виртуального дискурса, способствующей реализации коммуникаций подобного типа.

Ключевые слова: интенция, интенциональный анализ, побудительность, побуждение, сексуальные действия, интернет-коммуникации.

В настоящее время уже не вызывает возражений утверждение о том, что интерактивные коммуникативные пространства пользуются большей популярностью у носителей языка, чем ситуации непосредственного взаимодействия [2: 14]. Мотивацию подобного предпочтения интернет-коммуникаций психологи видят в таких видах характеристик интерактивного общения, как: анонимность, фрагментарность, бытийственность, эмоциональная насыщенность, социальность [7: 387]. По замечанию В. Нестерова, например в чате количество неформализованных межличностных контактов «возрастает на порядок» по сравнению с непосредственным взаимодействием [6: 4]. При этом благодаря анонимности, невидимости и опосредованному характеру коммуникаций, такие стандартные критерии выбора партнера, как возраст, внешняя привлекательность, социальный статус, национальная принадлежность теряют свое значение, а на первый план выходит сходство интересов, целей, ценностей, установок, играющих большую роль в формировании чувства симпатии и любви [6: 5]. Обусловленная анонимностью атмосфера доброжелательности и доверительности способствует эмоциональному вовлечению личности в чат-коммуникацию.

На наш взгляд, именно такая характеристика, как анонимность интернет-коммуникаций способствует увеличению преступлений сексуального характера, совершаемых в условиях интерактивного общения. В связи с этим возрастает актуальность научных и научно-методических изысканий, спо-

собствующих выявлению наиболее эффективных технологий экспертной деятельности в этой области речевых практик. Целью данного сообщения является позиционирование эффективности такого метода экспертной деятельности, как интен-анализ.

Следует отметить, что с развитием лингвистики, судебной лингвистики, психологии, психолингвистики и прочих смежных дисциплин набор методов анализа текста все пополняется и пополняется. Большая часть используемых методов, например контент-анализ, дискурсивный анализ, конверсационный анализ [5: 68–118] используются для выявления смысла текста и определения коммуникативных ролей коммуникантов [1: 145]. Однако в рамках судебной лингвистической экспертизы часто возникают вопросы, требующие выявления всех аспектов коммуникативных намерений говорящих. На наш взгляд, для рассмотрения намерений (интенций), по-разному проявляющих себя в процессе коммуникации, может быть применен метод интен-анализа.

Интен-анализ является методикой, которую используют в работе судебные эксперты-психологи, однако анализ интенций (намерений) может также осуществляться экспертом-лингвистом при проведении комплексной психолого-лингвистической экспертизы устного или письменного текста [4: 5]. А. Г. Волкова предлагает следующий алгоритм интен-анализа:

- определение стиля текста (если речь идет о письменном тексте) и особенностей коммуникативной ситуации,
- выделение языковых средств, характерных для того или иного стиля речи (эмоциональная окрашенность текста, сравнения, лексические особенности, наличие специфических эпитетов),
- выделение грамматических средств и их интерпретация: употребление и динамика употребления личных местоимений, существительных, глаголов,
- выделение значимых для автора текста тем или микротем, объектов разговора (если речь идет об устном тексте),
- выделение или редуцирование тем текста проходит в зависимости от наличия так называемых дескрипторов, то есть описаний или подробностей, касающихся объектов устной или письменной речи,
- выделяются только те темы, которые имеют не менее двух дескрипторов, в противном случае тема считается не значимой для анализа целевой установки автора текста,
- количественная обработка данных: подсчет количества значимых тем-интенций,
- интерпретация результатов.

Центральной задачей экспертных исследований, связанных с преступлениями сексуального характера, является выявление в тексте признаков сексуального побуждения с целью удовлетворения половых потребностей, к которым относятся следующие:

а) признаки побуждения к изготовлению и передаче фото- и видеоматериалов с изображением половых органов и других частей тела;

б) признаки побуждения к вступлению в акт, иным действиям сексуального характера.

Известно, что побудительность – одно из ведущих целеполаганий говорящего, отражающего его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата. Инициатор коммуникации, в приведенном ниже примере, У. Д. К., является адресантом (отправителем) и субъектом речевого действия с интенцией побуждения, которое направлено адресату М. Т. Е. (получателю) – объекту воздействия со стороны адресанта У. Д. К. Обобщенное интенциональное значение побуждения обычно интегрируется из ряда конкретных, каждое из которых имеет свои прагматические условия для реализации и свои языковые средства выражения. С точки зрения Н. И. Формановской следует различать следующие разновидности побудительных интенций: 1) просьба, 2) предложение, 3) совет, 4) требование, 5) приказ, 6) предупреждение, 7) запрет, 8) разрешение, 9) подстрекательство, 10) соблазнение [10: 189–190]. Анализ исследуемого дискурса показал, что в репликах У. Д. К. имеют место почти все разновидности указанных выше речевых актов с побудительной интенцией. Рассмотрим примеры:

1. Просьба. Отличительной чертой речевого акта просьбы является наличие актуализаторов вежливости: *пожалуйста, прошу вас, будьте любезны* и др. В дискурсе У. Д. К. этот признак прослеживается в таких репликах, как: «*Пожалуйста*»); «*Ну плиз*) Я тоже скину»); «*Ну плиз*). *Пожалуйста*»); «*Ну плиз*»); «*Да Тима, ну скинь видео. Я щас тоже снимать для тебя буду. Ну чувак, ну плиз*»); «*Я щас тоже сниму видео. Пожалуйста, умоляю*»); «*Почему? Ну пожалуйста*»); «*Ну плиз*».

Если просьба не достигает цели, говорящий прибегает к упрощиванию, уговариванию, увещиванию, мольбам, заклинанию. Примеры подобных речевых актов из дискурса У. Д. К.: «*Скинь фотку, и помолчу*»); «*Ну че, скинь фотку*»); «*Ты обещал. Потом я тебе тоже скину*»); «*Да давай*»); «*Ну плиз*). *Пожалуйста*»); «*Я щас тоже сниму видео. Пожалуйста, умоляю*».

2. Предложение как речевой акт с побудительной интенцией также представлен в дискурсе У. Д. К.: «*Скинь фотку пениса*»); «*Да. Скинь еще фоток*) *Ау*» и др.

3. Совет как речевой акт с побудительной интенцией в дискурсе У. Д. К. предьявлен следующим образом: «*Без руки, с яйцами*) *С боку сфоткай*»); «*Только знаешь как сними*) *Поставь перед собой камеру, разденься, неспеша дрочи и стони, типа тебе приятно*) *Ок?*»)) и др.

4. Требование как речевой акт с побудительной интенцией в дискурсе У. Д. К.: «*Нет ты и точка. Ну, я жду*».

5. Подстрекательство. Глаголы, выражающие характер данного речевого действия, по данным словарей, следующие: подстрекать, инспирировать (книжн.), провоцировать, подговаривать, подучивать (разг.), подбивать (разг.), подзуживать (разг.), подзадоривать (разг.), поддразнивать (разг.), подначивать (прост.), наущать (устар.), науськивать (разг.) и др. [8: 170]. Подстрекательство как речевой акт с побудительной интенцией в дискурсе У.Д.К.: «*Хочешь я во весь рост голый скину?) А тебе так слабо?*») – размещена фотография обнаженного тела подростка; «*Слабо? Ну так че, слабо?*»; «*А яйца где? Давай с яйцами. Давай вообще как я. Или слабо. И открой головку*»; «*Нет, во весь рост, без одежды*»); «*Так попроси чтоб показал и сам покажи) Ну скинь фотку) Я тоже потом скину*»; «*Давай видео. Я тебе тоже видео скину*»); «*Только знаешь как сними) Поставь перед собой камеру, разденься, неспеша дрочи и стони, типа тебе приятно) Ок?*») и др.

Грамматическим признаком того, что исследуемый дискурс У. Д. К. носит побудительный характер является использование с высокой степенью частотности глаголов в побудительной модальности: *говори, скинь, давай, сними, разденься, стони, сфоткай, попроси, покажи, поставь* и др. Кроме того, наличие данных глаголов свидетельствует о том, что действия, к которым побуждает адресант У. Д. К. адресата М. Т. Е., направлены на изготовление и передачу фото- и видеоматериалов с изображением половых органов.

Реплики М. Т. Е.: «*Нет ты*»; «*Ты первый я всегда первый. Давай*»; «*Нет ты можешь помолчать я смотрю Ярика лапу*»; «*Ты тепери*» – могут быть истолкованы как стремление уклониться от выполнения просьб адресанта У.Д.К. с помощью побуждений различного смыслового содержания, направленных в адрес собеседника: «*сначала сделай ты, т.к. я не хочу это делать первым; прекрати просить – у меня нет времени на выполнение твоих просьб – я занят*». Реплики М. Т. Е.: «*Нет ты можешь помолчать ...*»; «*Ацтань*»; «*Ацтани*» – могут быть истолкованы как прямой отказ в выполнении обращенных к нему просьб и побуждение собеседника к прекращению коммуникации.

Ответ на вопрос о признаках побуждения к вступлению в половой акт или иным действиям сексуального характера требует, прежде всего, трактовки понятий «секс» и «действия сексуального характера». Современный словарь иностранных слов дает такие определения:

1. Секс [*< лат. sexus пол*] – половые отношения, совокупность психических реакций, переживаний, установок и поступков, связанных с проявлением и удовлетворением полового влечения.

2. Сексуальный [*лат. sexualis*] – 1) половой, имеющий отношение к половой жизни; 2) чувственный [9: 547].

В юридическом словаре термин «действия сексуального характера» используется преимущественно с прилагательным «насильственные»

и трактуется следующим образом: насильственные действия сексуального характера – преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности. К таким действиям относятся: мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам, либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей) [3: 118]. Такие терминологические и семантические «нестыковки» создают определенные сложности в процедуре реализации экспертных исследований.

Учитывая то, что сексуальные действия могут проявляться без контакта: в форме парафилий – достижения полового удовлетворения с помощью необычных и культурно неприемлемых стимулов, речевые действия все же У. Д. К. подпадают под определение сексуальных действий. В подобных случаях объектов заставляют смотреть, раздеваться, участвовать в мастурбации, совершать в присутствии субъекта другие сексуальные действия, принимать какие-либо позы и пр. В репликах, приведенных выше, У. Д. К. предлагает М. Т. Е. следующие действия: рассматривать фотографию пениса адресанта; совершать различные манипуляции с собственными половыми органами; фотографировать свои половые органы и размещать их в сети; снимать на видео манипуляции с половыми органами и высылать У. Д. К.; показывать свои половые органы друзьям и просить их сделать то же самое. Все эти действия имеют отношение к половой жизни, поэтому высказывания У. Д. К. можно признать речевыми актами, побуждающими адресата к действиям сексуального характера, например, вуайеризму (наблюдение за половым актом или за обнаженными объектами сексуальных предпочтений).

С точки зрения психологии, действиями сексуального характера можно признавать те, которые не являются естественным половым актом, но по своему содержанию замещают его. Это могут быть как пограничные варианты нормы сексуальных взаимоотношений, существующих в обществе, так и выраженные отклонения от нормы. Но в любом случае, действия сексуального характера являются сублимацией естественного полового акта, их конечной целью для участника (осознанно или неосознанно) является получение полового удовлетворения.

В экспертных исследованиях, связанных с сексуальным вовлечением, большую роль играет выявление коммуникативных ролей коммуникантов. В первую очередь это касается решения задачи по выявлению субъект-объектных отношений участников коммуникации. Для ответа на вопрос, содержит ли исследуемый текст признаки, однозначно выявляющие субъект и объект побуждающих речевых действий, и мотивацию их речевого поведения проведен интент-анализ, состоящий из следующих алгоритмических шагов: проведена классификация иницирующих и неиницирующих реплик участ-

ников коммуникации; выявлены доминирующие интенции коммуникантов; определены субъект-объектные отношения в данном виде коммуникации.

Показатели	Дискурс У. Д. К.	Дискурс М. Т. Е.
Количество реализованных высказываний	167	88
Из них:		
Количество реплик с побуждающей интенцией	49	8
Количество реплик, содержащих отказ от коммуникации в предлагаемых условиях	3	31
Количество реплик, выражающих сомнение, смущение, неуверенность в допустимости совершаемых действий	0	10
Количество реплик, инициирующих коммуникативные действия	51	9
Количество размещенных фотографий половых органов и обнаженного тела	2	3

Как видим, интерпретация данных, полученных в результате интен-анализа, основана как на качественной, так и на количественной обработке текста. Количественные данные, основанные на качественной обработке, играют существенную роль в получении выводов по тексту.

Исходя из того, что в дискурсе У. Д. К. преобладают реплики с побуждающей интенцией и реплики, инициирующие коммуникативные действия, можно утверждать, что субъектом исследуемой коммуникации является У. Д. К., а объектом побуждающих коммуникативных действий является М. Т. Е. В то время как в дискурсе М. Т. Е. доминируют высказывания, содержащие сомнения, смущение, неуверенность в допустимости совершаемых действий, отказ от коммуникации в предлагаемых условиях, в дискурсе У. Д. К. наблюдается высокая степень побуждения и воздействия. Таким образом, в исследуемой коммуникации малолетний М. Т. Е., выступает как реципиент, не до конца отдающий себе отчет в сексуальном характере реализуемой коммуникации.

Таким образом, мы готовы утверждать, что такие методы работы с текстом, как коммуникативный анализ, дискурс-анализ и интен-анализ являются необходимой составляющей методик проведения лингвистических исследований, дающих достаточно объективный результат. Междисциплинарный характер данных видов текстового анализа формирует такое их качество, как универсальность, которое позволяет использовать подобные методы как в лингвистической, так и в психологической части экспертных исследований комплексного характера.

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. Москва: Флинта: Наука, 2007. 592 с.

2. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 325 с.
3. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. 2003. 675 с.
4. Волкова А. Г. Методика интент-анализа в лингвистической экспертизе устного текста: проблема интерпретации данных // Сб. материалов конф. «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия», 2019 <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw9/volkova-2019>.
5. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М. Гнозис, 2011. 224 с.
6. Нестеров В. К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете // <http://flogiston.ru/articles/netpsy/netemotions>.
7. Основы теории коммуникации: Учебник / Под ред. проф. М. А. Васильяка. М.: Гардарики, 2003. 615 с.
8. Словарь синонимов русского языка / ИЛИ РАН; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. 680 с.
9. Современный словарь иностранных слов: Ок. 20 000 слов. М.: Рус. яз., 1992. 740 с.
10. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: ИКАР, 1998. 291 с.

Olga G. Khokhlovskaya

**THE ROLE OF INTENTIONAL ANALYSIS IN IDENTIFYING
SIGNS OF SEXUAL MOTIVATION IN INTERNET
COMMUNICATIONS**

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of speech activity, which realizes the mechanism of inducement to actions of sexual nature, and also to the technologies of linguoexpert analysis of such kind of speech activity. Particular attention is paid to the specifics of virtual discourse, contributing to the implementation of communications of this type.

Keywords: intension, intentional analysis, stimulus, inducement, sexual action, Internet communication.

Раздел 3.

РИТОРИКА И ПРАКТИКА НАСИЛИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ

В. А. Трофимова

leratrofimova@mail.ru

старший преподаватель Южного федерального университета

Ростов-на-Дону, Россия

В. Ю. Меликян

melikyany@mail.ru

доктор филологических наук,

профессор Южного федерального университета

Ростов-на-Дону, Россия

КОММУНИКАТИВНОЕ ДАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ ВИДОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В данной статье обосновывается необходимость разграничения нериторических и риторических, кооперационных и конфронтационных видов речевого воздействия. Коммуникативное давление квалифицируется как риторический конфронтационный вид воздействия, исследуются речевые средства его реализации.

Ключевые слова: речевое воздействие, конфронтационная коммуникация, коммуникативное давление.

В современном мире резко возросла роль различного рода средств массовой информации в формировании общественного мнения. Широкие возможности передачи и распространения информации являются результатом развития цифровых технологий, в частности сети интернет, предоставляющей неограниченный доступ к аудио- и видеоматериалам аналитических программ, политических выступлений, интервью и прочее. Новый формат функционирования СМИ предлагает неограниченный поток информации, а также способов ее интерпретации. В такой конкурирующей среде информационных источников каждый из них стремится использовать наиболее оптимальные инструменты речевого воздействия для достижения наибольшего прагматического эффекта, что часто приводит к превышению допустимой нормами морали и этики меры воздействия и обуславливает необходимость определения соответствующих правил.

При установлении допустимой меры речевого воздействия целесообразно опираться на разграничение двух типов норм – языковой и риторической. Языковая норма рождается в русле логико-ориентированного подхода [24], который предполагает использование исключительно логического канала передачи и обработки информации. Языковая норма определяется как

«совокупность языковых средств и закономерностей их использования, свойственных данной форме существования языка, которые ей приписаны коммуникативным сообществом и которые в соответствии с этим данное коммуникативное сообщество использует как обязательные» [11: 104]. Данная норма представляет собой некий эталон речевого высказывания и носит жесткий характер кодификации, оставаясь неизменной в различных коммуникативных условиях.

Риторическая норма опирается на концепцию функционального подхода, который смешивает логический и эмоциональный каналы передачи и обработки информации и руководствуется принципом коммуникативной целесообразности [7; 20; 22]. Девиации риторической нормы от языковой порождаются тропами и фигурами, которые в классической риторике трактуются как «аномалии, культурно закрепленные в прецедентных текстах. Это маркированные знаки, отличающиеся от обычных» [11: 53]. Риторическая норма как отклонение от нормы языковой не рассматривается как деструктивное явление, поскольку «отклонение – это не то, что противостоит некой единственной абсолютной норме, а взаимное отклонение двух норм» [4: 9]. Иными словами, отклонение от языковой нормы в риторике есть норма.

Однако при определении допустимого уровня речевого воздействия следует опираться на такой тип нормы, который остается неизменным независимо от коммуникативных условий реализации высказывания и не ориентирован на оптимизацию прагматического эффекта. При таком подходе к речевому воздействию в качестве речевого эталона следует принять языковую норму, которая рассматривает различного рода речевые инновации как способ повышения речевой аттрактивности, а, следовательно, интенсификации речевого воздействия.

В качестве компонентов речевой модели воздействия могут послужить основные компоненты риторики – логос, этос и пафос, где логос интерпретируется как владение интеллектуальными ресурсами аргументации, этос функционирует как показатель речевой экологичности, идентифицирующий кооперационный и некооперационный стиль общения, а пафос представляет собой эмоциональную технику воздействия, посредством которой интенсифицируется речевой тон высказывания.

С позиции языковой нормы возможно выделение двух видов речевой модели воздействия: нериторической (логической) и риторической (логико-эмоциональной) в зависимости от наличия в ней эмоционального компонента – пафоса. Нериторическая модель состоит из логоса и этоса, строго следует языковой норме, направлена исключительно на когнитивную сферу, а потому задействует единственный канал передачи и обработки информации – логический. Данные характеристики речевого воздействия принадлежат такому типу речевого акта, как аргументация, которая «стре-

мится к обоснованности, эффективности доказываемых тезисов и идеалу истины» [10: 30]. Исследователи, как правило, рассматривают аргументацию как специфическую форму деятельности [18], «речемыслительное действие, включающее систему утверждений, предназначенных для оправдания или опровержения какого-либо мнения» [10: 32]. Таким образом, мы предлагаем выделять аргументацию в качестве самостоятельного нериторического вида речевого воздействия, что обусловлено ее способностью самостоятельного функционирования в речи, а также участием в ее реализации единственного канала – логического. Рассмотрим пример реализации речевой модели аргументации:

Использование национальных валют – это наша цель не только в рамках отношений с партнерами евразийского экономического союза. Мы обсуждаем это и с другими коллегами в рамках шанхайской организации сотрудничества, в рамках брискс и в других форматах [9].

В речевой модели данного высказывания логос реализуется двумя компонентами: тезисом (*Использование национальных валют – это наша цель*) и аргументом (*Мы обсуждаем это и с другими коллегами*), взаимосвязь которых представлена на логико-смысловом уровне и опирается на причинно-следственные отношения между ними. Этос квалифицирует высказывание как кооперативное.

Поскольку СМИ ориентированы, прежде всего, на формирование у аудитории определенного мнения, подобные примеры не являются для них типичными, так как речевое воздействие, реализующееся только посредством одного логического канала, не представляется эффективным для данной задачи. Исключение составляют официальные обращения представителей различных структур к широкой аудитории с помощью средств массовой информации.

Риторические виды речевого воздействия опираются на трехкомпонентную модель, включающую логос, этос и пафос, и выходят за рамки собственно языковой нормы, используя различные экспрессивные речевые средства. Экспрессивно-эмоциональное оформление речи привлекает адресанта и повышает убеждающий потенциал воздействия, реализующегося в такой модели с помощью двух каналов передачи и обработки информации – логического и эмоционального. Однако риторическое воздействие является неоднородным с точки зрения соблюдения норм коммуникации. Экспрессивный потенциал риторического воздействия может носить как конструктивный, так и деструктивный характер. Выполняя конструктивную функцию, эмоциональное воздействие направлено на эстетизацию речи и достижение положительного прагматического эффекта. Деструктивное воздействие ориентировано на формирование психоэмоционального дискомфорта, который способствует реализации коммуникативной интенции адресанта. Таким образом, в соответствии с характером функции риторического воздействия можно выделить

его кооперационные (конструктивные) и конфронтационные (деструктивные) виды. К кооперационному виду речевого воздействия относится убеждение, предполагающее «и логическую прозаичность, и яркую образность, которая усиливает эту образность и делает речь запоминающейся» [19: 7]. Рассмотрим реализацию речевой модели убеждения в следующем примере:

Насчет ЕГЭ. ...это система не коррумпированная. Уже научились принимать ЕГЭ без коррупции. И я могу подтвердить. И вот почему. Потому что в том же московском университете в советское время был конкурс родителей, парткомов и денег. А сейчас могут прийти и учиться, действительно, талантливые ребята из любой точки нашей страны. У меня на факультете учатся ребята из 82 субъектов РФ, приехали отовсюду. Это колоссальное завоевание [1].

Логос реализуется трехкомпонентной структурой: тезис (*это система не коррумпированная*), аргумент (*Потому что в том же московском университете ... А сейчас могут прийти и учиться, действительно, талантливые ребята из любой точки нашей страны*) и вывод (*Это колоссальное завоевание*). Аргументация построена на контрастивно-оценочной речевой тактике, которая основывается на противопоставлении фактов прошлого и настоящего (*был конкурс – могут прийти и учиться, учатся; в советское время – сейчас*). Аргумент носит объективный характер, так как подтверждается статистическим данным (*учатся ребята из 82 субъектов РФ*). Компоненты логоса связаны не только смысловой связью, но и с помощью аргументативных слов-маркеров (*вот почему, потому что*).

С точки зрения этоса высказывание носит кооперативный характер, который проявляется в позитивной манере изложения, положительной оценке объекта речи и доброжелательности по отношению к аудитории.

Реализация пафоса в речевой модели убеждения обусловлена наличием семантико-стилистических и синтаксических риторических средств в данном высказывании, выполняющих функцию эстетизации речи. В их число входят мягкая ирония (*Уже научились принимать ЕГЭ без коррупции*), парцелляция (*И я могу подтвердить. И вот почему. Потому что...*), которая позволяет расставить смысловые акценты; эпитет, выражающий положительную оценку (*колоссальное завоевание*).

Отсутствие в системе видов речевого воздействия риторического конфронтационного вида обуславливает необходимость его введения и исследования способов его функционирования в речи. В качестве такого вида воздействия мы предлагаем рассматривать коммуникативное давление. Некоторые исследователи предпринимали попытки определить лингвистический статус данного феномена и выявить его основные характеристики. Так, К. М. Шилихина считает коммуникативное давление обратной стороной убеждения, «если говорящий воздействует на мысли и чувства адресата» и «хочет любыми

способами изменить поведение собеседника», «побудить его к определенному действию» [21: 63]. В. Ю. Андреева трактует коммуникативное давление как некооперативное речевое действие, обратное коммуникативному саботажу. По словам исследователей, давление сопровождается вторжением внутрь личной сферы индивида, усилением воздействия любыми средствами, способствующими достижению коммуникативной цели [3; 21]. Нарушение коммуникативных границ рассматривается как проявление конфронтационного характера воздействия. Таким образом, коммуникативное давление представляет собой самостоятельный риторический конфронтационный вид речевого воздействия, механизм реализации которого выступает критический анализ информации при одновременном проявлении деструктивных эмоций.

Конфронтационный характер речевой модели давления порождается наличием конфликтогена в одном или нескольких ее компонентах, под которым понимается «вербальный и невербальный знак, провоцирующий возникновение конфликта» [12: 9].

Появление конфликтогена в речевой модели коммуникативного давления обусловлено нарушением правил (норм) организации компонентов модели речевого воздействия: логического (логоса), этико-коммуникативного (этоса) и правил эмоциональной техники выражения (пафоса). Логическая норма определяется законами формальной логики: тождества, противоречия, исключенного третьего, достаточного основания, регламентирующими качественно содержания высказывания. Под этически-коммуникативными нормами понимают «нормы, ориентированные на обеспечение максимально возможной эффективности общения» и предписывающие «сдерживать негативные эмоции и смягчать негативную информацию, не допускать унижения и оскорбления человеческого достоинства, грубости» [17: 26]. Этико-коммуникативные нормы речевого воздействия регламентируются постулатами кооперации П. Грайса [23] и максимами вежливости Дж. Лича [25]. Нарушение правил эмоциональной техники воздействия проявляется в выборе понижающего пафоса.

Следует заметить, что конфликтогены речевой модели коммуникативного давления могут приобретать разный статус в зависимости от специфики их функционирования. Этико-коммуникативные нормы, регламентирующие этос, фиксируют отклонения во всех аспектах коммуникации – логическом, этическом и эмоциональном. При нарушении этического аспекта коммуникации этос становится первоисточником деструктивности, а его конфликтоген принимает первичный статус. При наличии нарушений логического и эмоционального компонентов первоисточниками деструктивности являются логос и пафос. Однако при данных нарушениях коммуникация не может квалифицироваться как этически корректная и этос приобретает деструктивный характер, обусловленный первичными конфликтогенами других

компонентов речевой модели давления. В этом случае конфликтогены этоса рассматриваются как вторичные.

Первичные конфликтогены речевой модели коммуникативного давления могут проявляться как в ее отдельных компонентах – логосе, этосе или пафосе, так и в их сочетаниях: а) логосе и этосе; б) логосе и пафосе; в) этосе и пафосе; г) логосе, этосе и пафосе. Конфликтогены речевой модели давления объективируются средствами речевой агрессии. В соответствии со способом выражения агрессивного смыслового содержания (по форме/содержанию) многие исследователи разделяют средства реализации речевой агрессии на лексико-грамматические и дискурсивные, или эксплицитные и имплицитные. К первым можно отнести инвективную лексику, жаргонизмы, просторечия, сленг, негативно-оценочную лексику словообразовательные окказионализмы, направленные на оскорбление, агрессивные метафоры, сравнения и перифразы, а также словообразующие аффиксы субъективно-негативной оценки, грубо-фамильярные частицы, императив. Вторая группа средств речевой агрессии реализуется коммуникативными стратегиями и тактиками конфронтационного характера, агрессивной иронией, престаупающей границы уместности, сарказмом и другими способами проявления речевой агрессии, которые «не столько заключены в самих словах, сколько связаны с принятыми нормами успешного общения, знаниями участников общения о мире, проблемами адекватного истолкования слов, явлением интертекстуальности» [16: 113]. Поскольку нарушения логической нормы мы также рассматриваем как проявление конфронтационного воздействия, то к средствам реализации речевой агрессии можно отнести фигуры нарочитого алогизма, противоречащие законам формальной логики [14].

В следующем высказывании реализуется речевая модель коммуникативного давления, обусловленная наличием конфликтогена в логосе:

Надо добиваться, чтобы к тридцатому году продолжительность жизни была не 78 лет, а 85. Этого можно добиться, если будет больше жилья, хорошее питание. Главное, не ругаться, не обижать друг друга, поднять культуру наших отношений [8].

В данном высказывании конфликтоген логоса репрезентируется эффектом обманутого ожидания, основанного на нарушении логической предсказуемости. Суть этого феномена заключается в том, что появление каждого последующего элемента высказывания подготовлено предшествующими и определяет последующие. Однако при появлении элементов малой вероятности «возникает нарушение непрерывности, которое действует подобно толчку: неподготовленное и неожиданное создает сопротивление восприятию, преодоление этого сопротивления требует усилия» [15: 49] со стороны адресата, а потому оказывает на него более мощное прагматическое воздействие. В данной примере эффект обманутого ожидания реализуется логической

неоднородностью аргументативных элементов, абсурдным объединением аргументов материального (*больше жилья, хорошее питание*) и духовного характера (*Главное, не ругаться, не обижать друг друга, поднять культуру наших отношений*). Такая подмена одного типа аргумента другим нарушает закон тождества и обуславливает формирование вторичных конфликтогенов в этосе, нарушающих постулат релевантности. Кроме того, последний аргумент не обнаруживает причинно-следственной связи с тезисом (*Этого [чтобы продолжительность жизни была не 78 лет, а 85] можно добиться*), поскольку цель увеличения продолжительности жизни граждан требует от правительства действий в материальной сфере, а не в сфере духовной культуры. Данный конфликтоген возникает вследствие нарушения закона достаточного основания, что ведет к нарушению постулата качества и образованию вторичных конфликтогенов этоса.

Речевая модель коммуникативного давления, эксплицирующая конфликтоген этоса, оказывается распространенной в медийной коммуникационной среде при межличностном взаимодействии коммуникативных партнеров, ограниченных дискурсивными средствами выражения речевой агрессии. В ходе интервью, представленном в следующем речевом фрагменте, адресант проявляет недоброжелательность по отношению к адресату, нарушая нормы организации этоса:

Кашин: – И вот вы защищаете бесплатно, почему? Из соображений филантропии? Из соображений пиара? Или из-за какой-то третьей мотивации? Добровинский: – Ну, если вы хотите, чтобы я сейчас разъединился, то это может произойти. Но я хотел бы, чтобы вы взяли обратно свои слова [2].

Конфликтоген этоса в высказывании интервьюера заключается, во-первых, в превышении допустимого количества коммуникативных шагов, выраженных последовательностью вопросов, адресованных собеседнику. Подобный коммуникативный прием не дает собеседнику сконцентрироваться, чтобы сформулировать свой ответ, и нарушает постулат количества. Во-вторых, вопросы интервьюера, заключающие в себе его собственные предположения, носят характер насмешки. Такой постановкой вопросов он дает понять собеседнику, что допускает любую возможную причину его предложения бесплатно защищать потерпевших, начиная от самых благородных (*Из соображений филантропии*) до корыстных (*Из соображений пиара*), что приводит к нарушению максимы одобрения. Говорящий не только навязывает адресату готовые ответы, заставляя его мыслить в определенном формате, но и своими неуместными вопросами косвенно выражает пренебрежительное отношение к нему, нарушая максимы такта и симпатии, пренебрегая правилом демонстрировать собеседнику свою доброжелательность. Ответ адресанта доказывает, что выбор такой линии речевого поведения может поставить коммуникацию под угрозу срыва.

Реализация модели коммуникативного давления, в которой пафос является единственным первичным источником деструктивности, широко распространена в безличной форме публичной коммуникации, различающей понятия объекта речи и ее адресата. Направляя агрессию на объект речи, адресант превышает допустимый уровень выражения критики, тем самым навязывая свою негативно-субъективную оценку адресату. В этом случае конфликтогены пафоса зачастую реализуются агрессивно маркированными речевыми единицами. Рассмотрим следующий пример:

Зубодробительный пафос! Зубодробительный пафос этой речи. Не понимаю, почему Вы этого не слышите. Я понимаю, почему этого не слышат американцы. Потому что они вскормлены этим пафосом, они уже по-другому не воспринимают никакую информацию. И, к сожалению, уже выросли поколения людей в силу чудовищно дурного образования, в силу ничтожнейше малого чтения, в силу чудовищной дебилизации того, что воспитывает людей – культуры, кино. В силу этого они содержание как таковое, суть воспринимать не могут [5].

Конфликтоген пафоса в данном высказывании заключается в интенсификации оценочных значений лексических единиц, которая выступает фактором деструктивного речевого воздействия. Свойство градуальности качественных прилагательных позволяет варьировать силу их воздействия. В данном высказывании выбор лексических единиц с высокой степенью проявления семантического признака (*Зубодробительный пафос, чудовищная дебилизация*), а также употребление наречий-интенсификаторов (*чудовищно дурное образование, ничтожнейше малое чтение*), выполняющих функцию усиления качественной составляющей речи, приводит к яркой категоричной интерпретации объективной действительности, вызывающей мощную эмоциональную реакцию аудитории. Обращение к речевым единицам с гиперутрированной экспрессивной оценкой можно рассматривать как способ оказать дополнительное влияние на реципиента и заставить его согласиться с точкой зрения адресанта.

Конфликтогенность пафоса также объективируется словообразовательным неологизмом (*дебилизация*), представляющим некодифицированный пласт лексики. Негативная оценка, которую он выражает, опирается на инвективное значение разговорной единицы *дебил*, служащей в качестве его основы. Неоправданный лексический повтор при перечислении однородных членов предложения создает атмосферу нагнетания (*Зубодробительный пафос! Зубодробительный пафос этой речи; в силу чудовищно дурного образования, в силу ничтожнейше малого чтения, в силу чудовищной дебилизации*), что также является попыткой интенсификации коммуникативного намерения. Такое агрессивное речевое поведение говорящего свидетельствует о нарушении постулата количества и максим одобрения и симпатии и вызывает вторичные конфликтогены этоса.

В сфере средств массовой информации смешанные модели реализации коммуникативного давления наиболее часто представлены речевой моделью с первичными конфликтогенами в этосе и пафосе. Преступая этико-коммуникативные нормы общения, говорящий зачастую обращается к стилистически маркированным агрессивным средствам в стремлении сделать свою речь более образной, доступной и запоминающейся. Рассмотрим следующий пример с реализацией первичных конфликтогенов в этосе и пафосе:

Вы выходили на майдан за свой интерес, вам было плевать, что вы ломаете миллионы судеб и жизней и мою в том числе. И вам должно быть стыдно. Что вы приобрели в результате майдана? Без виз? Так сколько людей может поехать? Вы потеряли Крым, вы потеряли Донбасс, вы залили кровью Донбасс, вы убили на Донбассе сколько людей! Сколько людей вы заставили уехать! У вас у всех, у каждого, руки по локоть в крови. И тогда, когда вы вышли на майдан, и тогда, когда вы рукоплескали Турчинову, и тогда, когда вы пошли голосовать за Порошенко. Даже если вы просто это все поддерживаете и этому симпатизируете, то вы соучастник и вы тоже несете такую же ответственность, как и все остальные [6].

Приведенный выше речевой фрагмент эксплицирует высокую степень коммуникативного давления при неоднократном нарушении норм организации этоса и пафоса. Конфликтогены этоса заключаются в реализации конфронтационных тактик, а именно тактики обвинения (*вам было плевать; Вы потеряли Крым... У вас у всех, у каждого, руки по локоть в крови. ... вы соучастник и вы тоже несете такую же ответственность*), тактики порицания (*И вам должно быть стыдно*), тактики возмущения (*Что вы приобрели в результате майдана? Без виз? Так сколько людей может поехать? Сколько людей вы заставили уехать!*). Подвергая своего оппонента обвинениям и резкой критике, говорящий вводит его в состояние психоэмоционального дискомфорта, а также способствует формированию негативного отношения к нему аудитории. Порождение первичных конфликтогенов в этосе обусловлено нарушением максим одобрения, согласия и симпатии.

Конфликтогены пафоса проявляются в эмоциональной эскалации агрессивного тона речи и реализуются стилистически маркированными лексическими и лексико-синтаксическими средствами. С помощью разговорной лексической единицы *плевать*, актуализирующей свое переносное негативное значение, подчеркивается крайне пренебрежительное отношение адресата к сломанной судьбе говорящего и многих других людей. Мощным речевым средством, повышающим агрессивный потенциал высказывания, выступает метафора (*залили кровью Донбасс; руки по локоть в крови*). Метафора способна визуализировать описываемую ситуацию, сделать ее более наглядной, понятной и яркой. «Языковая метафора есть отражение метафоры когнитивной, анализируя ее, мы получаем возможность исследовать когнитивную модель

интерпретации того или иного фрагмента действительности носителями языка» [13: 109]. Агрессивная метафора сосредотачивает в себе негативный образ объективной действительности и оказывает деструктивное воздействие как на оппонента, так и на массового адресата. Еще одним конфликтогеном пафоса, реализующим эскалацию агрессивного тона высказывания, является амплификация (*Вы потеряли Крым, вы потеряли Донбасс, вы залили кровь; И тогда, когда вы вышли на майдан, и тогда, когда вы рукоплескали Турчинову, и тогда, когда вы пошли голосовать*). Данная фигура нагромождения объективируется лексическим повтором и однотипностью синтаксической структуры, что приводит к эффекту эмоционального нагнетания, и соответственно, психоэмоциональной дестабилизации оппонента. Речевая избыточность, реализующаяся амплификацией, нарушает постулат количества, а интенсифицированная негативно-субъективная оценка, выраженная агрессивно маркированными лексическими средствами, нарушает максимы одобрения и симпатии. В результате несоблюдения постулатов кооперации и максим вежливости порождаются вторичные конфликтогены этоса.

Таким образом, опора на языковую норму как на речевой эталон, а также противопоставление языковой нормы риторической обуславливает необходимость корректировки типологии видов речевого воздействия. Целесообразно разграничивать три смежных их вида: аргументацию, убеждение и коммуникативное давление. Аргументация представляет собой нериторический кооперационный вид речевого воздействия с двухкомпонентной моделью его реализации. Убеждение является риторическим кооперационным видом речевого воздействия с речевой моделью реализации, состоящей из трех компонентов. Коммуникативное давление – риторический конфронтационный вид речевого воздействия, трехкомпонентная модель реализации которого включает в себя конфликтоген в одном или нескольких ее компонентах. Конфликтогены могут реализовываться нарушением причинно-следственной связи, эффектом обманутого ожидания, конфронтационными тактиками, превышением количества коммуникативных ходов, разговорной лексикой, лексикой с интенсифицированным значением, неологизмом, агрессивной метафорой, фигурами нагромождения, в частности амплификацией.

Литература

1. 60 минут по горячим следам // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jlhYXeNpWhI> (дата обращения: 14.06.2020).
2. Адвокат Александр Добровинский: «Я отказался защищать Ефремова, потому что знаю, как ему уйти от наказания» // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27142.5/4233992/> (дата обращения: 5.04.2021).
3. Андреева В. Ю. Коммуникативный саботаж в ряду смежных речевых явлений (сопоставление с конфликтом, речевой агрессией, коммуника-

- 102 | тивным давлением) // Современные проблемы науки и образования. 2014, № 1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=12218> (дата обращения: 30.05.2019).
4. Борухов Б. Л. Стиль и вертикальная норма // Стилистика как общефилологическая дисциплина. Калинин, 1989. С. 4–21.
5. Вечер с Владимиром Соловьевым // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aBzomfv0L3I> (дата обращения: 20.04.2021).
6. Вечер с Владимиром Соловьевым // Youtube. URL: https://youtu.be/_F87Nbnw2ok (дата обращения: 20.04.2021).
7. Голоднов А. В. Персуазивная коммуникация: стратегии и тактики воздействия (на материале современной немецкоязычной рекламы). СПб.: Астерион, 2010. 244 с.
8. Жириновский о послании президента // Youtube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=WVtvIRkd_Lk (дата обращения: 26.04.2021).
9. Заявление Лаврова ошеломило американских партнеров // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VaoC4-d0clE> (дата обращения: 15.03.2021).
10. Костюшкина Г. М. Концептуальная систематика аргументации: колл. монография / Г. М. Костюшкина, А. В. Колмогорова, Н. С. Барбина; Ю. Дашкова, Е. О. Ильичева, Т. В. Нешева, О. В. Ситосанова; науч. ред. Г. М. Костюшкина. М.: ФЛИНТА, 2014. 586 с.
11. Куликова Э. Г. Норма в лингвистике и паралингвистике: Дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д., 2004. 312 с.
12. Макаренко Г. С. Конфликтный текст как объект лингвистического исследования: структурно-семантический и прагматический аспекты: Автореф. дис. ... канд. псих. наук. Уфа, 2018. 24 с.
13. Мишанкина Н. А. Метафорические модели звучания в русской языковой картине мира // Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Часть 1. / Резанова З. И., Мишанкина Н. А., Катунин Д. А. / Отв. ред. З. И. Резанова. Воронеж, 2003. С. 76–145.
14. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Терминологический словарь-справочник. М.: Едиториал УРСС, 2004. 248 с.
15. Пантина О. А. Экспрессивная перспектива англоязычного новостного дискурса (на материале газетных текстов о природных катастрофах): Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2018. 159 с.
16. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М.: Флинта, 2011. 160 с.
17. Савова М. Р. Этические и коммуникативные нормы в системе норм оценки речи // Наука и школа. 2009, №1. С. 24–27.

18. Ситосанова О. В. Семантика и прагматика слов-аргументаторов в бытовом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 158 с.
19. Хазагеров Г. Г. Партия, власть и риторика // М.: Европа, 2006. 48 с.
20. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 344 с.
21. Шилихина К. М. Коммуникативное давление в русской коммуникативной культуре // Проблемы национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. 2000, Т.1. С. 62–70.
22. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. *Argumentation, Communication and Fallacies. A Pragma-Dialectical Perspective*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1992. 236 p.
23. Grice P. *Logic and Conversation // Syntax and Semantics*. 1975, Vol. 3, p. 41–58.
24. Kopperschmidt J. *Allgemeine Rhetorik. Einführung in die Theorie der Persuasiven Kommunikation*. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz: Kohlhammer, 1976. 216 S.
25. Leech G. *Principles of Pragmatics*. London: Longman, 1983. 250 p.

Valeriya A. Trofimova
Vadim Yu. Melikyan

**COMMUNICATIVE PRESSURE IN THE SYSTEM OF TYPES
OF SPEECH PERSUASION**

Abstract. This article justifies the need for distinguishing between non-rhetorical and rhetorical, cooperative and confrontational types of speech persuasion. Communicative pressure is qualified as a rhetorical confrontational type of persuasion. The speech means of its implementation are studied.

Keywords: speech persuasion, confrontational communication, communicative pressure.

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психолого-лингвистических исследований научного отдела речеведческих и экономических исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь
Минск, Белоруссия

ВИДЫ И ВАРИАЦИИ ИНТЕРНЕТ-ТРОЛЛИНГА КАК ФОРМЫ РЕЧЕВОЙ КИБЕРАГРЕССИИ

Аннотация. Статья посвящена интернет-троллингу как одной из форм речевой киберагрессии, существующей в различных видах и вариациях. Все виды и вариации показаны на соответствующих примерах высказываний, используемых преступниками с целью провокации речевого конфликта.

Ключевые слова: троллинг, флейминг, речевая киберагрессия, речевой конфликт, средства речевого воздействия.

Интернет стал неотъемлемой частью коммуникативного пространства современного человека. Одна из важнейших особенностей этой коммуникации является асинхронность – отложенная реакция на полученное сообщение, когда коммуникант имеет запас времени для удаления сообщения или написания ответного. Вот почему все действия человека, совершаемые в Интернете, можно квалифицировать как преднамеренные, а тексты, создаваемые в интернет-дискурсе, соответственно, можно рассматривать как иницирующие, что и характеризует феномен речевой киберагрессии, одной из форм которого является троллинг.

Троллинг (от англ. *troll, to troll* – «ловить на блесну») в Интернете обозначает намеренную отсылку к уже упомянутой теме с целью заведомой провокации новых членов виртуального сообщества на непонимание и конфликт с другими участниками коммуникации [6: 111]. Этимология данного термина восходит к использованию наживки в процессе рыбной ловли. В современном английском языке словом *троль* называют человека, размещающего посты (сообщения) в социальных сетях и мессенджерах с целью негативного эмоционального воздействия на определенного коммуниканта [13: 762].

Первоначально троллинг использовался в качестве иронии как риторического приема в интернет-дискурсе [7]: «Спор с нашим директором – это разве спор?! Здрасьте!» (согласно теории риторики Ю. В. Рождественского, троль «здрасьте» в данном высказывании в сочетании с ироническим повтором, выраженным существительным «спор», используется с целью изменения отношения у адресата к предмету речи – директору предприятия

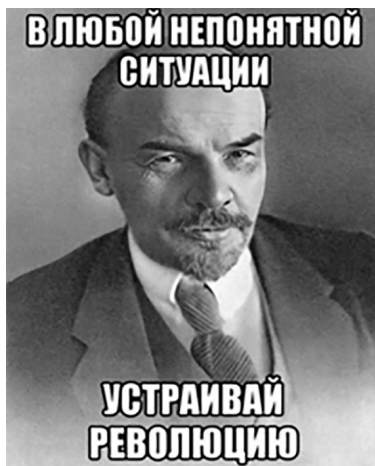
[10: 200]). Современные ученые считают троллинг инструментом речевой [6], социальной [5] и психологической [2] агрессии, применяемой для создания конфликтной ситуации в интернет-дискурсе. При этом под троллингом современная наука также понимает особую форму поведения, ставшую неотъемлемой частью интернет-коммуникации наряду с таким явлением как *флейминг* (от англ. *flame* – «пламя»), которое представляет собой разжигание открытого речевого конфликта с переходом на личности или полное прекращение диалога. Флейминг часто становится «успешным» результатом троллинга [11: 11]. Вот почему отечественные ученые, такие как В. В. Химик, рассматривают троллинг как тип социально-коммуникативного хамского поведения в Интернете [14: 105].

В европейском лингвистическом обществе троллинг считается одной из форм манипулирования, реализуемого с помощью речевой агрессии – «способа намеренного речевого воздействия на прямого или косвенного адресата с целью его дискредитации (подрыв доверия, умаление авторитета, престижа, значения кого-либо), оскорбления (унижение чести и достоинства)» [11: 95] личности, а также поляризации по принципу «свои / чужие» (приписывание объектам группы «свои» положительных свойств и характеристик, а объектам группы «чужие» – соответственно отрицательных). Троллинг негативно оценивается европейским социумом, поскольку считается формой проявления девиантного речевого поведения. В Великобритании по этой причине еще в 2003 году был принят закон о средствах массовой коммуникации (Communication Act 2003 [18]), согласно которому лицо, использующее интернет-троллинг для достижения своих корыстных целей, подлежит привлечению к уголовной ответственности.

Поскольку коммуникация в Интернете с точки зрения криминалистики является преднамеренной, то *«троль»*, используя различные средства речевого манипулирования при достижении желаемого результата провокации, получает психоэмоциональное удовлетворение. Такое коммуникативное поведение обусловлено удовольствием, которое человек получает, как утверждает З. Фрейд, в результате производимой им тенденциозной остроты [12: 111]. Кроме того, целью преступника, использующего интернет-троллинг, может быть также получение возможности скрытого управления своей жертвой с помощью средств речевого манипулирования.

К настоящему времени в мировой практике уже известны случаи привлечения человека к уголовной ответственности за интернет-троллинг. Так, например, в 2010 г. Австралия стала первой страной в мире, где преступник-троль был приговорен к трем годам заключения за размещение на своей странице в социальной сети «Фейсбук»¹¹ непристойного изображения малолетней девочки [19].

¹¹ Принадлежит организации, признанной экстремистской в Российской Федерации.

Мотивировку интернет-троллинга составляют лулзы [11: 47] и мемы [11: 57]. Лулзы – это один из вариантов аббревиатурного акронима LOL (от англ. *laughing out loud* – «умираю от смеха», «громко смеюсь»), используемый, как правило, в интернет-текстах и направленный на возбуждение у реципиента положительных эмоций за счет потребления им контента с отрицательной коннотацией (например, описаний бедствий, катастроф, страданий других людей и т. д.). Так, например, лулзом может быть поликодовый текст с невербальным компонентом – изображением В. И. Ленина и вербальным,

выраженным в форме следующего речевого произведения: «*В любой непонятной ситуации устраивай революцию*». Смысл данного лулза направлен на создание у адресата радостных эмоций и переживаний, связанных с прецедентными историческими событиями Октябрьской революции 1917 г. Создаваемые, таким образом, положительные эмоции, согласно замыслу адресанта, должны провоцировать в обществе революционные настроения, которые могут быть использованы в качестве средства разрешения любых проблемных ситуаций.

Интернет-мемами (от англ. «meme» и др.-греч. *μίμησις* – «подобие», «воспроизведение», «подражание») называют группу цифровых данных, которые: а) имеют общие характеристики контента, формы и (или) позиций; б) созданы при наличии информации друг о друге; в) распространяются, копируются и преобразуются множеством интернет-пользователей» [11: 43] посредством имитации, когда один человек транслирует что-то в массовую аудиторию [15: 297]. Мемами могут быть популярные песни, идеи, лозунги, персонажи, модные слова и крылатые выражения. Значение мемов заключается в том, чтобы их интерперсональный адресат мог легко поменять свои взгляды и убеждения. Вот почему современные мемы получают широкое распространение через различные массовые рассылки, тексты, ссылки в интернет-дискурсе.

Почвой для формирования как лулзов, так и мемов, как правило, является какой-то известный предмет, событие или явление, получившее широкий общественный резонанс. Так, например, мем «*У меня одноклассники умерли*», обозначающий техническую невозможность открытия сайта «Одноклассники.ру», получил известность благодаря контаминации лексемы «одноклассники», номинирующей лиц, которые учатся или учились в одном классе с названием

сайта социальной сети «Одноклассники». Классическим мемом современного русскоязычного Интернета является *«превед!»* – эрратив, образованный от слова *«привет»* [9], а также знаменитое изображение «Trollface» обозначающее самого интернет-тролля [20].

В современном виртуальном пространстве дулзы и мемы стали средством не только формирования специфического интернет-сленга, но и инструментом распространения троллей, которые, как пишет Ю. В. Щербинина, бывают следующих вариаций:

– *троль-комментатор* (адресант принимает участие во всевозможных дискуссиях в интернет-сообществах с целью набрать больше читателей своих сообщений);

– *троль-однодневка* (адресант размещает множество сообщений провокационного характера в течение одного дня);

– *троль-провокактор* (адресант размещает сообщения провокационного характера и использует различные речевые тактики с целью создания конфликтной ситуации);

– *троль-эгоцентрик* (адресант стремится получить как можно больше ответов на свои сообщения с целью завоевания внимания аудитории к своей личности);

– *троль как герой-любовник* (адресант стремится завоевать внимание к себе со стороны противоположного пола с помощью флирта и создания любовных интриг);

– *троль-советчик* (адресант под видом помощи или совета сообщает ложные или абсурдные сведения) [16: 336–337].

Специфика современного интернет-троллинга, как пишет И. Кларк, различается на грамматическом и коммуникативном уровне текста. Об этих имеющихся различиях свидетельствуют результаты многофакторного лингвистического анализа (MDA – Multidimensional Analysis), произведенного на примере сообщений социальной сети Твиттер [17]. Данный вид анализа предполагает всестороннее изучение высказываний в конкретном контексте и определенной коммуникативной ситуации.

Для получения более точных результатов при проведении исследования использовался метод множественного анализа соответствий (MCA – Multiple Correspondence Analysis), который позволяет выявить коммуникативные паттерны и категориальные переменные (грамматические особенности) в конкретном тексте. Так, авторы одного из Telegram-каналов, признанного экстремистским в Республике Беларусь, используют интернет-троллинг с целью *«дискредитации предмета речи»* [6: 112] путем *его помещения в негативный контент, а также посредством распространения информации негативного характера путем создания видимости наличия/отсутствия интерактивного взаимодействия и изображения неправоты адресата*

108 | **с помощью усложненной / неусложненной функции** [17]. Проиллюстрируем это на конкретных примерах следующих постов (сообщений) одного из Telegram-каналов:

– *«Каратели с помповыми ружьями бегают по парковке ПВТ и отлавливают айтишников. Добро пожаловать в IT-страну!»* Слово *«каратели»* (так назван роман белорусского писателя А. Адамовича, где рассказывается об акции сожжения жителей белорусских деревень немецко-фашистскими захватчиками в 1942 году во время Великой Отечественной войны [1]) обозначает участников военно-полицейского отряда для расправы с населением на оккупированной территории [4: 417]. Поскольку на изображении, размещенном над текстом, представлены сотрудники ОМОНа (отряда милиции особого назначения) Беларуси, то лексема *«каратели»*, как средство негативной номинации [3: 273], является современным интернет-мемом и распространяется с целью дискредитации предмета речи – сотрудников органов внутренних дел. Негативная информация в данном высказывании состоит в том, что сотрудники органов внутренних дел *выслеживают* IT-специалистов для последующего задержания или ареста. При этом высказывание *«Добро пожаловать в IT-страну»* используется как средство языковой игры с целью затруднения понимания происходящих событий и концентрации внимания адресата на конкретном языковом выражении [3: 229], поскольку идиома *«Добро пожаловать»* обычно применяется, чтобы вызвать положительный интерес у собеседника к дальнейшему общению;

– *«В Минске возле главного корпуса БГУ студенты прогнали насильников».* В этом высказывании используется лексема *«насильники»*, которая является лексическим образованием, полученным в результате контаминации двух существительных – *«насилие»* и *«силовики»*. Данная лексема составляет интернет-мем и также распространяется для дискредитации предмета речи – *«силовиков»*, т. е. руководителей или представителей так называемых силовых ведомств – Министерства обороны, Министерства внутренних дел, службы безопасности и других [13: 273]. Так интернет-мем, выраженный лексемой *«насильники»*, выражает негативную оценку лиц, объединенных по принадлежности к власти.

Усложненная функция в интернет-троллинге используется с целью указания на ошибку или неправоту предмета речи путем корректировки или постановки вопроса о конкретных действиях, взглядах или выводах человека. С целью усложнения функции высказывания применяются обращения, императивы, личные и притяжательные местоимения, вопросительные слова, используемые для указания и последующего высмеивания предмета речи. Примерами использования этой функции могут быть следующие сообщения:

– *«Смотрите, с каким остервенением неизвестные в масках рвут флаги в ЖК Каскад!»*

– Интересно, неужели поехавший дед думает, что, нарисовав на бумажке фейковую статистику, он успокоит народ?!

– Неужели тебя не мучает вопрос, как ты будешь жить с нами дальше?! Ведь твоя жизнь гораздо длиннее, чем остатки предсмертной агонии этого режима.

Таким образом, интернет-троллинг является формой речевой киберагрессии, которая активно используется не только в повседневной речи коммуникантов, но и среди преступного сообщества. Формируя мемы и лулзы, используя троллинг как инструмент речевой киберагрессии и прибегая к различным средствам речевого воздействия, преступники распространяют различные тексты в интернет-дискурсе с целью дискредитации предмета речи и провокации речевого конфликта.

Литература

1. Адамович А. Каратели; Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2010. 318 с.
2. Акулич М. М. Интернет-троллинг: понятие, содержание и формы // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. 8. С. 47–54.
3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста; Москва : Флинта, Наука. 2018. 591 с.
4. Большой толковый словарь русского языка ; сост. и под ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 2000. 1536 с.
5. Внебрачных Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. 2012. № 1. С. 48–51.
6. Воронцова Т. А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология, 2016. № 26 (2). С. 109–116.
7. Гайнуллина Л. Ф. Троллинг как форма проявления иронии в интернет-пространстве: философский и культурно-антропологический аспекты / Л. Ф. Гайнуллина, А. М. Сафина // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2019. Т. 14. № 2 (188). С. 153–163.
8. Докинз Р. Эгоистичный ген; пер. Н. Фомина; Москва : АСТ, Corpus. 2016. 509 с.
9. Полный перевод. Интернет-сленг все чаще выходит за пределы виртуального пространства. URL: <https://lenta.ru/articles/2006/02/28/preved/> Дата обращения: 17.12.2020.
10. Рождественский Ю. В. Теория риторики : учеб. пособие / Ю. В. Рождественский ; под. ред. В. И. Аннушкина. 4-е изд., испр. М. : Флинта : Наука, 2006. 512 с.

- 110 | 11. Филлипс У. Трололо Нельзя просто так взять и выпустить книгу про троллинг; Москва : Альпина Паблишер. 2016. 300 с.
12. Фрейд З. Остроумие и отношение к бессознательному М.: АСТ, Минск : Харвест, 2006. 480 с.
13. Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи; Санкт-Петербург. 2017. Т. 2. 530 с.
14. Химик В. В. Хам и хамство в русском речевом пространстве // Антропология языка. The Anthropology of Language : сб. статей / под ред. С. Р. Омельченко. Вып. 2. Москва, 2012. С. 97–105.
15. Хоккинс Д. М. Толковый словарь английского языка Oxford. Москва : Астрель. 2008. 556 с.
16. Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды; Москва : Форум, 2015. 397 с.
17. Clarke I. Functional linguistic variation in Twitter trolling // The International Journal of Speech, Language and the Law. 2019. 26 (1). P. 57–84.
18. Communication Act 2003 [Electronic resource]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/21/contents>. Date of Access: 17.11.2020.
19. Keim T. Facebook¹² Troll Bradley Paul Hampson Jailed for Posting Child Porn on Tribute Sites of Dead Children. URL: <https://www.couriermail.com.au/news/queensland/facebook-troll-bradley-paul-hampson-jailed-for-posting-child-porn-on-tribute-pages-for-dead-children/news-story/7408af72017479e5a6456bab467d6448#:~:text=news-,Facebook%20troll%20Bradley%20Paul%20Hampson%20jailed%20for%20posting%20child,tribute%20pages%20for%20dead%20children&text=THE%20first%20Queenslander%20charged%20over,been%20jailed%20for%20three%20years>. Date of access: 17.12.2020.
20. Lazzaro S. The origin stories behind 5 of the Internet's most popular memes. URL: <https://observer.com/2016/03/the-origin-stories-behind-5-of-the-internets-most-popular-memes/> Date of access: 17.12.2020.

Alexander V. Babuk

THE TYPES AND VARIANTS OF ONLINE-TROLLING AS A FORM OF CYBERAGGRESSION

Abstract. The article is dedicated to online-trolling as a form of a cyberaggression in different forms and variants. All the types and variants of trolling are shown on the consecutive statement examples, used by criminals on the purpose of speech conflict provocation.

Keywords: trolling, flaming, speech cyberaggression, speech conflict, means of speech impact.

¹² Принадлежит организации, признанной экстремистской в Российской Федерации.

РЕЛИГИОЗНАЯ РАДИКАЛИЗАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация. Статья посвящена распространению идеологии религиозно-радикализма через интернет и социальные сети. Агрессивная риторика религиозных лидеров в виртуальном пространстве разжигает ненависть и вражду, ведет к дискриминации, насилию и преступлениям. Под влиянием онлайн-проповедей молодежь радикализируется, она готова к самым крайним действиям, в том числе, терроризму. Научная экспертиза призвана раскрыть сущность тиражируемого в медиапространстве религиозно-идеологического контента, выявить в нем экстремистский смысл, идеи и призывы, провоцирующие насильственные действия.

Ключевые слова: религиозный радикализм, радикальная идеология, риторика ненависти и вражды, религиозные лидеры.

Одна из современных угроз во всем мире – это распространение идеологии и практики религиозного экстремизма. Инструментами, каналами трансляции деструктивной идеологии стали интернет, соцсети и мессенджеры («ВКонтакте», WhatsApp, Facebook¹³, YouTube, Instagram¹⁴, Twitter, Telegram и др.). Через эти информационные ресурсы идет риторика религиозной ненависти и вражды, подстрекательство к дискриминации, насилию и преступлениям, вербовка в международные террористические организации («ИГИЛ», «Аль-Каида», «Талибан» и др.), использование людей в вооруженных конфликтах.

В этой связи задачей научной экспертизы является раскрытие сущности и смысла тиражируемого в виртуальном пространстве религиозно-идеологического контента, выявление в нем экстремистских идей, призывов, разжигающих вражду и ненависть между людьми.

Идеология религиозного радикализма ценностно ориентирует поведение своих adeptов, «оправдывает насилие, преступления, терроризм как необходимых и правильных, опираясь на постулаты религии, предписывающих войну с злыми силами, неверными, «заблудшими», которые виноваты во всех проблемах и грехах» [1].

¹³ Принадлежит организации, признанной экстремистской в Российской Федерации.

¹⁴ Принадлежит организации, признанной экстремистской в Российской Федерации.

Теологическая основа исламского радикализма – положения Священных текстов и их узкое, тенденциозное толкование посредством вырывания отдельных фрагментов мусульманского вероучения из общего контекста и игнорирования конкретно-исторических условий.

Политический смысл религиозного радикализма – слом светской государственной власти, установление теократического правления путем «бескомпромиссного доведения своих взглядов до конечных логических и практических выводов» [2].

Источником радикальной религиозной идеологии, ее авторами-разработчиками и проводниками являются духовные лидеры, проповедники. Это связано с тем, что в исламе нет единого богословского центра. Поэтому знатоки религии, учителя, руководители общин пользуются незыблемым авторитетом, их мнения и решения абсолютно истинны, безусловны, полные и окончательные.

Признанные идеологи религиозного радикализма – Ибн Таймия, Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб, Сайид Кутб и др., труды которых стали учебниками экстремистских и террористических организаций. Ибн Абд аль-Ваххаб роль насилия оценивал так: «Вера мусульманина не может быть по-настоящему истовой, даже если он исповедует единобожие и не поклоняется никому и ничему, кроме Аллаха, если он не испытывает ненависть к сторонникам многобожия и не демонстрирует им свою враждебность» [1].

Казахстанский теолог Аскар Сабдин, касаясь вопроса репатриации соотечественников из зон террористической активности, подчеркивает, что «все возвращенные из Сирии казахстанцы стали жертвами салафитской идеологии из-за трех книг Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба «Три основы», «Китаби таухид», «Четыре правила» [3].

Под влиянием интернет-проповедей современных отечественных и зарубежных салафитских лидеров, как Дарын Мубаров, Куаныш Башпаев (Абдурахим), братья Наиль (Абу Салих) и Ринат (Абу Мухаммад) Зайнуллины, Назратулла Абдулкадиров (Абу Марьям), Дильмурат Махаматов (Абу Мухаммад), Уктам Заурбеков (Абу Абдурахман) и других, молодежь радикализируется, у нее формируется готовность к самым крайним действиям, в том числе, терроризму. Причина такой зависимости и внушаемости молодых людей – невежество, отсутствие критического мышления, буквализм.

Контент религиозной идеологии составляют проповеди в форме видеолекций и аудиобращений духовных лидеров. Риторы ссылаются на Священные тексты – Коран и Сунну, но интерпретируют их буквально, однозначно, вырвав из контекста, тем самым искажая смысл первоисточников. Идеологи радикализма отрицают многозначность в трактовке Священных писаний, монополизируют и навязывают свою интерпретацию религиозной истины. Одновременно они делают произвольные обобщения, в частности, отрицают

национальные и семейные традиции, законы государства, принципы светскости, официальную власть и т. д. – все сводят к недозволению, неверию, многобожию, нововведению («ширк», «тагут», «бид'а»). В конце выносят тафир – обвинение окружающих в вероотступничестве [4].

Смысл проповедей религиозных шейхов – это пропаганда:

– единобожия (таухид), порицание многобожия (ширк), мирской жизни, совершения греховных поступков, джихад во имя Аллаха, борьба с неверными;

– жестокости, гнева и мести, подстрекательство к насильственному экстремизму, разжигание религиозной розни, ненависти и агрессии по отношению к другим конфессиям. Например, их темы: «Как ненавидеть бедагатчиков?», «Кто такие язычники?», «Заблудшие секты в исламе», «Шииты не мусульмане», «Признаки тагута» и т. д. [5];

– идеи превосходства своей религии путем использования методов противопоставления и сравнения (истинный – ложный, праведные – заблудшие, чистый – нечистый, единобожники – кафиры, «свои» – «чужие» и др.);

– культивирование смерти, восхваление мучеников, террористов-самоубийц;

– притеснения мусульман в разных странах, в том числе Казахстане и др.

Своими проповедями, агрессивной риторикой наставники возбуждают у людей фанатизм, ненависть и вражду, стимулируют религиозный радикализм и экстремизм. Злоупотребления религиозными догмами (строгого единобожия) или споры вокруг них приводят к дискриминации, нетерпимости и преследованиям, оправданию насилия и агрессии, конфликтов и войн. Ответственность за все последствия ложится именно на идеологов-учителей.

Конечная цель идеологов «исламского ренессанса» – создание независимых исламских государств, ближайшая миссия – активное содействие «возрождению» ислама, его первоначальной, «чистой» форме.

В Комитете по правовой статистике и специальным учетам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан (КПСиСУ) составлен список религиозной литературы и информационных материалов, признанных экстремистскими и запрещенных к ввозу, изданию и распространению на территории Республики Казахстан [6]. Приведем примеры риторики насилия и нетерпимости из таких текстов (стилистика сохранена), представленных КПСиСУ.

Книга «Крепость мусульманина» следующего содержания: *«Одним из проявлений милости Всевышнего к единобожникам является то, что кожа грешников из числа единобожников, которые войдут в Огонь для очищения грехов, не будет срастаться снова и снова после сгорания, как это будет у неверных, кожа которых будет срастаться снова и снова после сгорания и мучения неверного будут обновляться вечно. А кожа единобожников после первого сгорания не будет срастаться и он потеряет чувство боли,*

114 | и наказание для него будет сама суть пребывания в Аду, до тех пор пока Всевышний не проявит свою милость и не введет его в Рай.

Шейх Абдулла аль-Гунейман в разъяснении книги «Тайсир аль азиз аль хамид» доводом на это утверждение служат слова Всевышнего, который сказал в Коране: «Воистину, тех, которые не уверовали в Наши знамения, Мы сожжем в Огне. Всякий раз, когда их кожа приготовится, Мы заменим ее другой кожей, что бы они вкусили мучения. Воистину, Аллах – Могуственный, Мудрый» Всевышний Аллах является Справедливым и не подобает Ему наказывать неверных и единобожников на одном уровне наказания» и «На пути к Аллаху непременно будут враги, сидящие на нем, обладающие красноречием, знаниями и своими доводами. И обязан ты изучать религию Аллаха из того, что станет для тебя «оружием». И войска Аллаха – это те, кто одерживает вверх при помощи доводов и языка так же, как они побеждают мечом. И страх постигнет единобожника, идущего по пути без какого-либо оружия», а также «Сказал шейх Абдуллах ибн Абдуллытыф: «Дошло состояние большинства из причисляющих себя к Исламу до того, что они не чувствуют отвращения к приверженцам куфра, и не ведут джихад с ними. И дошло их состояние до того, что они вошли в их подчинение, и доверились им, и стали искать хорошего состояния своей дуниа за счет пропадания своей религии, и оставили приказы и запреты Корана, в то время как они день и ночь изучают его.

И это, вне всякого сомнения, один из величайших видов вероотступничества и переход к религии Ислам, и вхождение в религию христиан – да упасет Аллах от этого. Как будто вы живете сейчас во времена фитры, или среди людей, которые выросли в том месте, куда не дошло ничего из света Посланничества. Разве вы забыли слова Аллаха: «О те, которые уверовали! Не берите себе иудеев и христиан друзьями и союзниками. Они друзья и союзники друг другу. А кто же из вас проявляет уаля к ним – тот сам из них. Истинно Аллах не ведет прямым путем несправедливых людей».

И вхождение в их подчинение – это следование их религии, и отступление от религии Ислам» [6].

Риторика насилия – устрашение неверных, «заблудших» тем, что их ждут ад, наказания, страдания, мучения; противопоставление единобожников и неверных, разжигание между ними ненависти и вражды, призыв к вооруженному джихаду против кафиrow, в том числе, против иудеев и христиан – очевидна в этих книгах.

Активно выступает в социальных сетях проповедник радикального салафизма Абдулла Костекский, провозгласивший себя «шейхом», издающий фетвы-решения (объявлен РФ в международный розыск). Он обвиняет в неверии теологов Королевства Саудовской Аравии, подрывает авторитет признанных мусульманских ученых, в том числе основоположников четырех

мазхабов. Во всех видеороликах Абдулла Костекский обвиняет мусульман в неверии (куфре), многобожии (ширке), считает всех «заблудшими», «бидгатчиками» [7]. Обвинения «шейха» Костекского – это призыв к нетерпимости, преследованию людей, не разделяющих его взгляды.

Радикальные проповедники дают советы по всем вопросам, в том числе и семейной жизни. Один из главных идеологов салафитов, член Совета ученых саудовской Аравии Мухаммад ибн Салих ибн Усаймин на вопрос: «Если семья не внимает на призывы совершать намаз, нужно ли продолжать совместную с ними жизнь или уходить из семьи?» отвечает: *«Если члены семьи не совершают намаз, то, бесспорно они кяфиры, отрекшиеся от религии. Считается, что они вышли из Ислама. В таких случаях жить вместе с ними нельзя. Однако нужно призывать их к религии. Призывать постоянно, бесконечно. Потому что пренебрегающий намазом (Унаси Аллах) на основании Корана, сунны и свидетельств сахабов относится к кяфирам»* [8].

В ответе саудовского богослова главное – это обвинение в неверии членов семьи, фактически призыв к разрушению семьи из-за религиозных противоречий.

Такие информационно-пропагандистские материалы – это не просто тексты религиозного содержания, а документы с политическим, деструктивным смыслом, призывающие к джихаду, войне с неверными, разжигают фанатизм, ненависть, вражду, агрессию.

Идеологи религиозного радикализма учат людей не столько быть богобоязненными мусульманинами, сколько учат, в первую очередь, ненавидеть других (кяфиров), обвинять в неверии, определять, кто немусульманин, вероотступник. Они не призывают молодежь уважать родителей и старших, национальные традиции и обычаи, соблюдать Конституцию и законы государства, мир и согласие в обществе. Шейхи не учат терпимости, созиданию, конструктивной деятельности – учиться, трудиться, общаться, развиваться, строить позитивные отношения с окружающими. Вместе с тем они настраивают против местных «заблудших», «безграмотных» имамов, против представителей официальной власти, называя их «муртадами» (вероотступниками). А. И. Герцен точно оценил, что «самые жестокие, неумолимые из всех людей, склонные к ненависти, преследованию, – это ультрарелигиозники».

Экспертный анализ информационных материалов экстремистского характера выявляет противоправные призывы, направленные на разжигание религиозной розни, подрыв конституционного строя, в том числе, светских принципов государства, межконфессионального мира и согласия, политической стабильности в стране. Распространение таких медиа материалов – это уголовно наказуемое деяние (согласно ст. 174 «Разжигание социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни»),

116 | ст. 256 «Пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма» Уголовного кодекса Республики Казахстан).

Итак, радикализация сознания и поведения индивидов на основе религии посредством распространения деструктивной идеологии в виртуальной среде – это угроза безопасности личности, семьи, общества и государства. Противодействием этой опасности должны стать солидарная ответственность, консолидированные системные меры всех вышеназванных субъектов.

Литература

1. Хассан Хассан. «Исламское государство»: идеологические корни и политический контекст межконфессиональной вражды // <https://carneegie.ru/2016/12/27/ru-pub-66552>.
2. Религиозный радикализм // <https://ru.wikipedia.org>.
3. Бойтесь идеологии, горе приносящей // <https://pricom.kz/obshhestvo/bojtes-ideologii-gore-prinosyashhej.html>.
4. Сабдин А.К. Теологические нарративы дерадикализации: методическое пособие. – Алматы: ТОО «Bsquared», 2020. – 468 с.
5. Салафизм не религия, а политическое движение – Г. Раздыкова // Контр-террористический комитет // <http://ctc-rk.kz>.
6. Список религиозной литературы и информационных материалов, признанных экстремистскими и запрещенных к ввозу, изданию и распространению на территории Республики Казахстан // <http://pravstat.prokuror.gov.kz/rus/o-kpsisu/spisok-religioznoy-literatury-i-informacionnyh-materialov-priznannyh-ekstremistskimi-i>.
7. Ядовитые проповеди. Костекский. <https://kazislam.kz/yadovitye-propovedi-kostekskij>. 14.12.2020; К чему призывает Абдуллах Костекский // <https://www.youtube.com/watch?v=6Cm4O5hiEM>. 19.09.2020.
8. Кайрат Жолдыбайулы. К чему призывают ученые Саудовской Аравии нашу молодежь? // <https://islam.kz/ru/editor/oitamshy/?id=30#gsc.tab=0>. 22.06.2016.

Gulnar Zh. Jumanova

RELIGIOUS RADICALIZATION IN SOCIAL NETWORKS

Abstract. The article deals with the spread of ideology of religious radicalism through the Internet and social networks. The aggressive rhetoric of religious leaders in the virtual space incites hatred and hostility, leads to discrimination, violence and crimes. Under the influence of online sermons, young people are radicalized, they are ready for the most extreme actions, including terrorism. Scientific expertise is intended to reveal the essence of religious and ideological content replicated in the media space, to identify extremist meaning in it, ideas and appeals, provoking violent actions.

Keywords: religious radicalism, radical ideology, rhetoric of hatred and hostility, religious leaders.

ПРИЗНАКИ ЛЕГАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИЙ ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНИЦЕ MANIZHA)¹⁵

Аннотация. В статье вводится и обосновывается дефиниция «легальный националистический текст». На примере дискуссии русских националистов в социальных сетях выявляются признаки легальных текстов. Делается вывод о важной роли эвфемизации, специфического объекта речевой агрессии и неконкретизированного призыва при определении легального националистического текста.

Ключевые слова: русский национализм, националистический текст, Егор Холмогоров, «Спутник и Погром».

Понятие «националистический текст» вошло в научный оборот сравнительно недавно, когда стало ясно, что тексты, производимые националистскими организациями и политиками, обладают специфическими лингвистическими и коммуникативными признаками, которые отличают их от других политических текстов. Одно из первых определений этого понятия было дано в работе Е. С. Федюниной, которая под националистическим текстом понимает «политический текст с установкой на националистическую идеологию, основной функцией которого является внушение и воздействие на эмоции адресатов с целью изменения их картины мира и мобилизации к принятию политических решений, необходимых носителям националистической идеологии» [3: 135]. Как это часто бывает с первыми попытками четкой научной дефиниции, многие формулировки в большей мере наталкивают на вопросы, чем дают ответы.

Как, например, отнестись при таком подходе к знаменитой статье Ф. М. Достоевского «Status in statu. Сорок веков бытия», которая явственно противопоставляет евреям русский народ? Этот текст сложно назвать

¹⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-012-00111 «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза».

118 | политическим: Достоевского не интересовала власть, он в этом трактате выступает, скорее, как философ-полемист. К тому же, опубликован он был не в популярной петербургской газете, а в его собственном журнале «Дневник писателя», само название которого указывает на установку автора на размышление, рассуждение, спор, но никак не на формулирование политической программы. Можно ли назвать националистическим текст, который относится не к политическому, а к философскому или публицистическому дискурсу? Спорным представляется и утверждение, что «прежде всего, любой националистический текст нацелен воздействовать на эмоции реципиента», следовательно, его основной функцией является «внушение и воздействие на эмоции адресатов» [3: 135]. Думается, что выбор коммуникативной стратегии убеждения либо воздействия зависит не от содержания дискурса, а от форм и условий его реализации, следовательно, не может быть его имманентной чертой. Не стоит забывать, что националистические дискурсы и тексты очень различаются с точки зрения своего развития. Некоторые, например русский, имели длительные периоды институциональности, что приводило к бытованию националистических текстов в жанрах, требующих в прагматическом отношении сочетания убеждения и воздействия. Например, речи одного из заметных ораторов-черносотенцев в Государственной Думе Г. Г. Замысловского строились исключительно с опорой на нормативные акты, статистические выкладки и исследования ученых и имели явные черты доклада на определенную тему. На это можно возразить, сказав, что в приведенных примерах речь идет об исторических националистических текстах, однако стоит заметить, что националистический дискурс зародился не сегодня и даже не в девяностые годы двадцатого века. А в современном мире националистические тексты производятся не только в СМИ и на улицах, но и в институтах власти и общества. Очевидно, что нельзя ставить знак равенства между понятиями «националистический текст» и «экстремистский текст» и подвергать изучению в качестве националистических текстов исключительно продукты речевой деятельности основоположников и членов экстремистских организаций. Поэтому, на наш взгляд, процитированное определение актуально лишь при узком подходе к националистическому дискурсу, когда объектом исследования становятся тексты современных запрещенных организаций или политиков-маргиналов.

Легальный националистический текст с формальной точки зрения – это текст, который не нарушает закон, так как не содержит экстремистских высказываний, призывов, оскорблений и иных резко деструктивных явлений, запрещенных законом на момент производства и распространения этого текста. Очевидно, что формальный подход не вполне уместен для исследования такого текста, так как сказать, легальный перед нами текст или нет, мы можем только после юридических процедур. Представляется, что более

адекватным для употребления термина «легальный» в этом случае являются интенциональный и содержательный аспекты.

Во-первых, легальный националистический текст – это текст, который является законным с точки зрения его автора, поскольку автор знаком с нормативными актами в сфере противодействия экстремизму и пытается избежать уголовной и административной ответственности за его производство и распространение. В то же время важным актантом является не только автор, но и редактор националистического текста. Объективно это выражается в модерировании пабликов и групп в социальных сетях, а также в тизерах блогов. Иными словами, формально или нет, но автор / редактор / модератор заявляют вербально или акционально о своем знании основных нормативных актов, а в некоторых случаях и о нежелании нарушать закон.

Во-вторых, легальность националистического текста всегда проявляется на уровне выбора языковых средств. Автор-националист при создании таких текстов знаком не только с нормативными актами в сфере противодействия экстремизму, но и зачастую с судебной практикой. По этой причине исследуемые тексты, например, никогда не содержат «хрестоматийных» лексем-оскорблений типа *чурка*, *черножопый* и т. п. Лингвистическая экспертиза таких публикаций всегда сложна, потому что они содержат большое количество средств ухода от ответственности, как следствие, – пограничных языковых явлений, экспертная оценка которых неочевидна.

Рассмотрим более подробно признаки легального националистического текста на примере ряда публикаций русских националистов в социальных сетях. Данные публикации представляют собой реакцию на событие-раздражитель, которое произошло 8 марта 2021 года: отбор на конкурс «Евровидение – 2021» в качестве представителя России исполнительницы таджикского происхождения Manizha с песней «Russian woman». Русским националистическим сообществом это событие было воспринято крайне болезненно, результат отбора представлялся в публикациях как умышленно провокационный, нечестный, носящий коррупционный характер и унижительный для русского человека. Материалом исследования послужили 98 текстов, опубликованных в социальных сетях «ВКонтакте» и «Facebook»¹⁶. Анализировались сообщения паблика «Спутник и Погром» (74 текста), а также страниц в социальных сетях Егора Холмогорова (24 текста). Оба источника позиционируют себя как имеющие непосредственное отношение к русскому национализму.

Паблик в социальной сети «ВКонтакте» «Спутник и Погром» позиционирует себя как сообщество интернет-издания «Спутник и Погром», заблокированного Роскомнадзором в июле 2017 года и окончательно закрытого создателями в октябре 2018 года. И издание, и паблик связывают

¹⁶ Принадлежит организации, признанной экстремистской в Российской Федерации.

120 | с именем националиста Егора Просвирнина [10]. В мае 2021 года паблик насчитывал более 113000 подписчиков и представлял собой площадку для обмена мнениями пользователей, поддерживающих идеологию русского национализма. Паблик активно развивается, содержит большое количество текстового контента и ссылок на видеоконтент (стримы), размещенный на платформе YouTube. Используется постмодерация контента. Анализировались как посты редакции, так и комментарии пользователей за период с 9 по 14 марта 2021 года.

Егор Станиславович Холмогоров – российский политический деятель, публицист, блогер, обозреватель телеканала «Царьград», автор и ведущий программы на телеканале Russia Today. Позиционирует себя как идеолог русского национализма православного толка, но в то же время демократически ориентированного [11]. В мае 2021 года аккаунт в сети Facebook насчитывал более 17 000 подписчиков, в сети «ВКонтакте» – более 1 300 друзей и подписчиков (авторский контент в соцсетях пересекается). Анализировались как посты самого Холмогорова, так комментарии пользователей к ним.

И паблик «Спутник и Погром», и аккаунты Холмогорова находятся в свободном доступе для пользователей социальных сетей, принимают в качестве подписчиков всех желающих, не содержат скрытого контента. Холмогоров как публичная личность стремится высказываться по проблемам русской нации в рамках правового поля. Публикации «Спутника и Погрома» более резки и агрессивны, однако редакционные посты не содержат прямых оскорблений или призывов к экстремистской деятельности, а комментарии пользователей с подобным содержанием в большинстве случаев удаляются в течение 4–6 часов с момента их появления. В результате исследования были выявлены следующие особенности националистических текстов.

1. Специфическая номинация объекта агрессии. Само слово Manizha (сценический псевдоним) как способ обозначения певицы используется, как правило, в начале текстов данной тематики. В сообщениях редакции паблика и постах Холмогорова певица обозначается большим количеством различных лексем с негативной коннотацией: *чудо-юдо, оно, это, организм, новое лицо русских женщин, мурло, ханум* и т. д. В этих случаях можно говорить, с одной стороны, о дисфемизации как о сознательном снижении, огрублении обозначения, а с другой, – об эвфемизации, так как подобные номинации призваны замещать оскорбительные наименования нерусских. «Спутник и погром»: *Организм, сбежавший из Таджикистана от гражданской войны с исламистами, решил учить Россию и Европу феминизму, терпимости и толерантности. У всей страны ровно один вопрос: ЭТО ЧТО? Мы разобрались в биографии нового лица русских женщин, и в подробностях расскажем вам про это чудо-юдо сегодня на новостном стриме, в 20 часов Мск!* [5].

В текстах Холмогорова активно используется прием антономасии. Образ Манижи обобщается до агрессивного нерусского, мигранта вообще. В текстах комментариев фиксируется употребление слова Манижа во множественном числе. *Холмогоров: Теперь Манижа будет вместо вас. Сперва в телевизоре. Потом в школе вместо вашей учительницы. В больнице вместо вашего врача. В парламенте вместо вашего депутата. Однажды вы придете домой, а там вместо вас Манижа, вытряхивает из комода вещи... Вам однажды не хватит сил терпеть и вы с голодухи и усталости взбеситесь и раздолбаετε свой дом, чтобы там не жила вместо вас Манижа, но на развалинах все равно будет жить она с манижатами* [9]. Имя приобретает нарицательные черты, а в совокупности с бытовыми деталями приобретает зловещие коннотации.

В комментариях к редакционным публикациям и постам продуктивны наименования певицы по национальному признаку: от сравнительно нейтрального *натуральная таджичка* до агрессивных *недотаджичка* и *недославянка*. Оскорбления по национальному признаку встречались единично лишь в текстах комментариев подписчиков паблика «Спутник и Погром», а по прошествии нескольких часов такие комментарии удалялись администрацией группы.

2. Информационно-аналитический характер текстов. Публикации Холмогорова и редакции «Спутника и Погрома» отличаются логичностью и установкой на выявление причинно-следственных связей между произошедшими событиями. Тексты не просто информируют аудиторию, но встраиваются авторами в определенные контексты. Часто устанавливаются отношения события с фактами истории, явлениями культуры и политики. Текст призван ответить на вопросы: что это значит и как к этому относиться? *Холмогоров: ... У меня зародилось подозрение, что существует довольно устойчивый этнофобский миф в отношении русских. Русская женщина хороша и сладка, но русские мужчины все как один скоты и ее недостойны, их, в общем-то, вообще нет, поэтому она обязана принадлежать нерусским.*

Я убедился в действительном существовании этого устойчивого этнофобского мифа на таких киношедеврах, как «Из России с любовью», «Секретное оружие» (1985), он же «Красный воробей», «Анна» и даже в целом симпатичный «Русский Дом». ... Поэтому когда я слышу пресловутую Манижу в песне на слова Ори Авни и Ори Каплана о суровой бабской доле одинокой русской женщины, я знаю, что в этом тексте заключено не сочувствие и не призыв быть сильной. А все тот же ... этнофобский инстинкт: русский мужчина должен умереть, его не должно быть, а русская женщина должна принадлежать нам [8].

Важно заметить, что Холмогоров и «Спутник и Погром» в своих постах стремятся рационализировать эмоциональный тезис, приводят различного рода аргументы, доказательства того, что выступление Манижи на конкурсе

122 | является унижительным для русских фактом, анализируют и интерпретируют текст песни. Тексты Холмогорова представляют собой лонгриды, ставшие уже традиционными в интернет-журналистике. Комментарии пользователей носят совершенно иной характер. В них доминирует негативная эмоциональная оценочность без аналитического компонента. Комментарии являются своего рода эмоциональной реакцией пользователя как на событие, так и на редакционный/авторский пост.

3. Специфический объект речевой агрессии. В отличие от экстремистских текстов, где объект агрессии эксплицирован и прост, легальный националистический текст имеет сложный адресат речевой атаки. В анализируемых сообщениях в первую очередь это сама певица Манижа. *Холмогоров: Похоже что скандал с отправлением на Евровидение с песней «Русская женщина» откровенно издевающейся над русскими таджички Манижи, агитирующей за геев и мигрантов, превзойдет по скандальности даже тему с Дзержинским. Текст песни – образцовая русофобская гнусь унижающая русских женщин. Кривляния – гнусь. У авторши есть не менее омерзительные песни типа «Недославянка». Занимается промигрантской и гей пропагандой [7].*

В то же время событие расценивается как проявление политики государства и конкретных чиновников, так что с певицы в некоторых текстах даже как бы снимается вина за происходящее. *Холмогоров: При этом я категорически против любых издевательских и пародийных образов Равшианов-Джамииутов и прочего. Исполнительница могла представить свою родную культуру, могла представить российскую культуру нормально – как армянка Гулегина пела на закрытии Олимпиады 2014 года казачью колыбельную [8].*

Имплицитным объектом агрессии является государство и власть, которые редко называются напрямую. В авторских / редакторских пабликах в этих случаях используются односоставные предложения. *Спутник и Погром: Кажется, так русских в РФ давно не унижали [4]. Холмогоров: Однако пошли путем издевательства над и без того измученными русскими, усиленного подчеркиванием своей иноэтничности. То есть провоцировали озлобленность и чувство депривации. Зачем? [8].* Однако то, что не говорится открыто блогерами, четко называется пользователями в комментариях: вина за происходящее возлагается на президента, чиновников и общественных деятелей [6]. Для того чтобы усилить негативную оценку государства, используется прием сопоставления Манижи с преступниками нерусской национальности. *Холмогоров: При этом исполнительница сама сознательно провокативно подчеркивает свою нерусскость: «Эй, русский женщин, хаха, голосуй за меня». Данная пародия на нерусских абьюзеров, нападающих на русских женщин, окончательно уничтожает все попытки интерпретировать этот текст как феминистскую иронию. Она приводит на ум скорее Гольдехру Бобокулову, которой вдруг вздумалось бы петь [8].*

Особый объект агрессии – российское общество, которое, по мнению авторов анализируемых текстов, пассивно, инертно и не понимает, каковы последствия данного события. *Холмогоров: Особенно поражают люди-чудаки, которые говорят «что нам до какого-то гей-конкурса». Они либо не понимают, не хотят понимать, что это мурло назначили символизировать их. Символизировать Россию* [9]. Авторы текстов даже на уровне структуры сообщения четко разделяют три объекта агрессии: певицу Манижу, государственную власть, общество.

4. Специфический призыв. С точки зрения А. Н. Баранова, призыв представляет собой «речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы, причем говорящий и адресат являются политическими субъектами или их представителями, а сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации» [1: 420]. Адресатами призывов в редакционных публикациях «Спутника и Погрома» (2 призыва) и постах Холмогорова (3 призыва) являются государство и общественность в лице подписчиков. При этом модальность призыва в большинстве случаев проявляется как предложение, пожелание или просьба. *Холмогоров: Лучшие не пускать такое на порог. Лучшие давать людям под водой дышать. Для всех лучше, в том числе и для идиотов, воображающих себя крутыми игротехниками. Что я предлагаю? Я предлагаю простую вещь. Я предлагаю власти остановиться и не заванивать все вокруг. А людям предлагаю в каждом случае давать четко понять что нам это не нравится* [8]. В этих публикациях, в отличие от комментариев пользователей, категоричность призыва выражается семантически, а не грамматически, в нем большую роль играет имплицитованная угроза. Призывы не содержат конкретики, не побуждают к выполнению определенных действий.

Таким образом, редакционные тексты паблика «Спутник и Погром», а также посты Егора Холмогорова о певице Manizha обладают следующими признаками легального националистического текста: эвфемизация объекта, аналитичность и публицистичность, государство и общество в качестве основного объекта агрессии, адресация некатегоричного и неконкретизированного призыва к государству и обществу. И редакция анализируемого паблика, и Егор Холмогоров стремятся выражать свои мысли в правовом поле в той мере, в которой они его понимают, и активно используют языковые и неязыковые средства ухода от ответственности. Большое количество комментариев пользователей не содержат признаков легального националистического текста, так как содержат традиционные прямые оскорбления по признаку национальности и прямые призывы экстремистского характера.

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. М., 2007. 592 с.
2. Громько С. А. Русский националистический текст в прагматическом аспекте // Язык. Право. Общество: Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 346–349.
3. Федюнина Е. С. Языковые особенности националистических текстов // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». 2008. № 1. С. 135–138.
4. <https://vk.com/sputnikipogrom> (8.03.3021)
5. <https://vk.com/sputnikipogrom> (9.03.3021)
6. <https://vk.com/sputnikipogrom> (10.03.3021)
7. <https://vk.com/holmogorov> (8.03.2021)
8. <https://vk.com/holmogorov> (10.03.2021)
9. <https://vk.com/holmogorov> (11.03.2021)
10. https://ru.wikipedia.org/wiki/Спутник_и_Погром
11. https://ru.wikipedia.org/wiki/Холмогоров_Егор_Станиславович

Sergey A. Gromyko

**SIGNS OF LEGAL NATIONALIST TEXT
(ON THE EXAMPLE OF PUBLICATIONS
ABOUT THE SINGER MANIZHA)¹⁷**

Abstract. The article introduces and substantiates the definition of «legal nationalist text». On the example of the discussion of Russian nationalists in social networks, signs of legal texts are revealed. The conclusion is made about the important role of euphemization, a specific object of speech aggression and an unspecified appeal in defining a legal nationalist text.

Keywords: Russian nationalism, nationalist text, Egor Kholmogorov, «Sputnik i Pogrom».

¹⁷ The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00111 «Russian nationalism in the linguistic aspect: pragmatics, dynamics, expertise».

ПРОБЛЕМА ЗАПРЕЩЕННОЙ СИМВОЛИКИ И СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ МОДА

Аннотация. Основным элементом декора в современной молодежной моде становится комбинированный, сочетающий в себе изобразительные и словесные элементы, знак, чья семантика может восходить к социально неприемлемым, общественно осуждаемым и даже преследуемым по закону общественным и политическим движениям, деструктивным религиозным культурам и асоциальному образу жизни.

Ключевые слова: надписи на одежде, текст, эмблема, семантика, запрещенный.

Молодежная мода в ее повседневном российском варианте – особое явление массовой культуры, обнаруживающее непосредственную зависимость не только и не столько от последних тенденций западной «высокой моды», но в большей степени от социальных процессов, от находящихся в эпицентре популярности музыкальных, танцевальных и иных течений, от клубной и тусовочной культуры, от социальных сетей, от региональных и иных традиций.

Причем, взаимосвязь именно с социальными сетями, между т. н. костюмной модой и Тик-Током, Инстаграм¹⁸ и т. д. двусторонняя, не случайно одним из наиболее востребованных у современных рекламодателей блогеров является Дания Милохин, чья целевая аудитория представлена преимущественно школьниками возраста до 17 (семнадцати) лет. Именно для них в кадре непосредственно на самом блогере как на модели демонстрируется товар, который тут же становится объектом вожделения для тех, кто хочет быть «как Дания». Поскольку именно в молодежной среде костюм и аксессуары принимают на себя роль опознавательных знаков для мгновенной идентификации носителя по вектору «свой – чужой», особое значение в ней приобретают использованные в декоре и для украшения изобразительные и графические элементы. Именно в дизайне молодежной одежды нет места случайным, непродуманным или семантически нейтральным элементам.

Основным видом декорации становится сюжетное реалистическое или символическое (абстрактное, знаковое) изображение; последнее может быть

¹⁸ Принадлежит организации, признанной экстремистской в Российской Федерации.

126 | комбинированным и представлять собой сочетание текста и изображения. При этом потенциально *пугающий* (для человека, воспитанного на традиционных базовых ценностях, т. е. в традициях классической или напротив исконной народной культуры) смысл большинства «спорных» надписей нивелируется тем, что они часто воспроизводятся в англоязычном варианте написания и изображаются полу-готическим или дизайнерским шрифтом, по сути, при далеком отступе сливаясь и превращаясь в некий единый орнаментальный элемент. Именно приданная надписям повышенная декоративность должна несколько отвлечь реципиента-покупателя от того, чтобы вдумчиво подойти к осмыслению заложенной в ней «философии».

Этой же цели служит и эмблематический характер большей части «спорных» декоров. Специально подобранными художественными средствами они доводятся до уровня «знака», с повышенной информационной нагрузкой, но не всегда мгновенно различимой. В то же время некий таинственный ореол, сопровождающий данную знаковость, побуждает к тому, чтобы обладатель или иной заинтересовавшийся «дизайном» человек стал ставить перед собой вопросы и интересоваться затронутой тематикой дальше, целенаправленно и углубленно.

Каждое из подобных изображений представляет собой «осмысленную последовательность любых знаков, любых форм коммуникации...» и «поскольку текст производится в определенной культуре, то можно сказать, что текст – это то, что в рамках этой культуры можно прочесть, понять» [4: 38–40].

Исследователями правильно отмечено, что во всех случаях без исключения «невербальные средства приобретают в слогане на одежде прагматическую нагрузку (экспрессивно-выделительную, эмоционально-оценочную, эстетическую)» [2: 88].

Следовательно, во время проведения экспертизы подобных изображений каждый из представленных дизайнов может быть рассмотрен последовательно как:

- вещь, предмет, обладающие содержанием;
- в свою очередь, содержание каждого предмета анализируется дальше, как определенная «структура элементов, предназначенных для передачи информации», цель которой «воздействовать на реципиентов, актуальных или потенциальных получателей». С этой целью проводятся: анализ композиционно – сюжетной структуры, структуры содержания и композиционной структуры каждого из изображений [4: 38–40; 54–55; 96].

Особое внимание при анализе подобных дизайнов должно быть уделено разрешению следующих вопросов:

- установлению возможных причин и мотивов создания и публичной продажи подобных «дизайнов» (как самих композиций, так и уже готовых, «украшенных» ими изделий);

– установлению предполагаемых ожиданий изготовителей (т. е. на какую реакцию они рассчитывали);

– особенное же внимание уделяется анализу характера специальных изобразительных, языковых, логических и иных приемов, которые предположительно, могут присутствовать в данного рода объектах [1: 33].

Изначально предлагаемый алгоритм исследования подобных дизайнов строится на следующих допущениях:

1. Надписи и изображения на одежде относятся к одному из типов текстов городской среды; следовательно, они тоже вносят свой вклад в формирование и чисто визуального, и в целом, семиотического представления о городе и его коммуникативном пространстве» [5: 179–182].

2. Особое значение при этом имеют именно надписи на майках, футболках, бейсболках и толстовках: «Как пишут на разных форумах (например, <http://zvezdastok.ru/moda/majki-s-nadpisyami.html>) сами «носители» этих предметов туалета (а часто, и заядлые «фанаты» таких «отекстованных» вещей), в «гардеробе» среднестатистического старшеклассника или студента должно быть как минимум восемь вещей, которые обязательны для каждого молодого человека — джинсы, кепка, сумка, куртка, «балахон» («толстовка»), рубашка, кроссовки, и, конечно же, футболки. Герменевтически это аналогично вербально-иконическим текстам на стенах (граффити): молодежь стремилась выразить свои взгляды, убеждения, вкусы и пристрастия «на чистом листе» [5: 180].

3. В этом «жанре» (термин употреблен условно), во многом наследующем граффити и комиксам, большое значение помимо собственно словесного компонента, придается изображению. При его анализе специалист исходит из того, что «проблема изображения — это не просто вопрос критики существующего положения вещей. Она связана также с трансформацией образа, с созданием альтернатив, с вопрошанием самих себя, какие типы образов подрывают и трансформируют наше мировоззрение, предлагают важные альтернативы...» [3: 230].

4. Одежда и ее элементы – один из способов переформатировать и сформировать свой культурный код. Так что при их исследовании, на наш взгляд, вполне допустимо, применять традиционные методы исследования декора как текстов в рамках исследования их коммуникативной направленности и т. п.

5. В то же время не следует забывать и об объективно присутствующем факторе риска. Когда начинается критика молодежной моды или ее отдельных атрибутов, данная тема становится потенциальным источником возбуждения вражды и недопонимания, так как затрагивает такую базовую вещь как критику внешнего образа человека в целом, что напрямую связано с его самооценкой, в том числе, как личности, как критика пройденного им жизненного пути.

6. Ближе к исследованию татуировок (за исключением сугубо художественных, имеющих только эстетическое значение и содержание).

7. При комплексном исследовании дизайнов, элементов одежды, типа моды, принятого в данной характерной молодежной группе, обязательно должна учитываться и психолого-социологическая составляющая процесса, и даже патопсихологическая и клиническая. Так, известно, что «модули подростковой инициации включают: «сепарацию» от общества взрослых; слияние с группой сверстников и подчинение ее внутренним законам; ... «демонстрацию своей физической и моральной выносливости»; «маркировку тела с помощью раскраски, повреждений и самоповреждений»; «унификацию одежды, причёски, манер поведения, сленга»; «испытание голодом, изоляцией и молчанием»; «социальную клятву-присягу» и т. п.» [6: 356].

В самом общем виде потенциально проблемными являются элементы, которые либо могут быть истолкованы как оскорбляющие общественную мораль и нравственность (содержащие обценную лексику, недвусмысленные хулиганские символы, замещающие ее), либо как потенциально конфликтно-генные, провокативные, то есть содержащие в себе возможность разжигания и эскалации конфликта по религиозному, национальному, расовому, социальному и иному признаку; содержащие призывы к политической и иной борьбе в ее радикальных вариантах; оправдывающие определенные нежелательные явления (оправдание геноцида, фашизма, террора) или пропагандирующие социально осуждаемый образ жизни (прием психоактивных веществ, алкоголизм, символика течения АУЕ, пропаганда сексуальных девиаций).

В последние годы подобная (условно «альтернативная») стилистика атакует не только изделия полуподпольного индпошива, но и проникает на подиумы и в дорогие штучные изделия – достаточно напомнить, что только за последние 6 лет символика АУЕ и русский мат в качестве декора появлялись в изделиях фирмы «Меха Екатерины» (пальто из меха норки с имитацией татуировок в тюремном стиле, которое стоит 425 тысяч рублей – на белом фоне надписи и рисунки, максимально стилизованные под графику татуировки: «Не верь, не бойся, не проси», «Кто понял жизнь – тот не спешит», «Человек человеку волк», «Цени свободу», купола, воровские звезды на плечах, восходящее солнце), серии «Хулиган» бренда Денис Симачев; рэпера Басты, бренда Vetements Демна Гвасалия, бренд Ssanaya Тгуарка, не говоря уже о многочисленных анонимных производителей.

В самом деле, идея использовать в качестве аналога рекламным билбордам или же плоскостям стен и заборов надписи и картинки на одежде очень удачна. Таким образом можно охватить неограниченную аудиторию и демонстрировать определенные образы и «слоганы» практически непрерывно, создавая возможность при этом вступить в непосредственный контакт с носителем «призыва».

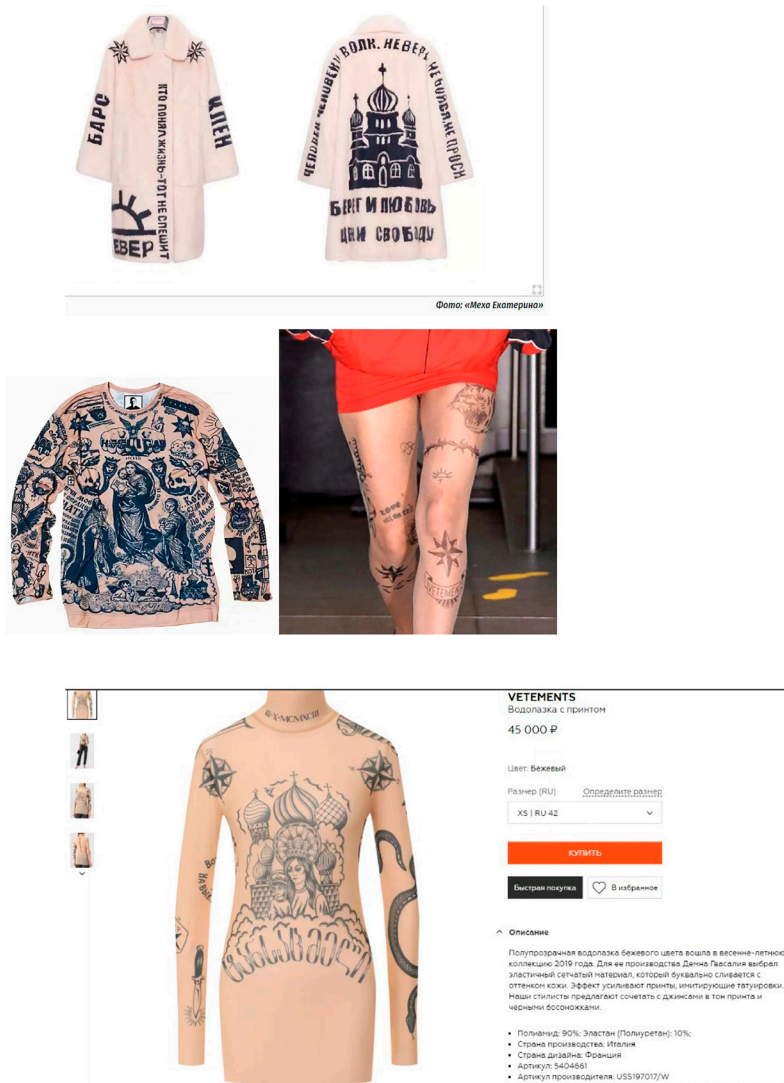

Рис. 1. Примеры дизайнов одежды в стилистике AVE

Простой осмотр представленных на иллюстрации образцов показывает, что единственной основой художественного образа и языка коммуникации в данных предметах является тюремная татуировка, элементы или целые изображения из репертуара которой копируются буквально, не будучи при этом подвергнуты какой-либо трансформации, в том числе осмеиванию, пародии и т. п.

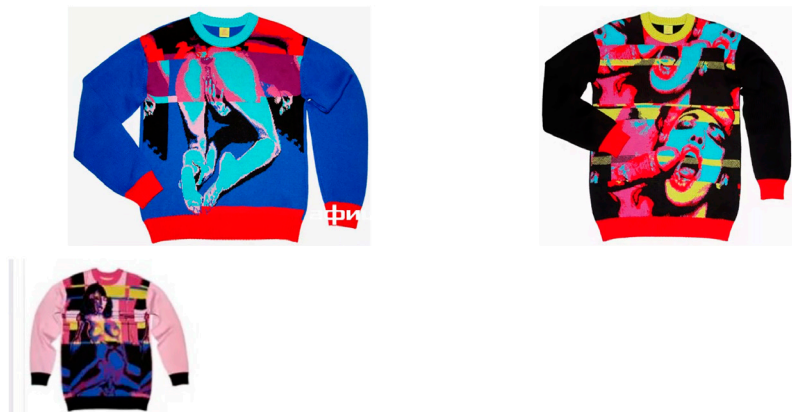

Рис. 2. Примеры дизайнов одежды с порнографическим контентом

Дизайны с порнографическим контентом близки так называемой «хулиганской одежде», содержащей нецензурные надписи, obscenную лексику. И в том, и в другом случае ношение подобной одежды может быть истолковано как вызывающее поведение, направленное на демонстрацию подчеркнутого неуважения к обществу. Вероятно, подобная одежда имеет право на существование в качестве узкоспециализированной – клубной, коллекционной, но даже сам факт ее открытой реализации через Интернет способен породить для производителя и торгующей организации нежелательные проблемы с контролирующими органами и общественностью.

Потенциально конфликтогенной и незаконной является и одежда, в декорации которой содержатся изображения тех или иных наркотических веществ:

Рис. 3. Примеры дизайнов одежды, подпадающей под понятие «пропаганда наркотиков»

Подобные принты могут быть истолкованы как реклама наркотиков и образы, нацеленные на то, чтобы вызывать у граждан интерес к наркосодержащему растению либо к процессу его потребления.

Но наибольшую сложность для понимания и анализа вызывает символика, связанная либо с оскорблением чувств верующих, либо с дискриминацией и оскорблениями по расовому, национальному и религиозному признаку.

Особое внимание сразу же должно быть обращено на тот факт, что на стадии отбора изображений для исследования, из общего ряда потенциально «спорных» исключаются: изображения с фанатской символикой (музыка, кино), в том числе, изображения героев мультипликационных фильмов, комиксов и интернет-игр и близкие им по контексту, а также изображения из репертуара т.н. «славянского фэнтези» («Амулет ведьмака» и т. п.), а также все допускающие двусмысленность истолкования объекты, даже при их формальной (по внешней форме) близости к запрещенному контенту.

Рис. 4. *Примеры провокативных дизайнов на тему религии: антихристианская и антиправославная символика, сатанинская символика*

В целом для дизайнов антирелигиозной направленности характерны следующие особенности и признаки:

- обращение к традиционным христианским символам, к языку иконописи и религиозного искусства, но с дальнейшей их произвольной деформацией и трансформацией;
- вольное обращение со значимыми для верующих людей символами, которые низводятся до уровня элемента орнамента, декора, шрифта и т. д.;
- обращение, на первый взгляд, к христианским символам, но с целью придания им абсолютно противоположного значения;
- активное использование сатанинской символики и наполнение образов антихристианским содержанием;
- пародии, карикатурное отношение, злая ирония, неоправданная и насмешки над христианскими образами, символами и христианским искусством;
- подчеркнутая провокативность образов, нацеленная на возбуждение эмоций, реакции, отклика, вплоть до максимально ярко окрашенных, негативных, конфликтных, конфронтации и т. д.;

– подчеркнутая декларативность образов, это высказывания и прокламации;
 – подчеркнутое утверждение антихристианских тем и образов;
 – неуважение не только к христианской и православной, в частности, религии, но и к религии и вере в целом (и в принципе).

Кроме того, встречаются дизайны «сомнительного», «спорного» характера, которые содержат в себе признаки неуважения, дискриминации по отношению к важным в глазах других групп людей событиям, явлениям и т. д.

Рис. 5. Слева – принт с изображением желтой шестиконечной звезды с надписью «Jude», помещенной во внутреннем поле, предполагаемый для размещения на молодежной одежде и аксессуарах; справа – подлинное историческое фото времен Второй мировой войны (из открытых источников сети Интернет)

Нашивку с таким символом предписывалось в обязательном порядке носить на оккупированных территориях в качестве отличительного знака еврея; кроме того, подобные нашивки носили узники концентрационных лагерей. Донеде символ этот неоднозначный и, по сообщениям прессы, в самом Израиле существует законопроект, который направлен на запрет употребления введенной нацистами символики <http://pravotv.ua/ru/news/society/3909-v-izraile-zapretyat-slovo-natsist-i-zheltue-zvezdu-davida>, <http://world.fedpress.ru/news/asia/1389875887-v-izraile-mogut-zapretit-slovo-natsist-i-zheltuyu-zvezdu-davida>, <https://www.ridus.ru/news/152887> и другие источники).

В любом случае, использование данного символа на футболках и иных предметах одежды может быть воспринято резко отрицательно и трактовано как призыв к публичным дискуссиям на темы нацизма и сионизма. По сути, ношение данного символа во вседневной жизни современного российского населенного пункта, особенно не столичного, в значительной степени является провокацией. И нет никаких оснований однозначно отнести его к антифашистской символике. Тут со стороны сразу нескольких

«лагерей» возможен неконтролируемый эмоциональный всплеск в ответ на созерцание подобного. Потому что несение подобного символа возбуждает вопросы к его хозяину, себя он мыслит с какой стороны – иудея, фашиста или? Или это просто грубая насмешка над одной из самых трагичных страниц в истории человечества и мировой истории XX века? Или же за этим скрывается желание противопоставить себя (якобы тоже «притесняемого по национальному и/или религиозному признаку») вам – современному снова «фашистскому» обществу?

Какой бы из поворотов в истолковании данного символа мы не выбрали, он неизбежно приведет к острой конфронтации, к столкновению, к разжиганию конфликта, на почве национальной и религиозной розни. В любом из истолкований данная символика содержит в себе элемент противопоставления одной из наций (или религий) другой.

Выводы. Авторы подобных дизайнов, вне зависимости от их места в иерархии индустрии моды, не позволяют эстетическим или культурным запретам ограничивать себя. Они создают определенный продукт для продажи, именно поэтому в дизайнах культивируются абсолютно любые черты, образы, эстетика – безвкусные, оскорбительные, бессодержательные, лишь бы они вызывали наиболее яркие эмоции и побуждали к приобретению предмета.

В то же время, есть вероятность того, что часть предметов осознанно создается с сатанинской, антирелигиозной, националистической и т. п. атрибутикой, для удовлетворения нужд соответствующей аудитории, а то, как данные предметы будут восприняты в иных культурах, субкультурах и социальных слоях, создателей (креаторов) и производителей не интересует.

В любом случае, даже принадлежность выпускаемого предмета к ведущему модному дому или бренду, даже его высокая стоимость для конечного потребителя или же апелляция к «карнавальной культуре» сами по себе не могут считаться факторами, оправдывающими легитимность их существования, хотя ссылки на них активно используются в досудебном и судебном урегулировании возникающих споров.

В приведенный выше краткий обзор намеренно не были включены предметы с явной, недвусмысленной и понятной максимально широкому кругу реципиентов экстремистской символикой для того, чтобы обратить внимание на сложное многообразие и многоуровневость затрагиваемой проблемы.

В идеале исследование подобной продукции должно происходить комплексно, не только с позиций лингвистики, но и с обязательным затрагиванием культурологических и психологических аспектов. В целом данный вопрос требует дальнейшего осмысления и разработки комплексной методики.

Литература

1. Зеленина О. В., Сулонов П. Е. Методика выявления признаков экстремизма. Процессуальные экспертизы (исследования) аудио-, видео и печатных материалов: научно-практическое пособие. Екатеринбург, УрЮИ МВД России, 2009. 90 с.
2. Ивус О. Н. Невербальная составляющая слогана на одежде// Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота. 2017. № 10 (76). Ч. 2. С. 84–90.
3. МакНейр Брайен. Стриптиз-культура. М., 2008. 445 с.
4. Таршис Е. Я. Контент-анализ. Принципы методологии. М., 2012. 176 с.
5. Шарифуллин Б. Я. Вербально-иконические тексты на предметах одежды: герменевтика и прагматика// Ученые Записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. С. 179–182.
6. Шевченко Ю. С., Панов Г. А., Левковская О. Б., Зубова Е. А. Перспективная модель организации функционирования подросткового психиатрического стационара // Материалы международной научно-практической конференции и пятого российско-хорватского психиатрического симпозиума: сб. докл. (с междунар. участием). Москва, 2019. С. 355–358.

Tatiana A. Troitskaya

**THE PROBLEM OF FORBIDDEN SYMBOLS AND MODERN
YOUTH FASHION**

Abstract. The main element of decor in modern youth fashion is a combined sign, combining visual and verbal elements, whose semantics can go back to socially unacceptable, socially condemned and even persecuted by law social and political movements, destructive religious cults and antisocial lifestyle.

Keywords: inscriptions on clothes, text, emblem, semantics, prohibited.

ВЕЖЛИВОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ВЗРОСЛОГО И РЕБЕНКА В ЖАНРЕ СЕКСТИНГА

Аннотация. В жанре подросткового секстинга используются речевые акты вежливости, которые опираются на манипулятивную стратегию. Адресант ориентирован на открытую доброжелательность и внимание по отношению к адресату, но при этом нарушает этико-правовые нормы. Коммуникативно-прагматические единицы вежливости, основанные на морально-нравственных принципах, в жанре подросткового секстинга служат достижению преступных целей адресанта.

Ключевые слова: жанр подросткового секстинга, категория вежливости, развратные действия, провокационное общение.

Диалог между взрослым и несовершеннолетним в жанре подросткового секстинга [3; 5] организован провокационными сообщениями, связанными с половой сферой. Цель переписки заключается в обсуждении с несовершеннолетними темы сексуальных отношений, знакомстве с порнографическими материалами, фотографировании в обнаженном виде, обучении сексуальным действиям. Одним из способов вовлечения несовершеннолетних в подобное общение выступает прием вежливости, который на разных этапах (знакомство, приветствие, обсуждение и сексуальное взаимодействие) позволяет создать иллюзию безопасной коммуникации, включить подростка в провокационную игру со взрослым собеседником, снизить тональность принуждения к развратным действиям. Рассмотрим прагматические аспекты категории вежливости в данном жанре.

В настоящее время категория вежливости достаточно глубоко и всесторонне описана, ее осмыслению в лингвистическом аспекте посвящены исследования П. Браун и С. Левинсона, Дж. Калпепера, Р. Лакоффа, Р. Уотса, Т. В. Лариной, Е. Л. Ерзинкян и др., о принципах вежливости пишут Н. И. Формановская, Е. И. Беляева, В. С. Храковский, И. Гофман, Г. Грайс, Дж. Лич и др. Обращено внимание на прагматический аспект категории вежливости, ученые анализируют социолингвистическую сторону этой категории, определяют психологические, национально-культурные особенности.

136 | Культуре речевого поведения посвящены исследования А. А. Акишиной, Т. Г. Винокур, В. Е. Гольдина, В. З. Демьянкова, Е. А. Земской, В. Г. Костомарова, Т. Г. Михальчук, Н. И. Формановской и др.; стратегии вежливости описаны В. И. Карасиком, Е. М. Ручкиной, Г. А. Остяковой, Л. З. Давыдовой и др.

Пристальное внимание ученых уделено приемам вежливости, бытующим в интернет-пространстве. Так, Г. Н. Тельминов рассуждает о коммуникативных тактиках вежливости в российском и американском рекламном интернет-дискурсе [16]; И. В. Евсеева и А. В. Кожеко описывают общение школьников в Интернете [9]; Т. А. Воронцова анализирует специфику речевой агрессии в интернет-коммуникации [7]; Р. А. Внебренных [6], Л. Р. Абдуллина и Е. В. Артамонова [1], А. В. Курьянович [12], Л. М. Гриценко и Т. А. Демидова [8] и многие другие определяют особенности троллинга в интернет-коммуникации; Н. А. Карабань и А. В. Дикарева характеризуют нетикет или сетикет как «свод правил, регулирующих вербальное и невербальное поведение пользователей сети Интернет», подчеркивая, что нормы этикета имеют сходство с нормами традиционного этикета, ряд особенностей обусловлен спецификой канала связи [10: 32]; Е. В. Баев выделяет уровни лингвистической вежливости в виртуальной коммуникативной среде [4].

Феномен вежливости понимается как комплексное понятие из области морали и нравственности, в содержательную структуру входят уважение и культура поведения; внешним проявлением выступают почет и почтительность, такт и тактичность, «воздействие которых на процесс коммуникации регулируется правилами приличия» [14: 293], однако Н. И. Формановская указывает на «вежливость-искренность» и «вежливость-маску», «кто-то скрывает за ней свою скверную суть» [18: 58], В. И. Карасик подчеркивает, «хорошие манеры могут сочетаться с низкими целями и отсутствием уважения к человеку» [11: 89].

Использование приемов вежливости в жанре подросткового секстинга обусловлено целью виртуальной коммуникации, когда перед взрослым стоит задача, установив контакт с незнакомым несовершеннолетним собеседником, осуществить развратные действия по отношению к ребенку. План общения достаточно типичный, включает в себя повторяющийся набор речевых действий, которые направлены на достижения коммуникативной цели взрослого собеседника.

Что известно об участниках коммуникации с точки зрения их социального статуса и степени знакомства? Взрослый собеседник (адресант) получает достоверную информацию о несовершеннолетнем адресате в виде фотографий, комментария и др., которые содержатся на страничке ребенка в социальных сетях. Самопрезентация адресанта передает, как правило, ложную информацию относительно внешности, возраста, иногда и пола, так как взрослый собеседник подстраивается под социально-ролевые отношения, типичные

для подростков. Позиции участников диалога неравноправны, взрослый имеет жизненный опыт, владеет приемами воздействия и манипулирования, им движет цель удовлетворить половые потребности; действия ребенка обусловлены любопытством, желанием поиграть во взрослую жизнь, получить первый сексуальный опыт, заработать деньги. Условия интернет-пространства позволяют осуществить подобную коммуникацию, так как «Физическая непредставленность и вытекающая из нее равноправность коммуникантов создает атмосферу свободы, вызывает ощущение безнаказанности, что сказывается или на повышенной откровенности, доверительности коммуникации, или на ее агрессивности, инвективности» [2: 15].

Общая стратегия провокационного общения в жанре подросткового секстинга основана на стратегии вежливости и связанными с ней частными тактиками. На этапе начала коммуникации реализуется тактики знакомства и демонстрации внимания. Эти тактики позволяют реализовать регулятивную функцию для поддержания продуктивного контакта с адресатом. Взрослый собеседник, используя этикетные формулы приветствия (*привет, хай* и др.), характерные для подростковой коммуникации, практически сразу задает вопросы об интересах ребенка (*что делаешь?, чем занимаешься?, была сегодня в кафе?* и под.) и его возрасте (*тебе сколько лет?, в каком классе учишься?* и под.). Обращение (*Танюша!, ты моя!* и др.) и комплимент (*ты красивая; о, какая грудь!; ты крутой!!!* и под.) поддерживают тактику приветствия, позволяют создать позитивный настрой. Адресат получает прямую восторженную оценку внешности, что вызывает его доверие к адресанту, так как подросток в этом возрасте критически оценивает свою внешность, ему приятно услышать похвалу от незнакомого собеседника. Для подростка комплимент выступает сильным эмоциональным средством [13], с помощью которого взрослый вовлекает ребенка в коммуникацию на тему секса.

Внимательное отношение к ребенку поддерживают тактики извинения и благодарности (*прости, ты спишь?; извини, я еще в дороге; сорри, не могу говорить; спасибо; спс* и под.), они применяются как способ выразить вежливое отношение к ребенку, но больше как способ напомнить о себе, так как взрослому необходимо поддержать интерес к заданной теме. Буквально на следующий день знакомства и затем на протяжении дальнейшей коммуникации адресантом и адресатом начинает активно использоваться лексема *любить*, содержание которой отражает развитие смыслов «ты мне нравишься» – «мне приятно с тобой общаться» – «я соскучился» – «я хочу тебя». Эмоционально-психологическая зависимость несовершеннолетнего от игры во взрослые отношения разрушает морально-нравственные основания, заложенные в константе любовь, подменяя их интересом к половым отношениям.

Если в обычной дружеской подростковой интернет-коммуникации тактики прощания, как правило, отсутствуют, то в жанре подросткового секстинга отмечаются формулы прощания в большей степени со стороны взрослого (*до встречи; спок; сладких снов; уже жду завтра; пока, люблю и др.*), перед которым стоит задача закрепить контакт и убедить подростка в искренности и безопасности общения, подчеркнуть важность и значимость такой коммуникации.

Переход к достижению цели сопровождается тактикой прямого предложения, в мягкой форме ребенку предлагается тема общения (*можешь/хочешь/давай проговорим про это?; как ты относишься к сексу по смс?; хочешь посмотреть порнушку?; кинуть видео?; я пошленький, хочешь про это? и др.*). «То, чего нельзя, неприлично делать в реальной жизни, – можно в виртуальной коммуникации» [15: 141]. Ответная реакция адресата говорит об однозначном понимании предложенной темы общения и может быть положительной или отрицательной. Если подросток соглашается общаться на тему секса, то дистанция между коммуникантами сокращается настолько, что взрослый собеседник уточняет у ребенка информацию интимного характера (*у тебя было?; неужели не было?; напиши, как и др.*), в качестве вежливых форм присутствуют только номинации половых органов в уменьшительно-ласкательной форме. Взрослый открыто сообщает о цели переписки, например, чтобы подросток продемонстрировал половые органы (*А писю кинь; Писю поярче фоткни; Фоткни писюн и под.*); сообщает подростку о своих желаниях (*Хочу тебя; Хочу его; Я твой хочу; хочу гладить и под.*); предлагает подростку совершить действия (*полижешь, вставить, целовать, трогать, трахнешь и под.*) и др. На основном этапе переписки реализуется воздействующая функция. Для смягчения волеизъявления адресант использует императив при помощи вопросов (*не могла бы ты прислать / сфоткать / описать / надеть? и под.*); нередко побуждение имплицитно пропозитивным содержанием сообщения (*я хочу твой / хочу его = я желаю интимной связи, физической близости с тобой*).

Самой употребительной в жанре подросткового секстинга выступает тактика просьбы, которая оформляется по-разному в зависимости от этапов коммуникации. В условиях нестабильной переписки с подростком, нерешительности ребенка или его отказа от коммуникации на сексуальную тему взрослый вместо императивной просьбы (*пжл, сделай еще одну фотку*) использует вопросительно-побудительную конструкцию (*ты бы прислал еще фоток?; ты не мог бы сделать поближе? и под.*), а также императив совместного действия или приглашения к совместному действию (*пожалуйста, давай продолжим; если устал, то попробуем завтра, а?; может, попробуем еще? и под.*). Одновременно реализуется тактика желаемой необходимости, взрослый убеждает подростка в важности получения сексуального опыта

(тебе уже надо знать; в твоём возрасте надо попробовать; у тебя ещё не было, а надо; у всех было, а у тебя нет и под.).

Тактика совместного действия активно применяется и в том случае, когда оба собеседника активно участвуют в переписке, обсуждают порнографические материалы, передают в режиме реального времени свои фотографии, содержащие обнажённые части тела, описывают состояние полового возбуждения. Адресант использует различные грамматические формы со значением совместного действия, как несобственно-вопросительное побуждение (*давай ещё попробуем?*; *может, пофоткаем?* и под.), так и утверждение (*мы не скажем бабушке; завтра продолжим; Оооо! У нас получилось* и под.).

Когда несовершеннолетний оказывается вовлечённым в коммуникацию, под руководством адресантом начинает получать сексуальный опыт, то взрослый собеседник применяет тактику совета и обучения, подсказывая какую позу лучше занять, как сфотографировать половые органы, какие действия предпринять для получения полового возбуждения. Степень вежливости резко снижается, так как используются грубо-просторечные и жаргонные номинации половых органов и действий половой сферы. Совет в жанре секстинга полностью лишен деликатности, он служит побуждению к действию. Обучение сексуальным действиям сопровождается толкованием лексем тематического поля секс жаргонного употребления. Совет может быть выражен достаточно категорично, с помощью императива (*вставь; потри, тогда поймешь; выше сделай, так лучше будет; фоткай ниже; шли; кидай* и др.), в мягкой форме сослагательного наклонения (*ты бы попробовала...; смогла бы сделать... и под.*), ссылкой на собственный опыт или как убеждение в положительном результате (*у меня так было, тебе понравится; смотри, сначала будет больно, лучше сделай так; сможешь потерпеть?* и под.). Отмечается демонстративно внимательное и заботливое отношение к адресату.

Тактика поддержания положительного эмоционального настроения передается похвалой и подбадриванием (*ты молодец!, супер!, у тебя очень красивая...; не переживай, завтра попробуем; тебе понравилось?* и др.). В коммуникации нередко присутствуют бранные возгласы, которые воспринимаются в контексте коммуникации, как высшая степень оценки и похвалы. При достижении взрослым состояния полового возбуждения применяется тактика эмоционального сопереживания, взрослый сообщает о своём физическом состоянии и запрашивает у адресата описание его состояния. В репликах представлены различные языковые средства, например, восторженная интонация оформляется повтором букв (*Аааааааа!; ты мояаяяя!* и под.), междометиями (*ауф, ауфф, ого!, вау!* и под.), наречиями (*быстрее, выше, ниже* и под.), лексикой, передающей экспрессию (*супер, здорово, еще-еще, давай-давай* и под.). Невербальные средства в виде смайлов, стикеров, выделения шрифтом и др.

140 | помогают поддержать положительный эмоциональный настрой, передать игривое отношение к происходящему.

Адресант применяет тактику манипулирования; мягкая форма принуждения и угрозы переданы условными конструкциями (*если еще сделаешь, то получишь обещанную сумму; если не прийдешь, сообщу подруге / учительнице / маме и др.*). Вербальный текст поддерживается фото и видеоизображениями половых органов.

Таким образом, тактики вежливости, тонко используемые взрослым, организуют стратегию общения с подростком, снимают границы дозволенного по отношению к нему и создают иллюзию безопасной игры, несовершеннолетний собеседник вовлекается в сексуальное взаимодействие.

Какова бы ни была степень вовлеченности подростка в тему коммуникации, ребенок, как правило, дает только ответную реакцию на предложенные ему действия, он является ведомым. Отмеченная в некоторых случаях активная позиция подростка, высокая заинтересованность в общении на тему секса, все же отражают его зависимую позицию. Даже при отсутствии вступительного фрагмента переписки и невозможности эксперту ответить на вопрос, кто первоначально является инициатором общения, можно однозначно утверждать, кто занимает определяющую позицию в подобном общении. Взрослый собеседник руководит действиями подростка, для этого задает прямые вопросы сексуального характера (*Дрочишь?, Кончил?, Пону разработал?, Пону лизать будем?, Сосал?, А трахал?, А ты мне вставишь?* и под.), используя глаголы сексуального действия жаргонного и просторечного употребления. Вопросно-ответная форма коммуникации позволяет привлечь подростка к сексуальному взаимодействию. Взрослый спрашивает о совершении полового акта с помощью глаголов совершенного вида, которые указывают на желательную завершенность и результативность действия. Подросток подтверждает свое согласие (*как ты хочешь; давай; как лучше сделать?* и под.). Лексико-грамматические формы прямого побуждения, используемые с целью сфотографировать свои половые органы, сообщить о состоянии полового возбуждения и др., указывают, что инициативу в коммуникации на сексуальную тему берет на себя взрослый собеседник.

Подросток, оказавшись втянутым в тему коммуникации, сообщает о своих сексуальных желаниях с помощью глаголов сексуального действия (*ты меня гладишь; ты мне вставляешь* и под.), в форме совместного действия (*сосем; мы дрочим* и под.) и описывает свои возможные действия в будущем (*я буду сосать; ты мне вставляешь; при встречен я буду голый; буду ждать секса с тобой* и под.). Используемые подростком различные лексико-грамматические формы указывают на действия, совпадающие с моментом речи, подтверждают готовность подростка вступить в сексуальное взаимодействие вне виртуального пространства.

Открытость и незащищенная позиция несовершеннолетнего в интернет-пространстве создают условия для виртуального и реального насилия со стороны взрослого. Единицы вежливости, выраженные различными языковыми средствами, например, такими как ласкательная номинация, формулы приветствия и прощания, комплементы, лексика одобрения и сочувствия, в большей степени использование глаголов со значением сексуального действия в форме мягкого побуждения (формы сослагательного наклонения), различные вопросительные, побудительные конструкции, интонационные средства (переданные графически, картинками и смайлами), с одной стороны, формируют положительный эмоциональный облик адресанта, а с другой стороны, выступают средствами косвенного вовлечения подростка в тему половых отношений. Такими средствами взрослый собеседник воздействует на волевую сферу подростка, снимает тональность прямого давления и принуждения к половым отношениям. Используемый императив со стороны взрослого отражает нетерпение и желание быстрее получить удовлетворение половых потребностей. Императив в большей степени присутствует, когда оба участника коммуникации начинают активно взаимодействовать на тему секса, а также в случае прекращения ребенком переписки или отказа от коммуникации. Формы сослагательного наклонения при выражении просьбы присутствуют, как способ не напугать адресата, оставить выбор действий за подростком. Так, приемы вежливости со стороны взрослого адресанта создают угрожающие речевые акты, которые нарушают морально-этические нормы поведения.

Таким образом, вежливость, соотнесенная с речевым этикетом и понимаемая нами как «регулирующие правила речевого поведения, система национально-специфических, стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [17: 9], в жанре подросткового секстинга не может быть рассмотрена как средство гармоничного общения. С помощью общепринятых норм речевого поведения взрослый собеседник организует опасное взаимодействие с несовершеннолетним на тему половых отношений и дезориентирует подростка в понимании нравственных ценностей, как жизненных ориентиров, определяющих характер отношений в обществе.

Литература

1. Абдуллина Л. Р., Артамонова Е. В. Особенности троллинга в интернет-комментариях к новостной статье (на материале французского языка) // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 11. С. 185–188.
2. Активные процессы в языке интернета: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Нестор-История, 2019. 257 с.

- 142 | 3. Антонов О. Ю. Особенности использования специальных знаний в области лингвистики при изучении электронной переписки в ходе расследования половых преступлений в отношении несовершеннолетних // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 7. С. 42–52.
4. Баев Е. В. Использование креолизованных текстов для повышения уровня лингвистической вежливости высказывания в виртуальной коммуникативной среде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 3. С. 717–721.
5. Бельская Н. С. Речевой жанр секстинга в судебной лингвистической экспертизе интернет-коммуникации при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1 (61). Т. 2. С. 170–176.
6. Внебрачных Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмурдского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2012. № 1. С. 48–51.
7. Воронцова Т. А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмурдского университета. Серия история и филология. 2016. Т. 26, вып. 2. С. 109–116.
8. Гриценко Л. М., Демидова Т. А. Коммуникативная стратегия дискредитации в интернет-коммуникации (на примере троллинга) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 29–42.
9. Евсеева И. В., Кожеко А. В. Вежливость в интернет-коммуникации школьников // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 1. С. 95–106.
10. Карабань Н. А., Дикарева А. В. Сетикет, или правила речевого поведения в сети Интернет // Филология: научные исследования. 2018. № 1. С. 31–37.
11. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 329 с.
12. Курьянович А. В. Опыт лингво-правовой характеристики конфликтной языковой личности (на примере анализа коммуникативного поведения тролля в сетевой переписке) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 7 (191). С. 129–142.
13. Леонтьев В. В. Двуликий жанр комплимента в эколлингвистическом аспекте // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 261–279.
14. Попов А. С. Вежливость как категория морали: этапы становления // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 1. С. 286–296.
15. Синельникова Л. Н. Дискурс троллинга – коммуникация без табу // Актуальные проблемы стилистики. 2016. № 2. С. 139–148.
16. Тельминов Г. Н. Коммуникативные тактики вежливости в американской и российской интернет-рекламе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 24 с.

17. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1987. 156 с.
18. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 1989. 156 с.

Irina A. Izmestyeva

**POLITENESS IN ADULT'S AND CHILD VIRTUAL
COMMUNICATION IN THE GENRE OF SEXTING**

Abstract. In the genre of teenage sexting, the speech acts of politeness are used in the genre of teenage sexting. In their turn, they rely on a manipulative strategy. The addresser is focused on being friendly and attentive towards the addressee. At the same time, the ethical and legal norms are violated here. The communicative and pragmatic units of politeness based on the moral and ethical principles in the genre of adolescent sexting serve to achieve the addressee's criminal goals.

Keywords: genre of teenage sexting, category of politeness, lewd actions, provocative communication.

Раздел 4.

ПРИМЕНЕНИЕ ДОСТИЖЕНИЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ, КОГНИТИВНОЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИКИ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

ПРИМЕНЕНИЕ SEO-АНАЛИЗА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ СПОРНОГО ТЕКСТА

Аннотация. В настоящей статье демонстрируется использование информационных технологий в исследовательском процессе, в частности, привлечение SEO-анализа для выявления смыслового содержания спорного текста. Описание алгоритма исследования сопровождается примером – разбором текста.

Ключевые слова: анализ текста, смысловое содержание, seo-анализ, статистический подсчет, семантическое ядро, спорный текст.

Судебная лингвистическая экспертиза по праву заняла свое место среди основных направлений, созданных на стыке языка и других областей. Актуальность исследований, проводимых в рамках судебной лингвистической экспертизы, продиктована увеличивающимся количеством обращений к лингвистам по вопросам, решение которых требует применение специальных знаний. Среди задач, которые стоят перед лингвистами, следует выделить задачи по определению содержания речевых произведений или тематики текстов (того, о чем в них говорится), созданных как продукт речевой деятельности. Определение содержания речевых произведений, как правило, предшествует выявлению содержания высказывания или смыслового компонента в спорном тексте.

При исследовании текста основной ошибкой, которую может допустить исследователь – это «опора на интроспекцию, т. е. анализ собственных впечатлений от сказанного», в таком случае «лингвист наблюдает и анализирует не сам текст, а свои ощущения от этого текста» [3: 118]. Чтобы исключить такое наблюдение и анализ собственных ощущений, а, следовательно, субъективность, в данной статье предлагается алгоритм исследования смыслового содержания текста с привлечением информационных технологий.

Перед тем, как приступить к изложению основного содержания статьи считаем необходимым остановиться на таких понятиях, как «спорный текст» и «смысловое содержание».

Номинация «спорный текст» является условной и используется по отношению ко всем речевым произведениям, представленным на судебную экс-

146 пертизу или лингвистическое исследование [4: 62], т. е. это – текст, созданный человеком, результат его речевой деятельности, который был направлен на специальное исследование.

Под *содержанием текста* понимается «1) внутренняя (понятийная, смысловая) сторона языковых единиц, по отношению к которой внешняя (звуковая, графическая и т. п.) их сторона приобретает свойства выражения; 2) внутренняя сторона построения высказывания, его смысловое наполнение; 3) описание какой-то ситуации» [6]. Первые два понимания связаны с лингвистическим контекстом и семантикой, имеющихся в тексте языковых единиц. Третье понимание требует выхода за рамки лингвистического контекста и переход к более сложному явлению – ситуации (или экстралингвистическому контексту), в которой был создан текст. Речевая ситуация, в свою очередь, предполагает обращение к форме ситуации, месту, времени, участникам коммуникации, их взаимоотношениям, продиктованным принятыми в обществе правилами и условиями, намерениям и мотивам говорящего, интерпретации высказываний слушающим и пр., т. е. в таком случае предполагается переход к прагматике. Данная работа охватывает первые два понимания, без учета экстралингвистических особенностей текста. Иначе говоря, выявляется только содержание текста, представленного непосредственно на исследование, рассматривается только информация, репрезентированная конкретными языковыми единицами в тексте.

Таким образом, алгоритм исследования содержания текста, о котором далее пойдет речь, не включает прагматические особенности. Ход (алгоритм) исследования выглядит следующим образом:

1. Загрузка электронного варианта текста.
2. Обработка текста программой (выявление статистических данных).
3. Обработка полученных результатов лингвистом.

На первом этапе электронный вариант исследуемого спорного текста загружается в окно онлайн программы (рис. 1). Для этого в настоящей статье привлекается SEO-анализ на онлайн-ресурсе <https://advego.com> [7].

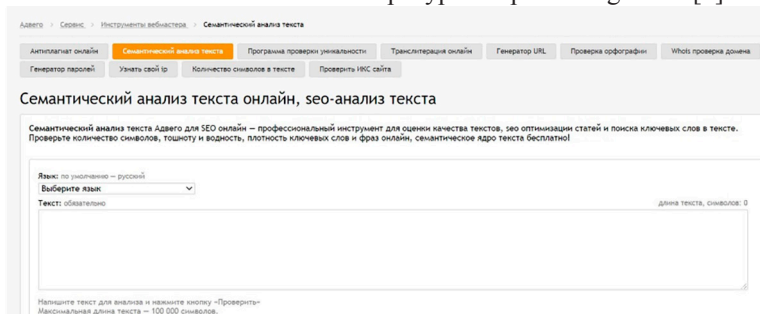

Рис. 1. Интерфейс онлайн-ресурса *advego.com*

На втором этапе программа начинает обрабатывать текст, и затем выдает список наиболее частотных слов, которые составляют семантическое ядро текста и тем самым представляют его содержание (то, о чем в нем говорится). Это, как правило, наиболее повторяющиеся слова в тексте, поскольку «коммуниканты как бы «ходят кругами» вокруг определенных тем, неоднократно возвращаясь к ним в течение всего разговора» [2: 26]. Помимо частотности слов в тексте, также после обработки программой определяются количественные показатели, охватывающие следующие параметры: количество символов, количество символов без пробелов, количество уникальных слов, количество значимых слов, количество стоп-слов.

На третьем этапе после обработки программой единиц естественного языка необходимо привлечение специалиста-лингвиста. Следует отметить, что именно на данном этапе и только по отношению к русскому языку необходимо обязательное вмешательство человека, поскольку, языки другого строя, а также и тексты, созданные на этих языках, уже подвергаются полной обработке искусственным интеллектом, например, английский язык. С русским языком, относящимся к флективным языкам, дело обстоит иначе: одно и то же слово либо словосочетание, но в разных грамматических формах программа выдает как отдельный результат. После статистического подсчета исследователю необходимо проанализировать результаты, объединить разные формы одного слова. Далее необходимо определить семантическую связь ключевых (наиболее частотных) слов между собой, исходя из их языковых характеристик, а также контекста, в котором они были употреблены. Через установление отношений между ключевыми понятиями, составляющими семантическое ядро текста, выявляется объект разговора, поскольку «смыслы отображают не столько сами явления действительности, сколько связи и отношения между ними» [1]. Иначе говоря, смысл текста, структура смысла «определяются собственно семантическими единицами и отношениями между ними» [1].

Таким образом, весь процесс заключается в качественном подсчете языковых единиц, составляющих спорный текст, без учета его прагмалингвистических характеристик, в установлении наиболее часто встречающихся слов, затем в определении семантико-грамматических связей между наиболее частотными словами.

Рассмотрим пример. Для анализа был взят небольшой по объему текст из материалов уголовного дела, представленных специалисту-лингвисту для решения задач лингвистического характера, из архива «Экспертно-оценочного центра по г. Алматы». В целях сохранения конфиденциальности имена собственные из данного текста полностью исключены.

Исследуемый текст *«Говорящий: Так, я, следовательно [называются фамилия, имя, отчество]. Сегодня у нас 5-ое сентября 2016 года. Мною будет*

148 | проведен допрос в качестве свидетеля В настоящий момент у нас 10 часов 00 минут вечера, 5-ое сентября шестнадцатого года. Так, [называются фамилия, имя, отчество], да? Я Вам разъясняю, что в настоящий момент Вы будете допрошены в качестве свидетеля. В связи с чем я Вам разъясняю Ваши права согласно статье 78-ой, я Вам разъясняю, что в качестве свидетеля для дачи показаний может быть вызвано и допрошено любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела. Также я Вам разъясняю в порядке статьи, в соответствии со статьей 110, 214, я Вам также разъясняю, что Вы имеете право отказаться от дачи показаний. Которые могут повлечь для Вас самой или Ваших близких родственников, сейчас. Фонограмма окончена...» вводится в соответствующее окно (рис. 1).

Как уже отмечалось выше, программа производит подсчет и выводит статистические данные. Показатели по анализируемому тексту отражены на рисунке 2.

Статистика текста

Наименование показателя	Значение
Количество символов	871
Количество символов без пробелов	737
Количество слов	127
Количество уникальных слов	68
Количество значимых слов	25
Количество стоп-слов	58
Вода	80.3 %
Количество грамматических ошибок	0
Классическая тошнота документа	2.24
Академическая тошнота документа	15.1 %

Рис. 2. Результаты статистического анализа текста

Остановимся лишь на представляющих интерес с лингвистической позиции параметрах. Интересующим нас первым параметром является количество слов. Анализируемый текст состоит из 127 слов. Параметр – «стоп-слова» выявляет «количество в тексте слов, не несущих смысловой нагрузки (предлоги, союзы, местоимения и др.)» [5]. В процессах поиска по определенному запросу такие слова не учитываются поисковыми системами, что связано с их семантико-грамматическими особенностями. В анализе текста в силу семантических особенностей данные слова также не учитываются, так как семантическое ядро могут составлять слова знаменательных частей речи. Третий параметр, представляющий интерес для лингвистического исследования, – «уникальные слова». Это – имена собственные, которые, как известно, включают имена и фамилии людей, названия мест, организаций, улиц, городов и пр.

Рядом с каждым примером указывается количество использования слова (либо словоформы) в тексте (см. рис. 3).

Семантическое ядро

Фраза/слово	Количество	Частота, %
разъяснить	5	3.94
качестве свидетеля	3	2.36 / 4.72
качество	3	2.36
свидетель	3	2.36
статья	3	2.36
5-ое	2	1.57
5-ое сентября	2	1.57 / 3.15
ваш	2	1.57
дача	2	1.57
дачи показаний	2	1.57 / 3.15
допросить	2	1.57

Рис. 3. Семантическое ядро текста

В результате обработки статистических данных были выявлены ключевые слова, составляющие семантическое ядро текста: *в качестве свидетеля, разъяснить права, в соответствии со статьей, 5-ое сентября, дача показаний*. Распределение ключевых слов в соответствии с их лексическим и контекстуальным значениями позволило определить смысловое содержание текста: *допрос 5-го сентября в качестве свидетеля человека для дачи показаний: следовательно, которому принадлежат все высказывания в тексте, перед началом допроса разъясняет права*.

Хотя SEO-анализ имеет совершенно иные цели и связан с такими сферами, как маркетинг, продвижение продукта, в данном случае для лингвистического исследования важными являются следующие моменты: 1) в ходе seo-анализа ведется статистический подсчет, когда выявляются наиболее частотные слова, поскольку «семантический анализ призван показать соотношение общего количества слов в тексте и значимых слов, составляющих семантическое ядро» [5]; данный шаг оптимизирует работу, т. к. машина, как правило, быстро выводит результат, экономя время исследователя; 2) использование программы полностью исключает человеческий фактор, иначе говоря, наиболее частотные слова, формирующие содержание текста, определяются объективно.

Вместе с тем предлагаемая процедура имеет минусы: 1) для ее проведения нужен обязательно электронный текст, а в случае с заключениями экспертов-лингвистов либо специалистов-лингвистов нередко бывает так, что материал исследования представляется в формате скан-копий материалов дела, из которых невозможно извлечь информацию в текстовом формате; в подобных ситуациях набор текста займет время, что не является оптимизацией; 2) в силу особенностей программа имеет ограничения – чтобы проанализировать слишком большие по объему тексты, приходится запускать анализ отдельных частей текста.

Таким образом, применение информационных технологий, в нашем случае конкретного вида – SEO-анализа, оптимизирует исследовательский процесс, хотя и имеет некоторые минусы. Алгоритм предлагаемой процедуры

150 | включает этапы: загрузка электронного варианта текста; обработка текста программой (выявление статистических данных); обработка полученных результатов лингвистом.

Литература

1. Бондарко А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. Т. 1., М., 2001. С. 4–13.
2. Власова Л. А., Попова И. В. Выявление смыслового содержания корпуса текстов СМС в судебной лингвистической экспертизе // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы», М., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. С. 24–34.
3. Кукушкина О. В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. №1 (41). С. 118–126. Режим обращения: [<https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-1-118-126>].
4. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е издание, переработанное. М.: Флинта: Наука, 2003. Режим обращения: [https://perevodovedcheskiy.academic.ru/1608/смысловое_содержание].
5. Словарь терминов. Режим обращения: [https://promopult.ru/library/Семантический_анализ].
6. Создание эффективного медиатекста. Теория прагматики, Режим обращения: http://pragmatica.ucoz.ru/publ/teorija_pragmatiki_sredstv_massovoj_kommunikacii/osnovnye_kategorii_pragmatiki_tekstov_smk/pragmaticeskoe_soderzhanie_teksta/3-1-0-5.
7. <https://advego.com/text/seo/>

Assel T. Shetiyeva

APPLICATION OF SEO ANALYSIS TO DETERMINE THE CONTENT OF CONTROVERSIAL TEXT

Abstract. This article demonstrates the using of Information Technology in the research process, in particular, the use of SEO analysis to identify the semantic content of a controversial text. The description of the research algorithm is accompanied by an example – the analysis of the controversial text.

Keywords: text analysis, semantic content, SEO analysis, statistical calculation, semantic core, controversial text.

М. Е. Новичихина
novichihiname@mail.ru
доктор филологических наук,
профессор Воронежского государственного университета
Воронеж, Россия

К ДИСКУССИИ О МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОВЕСНЫХ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

Аннотация. Работа посвящена проблеме лингвистической экспертизы товарного знака, а также поиску оптимальных методов исследования словесных товарных знаков на сходство до степени смешения. Сопоставляются возможности социологических и психолингвистических методов подобного исследования.

Ключевые слова: товарный знак, экспертиза товарного знака, сходство до степени смешения, ассоциативное сходство, психолингвистические методы, социологические методы.

В соответствии с действующим законодательством под товарным знаком понимается обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей [1].

Наиболее распространенным видом товарных знаков являются словесные знаки (лингвисты называют их также прагматонимами). Словесный знак – это буквы, слоги, буквосочетания, имеющие характер слова, словосочетания или целые выражения, зарегистрированные в установленном порядке. Примерами словесных товарных знаков могут служить: «Фанагория», «Ключевая» и др.

Последние десятилетия характеризуются стремительным ростом числа зарегистрированных словесных товарных знаков. Появившаяся в силу объективных процессов новая категория имен все чаще становится объектом исследования, в том числе и новым объектом экспертной оценки. Причиной необходимости такой оценки чаще всего становится следующее. Законодательством не допускается регистрация обозначений, сходных до степени смешения с другими товарными знаками, охраняемыми законом. Однако на практике вынести решение о факте сходства знаков до степени смешения в ряде случаев бывает проблематично, что становится вполне закономерным поводом для многочисленных споров и связанных с ними лингвистических экспертиз.

Практический опыт проведения исследований подобного рода позволяет обозначить целый ряд нерешенных вопросов, связанных с лингвистической

152 | экспертизой товарных знаков [5: 221–227; 7: 127–129]. Между тем, центральным вопросом, с нашей точки зрения, был и остается вопрос о допустимости/недопустимости тех или иных методов исследования словесных товарных знаков на предмет их сходства/несходства. Основную проблему при этом создает не столько исследование звукового или семантического сходства, сколько исследование так называемого ассоциативного сходства обозначений. Логика такого исследования продиктована следующими соображениями.

Восприятие коммерческого обозначения носителем языка (потребителем товаров и услуг), бесспорно, зависит от тех ассоциативных связей, которые актуализируются данным наименованием в сознании потребителя.

Заметим, что в «Правилах составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков» особо оговаривается, что «обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия» (I, п. 41) [9].

С нашей точки зрения (см., например: [4: 375–382; 3: 119–127]), именно ассоциативные связи дают наиболее точную информацию о возможности смешения тех или иных коммерческих обозначений. Многочисленные психолингвистические исследования свидетельствуют о том, что нередко единицы, принципиально отличающиеся как в фонетическом, так и в семантическом плане, вызывают у носителя языка сходные ассоциации и, как следствие, смешиваются в индивидуальном сознании. Именно поэтому исследование лишь звукового (фонетического) и смыслового (семантического) сходства представляется важным, но недостаточным при вынесении суждения о сходстве обозначений до степени смешения.

Следует обратить внимание на тот факт, что в судебной практике для исследования сходства товарных знаков (в том числе и ассоциативного сходства) используются как лингвистические (психолингвистические) методы, так и социологические. Нередко реализация этих методов дает противоположные результаты, что существенно осложняет принятие решения по поводу сходства/несходства исследуемых обозначений.

Методика психолингвистического исследования сходства/несходства обозначений хорошо отработана и описана, например, в [6]. В арсенале лингвистов и психолингвистов – метод семантического анализа, фоносемантический анализ, а также метод ассоциативного эксперимента, в ходе которого и оценивается обсуждаемое ассоциативное сходство.

В арсенале социологов – контент-анализ, интервьюирование, опросы общественного мнения, фокус-группы, метод экспертных оценок и др.

Социологическое исследование спорных товарных знаков часто сводится к опросу респондентов, которым предлагаются вопросы типа: «Как Вы

думаете, это обозначение (демонстрация карточки) и это обозначение (демонстрация карточки) похожи или не похожи?»

На первый взгляд, может показаться, что оба подхода имеют право на существование. Так почему же в отдельных случаях так отличаются полученные социологами и лингвистами (психолингвистами) результаты?

Для ответа на этот вопрос обратим внимание на тот факт, что социологи исследуют общественное мнение, а лингвисты и психолингвисты – продукты речевой деятельности (например, лексические единицы и их значения), а также особенности восприятия лексических единиц в индивидуальном сознании.

С нашей точки зрения, ассоциативное сходство / несходство обозначений в индивидуальном сознании человека (потребителя товаров и услуг) не может устанавливаться социологическими методами, поскольку индивидуальное сознание не является сферой социологии и не поддается исследованию социологическими методами.

Изучаемое социологами мнение по поводу смещения тех или иных лексем и факт реального смещения лексем, устанавливаемый психолингвистами, с нашей точки зрения, не есть одно и то же!

В качестве примера-пояснения можно привести следующее: лексемы *стол* и *стул* чрезвычайно тесно связаны в индивидуальном сознании носителя русского языка (о чем свидетельствуют известные ассоциативные словари). Между тем, социологический опрос на предмет сходства приведенных лексем дает очевидный отрицательный результат.

Думается, что связано это с тем, что формулируемые социологами вопросы апеллируют, в первую очередь, к рациональному восприятию объектов действительности, номинируемых тем или иным способом. Реально различая такие предметы действительности как *стол* и *стул*, респонденты, участвующие в социологическом исследовании, дают ответ о несходстве соответствующих лексем. В итоге социологи получают мнение респондентов по поводу предложенного им сопоставления. Психолингвисты же изучают особенности восприятия слова-названия в индивидуальном сознании человека. Такое восприятие исследуется в психолингвистике, оно не может быть оценено методами социологии. Более того, это восприятие не всегда осознается самим носителем языка. В частности, известно, что лексемы *стол* и *стул* в индивидуальном же сознании связаны теснейшим образом, о чем свидетельствуют оговорки в речи пожилых людей, детей, людей, находящихся в состоянии стресса и т. п.

Нисколько не оспаривая допустимость использования в отдельных случаях социологических методов исследования товаров, заметим следующее.

Скорее всего, социологическими методами можно исследовать смешение товаров, но никак не смешение обозначений. Смешение же товаров может осуществляться за счет множества факторов, лежащих, в том числе, и за

154 | пределами слова-обозначения. Следует согласиться с мнением А. А. Залевской, заметившей, что «говорящий или слушающий человек оказывается способным одновременно учитывать целый комплекс увязываемой со словом информации» [2: 158]. В итоге на смешение (или несмешение) обозначений может повлиять множество факторов экстралингвистического характера: цветовое решение, характер рекламы, особенности упаковки и т. д. и т. п.

Более того, в реальной жизни сопоставляемые обозначения потребитель, как правило, видит не вместе, не одновременно, а возможное сопоставление обозначений с последующим выводом о сходстве происходит неосознанно. В условиях же социологического исследования создается относительно искусственная ситуация одновременного восприятия и последующего сознательного сопоставления обозначений. Респондента ставят в условия, когда он должен что-либо увидеть. В этих условиях он, естественно, что-то да увидит!

Еще одним дискуссионным моментом в исследовании спорных товарных знаков становятся *способы сбора информации*. Ключевым при этом оказывается вопрос о количестве респондентов в социологическом исследовании и в психолингвистическом исследовании методом ассоциативного эксперимента.

В результате авторы социологических исследований (требующих объемной выборки) критически оценивают результаты ассоциативного эксперимента, проведенного психолингвистами на материале ответов, полученных, например, от 100–200 респондентов. В данном случае предпринимается ошибочная попытка трактовать результаты психолингвистического подхода с позиций социологии.

Поясним отличие к требованию объема опрошенных в ассоциативном эксперименте. Установлено, что минимальное количество респондентов, обеспечивающее достоверность результатов ассоциативного эксперимента – 100. Такой количественный критерий приводит, например, А. Д. Палкин [8: 81–89]. Со ссылкой признанного классика ассоциативных исследований Е. Ф. Тарасова он отмечает, что до значения в 50 респондентов условный прирост новых реакций является значительным, до значения 100 респондентов этот же условный прирост становится не очень значительным, а после значения 100 прирост хотя и остается, но на незначительном уровне. Далее автор подчеркивает, что описанная тенденция повторяется всякий раз при обработке реакций на очередной стимул. Итак, заключает он, достаточно 100 реакций на каждый стимул. Большинство последователей Е. Ф. Тарасова придерживались этого золотого правила. Аналогичного подхода придерживаются и признанные зарубежные ученые. В частности, в известном «Ассоциативном тезаурусе английского языка» [11] на каждый из 8400 стимулов приводится по 100 реакций.

Г. А. Черкасова, один из авторов известных ассоциативных словарей РАН, установила [10: 227–244], что 100 испытуемых достаточно, чтобы надежно выделить пять самых ярких ассоциаций. И увеличение количества испытуемых не меняет список ярких ассоциаций. Поэтому в настоящее время 100 респондентов принято как достаточное количество респондентов при проведении ассоциативного эксперимента. Все это объясняется тем, что ассоциативные связи в индивидуальном сознании чрезвычайно устойчивы! Дискуссия же о минимально допустимом количестве опрашиваемых при реализации социологических и психолингвистических методов обусловлена различием в объекте исследования (отражение языковых фактов в индивидуальном сознании или же мнение респондентов по поводу этих фактов).

Таким образом, представляется целесообразным сформулировать следующие выводы:

- *объектом* лингвистического (психолингвистического) исследования являются продукты речевой деятельности; объектом социологического исследования является общественное мнение;

- в качестве основных инструментов в психолингвистическом исследовании используется метод ассоциативного эксперимента; в социологическом исследовании – опросы общественного мнения, фокус-группы, экспертные оценки и т. п.;

- лингвистическое (психолингвистическое) исследование выявляет сходство / несходство сопоставляемых обозначений; социологическое исследование выявляет сходство/несходство товаров (последнее может быть обусловлено не только названием);

- *выявленные отличия в объектах исследования, в инструментах и т. д. неизбежно оказывают влияние на выявляемую степень сходства исследуемых товарных знаков.* Именно это приводит в ряде случаев к появлению противоположных выводов в соответствующих экспертных заключениях;

- экспертиза словесных товарных знаков может опираться только на фактически установленные связи соответствующих лексем в индивидуальном сознании, а не на мнение, выявленное в результате социологического опроса.

В целом же, по нашему мнению, исследование такого продукта речевой деятельности как коммерческое обозначение (или словесный товарный знак) должно осуществляться лингвистическими (психолингвистическими) методами.

Литература

1. Гражданский Кодекс РФ, часть четвертая (принят Государственной Думой 24 ноября 2006 г., одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 г. Российская газета, N 289, 22 декабря 2006 г., вст. в силу с 1 января 2008 г.).
2. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. Воронеж, 1990. 205 с.

- 156 | 3. Крюкова И. В. Типы ассоциативных реакций при восприятии коммерческих номенов // Методы современной коммуникации. Вып. 1. М., 2003. С. 119–127.
4. Новичихина М. Е. О некоторых подходах к лингвистической экспертизе товарных знаков // V Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения. Севастополь, 2011. С. 375–382.
5. Новичихина М. Е. О некоторых трудных случаях лингвистической экспертизы товарных знаков // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 221–227.
6. Новичихина М. Е., Стернин И. А. Экспертиза товарного знака. Воронеж, 2013. 128 с.
7. Новичихина М. Е. О нерешенных вопросах и перспективах лингвистической экспертизы товарных знаков // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2019. № 1. С. 127–129.
8. Палкин А. Д. Ассоциативный эксперимент как способ кросскультурного исследования образов сознания // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 81–89.
9. Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков (утв. Приказом Минэкономразвития РФ от 20.07.2015, № 482, с дополнениями от 12.03.2018).
10. Черкасова Г. А. Квантитативные исследования ассоциативных словарей // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Калуга, 2005. С. 227–244.
11. Kiss G. R., Armstrong C. A., Milroy R. An associative thesaurus of English (microfilm version). Wakefield: E. P. Microforms, 1972. 267 p.

M. E. Novichihina

**ON THE DISCUSSION OF RESEARCH METHODS
VERBAL TRADEMARKS**

Abstract. The work is devoted to the issues of linguistic examination of a trademark, as well as the search for optimal methods for studying verbal trademarks for confusing similarity. The possibilities of sociological and psycholinguistic methods of such research are compared.

Keywords: trademark, linguistic expert examination, confusing similarity, associative similarity, psycholinguistic methods, sociological methods.

ТЕМА КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ОПЫТ ОЦЕНКИ ТЕКСТОВ ЛИНГВИСТОМ-ЭКСПЕРТОМ

Аннотация. В статье описывается опыт анализа лингвистом-экспертом текстов на тему коронавирусной инфекции, распространяемых в социальных сетях.

Ключевые слова: коронавирус, социальные сети, лингвистическая экспертиза.

В 2020 году лингвистам-экспертам, уже имевшим опыт оценки материалов, распространяемых в социальных сетях, пришлось столкнуться с новой темой видеоматериалов, направляемых на исследование, – темой коронавирусной инфекции.

Рассмотрим, каким образом мы анализировали данные тексты и к каким выводам пришли в результате проведения одного из таких исследований.

На рассмотрение эксперта были предложены два видеоролика, распространяемые в социальных сетях: «Коронавирус – пандемия паники» и «Создание псевдовакцины». Вопросы, заданные эксперту, выглядели следующим образом:

1. Какое общее смысловое и понятийное содержание заключает в себе материал, представленный на исследование, какова его цель?

2. Содержатся ли в представленных материалах заведомо недостоверная общественно значимая информация под видом достоверных сообщений, создавшая угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия лица, распространяющего информацию?

3. Содержится ли в представленных материалах информация, которая направлена на то, чтобы не исполнялись предписанные указания ВОЗ чрезвычайной ситуации в связи с пандемией коронавируса?

4. Содержится ли в материале информация или призывы, побуждающие к действиям против соблюдения правил при чрезвычайной ситуации в связи с пандемией коронавируса?

Файл «Коронавирус – пандемия паники. Все будет хорошо, оставайтесь спокойны. Фэйк и агония теневых сил» содержал следующий текст: «На самом деле сейчас в мире ничего страшного не происходит. Это всего лишь нагнетаемая паника и истерия, что раздувается СМИ, которые подчинены единому центру управления. Все, что требуется, это сохранять спокойствие, не создавать хаос, панику вокруг себя и во всем мире. Сейчас вы напуганы и не знаете, чего ожидать дальше. Пожалуйста, не принимайте всерьез все факты, которые СМИ фабрикуют и сообщают вам. Они не показывают реальную картину и не рассказывают настоящую правду о том, что происходит за кулисами. Они пытаются заставить вас потерять самообладание и просто жить в страхе. Страх – это настоящий вирус, и страх распространяется быстрее, чем вирус. Коллективная эмоция страха – это главная опасность, которой и добиваются реальные властители мира. Это именно та энергия, которая им и нужна, низкая энергия, направленная на то, чтобы разрушать. Вспомните, о чем обычно говорят СМИ, сколько они сообщают нам добрых, хороших и положительных вещей о мире, какие эмоции они обычно создают в коллективном сознании человечества. Да, вы совершенно правы, по большей мере они распространяют негатив, агрессию, несчастье, извращение, чем сеют в людях неопределенность, стресс, страх. Страх – это главная энергия управления. Страх – это вирус человеческого сознания. Сейчас они пустили в ход еще и клеточный вирус и пытаются с помощью него создать еще больше страха. Давайте разберемся, как это работает, как по-настоящему работает вирус. Вспомните, что такое вирус. Вирус – это не бактерия, он не имеет в своей основе жизни. Это неживое паразитическое образование, которое внедряется в живую клетку и сбивает ее слаженную работу, направленную на баланс и гармонию всего организма. А жизнь всегда исходит из единого источника. Жизнь – это природа, это все живое. Жизнь – это энергия, которая направлена на гармонию и единство. И сильная, здоровая клетка, и организм никогда не впустят в себя вирус. Источник встроил в живые организмы умную систему. Прежде всего наше позитивное сознание определяет наше здоровье. Повторяюсь снова. Важно понимать: вирус – это неживое образование, и он изначально деструктивно направлен к жизни. Это негативный программный код. Вирусы сегодня просто создаются злонамеренными существами, негативными силами. Коронавирус – это не исключение, и эти же силы пытаются потом объяснить вам его воздействие, его огромную, в кавычках, опасность. Ничего, кроме лжи, которую они приготовили, кроме того, что они хотят внедрить в наше сознание, вы от них не получите. Их задача – просто посеять страх

и разъединить людей. Так проще управлять и переключать сознание людей в нужное русло. А страх и тяжелые вибрации прежде всего снижают защитные силы организма человека. Этими эмоциями люди только активизируют вирусы в своем организме. Что, как вы думаете, будут делать люди, сейчас которые изолированы в своих жилищах? Правильно: оставаясь в неопределенности, смотреть все те же самые источники информации. Это и есть цель. Нам нужно понять, что мы не должны паниковать. Теневое правительство мира создает хаос, прямо сейчас закрывая все: закрывая школы, учреждения, границы. Это создает только больше хаоса и разделения. Это дело темных сил, которые пытаются создать глобальную панику. Это их последняя попытка контролировать человечество. Но они теряют контроль. И они это знают. Они уже давно теряют власть. Нам нужно понимать, что за всей этой неопределенностью наступает полная ясность. Солнце всегда выходит и ярко светит после дождя; за ночью всегда приходит день, и любые негативные события пройдут, и все снова изменится в лучшую сторону. Вы не видите сейчас полной картины того, что на самом деле происходит, всей энергии, которую получила земля, и всей поддержки, которая пришла из источника абсолюта и из всех светлых сил. Они проделают большую работу, чтобы принести новый век на нашу планету. Так что просто смотрите на общую картину и не тратьте много внимания и энергии на этот коронавирус. Это просто отвлекает всех от реальности и заставляет бежать и быть запуганным. Вы – больше. Вы не просто овца, которая бежит туда, куда сказано. Вы – духовное существо, получившее жизнь на этой планете. Пожалуйста, помните об этом и помогите всем вокруг не паниковать, сказав им что-то, улыбнувшись, поддерживая их, говоря, что все то пройдет, это не будет здесь всегда, это просто временная ситуация. Сейчас энергии источника высветляют все темное и выводят все на поверхность. По-другому просто и быть не может. По-другому не могут происходить изменения в мире. Происходит глобальная трансформация. Глаза людей открываются все больше и больше. Переход будет развиваться быстрее и быстрее независимо от того, что будут делать темные. Они не могут остановить изменений. Они проиграли битву. Но они не хотят признать это для себя. У них больше нет выбора, их время истекло, и все то, что они делают сейчас, это просто их последняя попытка сохранить власть и низкие энергии на нашей матушке-Земле. Соединитесь и, дорогие, пожалуйста, держитесь позитивности, и будьте здоровы. Посылаю всем вам мою любовь и свет».

Текст файла «Создание псевдо-вакцины» выглядел следующим образом: «Но есть альтернативная линия в этой глобальной пошаговой стратегии. Вот как она выглядит. Создание псевдо-вакцины. Под дымовой завесой такого удобного вируса создается второй вирусный препарат с максималь-

160 ным коэффициентом летальности до 90 % и инкубационным периодом от полугода до года. Новый вирус не будет передаваться воздушно-капельным путем для контроля его распространения. Данный препарат в своем составе должен иметь вещество, быстро и полностью снимающее симптомы вируса-приманки. Люди, прошедшие вакцинацию, будут радоваться и говорить знакомым и родственникам: «Все отлично, меня вакцинировали, и у меня все прошло. Но через 180–360 дней наступает летальный исход. Вакцинация будет точечная, распространяется только там, где необходимо сократить население. Так как верхушке будет необходима армия, обслуга и рабочая сила, они оставят расчетное количество людей. Для них будет выпущена версия чистой вакцины, которая не будет содержать новый смертельный вирус. Тем более что в менее крупном масштабе это уже осуществлялось. Помните эту новость 2009 года? Власти Германии закупили вип-вакцину от «свиного гриппа». Но грязная, незлитная инъекция будет повреждать те или иные органы и системы организма, которые в течение от шести месяцев до года будут постепенно разрушаться. И затем наступит следующий этап. Утилизация. По всему миру начинаются смерти по десять, пятьдесят, сто тысяч в день. Это объявляют вспышкой якобы мутировавшего за год вируса. И таким образом легализуют уничтожение части населения земного шара. Об этом ведь даже предупреждали: «– Мир после этой пандемии уже не будет прежним. – Но что именно поменяется, по вашему мнению? – Думаю, что предупреждение о том, что мы должны основательно подготовиться к следующей большой пандемии, на сей раз будет воспринято всерьез». В этом сценарии трупы не закапывают, а сжигают тысячами, опасаясь заражения сточных вод. При достижении снижения численности населения земного шара до одного миллиарда или менее анонсируется изобретение реально действующей вакцины и ее быстрое распространение. Люди опять становятся в очередь, но теперь будет все по-честному. Инъекция будет действительно работать после того, когда жатва будет завершена и останется необходимое расчетное количество людей. Ну а потом – перекройка карты мира, восстановление экономик. После единой глобальной беды делается предложение всем странам добровольно объединиться в единую систему для упрощения контроля за миром. Единое мировое правительство, единая цифровая валюта, единая система контроля. И теперь, когда мы показали вам обе сюжетные концовки в этой глобальной игре, вы можете выбрать третью, которая устроит лично вас. Для этого нужно сделать всего две вещи. Первое – не позволяйте себя колоть тем, о чем вы толком ничего не знаете. Второе – поделитесь этим роликом с минимум четырьмя друзьями. Этому есть объяснение: коронавирус распространяется по формуле «один заражает двоих». Мы должны быть в два раза быстрее, потому что уже потеряли время. Жмите под этим роликом ссылку «поделиться» и отправьте

тем, кого вы знаете. Благодарим за равнодушие, за просмотр и за ваш выбор. Ведь только вместе можно предупредить людей и заставить их задуматься над всем этим. Берегите себя!».

В ходе лингвистического анализа текста файла «Коронавирус – пандемия паники. Все будет хорошо, оставайтесь спокойны. Фэйк и агония теневых сил» были предприняты следующие шаги:

Предметно-тематический анализ. Предмет речи – действия СМИ в период эпидемии коронавирусной инфекции. Авторы ролика утверждают, что СМИ «фабрикуют» факты, «не показывают реальную картину и не рассказывают настоящую правду». Содержательные типы сказанного: оценочный, побудительный.

Оценочно-экспрессивный анализ. Негативной оценке подвергаются современные СМИ, которые, по мнению авторов ролика, «распространяют негатив, агрессию, несчастье, извращение, чем сеют в людях неопределенность, стресс, страх».

Анализ выраженной речевой цели. Речевая цель выражена в тексте ролика следующим образом: «Пожалуйста, не принимайте всерьез все факты, которые СМИ фабрикуют и сообщают вам», то есть авторы ролика призывают людей не доверять информации СМИ об эпидемии коронавируса.

Установление признаков пропаганды взглядов. В анализируемом материале имеются лингвистические признаки речевого акта «убеждение», что свидетельствует о наличии пропаганды взглядов. Авторы ролика хотят убедить людей в том, что «ничего страшного не происходит». Они негативно оценивают действия СМИ, распространяющих «негатив». Предлагаемый взгляд на проблему преподносится как единственно верный, авторы стремятся сделать адресата своим единомышленником, сформировать у него готовность к принятию предлагаемой точки зрения.

Установление признаков призыва к действиям. В анализируемом материале имеются лингвистические признаки призыва к определенным действиям – авторы ролика призывают к тому, чтобы люди не принимали всерьез факты о коронавирусе, сообщаемые СМИ. Они выражают свое эмоциональное отношение к ситуации, формируют у адресата представление о том, что ничего страшного не происходит.

Установление признаков обвинения. В исследуемом материале имеются лингвистические признаки обвинения представителей СМИ в распространении негативной, не соответствующей действительности, информации. Текст ориентирует адресата на переоценку информации, полученной посредством СМИ, формирует у него новое эмоциональное отношение к эпидемии коронавирусной инфекции.

Таким же образом был проведен анализ текста второго файла, «Создание псевдо-вакцины»:

Предметно-тематический анализ. Предмет речи – правящая миром «верхушка», создающая псевдовакцину для уничтожения части населения планеты. О предмете речи сказано, что *«под дымовой завесой такого удобного вируса создается второй вирусный препарат с максимальным коэффициентом летальности до 90 %»*. Содержательные типы сказанного: информирующий, побудительный.

Оценочно-экспрессивный анализ. Авторы текста используют минимум оценочных средств, подавая заведомо ложную информацию под видом достоверных сведений.

Анализ выраженной речевой цели. Речевые цели высказывания выражены в последних репликах материала: *«Первое – не позволяйте себя колоть тем, о чем вы толком ничего не знаете. Второе – поделитесь этим роликом с минимум четырьмя друзьями»*, то есть речевые интенции авторов связаны с убеждением людей в опасности вакцинации от COVID-19 и распространением своих идей среди как можно большего числа людей.

Установление признаков пропаганды взглядов. В исследуемом материале имеются лингвистические признаки речевого акта «убеждение», что свидетельствует о наличии пропаганды взглядов. Предлагаемый взгляд на проблемы, описываемый прогноз событий преподносится как единственно возможный, авторы стремятся сделать адресата своим единомышленником, сформировать у него готовность к принятию предлагаемой точки зрения.

Установление признаков призыва к действиям. В анализируемом материале имеются лингвистические признаки призыва к определенным действиям – авторы призывают к тому, чтобы люди избегали вакцинации от коронавируса. Они формируют у адресата представление об опасности вакцинации, описывая негативные последствия этого.

Все указанные смыслы подкреплены в анализируемых файлах соответствующим видеорядом, способным оказывать влияние на подсознание пользователей социальных сетей и побудить их думать и поступать определенным образом.

Таким образом, в результате исследования был сделан следующий вывод: в представленных материалах содержится информация, которая побуждает пользователей социальных сетей не исполнять предписанные ВОЗ указания при чрезвычайной ситуации в связи с пандемией коронавируса; в представленных материалах содержится заведомо недостоверная общественно значимая информация под видом достоверных сообщений о создании псевдовакцины, которая призвана служить целям пропаганды отказа от вакцинации. Автор статьи не настаивает на том, что данные выводы являются единственно возможными, поскольку впервые в тот момент столкнулся с анализом текстов на данную тему.

Мы живем в новой, коронавирусной реальности. Поэтому необходимым представляется не только выработка рекомендаций представителям правоохранительных органов по постановке вопросов экспертам, связанных с темой коронавирусной инфекции, но и тщательный анализ возможных интенций авторов подобных текстов, описание методики работы с такими текстами в рамках лингвистических исследований и экспертиз.

Tatiana A. Sirotkina

**THEME OF CORONAVIRUS INFECTION IN SOCIAL MEDIA:
EXPERIENCE IN TEXT ASSESSMENT LINGUIST-EXPERT**

Abstract. The article describes the experience of a linguist-expert in analyzing texts on the topic of coronavirus infection spread on social networks.

Keywords: coronavirus, social networks, linguistic expertise.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ КАТЕГОРИЙ В ИНТЕРНЕТ-МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация. Анализ репрезентаций когнитивных категорий в интернет-медиадискурсе заключается в изучении, систематизации и категоризации номинаций рубрик электронных СМИ, собранных в базе данных при участии автора в нескольких проектах гражданской журналистики. Принцип отбора электронных СМИ в базу данных касался переводного потенциала медиатекстов, публикующих материалы о России, рассчитанные и на российского массового реципиента, то есть в медиатекстах из данной подборки обязательно должны присутствовать общие для всех носителей представленных языков когнитивные категории.

Когнитивная категория – это некое объединение смыслов на основе признака или набора признаков, репрезентируемых вербальными или невербальными единицами. В ходе анализа всех представленных в базе данных электронных СМИ на предмет репрезентаций когнитивных категорий, вербализованных в номинациях рубрик и названиях медиатекстов, были установлены следующие когнитивные категории интернет-медиадискурса: этнос, территория, время, политическая и экономическая ситуация, творчество и информационное пространство.

Ключевые слова: когнитивная категория, репрезентация, интернет-медиадискурс, этнос, территория; время; политическая и экономическая ситуация; творчество и информационное пространство.

Современная фундаментальная лингвистика и теория коммуникации включает несколько прикладных направлений, представляющих методологию для изучения и систематизации интернет-медиадискурса. Самые актуальные из них – медиалингвистика, коммуникативистика, когнитивная лингвистика, психолингвистика и нейролингвистика.

Наиболее прагматичным из перечисленных направлений с позиции изучения медиакоммуникации является медиалингвистика. Медиалингвистика является направлением лингвистической науки, исследующей функционирование языка в условиях массовой коммуникации, занимается изучением медиатекстов как вещественных воплощений медийных речевых практик.

Среди отечественных лингвистов вопросами медиалингвистики занимаются В. Г. Костомаров, Г. Я. Солганик, Т. Г. Добросклонская, Л. Р. Дускаева, Э. В. Будаев, Д. Н. Шмелев, Т. В. Шмелева и др.

Изучение речевого поведения участников массовой коммуникации позволило исследователям данного направления выделить специфические сферы и дифференцировать некоторые типы медиатекстов. В русле данного направления медиатекст понимается как диалектическое единство лингвистических и сопутствующих экстралингвистических факторов, собственно, словесным медиатекстом, графическим рядом и видеорядом, а также звуковым сопровождением репрезентируемой информации. Данное положение медиалингвистики демонстрирует глубокий уровень изучения медиатекста и его медийного окружения, но не взаимоотношения с другими медиатекстами, то есть не позволяет выйти на макроуровень медиадискурса, понимаемого как совокупность медиатекстов.

Следующее направление относится к теории коммуникации и связано с понятием коммуникации и речевой деятельности. Коммуникативистика – это направление теории коммуникации, изучающая проблемы информационных (сетевых) коммуникаций. Коммуникативистика позволяет переосмыслить универсальные механизмы информационного процесса, протекающего в условиях медийной коммуникации, предоставляя исследователю возможность изучить влияние технических средств передачи информации на само медийное сообщение и установить закономерности формирования макроструктур медиадискурса. Коммуникативный аспект медиадискурса осмыслился еще в середине XX века такими учеными как М. Маклюэн, социологами Ч. Кули и Г. Д. Лассуэллом. В отечественной науке данными вопросами занимались В. Б. Кашкин, О. Я. Гойхман, Г. Г. Почепцов, Ф. И. Шарков и др.

Предмет психолингвистики и нейролингвистики еще уже, поскольку касается психических и физиологических механизмов порождения речи, что также водит исследователя от понимания сути медиадискурса, его макроструктуры, закономерностей его построения и функционирования. То есть предоставляемый перечисленными направлениями инструментарий зачастую ограничен узкими прикладными задачами, позволяющими изучать отдельные аспекты интернет-медиадискурса без учета его макроуровня.

Когнитивная лингвистика – одно из направлений фундаментальной лингвистики, изучающее взаимосвязь языка и сознания, участия языка в познании, концептуализации и категоризации мира. Заложившие основы когнитивной лингвистики и семантики зарубежные ученые Р. Джекендофф, Ч. Талми, Р. Лэнкер, Ч. Филмор, Дж. Лакофф, Дж. Р. Тейлор, а также отечественные ученые В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев и многие другие создали базис для изучения содержательных аспектов категорий и языка во взаимосвязи с сопоставимыми единицами сознания.

Разрабатывая категорию значения, когнитивисты уравнили значение и когнитивные структуры сознания, что позволило установить отношение соответствия между знанием, значением и знаком. Подобное видение описания знаком объектов действительности или денотатов раскрыло новый аспект сигнификата и установило, что он может быть описан при помощи разных знаков, альтернативных языковых форм в прямой зависимости от осмысления говорящими и слушающими, от их субъективного жизненного опыта.

Так Е. С. Кубрякова пишет: «Подобное описание объектов и ситуаций, зависящее от субъективного опыта говорящих, представляет собой «конструирование» мира, а не его (зеркальное) отражение. В К. л. и когнитивную семантику были введены и такие термины, как «профилирование», «выдвижение» (чего-либо на первый план), «пресуппозиция», «эмпатия», «перспективация», которые отражали новые способы видения мира и его конструирования» [9]. Конструирование мира при его познании и осмыслении осуществляется при помощи языка, то есть язык приобретает новый статус и рассматривается как средство доступа к работе сознания. Таким образом, язык определяется как «способствующий осуществлению когнитивных процессов в актах коммуникации, либо как служащий в коммуникативном процессе (дискурсе) достижению определенных когнитивных целей (передаче или запросу информации, обмену ею между говорящими и созданию новой и т. п.)» [там же].

Понимание языка в качестве компонента когниции и коммуникации привело к возникновению перспективного отечественного когнитивизма, а именно когнитивно-дискурсивной парадигмы, в рамках которой любое языковое явление может быть изучено с двух позиций, участия в мыслительно-познавательной и дискурсивной деятельности субъектов общения. Е. С. Кубрякова отмечает, что данные аспекты также согласуются между собой в коммуникации.

Развивая данное положение, еще дальше идет В. З. Демьянков, исследуя понятие концепта в различных языковых средах и показывая на его примере способность реконструирования реальности: «Разграничение проходит по следующей линии: *понятия* – то, о чем люди договариваются, их люди **конструируют** для того, чтобы “иметь общий язык” при обсуждении проблем; *концепты* же существуют сами по себе, их люди **реконструируют** с той или иной степенью (не)уверенности» [10].

Концепт, одно из центральных понятий когнитивной лингвистики, в подобном ракурсе рассмотрения наглядно демонстрирует положение об участии языковых структур в познании и коммуникации. Однако при конструировании реальности в дискурсе на основе концептов требуются ментальные единицы большего порядка и объема, репрезентирующие дискурсивный макроуровень. Это категории, исследуемые когнитивной лингвистикой

и понимаемые в качестве крупных полевых структур, моделирующих знание, а, значит, воспроизводящих не только языковые явления, но и когнитивные, что крайне важно для понимания функционирования дискурса на макроуровне. Макроуровень дискурса представлен темами, развиваемыми в текстах, принадлежащих тому или иному типу дискурса, а также соответствующими языковыми и когнитивными структурами.

Данные структуры, будучи репрезентированы в совокупности актуальных речевых произведений, дают более полное представление о функциональных особенностях дискурса, моделируя когнитивный аспект коммуникации и позволяя отделить денотативно-референциальный аспект знака (знак соотносится с денотатом) от когнитивно-сигнификативного (знак соотносится с сигнификатом) или репрезентативного аспекта знака. Репрезентативный аспект знака, в отличие от референциального, включает более крупный конгломерат знаний, поскольку сигнификат не является зеркальным отражением денотата, который соотносится с концептом с когнитивной точки зрения.

Концепт, согласно определениям когнитивистов (Р. Джекендоффа, Л. Талми, Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова и др.) и является оперативной единицей мышления, концентрирующей усредненное знание о денотате, известное всем членам национальных культур, во всей совокупности коннотативных значений, которой располагает субъективный опыт человека. Категории же, в свою очередь, объединяют репрезентации концептов в отдельных речевых произведениях или текстах, принадлежащих одному типу дискурса.

Поэтому для настоящего исследования, ставящего целью изучить репрезентацию категорий в корпусе медиатекстов и через посредство полученного набора представить тематическое наполнение интернет-медиадискурса, было выбрано именно когнитивное направление фундаментальной лингвистики. Изучение медийной коммуникации с указанных выше позиций позволит смоделировать макроуровень интернет-медиадискурса с максимальной удобной для применения достижений когнитивной лингвистики при решении прикладных задач юрислингвистики, судебной экспертизы и пр.

Судебная экспертиза, к примеру, может ранжировать медиатексты согласно актуальным в интернет-медиадискурсе темам, выделять наиболее частотные репрезентации концептов, показательных как для коллективного понимания событий, так и для индивидуального сознания пользователей интернета и т. д. Тематическое наполнение содержания медиатекстов в гипертекстовой совокупности и взаимосвязи с другими медиатекстами на схожую тематику также предоставит экспертам модель макроуровня интернет-медиадискурса, актуальную в определенный период времени.

Для решения прикладной задачи исследования репрезентации категорий в корпусе медиатекстов тематическое наполнения интернет-медиадискурса было выбрано когнитивное направление фундаментальной лингвистики. Чтобы

168 | изучить особенности категорий, представленных в интернет-медиадискурсе, а также выделить их репрезентации, необходимо обратиться к эмпирическому материалу медиатекстов. Причем на разных языках, посвященных актуальным событиям и отобранных не по принципу цикличности коммуникативных процессов, но находящихся непосредственно в интернет-медиадискурсе, понимаемом как корпус медиатекстов.

В современной лингвистической науке существует две теории категоризации – классическая теория категоризации, восходящая к Аристотелю, и теория прототипов, появившаяся в середине XX века. Классическая теория закладывает основы понимания сущности категории и определяет ее как некое абстрактное вместилище, включающее ограниченное количество членов, обладающих набором необходимых общих свойств с одинаковым статусом внутри категории.

Трансформация и развитие устоявшегося видения началось с трудов Витгенштейна, усомнившегося в абсолютной необходимости определенного набора характеристик для каждого члена категории. Витгенштейн установил, что единство категории обеспечивается также и совокупностью больших и малых сходств между членами категории [7].

После экспериментального исследования У. Лабова, в котором испытуемым ставилась задача категоризовать рисунки сосудов, выяснились некоторые сложности в описании категорий: испытуемые затруднялись перечислить общие отличительные свойства членов категории, но легко могли описать типичного представителя категории или некий усредненный прототип. Появилась новая теория категоризации или теория прототипов, облегчающая выделение и описание категорий, а также способствующая созданию типологии [14].

Дальнейшее развитие данное понимание категории получило в трудах Э. Рош, в теории прототипов и категорий базисного уровня, выявленных и описанных при сопоставлении наивной и научной картины мира, а также при выявлении полевой структуры категории при проведении экспериментов с группой американских студентов.

В последующем анализе ее работ Д. Герартс выявил несколько гипотез, объясняющих прототипическую структуру категорий и пришел к выводу, что категории формируются по принципу экономии психологических усилий и созданию плотной сети понятий в памяти человека [17; 18]. Данная трактовка сущности категории выявила когнитивный аспект формирования и функционирования мышления, предоставив необходимый базис для изучения когниции.

В рамках зарубежной и отечественной когнитивной лингвистики проблемой категоризации занимается лингвокогнитология (С. J. Fillmore, W. Labov, G. Lakoff, E. Rosch, J. R. Taylor, А. Вежбицкая; Н. Д. Арутю-

нова, А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, О. О. Борискина, О. Л. Бутакова: Г. Воркачев, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, Р. М. Фрумкина, А. П. Чудинов и др.).

В отечественной когнитологии естественные прототипические категории классов слов описаны в трудах Е. С. Кубряковой; процессы категоризации, методология и топология категорий представлены в трудах Н. Н. Болдырева, рассматривающего категориальные типы (лексические, грамматические, модусные) в соотношении с главными функциями языка (номинативной, коммуникативной и интерпретирующей).

Существует также ряд отечественных исследований, посвященных отдельным методологическим аспектам категоризации, полевой и прототипической структуры категорий. Изучались также и отдельные категории языкового сознания — категории пространства, времени, причинности, индивидуального пространства, количества интенсивности, градуальности, собирательности и т. д.

Однако, при всем обилии и разнообразии когнитивных исследований категоризации, еще не предпринимались попытки осмыслить и описать несколько категорий, выделенных на основе холистической дискурсивной структуры на эмпирическом материале разноязычных текстов. Настоящее исследование является такой попыткой, предпринятой на материале интернет-медиадискурса с целью определить не просто отдельно взятые категории, но выявленных во взаимосвязи дискурсивных макроструктур.

Интернет-медиадискурс служит подходящим эмпирическим базисом для осуществления подобного исследования, поскольку располагает множеством разноязычных медиатекстов, объединенных интернет-ссылками в гипертекст, связанный тематически. Причем данная связь устанавливается непосредственными носителями языков и профессиональными журналистами, политологами, политтехнологами, что позволяет допустить наличие аутентичной репрезентации ментальных единиц и категорий. Наличие технической и гипертекстовой связи и репрезентации актуальных событий объединяет разноязычные медиатексты в цельный корпус, допускающий проведение общих исследований языковых репрезентаций и выделения характерных когнитивных категорий.

Прежде чем дать определение когнитивной категории, необходимо описать семантико-когнитивный подход к категоризации и определить собственно категорию. Как же было упомянуто выше, любая категория понятийного аппарата в когниции имеет прототипическую структуру. Языковые формы репрезентируют категорию, существующую в памяти воспринимающего информацию реципиента и формирующуюся в результате познания.

В русле данного подхода формируется современное понимание категории в лингвистической науке, зафиксированное в лингвистическом энциклопедическом словаре: «любая группа смысловых элементов, выделяемая на основе какого-либо общего свойства, в строгом смысле это некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [5].

В данном определении отражены прототипический и системный подходы, подразумевающие возможность моделирования категорий на основе прототипа или набора признаков [11]. Изучение категорий в современной лингвистике происходит в антропологической филологической парадигме, предусматривающей видение текста в качестве продукта человеческой речемыслительной деятельности [1; 2; 3 и др.].

Данное положение подразумевает, что вербализованные в текстах смыслы, репрезентированные достаточным количеством языковых форм, становятся текстообразующими категориями, как, например, темы, и порождают неограниченное количество речевых произведений на разных языках. Применительно к интернет-медиадискурсу такими могут стать любые категории, репрезентирующие событие – локативность, темпоральность, персональность, модальность, оценка и др.

Категории формируют, с одной стороны, совокупность смыслов или концептуальное пространство текста, что характеризует их как лингвистические универсалии, репрезентирующие «идеальные сущности, соотносимые с содержанием всех конкретных художественных текстов» [18: 6]. С другой стороны, оформляют холистическую структуру текста, выделяя специфические признаки речевого произведения, позволяющего отделить его от других языковых явлений [15: 364]. Ярким примером, принадлежащим текстовой и дискурсивной реальности, является категория тем, которую можно обозначить как «один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами» [16: 533].

Учитывая понимание дискурса как совокупности текстов, выстроенных согласно принципам организации того или иного типа, набор выделенных на их материале текстообразующих категорий принадлежит и макроуровню данного дискурса. Категории, относимые разными лингвистами к текстообразующим, выделяются при помощи лингвистического анализа.

Например, И. Р. Гальперин относит к текстовым десять категорий: информативность, когезия, пространственный континуум, членимость, автосемантия отрезков текста, ретроспекция, проспекция, интеграция, завершенность, модальность [8].

Художественный дискурс обладает еще большим количеством категорий: связность, цельность, завершенность, антропоцентричность, социологичность, диалогичность, развернутость, последовательность, динамичность, напряженность, эстетичность, статичность, образность, интерпретируемость [17].

Данное понимание сущности категорий исходит из холистического представления о речевом произведении, однако, философский структурализм вводит значимость некоторых знаков от систем оппозиций. Это неоправданно сужает набор признаков, позволяющих распределить языковые репрезентации по категориям. Системный подход расширяет процесс категоризации от естественных оппозиций до чета семантической стратификации, вариативности, межкатегориальных связей, смоделированных в полевой структуре категорий: центр – периферия – континуальность – частичные пересечения категорий [3: 299].

Категории интернет-медиадискурса, репрезентированные в корпусе медиатекстов, описывают общественно значимое актуальное событие. Поэтому, учитывая информативную функцию медиатекстов, категориями макроуровня интернет-медиадискурса становятся ситуативные компоненты и характеристики массового реципиента: языковая принадлежность реципиента, темпоральность, локативность, политическая ситуация в стране проживания или события и пр.

Категории интернет-медиадискурса репрезентируются на различных уровнях медиатекстов. Согласно типологии текстовой информации И. Р. Гальперина, в медиатекстах преобладает содержательно-концептуальная информация, согласующаяся с содержательно-фактуальной информацией о репрезентируемом событии, а также с авторским пониманием «причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической и культурной жизни народа» [8: 28].

Языковые репрезентации категорий интернет-медиадискурса представлены на всех уровнях медиатекстов и отличаются употреблением предикативов со значениями информирования, выражения оценки и отношения к репрезентируемому событию: заявить, объявить, отметить, рассказать и т. д.

Таким образом, категориями, репрезентированными в интернет-медиадискурсе, являются категории, сообщающие сведения о событии, а также категория массового реципиента. Данные категории нельзя назвать исключительно семантическими, поскольку при их репрезентации в интернет-медиадискурсе используются не только языковые формы, но и масса сопутствующей звуковой и визуальной информации, которая может не подлежать изучению, но обязательно должна учитываться при рассуждении о категориях интернет-медиадискурса. То есть, данные категории являются скорее когнитивными, чем семантическими с точки зрения языковых репрезентаций. Когнитивная

172 | категория отличается от семантической категории учетом большего спектра значений, чем вмещает система бинарных оппозиций.

Итак, когнитивная категория – это некое объединение смыслов на основе признака или набора признаков, репрезентируемых вербальными или невербальными единицами. Языковые репрезентации когнитивных категорий все же большей частью вербальны, поскольку специфика интернет-медиадискурса и массового реципиента располагает к восприятию информации именно в форме текста.

Анализ репрезентаций когнитивных категорий в интернет-медиадискурсе включал изучение, систематизацию и категоризацию номинаций рубрик электронных СМИ, собранных в базе данных при участии в нескольких проектах гражданской журналистики. Всего было собрано около 800 электронных СМИ на разных языках, среди которых превалировали издания и блоги на английском, немецком, французском, итальянском, испанском, голландском и прочих европейских языках.

Принцип отбора электронных СМИ в базу данных заключался в переводном потенциале медиатекстов, публикующих материалы о России – реакции зарубежной журналистики и массовой аудитории на события в России – значит, рассчитанные и на российского массового реципиента. То есть в медиатекстах из данной подборки обязательно должны были присутствовать общие для всех носителей представленных языков когнитивные категории.

В ходе анализа всех представленных в базе данных электронных СМИ на предмет репрезентаций когнитивных категорий, вербализованных в номинациях рубрик и названиях медиатекстов, были установлены следующие когнитивные категории интернет-медиадискурса: этнос, территория, время, политическая и экономическая ситуация, творчество и информационное пространство.

Когнитивная категория «этнос» была установлена на материале перечисленных выше европейских языков. Приведем пример самой распространенной группы англоязычных репрезентантов, которые в большинстве являются словосочетанием с номинациями World, Nation, получающими этнический атрибут, обладающий основным определяющим концептуальным признаком: UK Politics (The Independent); Copts & political islam (Copts-United); Arab Israeli Conflict, Israel News (The Jerusalem Post) и др.

Когнитивная категория «территория» ориентирует реципиента медиатекста относительно события и репрезентируется при помощи топонимов, а также топографических, картографических, страноведческих, культурных номинаций. Данная когнитивная категория репрезентирует принадлежность события к географической или административной единице и обозначает значимость новости для страны, области, округа, городов и прочих населенных пунктов.

Репрезентации этой категории охватывают разнообразие типов лексем – хоронимы, ойконимы, полисонимы, урбанонимы и т. д.: Africa, Americas, Asia Pacific, Asia: South&Central, Europe, Middle East (The Christian Science Monitor); Cities: Bengaluru, Chennai, Coimbatore, Delhi, Hyderabad, Kochi; Canada (Ottawa Sun); Europa, Świat (Portal Spraw Zagranicznych); Zuerich, Schweiz (Tages Anzeiger) и др.

Когнитивная категория «время» репрезентирует пространственное местонахождение людей, предметов, развитие события во времени, если медиатекст синхронно освещает событие. Репрезентациями данной категории являются единицы измерения, ориентиры, стороны света, пространственные ощущения. При помощи когнитивной категории «время» происходит моделирование пространства медиатекста соответственно с представлениями, свойственными культуре языка, на котором он написан.

Однако номинации времени настолько часто встречаются в медиатекстах, что репрезентация данной категории очевидна. Так многие названия электронных и печатных СМИ имеют номинацию времени, например, англоязычные «The Times», «The Asia Times», «The India Times», «The Irish Times», «The Washington Times» и «Khaleej Times» и др.

Репрезентация данной категории ориентирует медиатексты во времени и выстраивает событийную хронологию. Номинация времени часто сочетается с атрибутом общественной деятельности, атрибутом топонимом или этнонимом: The Financial Times, The Asia-Times, The Korea Times The Irish Times. Атрибуты часто дополнительно обозначают географическую и этническую принадлежность аудитории электронного СМИ.

Когнитивная категория «политическая и экономическая ситуация» маркирует в медиатекстах важнейшие события из политической и экономической жизни. Чаще всего, данная когнитивная категория репрезентирована номинациями государственной деятельности в рубриках, именующих ее сферы: Politics, Economy (The Wall Street Journal), Economy, Politics (Business Pundit), Economy (The Korea Times), Economy (New American); Politik, Wirtschaft (Welt); Politik (Focus-online); Gesellschaft, Politik, Wirtschaft (Stern); Politik (Handelsblatt); Politica, Economia (La Stampa); Política Economía (Publico); Economía (ABC); Política, Economía (Clarín); Economía (El Pais.cr); Икономика (news.bg); Ekonomika (Spravy); Politikk, Økonomi (Aftenposten); Economie (Volkskrant) и др.

Когнитивные категории «творчество» и «информационное пространство» репрезентированы номинациями, классифицированными следующим образом:

1. Номинации досуга, культуры, спорта, путешествий, литературы, музыки, кино, театра, изобразительного искусства, массмедиа, технологий.
2. Номинации творческой активности отдельных авторов.
3. Номинации отдыха.

4. Номинации массмедиа.
5. Номинации здравоохранения, науки, образования.
6. Номинации актуальной темы, прецедентной фразы и пр.

Примеры данных репрезентаций в названиях рубрик на различных языках: Sports, Arts, Books, Fashion & Style, Food, Travel (The New-York Times); Technology, Equality, Graphics, Watch, The David Rubenstein Show, Art + Technology (Bloomberg); Kultur, Wissen, Digital, Campus, Arbeit, Sport (Zeit-online); Live TV, Mediathek, Sport, Panorama, Wissen, Kultur, Meinung, Iconist (Welt); Wissen, Gesundheit, Kultur, Sport, Digital, Reisen, Video (Focus-online); IQ, Культура, Спорт, Фото (Zaxid); Sport, Kultura, Cestování, Relax, Design (Lidovky); Sport, Názory, Kultura, Video (Aktualne); Sport, Meninger, Kultur, Film, TV-serier, Musikk, Litteratur (Aftenposten); Cultura, Desporto, Ambiente (Infor Press); Clima, Deportes, Espectáculos, Editorial, Contáctanos (info7); Kulturi, Timersoneq, Nunat allat, Silassaq, TV, Radio, Assiisivik (KNR) и др.

Выделение когнитивных категорий интернет-медиадискурса во взаимосвязи с рубриками и заголовками медиатекстов является одним из достижений когнитивной лингвистики, способным дополнить и облегчить проведение лингвистических экспертиз как интернет-дискурса, медиадискурса, так и дискурса социальных сетей.

В приложении к задачам лингвистической экспертизы когнитивные категории интернет-медиадискурса позволяют:

1. Уточнить темы анализируемых текстов.
2. Установить гипертекстовые связи анализируемого текста с медиатекстами и вторичными текстами на разных языках.
3. Воссоздать политическую и экономическую ситуацию при создании анализируемого текста.
4. Охарактеризовать события, с которыми хронологически соотносится исследуемый текст.
5. Понять, каким образом актуальная повестка дня, освещаемая в СМИ, коррелирует с сетевой коммуникацией.
6. Выявить активные когнитивные и языковые процессы в интернет-коммуникации, в которых участвуют медиатексты, объединенные одной темой.
7. Диагностировать и сопоставить отдельные характеристики личности автора анализируемого текста.
8. Тематически систематизировать речевые практики интернет-медиадискурса на основе когнитивных категорий.

Перечисленные выше когнитивные категории представлены в медиатекстах на различных языках, а, значит, являются языковыми универсалиями, преобладающим способом репрезентации которых в интернет-медиадискурсе является атрибутивная номинация. Будучи репрезентированы в ряде

медиатекстов на различных языках, когнитивные категории моделируют пространство медиатекста и формируют представление о событии.

Пространственная и временная обусловленность медиатекстов связана с институциональностью интернет-медиадискурса, регламентированного хронологией событий и их пространственной соотнесенностью. Печатные издания и электронные СМИ часто повторяют публикуемые материалы, поэтом полученные результаты исследования могут рассматриваться

Номинация времени и пространства характерна не только для названий электронных СМИ, но для рубрик и заголовков текстов. Данная особенность свидетельствует о темпоральной и локативной обусловленности интернет-медиадискурса, связанного не только с реальностью, но и с виртуальным миром. Преобладание атрибутивных номинаций свидетельствует о вербализации в медиатекстах когнитивных категорий, относящихся к фоновым знаниям автора медиатекста, большей частью о политической и экономической ситуации, соответствующей репрезентируемому событию.

Литература

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н. Н. Болдырев // М-во обр. и науки РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. Ассоциация лингвистов-когнитологов. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 236 с.
2. Бондарко А. В. Лингвистика текста в системе функционально-семантических категорий / А. В. Бондарко // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1. С. 4–13.
3. Бондарко А. В. О системном подходе в изучении языковых значений / А. В. Бондарко // Русский язык: исторические судьбы и современность; II Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы / Составители М. Л. Ремнева, О. В. Дедова, А. А. Поликарпов. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 290–299.
4. Будаев Э. В. Зарубежная политическая метафорология / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. Екатеринбург, Изд-во Урал. гос. пед. ун-та. 2008. 248 с.
5. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Категория / Т. В. Булыгина: А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь. Режим доступа : www.voкабула.рф/словари/лингвистический-энциклопедический-словарь/категория.
6. Бушев А. Б. Языковые особенности экономического дискурса / А. Б. Бушев // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 86. № 37 (328). С. 22–25.
7. Витгенштейн Л. Философские исследования / Людвиг Витгенштейн ; [пер. с нем. Л. Добросельского]. М.: АСТ : Астрель, печ. 2010.
8. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. М. : Наука, 1981. 140 с.

- 176 | 9. Кубрякова Е. С. Когнитивная лингвистика / Е. С. Кубрякова // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://bigenc.ru/linguistics/text/2077244>
10. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В. З. Демьянков // Когнитивные аспекты лексикографии [Электронный ресурс]. Режим доступа : www.infolex.ru/Concept.html
11. Демьянков В. З. Прототипический подход / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 140–145.
12. Ильенко С. Г. Русистика : избр. тр. / С.Г. Ильенко. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 674 с.
13. Куликова О. В. Типы знаний и их взаимодействие в экономическом дискурсе / О. В. Куликова // Вестник МГЛУ. 2013. №25 (685). С. 34–41.
14. Лабов В. Структура денотативных значений / В. Лабов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1983. Вып. XIV.
15. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. М.: Гнозис, 2004. 280 с.
16. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.
17. Таюпова О. И. Категории текста как лингвистические универсалии / О. И. Таюпова, У. Ф. Жаббарова // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2013. № 20 (311). С. 98–100.
18. Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста / И. Я. Чернухина. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 157 с.
19. Geerarts D. Theory of lexical semantics. New York: Oxford University Press Inc. 2009. 327 p.
20. Rosch E. Principles of categorization // Cognition and categorization. Hillsdale NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 26–48.

Mariya V. Konovalova

REPRESENTATION OF COGNITIVE CATEGORIES IN THE INTERNET MEDIA DISCOURSE

Abstract. The analysis of the representations of cognitive categories in the Internet media discourse included the study, systematization and categorization of the categories of electronic media categories collected in the database with participation in several projects of citizen journalism. The principle of selecting electronic media in the database was the translation potential of media texts that publish materials about Russia, the reaction of foreign journalism and the mass audience to events in Russia, which means that they are also designed for the Russian mass recipient. That is, in the media texts from this collection, there must

have been cognitive categories common to all native speakers of the presented languages. 177

A cognitive category is a kind of association of meanings based on a feature or a set of features represented by verbal or nonverbal units. During the analysis of all electronic media presented in the database for representations of cognitive categories verbalized in the categories of headings and media text names, the following cognitive categories of the Internet media discourse were established: ethnicity, territory, time, political and economic situation, creativity and information space.

Keywords: cognitive category, representation, Internet media discourse, ethnicity, territory, time, political and economic situation.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ НЕОСОЗНАВАЕМОЙ УСТАНОВКИ И СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Аннотация. При определении того, что является «разжиганием ненависти», принято опираться на лингвистическое определение слова «разжигание», а не на научное понятие, зафиксированное термином. В статье показывается, что при определении этого понятия необходимо опираться на данные психологии высшей нервной деятельности, в частности на учение А. А. Ухтомского о доминанте и Д. Н. Узнадзе об установке. Чтобы открытый призыв в тексте привел к реальному действию человека, сначала у него должна быть сформирована неосознаваемая установка, то есть готовность оценивать некоторую ситуацию и/или действовать в ней по определенной схеме. Поэтому тексты, которые формируют с помощью лингвистических технологий негативную установку, представляют опасность для общества, хотя и не содержат открытого призыва.

Ключевые слова: медиалингвистика, речевое воздействие, неосознаваемая установка, психологическое влияние СМИ, структура микротекста и макротекста, не критическое восприятие информации, интерпретация события в тексте новостей.

Лингвистические исследования, объединенные понятием «юридическая лингвистика», являются частным случаем изучения речевого воздействия. Их особенность – сугубо практический характер исследований и связь с законодательством. Законодательство определяет, что именно необходимо выявить в процессе исследования и как оценивать полученные результаты. В то же время некоторые понятия остаются неопределенными. В частности, не определено точно, что необходимо считать «разжиганием ненависти». В результате при проведении лингвистической экспертизы принято опираться на лингвистическое определение слова «разжигание» (на определение, даваемое в толковых словарях), то есть на обыденное понятие, а не на научное, зафиксированное термином, или юридическое понятие, зафиксированное в законе. Все вышесказанное определяет актуальность юридических, пси-

хологических и психолингвистических исследований такого явления, как «разжигание ненависти».

Активные исследования речевого воздействия начались в середине XX века, речевоздействующий эффект изучался в рамках коммуникативно-прагматической лингвистики, психолингвистики, психологии речи и общения, психологии рекламы, психологии пропаганды и т. д. На данный момент это междисциплинарное направление исследований, объединяющее данные разных наук. Опираясь на современные представления о психологии восприятия, мышления и поведения человека, можно предположить, что сущностью речевоздействующего эффекта является формирование неосознаваемой установки (или усиление уже существующей), то есть неосознаваемой готовности действовать по определенному алгоритму, включающему совокупность ассоциативно связанных отдельных операций [15]. Применительно к речевоздействующему эффекту можно говорить о формировании неосознаваемой готовности оценивать что-либо определенным образом, выводить определенные следствия, объяснять с опорой на определенные представления о причинно-следственных связях, испытывать те или иные эмоции по отношению к некоторому объекту или неосознаваемой готовности действовать физически при актуализации той или иной потребности и/или мотива.

Формирование неосознаваемой установки (Д. Н. Узнадзе [15]), происходит на основе нейрофизиологической доминанты. Как показал А. А. Ухтомский, если сформирована доминанта, то любой раздражитель, даже не связанный по смыслу с доминантой, ускоряет действие этой доминанты, при этом доминанта всегда связана с некоторыми потребностями субъекта [16]. Например, если у адресата речи сформирована доминанта, связанная с негативным отношением к чему-либо или кому-либо, то может быть сформирована установка обвинять это обстоятельство или этого человека во всех неприятностях и трудностях, а затем на ее основе может быть сформирована установка на негативное поведение, нацеленное на устранение этой причины неприятностей. Именно для этого в текстах формируется черно-белая картина мира и образ врага. Исходя из этого, можно утверждать, что пока не созданы доминанта и неосознаваемая установка, а также условия для активизации потребностно-мотивационной сферы и этой установки, прямые призывы к действию не приведут к результату.

Учение о доминанте лежит в основе теории В. П. Белянина об эмоционально-смысловой доминанте текста, которая отражает психический склад (мироощущение) автора текста [5]. Придавая тексту любого функционального стиля речи определенные характеристики, автор создает эмоционально-смысловую доминанту этого текста; при этом автор может отразить свое мироощущение в отношении предмета описания или смоделировать иное, если он знает, какие характеристики должны быть у текста, чтобы вызвать

180 | у читателя необходимое психическое состояние. В результате при восприятии текста читатель входит в некоторое когнитивно-эмоциональное состояние, характерное для определенного психического склада личности. При этом у читателя (если он не осознает воздействие и не сопротивляется ему психологически) формируется нейрофизиологическая доминанта в отношении предмета описания (ситуации, события, человека) и актуализированной в момент восприятия текста потребности читателя (например, текст может актуализировать потребность в самосохранении), а затем и заданная автором неосознаваемая установка. В этом и заключается, с нашей точки зрения, сущность речевого воздействия. Поэтому для выявления характера формируемой текстом неосознаваемой установки необходимо использовать различные теории, описывающие осознаваемое (или потенциально осознаваемое) и неосознаваемое речевое воздействие.

В современной лингвистике наибольшее внимание уделяется исследованию речевого воздействия с помощью выбора содержания, лексики и грамматических конструкций, а также речевых тактик и стратегий, например, исследования Т. А. ван Дейка [9], Т. Г. Добросклонской [10], И. А. Стернина [14], А. А. Даниловой [8], О. С. Иссерс [12], В. Е. Чернявской и Е. Н. Молодыченко [19], О. А. Филипповой [17] и др. Уделяется внимание и неосознаваемому читателем речевому воздействию, например, исследования И. А. Черепановой (роль «точки золотого сечения» медиатекста в воздействии на подсознание человека [18]), Е. Е. Прониной (отражение в медиатексте различных типов мышления [13]), исследуются способы создания эмоционально-смысловой доминанты текста (В. П. Белянин [5]), а также неосознаваемые психологические интерпретации новостного текста на основе потребности в самосохранении (Н. В. Анисина [2; 3]). В то же время мало исследуется целевое назначение эффектов речевого воздействия, то есть мало изучается, для чего автор хочет изменить знания, систему ценностей, эмоциональное состояние читателя, а также какое будущее поведение адресата речи моделирует текст.

Проведение экспериментального исследования эффективности речевого воздействия медиатекста представляется очень трудоемким и затратным, практически невозможным для исследователя-одиночки или небольшой группы исследователей. Кроме того, на каждого читателя или слушателя воздействует одновременно несколько факторов, что еще более затрудняет исследование. Однако исследование медиатекста может позволить выявить намерения автора (как осознаваемые, так и неосознаваемые), а опора на данные психологии доминанты и установки позволит предположить, для чего автор ввел читателя в определенное когнитивное и эмоциональное состояние, для чего активизировал у него определенные потребности и мотивы. Иными словами, опираясь на данные психологии, можно попытаться ответить на вопрос, для чего автор текста выбрал некоторую информацию, оформил ее

с помощью определенных лексико-грамматических средств и расположил эти языковые формы в определенной последовательности, сопроводив их определенными иллюстрациями.

Такой системный подход к изучению речевого воздействия неизбежно требует выхода за рамки собственно лингвистического исследования. Однако он позволяет понять роль текста, построенного определенным образом, в управлении обществом. В случае же изучения в этом аспекте текстов школьных учебников по истории, можно выявить социальную технологию управления будущим государства, в результате которой у представителей молодого поколения формируются определенные социально значимые неосознаваемые установки. Например, используя разработанный нами на основе обобщения нескольких научных теорий алгоритм анализа речевого воздействия [2; 3], мы провели анализ нескольких школьных учебников истории [1; 2; 4], рекомендованных министерством, и выяснили, что в некоторых из них формируются негативные неосознаваемые установки. Приведем примеры формирования негативных установок в текстах школьных учебников истории.

Пример 1. В одном из учебников истории [6: 109–110] при описании жизни русского государственного деятеля, правителя Российско-Американской компании и Российских колоний в Америке А. А. Баранова (1746–1819) с помощью отбора лексики, структуры текста и отбора информации создается эмоционально-смысловая доминанта, характерная для темного и печального текстов (терминология В. П. Белянина [5]). В результате у читателя формируется подсознательный страх смерти в отношении деятельности на благо России и чувство жалости по отношению к герою, совершившему подвиг во имя родины: *Будучи уже пожилым и больным человеком... Умер он нищим... Баранов умер. Жаль честного гражданина.* Идея смерти выражена в тексте 6 раз (после смерти, умер, скончался), в том числе в точке «золотого сечения» (*Этот высокий и опасный пост он занимал почти до самой смерти*) (см. подробнее нашу статью [2]). То есть активизируются потребности в самосохранении (*болезнь, смерть*) и физиологические (*умер он нищим*), что формирует у читателя неосознаваемую установку на избегание поведения или деятельности, которые приводят к таким негативным последствиям.

Пример 2. При описании русско-японской войны в одном из учебников истории России для 9 класса [7: 28–29] с помощью выбора действительного или страдательного залога формируется, с одной стороны, образ активного, сильного врага – японской армии, с другой стороны – образ реагирующей на чужие атаки, пассивной российской армии. Кроме того, в тексте сообщается, что при обороне Порт-Артура, несмотря на героизм, мужество и упорство русских защитников, которые вызывали восхищение даже у противника, и на готовность солдат и матросов стоять до конца, командующий войсками Стессель сдал крепость Порт-Артур врагу. Причины данного поступка коман-

182 | дующего не объясняются, кроме того, этот поступок командующего никак не оценивается, в отличие от других учебников, в которых говорится, что впоследствии Стессель был осужден за преступление, приравненное к измене, то есть сообщается, что зло (предательство) было наказано. В результате такого отбора информации и лексики у читателя формируется разочарование, непонимание и, следовательно, недоверие к командованию.

В точку «золотого сечения» параграфа «Падение Порт-Артура» поставлен следующий фрагмент (предложение, находящееся непосредственно в точке «золотого сечения», выделено полужирным шрифтом): *«Командующий Маньчжурской армией А. Н. Куропаткин решил перейти в наступление на восточном фланге. Если бы он осуществил это намерение, то японской армии, возможно, было бы нанесено поражение. Однако в последний момент Куропаткин решил не рисковать и отдал приказ об отступлении на север к городу Мукдену»*. По теории И. А. Черепановой, информация данного предложения воспринимается некритически, она сразу идет в подсознание [18], следовательно, после прочтения этого текста у школьника сформируется чувство жалости из-за упущенной победы и недоумения, непонимания мотивов командующего, может быть, возмущения.

В целом данный текст формирует у читателя неосознаваемую установку следующего типа: на войне враг силен, несмотря на мужество, героизм и наличие ресурсов сопротивляться врагу бесполезно, так как командование по неясным причинам прикажет отступать, поэтому доверять командованию в бою опасно.

Пример 3. При описании советско-финляндской войны в тексте параграфа [11: 129–132] формируется образ «своих» и «чужих». В качестве «своих» авторы показали красноармейцев и финский народ, а в качестве «чужих» – руководство СССР и Красной Армии (в тексте выделены значимые для противопоставления «своих» и «чужих» лексико-грамматические средства):

«Сталинское руководство полагало, что Красная Армия легко и быстро одержит победу, и западные державы не успеют вмешаться в советско-финляндский конфликт. Была предпринята попытка обмануть международную общественность. С этой целью в день начала войны в СССР было создано «народное правительство Финляндской Демократической Республики» (ФДР) во главе с известным деятелем Коминтерна О. Куусиненом. По замыслу Кремля оно должно было захватить власть в стране и выполнить все советские требования. Однако эта затея провалилась, так как финский народ сплотился вокруг своего законного правительства. Правительство же Куусинена вскоре самораспустилось» [11: 130].

Кроме того, описывая начало войны, авторы используют прием аллюзии: *«30 ноября 1939 г. без объявления Советским Союзом войны Финляндии войска Ленинградского военного округа под командованием К.А. Мерецкова*

перешли границу. В тот же день советская авиация бомбила Хельсинки» [11: 130]. Авторы с помощью синтаксического параллелизма намекают на текст выступления по радио 22 июня 1941 г. В. М. Молотова о начале Великой отечественной войне: «Сегодня в 4 часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек». Аналогичная синтаксическая конструкция использована в данном учебнике и при описании начала Великой отечественной войны: «На рассвете 22 июня 1941 г. фашистская Германия без объявления войны вероломно напала на нашу страну. В 3 часа 15 минут тысячи немецких орудий открыли огонь по советским пограничным заставам. Одновременно немецкая авиация начала бомбить города Каунас, Ровно, Лиепая, Минск, Одессу, Севастополь» [11: 137]. В результате такого лексического повтора и синтаксического параллелизма происходит подсознательное (не осознаваемое читателем), ассоциативное приравнение СССР и фашистской Германии. Этого можно было избежать, используя разные синтаксические конструкции при описании этих двух событий.

В точку «золотого сечения», в которой информация воспринимается некритически и определяет отношение к содержанию текста и событию в целом, поставлен фрагмент, описывающий положение красноармейцев, попавших в окружение. Данный фрагмент оформлен как вставка в основной текст: он выделен шрифтом и напечатан на зеленом фоне. В нем приведен текст радиogramм, хотя не дана ссылка на источник. Текст радиogramм отражает панические настроения, истерику и содержит обвинения руководства в тяжелом положении; текст вставки: «Некоторые советские соединения попали в окружение. Прорваться к своим удалось далеко не всем. Находясь в окружении, красноармейцы слали радиogramмы: "Люди голодают, доедаем последнюю лошадь без соли и хлеба, началась цинга, больные мрут. Нет патронов и снарядов, выручайте", "Помогите, штурмуйте противника, сбросьте продукты и покурить... Почему морите голодом? Окажите помощь, иначе погибнем все". Необоснованные репрессии продолжались в ходе войны. Так, командование 44-й дивизии, попавшей в окружении, было расстреляно перед строем» [11: 131]. В данном фрагменте присутствует экспрессивная лексика, не характерная для стиля военных донесений, а также прямые обвинения командования в тяжелом положении. То есть в точке «золотого сечения» с помощью выбора информации и лексики активизируются потребность в самосохранении и физиологические потребности и указывается нужная авторам причина этого опасного для солдат – обычных молодых людей – положения.

В отличие от других учебников, в рассматриваемом учебнике не сказано, какие значимые выводы по повышению боеготовности армии были сделаны после окончания советско-финляндской войны, упоминается лишь введение нового Дисциплинарного устава и новых воинских званий. То есть организационные причины трудного положения, в котором оказались некоторые части, не анализируются, не указано, как эти причины были устранены впоследствии, вместо этой рациональной информации дана другая, вызывающая у читателя определенные эмоции.

Таким образом, текст параграфа с помощью такого речевого воздействия формирует у школьников отрицательное отношение к правительству своей страны, к службе в армии, к военному руководству, к защите родины, создает неосознаваемую установку на истерику и панику в трудный момент.

Пример 4. Важную роль в формировании установки играет оценка авторами текста конкретных действий и личных качеств политиков, их мотивации. В следующем тексте противопоставляются мудрость и хитрость, мудрый политик и тонкий дипломат: *«Союзники известили СССР о своем решении не открывать в 1943 году второй фронт в Европе. Сталин выразил неприкрытое разочарование. После победы под Курском Рузвельт, мудрый политик, изменил свое отношение к этому вопросу. Главный мотив такого решения – возрастающая мощь Красной Армии ... Конференция «большой тройки» проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. Сталин проявил себя дипломатом – он сумел тонко сыграть на некоторых противоречиях между Черчиллем и Рузвельтом. После острых дискуссий стороны договорились, что высадка союзников в Северной Франции (операция «Оверлорд») произойдет в мае 1944 г.»* [11: 201].

В данном отрывке позитивно оценивается модель поведения Рузвельта, наблюдавшего со стороны за тяжелой борьбой народа Советского Союза и выжидавшего, кто же победит; он назван мудрым политиком. Из этого учащиеся должны уяснить, что не надо помогать жертве агрессии, лучше подождать, когда будет понятно, кто побеждает, и помочь победителю; в этом и заключается мудрость. То есть происходит подмена понятия: хитрость названа мудростью.

Таким образом, приведенные примеры речевого воздействия из текстов школьных учебников истории, с нашей точки зрения, могут формировать у школьников негативные доминанты и неосознаваемые установки, опасные для будущего России. Как нам представляется, вопрос о формируемых в школьных учебниках неосознаваемых установках в отношении защиты отечества, деятельности на благо родины, доверия командованию в боевых условиях, поведения солдата в бою должен быть в центре внимания государства и, может быть, регулироваться законом, поскольку эти установки связаны с безопасностью государства. Хотя данные тексты не содержат прямых

призывов, они формируют неосознаваемые установки на эмоциональное отношение, оценивание и поведение, которые могут быть активизированы в ситуации опасности (реальной или иллюзорной) с помощью прямых призывов. Именно в данном контексте необходимо рассматривать проблему формирования недоверия и разжигания ненависти в отношении некоторой социальной группы (в приведенных примерах – к командованию собственной армии). Поэтому необходимы дальнейшие исследования проблемы речевого воздействия и научно обоснованное и законодательно закрепленное определение того, что следует считать «разжиганием ненависти».

Литература

1. Анисина Н. В. Использование поликодовой коммуникации в целях создания у адресата речи искаженной картины мира (на материале школьных учебников истории) // Человек в информационном пространстве: сборник научных трудов / под общ. ред. Т. П. Курановой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. С. 14–17.
2. Анисина Н. В. Лингвистические основы обучения анализу речевого воздействия учебно-научного текста исторической тематики // Norwegian Journal of development of the International Science. 2018. № 22. Vol. 2. P. 28–34. <http://www.njd-iscience.com/arhiv/>
3. Анисина Н. В. Лингвистические технологии формирования неосознаваемой установки в новостном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7 (61). Ч. 1. С. 54–59.
4. Анисина Н. В. Речевоздействующий аспект учебно-научного текста в работе редактора (на примере школьных учебников истории для 9 класса) // Формирование профессиональной культуры специалистов XXI века в техническом университете: Труды 13-й междунар. научно-практ. конф. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2013. С. 118–120.
5. Белянин В. П. Психологическое литературоведение: Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М.: Генезис, 2006. 320 с.
6. Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России, XIX век. 8 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. 13-е изд. М.: Просвещение, 2012. 287 с.
7. Данилов А. А., Косулина Л. Г., Брандт М. Ю. История России, XX – начало XXI века. 9 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. 9-е изд. М.: Просвещение, 2012. 382 с.
8. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет; Издательство «КДУ», 2009. 234 с.
9. Дейк Т. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2015. 352 с.
10. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., 2008. 203 с.

- 186 | 11. Измозик В. С., Журавлева О. Н., Рудник С. Н. История России: 9 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / под общ. ред. Р. Ш. Ганелина. М.: Вентана-Граф, 2011. 352 с.
12. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: URSS, ЛКИ, 2008. 288 с.
13. Пронина Е. Е. Психология журналистского творчества. М.: Изд-во МГУ, 2003. 320 с.
14. Стернин И. А. Основы речевого воздействия: Учебное издание. Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.
15. Узнадзе Д. Н. Теория установки. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997. 448 с.
16. Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887–1939. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
17. Филиппова О. А. Обучение эмоциональному речевому воздействию: учебное пособие. 4-е изд. М.: Флинта, 2018. 144 с.
18. Черепанова И. А. Заговор народа. Как создать сильный политический текст. М.: КСП+, 2000. 464 с.
19. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики: Лингвистический образ «своих» и «чужих». М.: URSS, 2018. 200 с.

Natalia V. Anisina

LINGUISTIC TECHNOLOGIES OF THE UNCONSCIOUS POSITION FORMATION AND THE FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE

Abstract. In determining what is “incitement to hatred,” it is customary to rely on the linguistic definition of the word “incitement”, and not on the scientific concept, fixed by the term. The article shows that in defining this concept it is necessary to rely on the data of psychology of higher nervous activity, in particular, on the teaching of A.A. Ukhtomsky about the dominant and D.N. Uznadze on the unconscious position. In order for an open appeal in the text to lead to a real human action, first it must have an unconscious position, that is, a willingness to assess a situation and / or act in it according to a certain pattern. Therefore, texts that form a negative attitude with the help of linguistic technologies are a danger to society, although they do not contain an open appeal.

Keywords: media linguistics, linguistic manipulation, unconscious position, psychological impact of mass media, structure of micro- and microtext, uncritical acceptance of information, interpretation of events in a news text.

Раздел 5.

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ И ДИСКУРС-АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПРИЛОЖЕНИИ К ЗАДАЧАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

ДИФФАМАЦИЯ В МЕДИЙНО-СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматривается дискурсивная специфика диффамации – публичного распространения информации о ком-либо, наносящего ущерб репутации этого человека или организации. При осмыслении диффамации в юридическом дискурсе актуальными оказываются признаки умышленного или неумышленного, ложного или правдивого распространения порочащей информации, в медийно-сетевом дискурсе диффамация смыкается с оскорблением и клеветой в силу эмоционально-оценочной гипертрофии этого коммуникативного действия. В современном российском медийно-сетевом дискурсе диффамация проявляется главным образом в критике представителей власти на областном уровне и в полемике между сторонниками и противниками вакцинации от вируса Covid19.

Ключевые слова: диффамация, оскорбление, клевета, дискурс, медийно-сетевая коммуникация.

Важнейшей функцией языка является воздействие, оказание влияния на поведение и формирование мнений и установок у коммуникативных партнеров. Такое воздействие может быть осознанным и неосознанным, акцентированным и фоновым, направленным во благо адресату и злонамеренным. Злонамеренное коммуникативное воздействие проявляется в виде поступков, направленных на получение выгоды для инициатора и причинения ущерба адресату. К числу таких поступков относятся в частности речевые действия, квалифицируемые как оскорбление и клевета. Они неоднократно привлекали к себе внимание юристов [1; 9; 14; 17] и лингвистов [2–4; 6; 8]. К этим действиям примыкает диффамация – публичное распространение информации о ком-либо, наносящее ущерб репутации этого человека [5; 7; 11; 15; 16]. Предполагается, что в содержательном плане диффамация имеет дискурсивную специфику. В качестве материала для анализа взяты размещенные в интернете полемические статьи.

С позиций юриспруденции диффамация состоит в нанесении морального вреда потерпевшему, квалификации этого вреда и установления ответственности его инициатора в рамках законодательно закрепленных норм. Различаются умышленная и неумышленная диффамация, с одной стороны,

и распространение ложных и правдивых порочащих сведений, с другой стороны. Детально регламентируется ответственность за причинение морального вреда представителям власти и рядовым гражданам.

С позиций лингвистики диффамация характеризуется как публичное распространение информации, наносящей ущерб публичному лицу путем обнародования тех или иных фактов, связанных с этим лицом. Тем самым противопоставляются оценочное мнение о ком-либо и фактуальное обоснование этого мнения, такое мнение может быть выражено в виде прямого или замаскированного оскорбления, а его фактуальное обоснование может быть ложным или правдивым. Ложное обоснование представляет собой клевету, правдивое обоснование относится к диффамации в узком смысле этого термина, хотя такое понимание является дискуссионным.

Противопоставляются также публичное и приватное распространение отрицательно оценочной информации о ком-либо, в первом случае можно говорить о диффамации, во втором – перед нами сплетни и слухи. Диффамация отличается от слухов по признаку достоверности передаваемой информации: в первом случае предполагается, что такие сведения соответствуют реальности, во втором допускается, что такого соответствия нет [10]. Слухи отличаются от сплетен тем, что первые относятся к широкому спектру актуальных сведений, в то время как вторые касаются частной жизни людей.

Важным признаком в определении и объяснении диффамации является статус лица, о котором распространяется порочащая его информация: это должен быть человек, который многим известен, занимает высокую должность либо претендует на нее, и поведение которого влияет на формирование общественного мнения.

Лингвистически релевантным оказывается моделирование и описание диффамации как коммуникативного события, имеющего типовую диалогическую структуру: должен быть повод для такого поступка, вербализация фактов или псевдо-фактов (фактоидов) о конкретном публичном лице, его возможная реакция и последующая реакция со стороны инициатора диффамации либо контролирурующих инстанций на распространенную информацию. Такая модель соответствует принятой в прагмалингвистике методике описания речевых актов.

Грань между диффамацией, клеветой и фейком в медийном дискурсе в ряде случаев оказывается весьма тонкой. На портале Lenta.ru 16.07.2021 под заголовком «Песков назвал фейком публикации о поддержке Трампа со стороны Кремля» опубликована следующая информация:

Пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков назвал полным фейком и неправдой публикацию газеты The Guardian о поддержке Кремлем республиканца Дональда Трампа в 2016 году. Его цитирует ТАСС в пятницу, 16 июля.

«Это все полная неправда, классический фейк, прямо образец», – сказал он. Ранее, комментируя публикацию газеты, Песков назвал ее «бульварным чтивом».

Газета *The Guardian* сообщила, что российское руководство в январе 2016 года якобы намеревалось в ходе секретной шпионской операции поспособствовать избранию Дональда Трампа президентом США. Журналисты ссылаются на «секретные документы». В частности, в материале утверждается, что Минобороны РФ должно было подготовить команду и инструменты для взлома «чувствительных» американских киберцелей.

Американские политики неоднократно обвиняли Москву в поддержке Трампа и вмешательстве в избирательный процесс в США. Однако в докладе спецпрокурора США Роберта Мюллера от 2019 года информация о связи российского руководства и Трампа опровергается. Позже Федеральный суд Вашингтона постановил, что связь «фабрики троллей» с Кремлем также не доказана (<https://lenta.ru/news/2021/07/16/peskov>).

Структура этого сообщения такова: публикация английской газеты «Гардиан» о вмешательстве России в избирательную кампанию США в 2016 г., вытекающее отсюда обвинение со стороны журналистов в адрес российского руководства, направленное на дискредитацию лидеров страны, т. е. прямая диффамация первого лица государства, поскольку предполагается, что подобные действия могут осуществляться только по прямому указанию руководителя исполнительной власти, официальное опровержение этого обвинения, квалификация информации со стороны официального представителя Президента как фейк и ответное эмоциональное отрицательно-оценочное определение публикации со стороны пресс-секретаря как «бульварное чтиво».

Если в юридическом плане диффамация представляет собой доказанное причинение вреда чести и достоинству публичного лица или организации, то с позиций коммуникации подчеркивается намерение определенных лиц или сообществ совершить противоправное и морально осуждаемое действие. В медийных публикациях нейтрализуется различие между критикой недостатков, с одной стороны, и умышленным нанесением ущерба определенной публичной личности либо организации, с другой стороны. Приведем выдержки из размещенного в интернете сообщения о финансовых нарушениях при проведении фестиваля культуры в Волгограде («Блокнот-Волгоград», 03.05.2021, заметка А. Серебрякова «Друг мэра Волгограда, замглавы комитета и бизнесумен: СК заминает распил бюджетных средств»).

В Волгограде к 3 мая следственный комитет так и не возбудил уголовного дела о мошенничестве и превышении должностных полномочий по факту фиктивного проведения фестиваля русской культуры, на который было выделено свыше 600 тысяч рублей. Фигурантами дела должны были стать известные люди Волгограда.

Об истории с интересом ФСБ к странному проведению фестиваля русской культуры в начале апреля сообщила прокуратура Волгоградской области. Спустя три недели следственный комитет не спешит возбуждать уголовного дела.

В Волгограде телеканалов не так много, и конкурсную заявку с суммой 631 780 рублей подало муниципальное автономное учреждение «Информационное агентство Волгограда», которым руководит друг волгоградского мэра Евгений Князев. Концерт обещали показать по муниципальному телевидению МТВ, которое входит в состав МАУ. С такой же суммой на конкурс заявилось ООО «РАЙ-ГРАСС» известной волгоградской общественницы и бизнесвумен Олеси Бирюлькиной. Ей и отдали организацию фестиваля.

16 декабря на том же МТВ выходит полноценная запись фестиваля русской культуры. Но в нем присутствуют идентичные кадры с новостного сюжета от 24 ноября. Хотя в условиях контракта, фестиваль должен быть обязательно проведен в декабре.

После такой накладки у ФСБ и возникли вопросы к Евгению Князеву. В неприятную историю попал и зампредела комитета по делам национальностей Николай Москаленко. Ведь он не мог не знать, что снятый ноябрьский концерт ко Дню Конституции показали как фестиваль культуры. То есть деньги на фестиваль были выделены на мероприятие, которое фактически уже прошло, а куда они в итоге делись – большой вопрос.

Редакция «Блокнота Волгограда» направляла запрос в пресс-службу администрации Волгоградской области с просьбой представить позицию комитета по делам национальностей и казачества и сообщить, кто был ответственен за организацию концертов.

Но в администрации Волгоградской области не стали «сдавать» Николая Москаленко, лаконично дав комментарий «Комитет проводит проверку». Объяснить странную историю ни у кого из чиновников смелости не хватило. Почему СК не спешит заводить уголовного дела остается только гадать. В ведомстве ситуацию не комментируют. (https://bloknot-volgograd.ru/news/drug-mera-volgograda-zamglavy-komiteta-i-biznesvum?sphrase_id=2006155)

В приведенном тексте содержится открыто выраженное обвинение в мошенничестве со стороны чиновников, имена которых прямо обозначены. Критика касается и руководства областного отделения следственного комитета и мэра города. Отсутствие реакции со стороны фигурантов этого обвинения свидетельствует о том, что эти факты не выдуманы. Реакции читателей этого портала весьма убедительны:

В.П.: Люди то уважаемые. А ну как начнут «крутить», сколько еще может вылезти? Срочно нужно «неприкосновенность» обеспечить!

192 | *Гость: Ну и как быть? Президенту надо узнать эту историю, тогда лед тронется. Тогда головы и в СК полетят.*

Л.: Жутье, везде одно жулье.

После этой заметки приводятся данные интернет-опроса читателей: «Историю пытаются замять». Всего голосов 777, из них «Да» – 97,04 %, «Нет» – 2,96%. Можно сделать вывод о том, что население солидарно с мнением журналиста.

В публичной полемике, освещаемой в медийно-сетевом дискурсе, приводятся аргументы, назначение которых – понизить статус оппонента. Обвинения в адрес противников касаются их идеологии и нарушения цивилизованных правил ведения политической борьбы. Тем самым понижается их статус как участников политического состязания. Понижение статуса оппонента является основной целью диффамационного коммуникативного поведения.

На сайте Российского агентства правовой и судебной информации (РАПСИ) 20.08.2019 размещена публикация В. Астапковича «Интернет-травля по политическим мотивам: примеры и перспективы»:

На протяжении последнего месяца в русскоязычном сегменте социальных сетей нарастает массовая травля публичных лиц, которые высказывают скептическое мнение в отношении акций протеста или просто отказываются от участия в них. Многочисленным оскорблениям, давлению и даже угрозам подвергаются политики, чиновники, музыканты, популярные блогеры и простые люди, соцсети которых наводнили сотни негативных комментариев.

Согласованные действия группы комментаторов с элементами кибербуллинга совмещают в себе попытку навязать в Рунете цензуру по ряду тем с полным пренебрежением законами и этическими нормами. РАПСИ при помощи экспертов разбирается в правовом аспекте актуальной проблемы.

Международная правозащитная организация «Репортеры без границ» в недавно опубликованном рейтинге свободы прессы за 2018 год отмечает, что журналистам даже в Европе все чаще приходится работать в атмосфере страха, когда они систематически подвергаются травле и вынуждены бороться с клеветой о себе.

Любопытно, что ряд номинально ориентированных на Запад оппозиционеров сейчас пытается создать подобные условия почти для всех публичных персон, кто не является сторонником их действий и требований. Логично предположить, что целью травли и распространения клеветы является отягощение условий работы объектов этой кампании и вынесению своих, даже противозаконных действий, за поле обсуждения (схожей стратегии, по мнению экспертов, придерживаются, например, саентологи) (http://rapsinews.ru/incident_publication/20190820/302986582.html).

В этой заметке терминологически обозначено поведение тех пользователей сети, которые практикуют по отношению к своим политическим

противникам интернет-травлю несогласных – кибербуллинг. Сказано о том, что ориентированные на Запад оппозиционеры используют оскорбления, клевету и угрозы в сетевом виртуальном пространстве.

Ситуация с вирусом Covid-19, поразившим население всей планеты, остается неопределенной и тревожной. Население многих стран разделилось на два лагеря, противостоящих друг другу по отношению к вакцинации – прививочники и антипрививочники. И те, и другие активно используют в коммуникативном пространстве интернета приемы диффамации своих противников. Показательна следующая заметка, размещенная на сайте портала «Вести.ру» 18.06.2021 (Е. Нипот, «Секта антипрививочников: творчество ковид-диссидентов множится и растет»):

«Черный рынок реагирует на повестку дня и бизнес сертификатов о вакцинации набирает обороты». Выводы – из материала российского «Форбс», посвященному продаже документов о прививке от коронавируса. Согласно данным издания, за последние две недели появилось полтысячи сайтов, предлагающих такие сомнительные услуги. И дальше их число будет только расти, поскольку дельцы, наладившие схему изготовления липовых сертификатов, будут пытаться нажиться на тех, кто попадает под действие распоряжения об обязательной вакцинации в некоторых регионах.

Поддерживает идейных антипрививочников не только черный рынок, но и сеть псевдо-правозащитников. Яркий пример – инструкция, которая расходится по сети. Несколько пунктов о том, как избежать встречи с вакциной. В частности, советуют жаловаться «в кармическую прокуратуру о преступных действиях». Что это за прокуратура такая особенная, пожалуй, углубляться не стоит. Однако сразу понятно, что речь об очередном движении сектантского толка. На этот раз речь о последователях некоего парапсихолога. Деятельность ведет обширную, собирая комментарии паствы о якобы жутких последствиях вакцинации. Мол, люди после этого меняются до неузнаваемости.

«После прививки сотрудница стала неприятно пахнуть. Запах сырой собаки стоит в комнате после ее ухода». Или вот: «Муж вакцинировался – лежит неделю, стал какой-то другой».

Это подписчики парапсихолога Суховой делятся по ее просьбе историями о последствиях вакцинации. А она, словно жнец, все эти данные собирает. И немощко от себя добавляет, к чему может привести укол. (<https://www.vesti.ru/article/2576972>)

Можно заметить, что полемика с противниками вакцинации ведется весьма эмоционально, приводятся примеры их доводов, не выдерживающие критики. В медийном дискурсе в ряде случаев диффамация понижается до прямо или косвенно выраженных оскорблений. Оппоненты прививочников во многих случаях протестуют не против вакцинации как таковой, а против

194 | ее жесточенного навязывания. Приведем следующую заметку, размещенную под ником «Америка глазами учителя» 19.09.2021 в портале «Яндекс Дзен»:

Антипрививочник. И хоть кол на голове теши.

Миллионы американцев выступают сегодня против принуждения колоться. Еще раз повторю: против принуждения. То есть не против препарата как такового, а против применения административного давления на людей, выбирающих иной путь... Неважно. Антипрививочники они. И точка.

Когда человека обвиняют совершенно напрасно, приписывая ему слова, которые он никогда не говорил, оппоненты, на деле, прибегают к хорошо проверенному способу заглушить инакомыслящих каким-нибудь оскорбительным (или даже опасным) клеймом.

Например, в давние времена людей, сомневающихся в правильности курса церкви, могли заклеить как еретиков. Если их не сжигали на кострах, как чешского проповедника-реформатора Яна Гуса в 1415 году, то изгоями общества их делали точно.

Я уже писал однажды про эффективную защиту мормонов от всех критикующих их веру и образ жизни. Как только мормоны сталкиваются с теми, кто мог бы критикой или даже простым скептицизмом посеять зерно сомнения в сердцах и умах своеобразных христиан, в ход идет примерно следующая фраза: От дьявола все это.

Каким клеймом сейчас можно заткнуть рот оппонентам, идущим против принудительного обкалывания населения? Пока хорошо работает клеймо антипрививочника, то есть дремучего, необразованного и опасного для общества человека, которому наплевать на здоровье окружающих людей и на научные достижения, спасшие детей, например, от полиомиелита.

Можно развить эту антипрививочную тему до белого каления и напрочь забыть о том, что «антипрививочник» выступал всего лишь против принуждения других вводить в себя препараты против воли самого человека. Однако многие уколотые сейчас настолько уподобились религиозным фанатикам, что любое сомнение в их единственно верном выборе (который уже, кстати, не отменить) вызывает в них ненависть к неуколотым.

Уколотые американцы используют такую же форму защиты от противников принуждения и обзывают неуколотых антиваксерами (antivaxxers). Что интересно, многие из них (и мы в их числе) сами привитые с привитыми детьми, но они категорично против принуждения людей к какому-либо медицинскому вмешательству. (<https://zen.yandex.ru/media/id/5d9229ecbd639600b14caede/antiprivivochnik-i-hot-kol-na-golove-teshi>).

Агрессивная диффамация в нашей стране выражена в социальной рекламе, размещенной на больших щитах вдоль магистралей: «Сколько людей должно умереть, чтобы ты привился?». Думается, что откровенное неуважение к населению не способствует эффективному решению вопросов.

Значительный сегмент современного медийного дискурса реализуется в виде блогов, индивидуальных публичных информационных ресурсов, пользователи которых в своих комментариях выражают акцентированное личное мнение по поводу актуальных событий. Блогер, выступающий под ником «Театр абсурда», в заметке «Пореченков вломил хулиганам в аэропорту Салехарда», опубликованной 19.09.2021, сообщает своим подписчикам следующее:

Плохо быть известной персоной. Если ты – Михаил Пореченков, не получится просто так приструнить хамов. Хамы непременно радостно поведают об этом журналистам и блогерам. Информацию слили и агентству URA.RU и телеграм-каналам. Причем, рассказывают, что Пореченков «пришел в ярость», а он, мол, «здоровенный мужик», «сразу полез в драку» и «толкнул Толика», и «угрожал».

Между прочим, актер давно известен жестким характером, и это не первый эпизод, когда он принимает решение применить силу. Из пулемета на передовой в сторону украинских вояк он тоже пострелял. Большой скандал был на Украине. С одной стороны, драться некрасиво. А с другой стороны, вы бы как поступили?

Пореченков вместе с остальными артистами гастрольного тура (там еще и Юрий Башмет) вылетал регулярным рейсом в Ноябрьск из Салехарда. В автобусе, который подвозит пассажиров из здания аэровокзала к трапу самолета, с пассажирами произошла словесная перепалка, которая переросла в драку, — сообщают источники.

И все могло закончиться еще хуже для присутствующих, потому что Пореченков и правда постоянно занимается спортом и мог сильно помять толиков и прочих. Но присутствовавшие попутчики, как утверждается, разняли дерущихся, обошлось без каких-либо последствий и вызова полиции.

Тем не менее, полет прошел без происшествий. Потом нашлись и толики — поведали, что сильный артист ведет себя «угрожающе».

Организаторы тура уже выступили с заявлением, что ничего не было, и все это выдумки журналистов агентства URA.RU, которые одними из первых рассказали об инциденте. Все правильно, в полицию не обращались пострадавшие, так и нечего раздувать это дело. Хотя еще могут обратиться — часто именно с артистов пытаются получить деньги. Даже если они правы.

Оценочное суждение. В порядочность Михаила Пореченкова верю безоговорочно. Даже если этот талантливейший артист даст какому-то хаму в морду, а не просто легонько подтолкнет, намекнув, что надо вести себя культурно, буду на его стороне.

В сообщении говорится о драке, в которой принял участие известный артист. Информация об этом событии была опубликована агентством URA.RU. Блогер упрекает журналистов этого информационного канала в том, что они

196 | опубликовали недостоверную информацию и заняли при этом позицию обвинителей по отношению к артисту. Фамилии журналистов не приводятся, но диффамация может относиться как к отдельному лицу, так и к организации. Параллельно в заметке высказано предположительное обвинение в адрес участников конфликта, которые, как предполагает автор, затеяли его, возможно, для получения материальной компенсации со стороны артиста. Обратим внимание на стилистику этой заметки: используются стилистически сниженные слова и выражения («вломил», «хамы», «в морду», «память толиков»).

Выводы. Диффамация как публичное распространение информации о ком-либо, наносящее ущерб репутации этого человека или организации, осмысливается в юридическом и обиходном аспектах. В юридическом плане актуальными оказываются признаки умышленного или неумышленного, ложного или правдивого распространения порочащей информации, в обиходном плане диффамация, реализуемая в медийно-сетевом дискурсе, смыкается с оскорблением и клеветой в силу эмоционально-оценочной гипертрофии этого коммуникативного действия. Разоблачение диффамации в средствах массовой информации сводится к доказательству ее недостоверности. Тематически диффамация в современном российском медийно-сетевом дискурсе сводится главным образом к критике представителей власти на областном уровне и полемике между сторонниками и противниками вакцинации от вируса Covid-19.

Литература

1. Аратова А. А. Административная ответственность за оскорбление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 23 с.
2. Базылев В. Н., Бельчиков Ю. А., Леонтьев А. А., Сорокин Ю. А. Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации // Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А.К. Симонова, М.В. Горбаневского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медея, 2004. С. 9–116.
3. Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А.К. Симонова, М.В. Горбаневского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медея, 2004. С. 289–298.
4. Заложная И. В. Имплицитная инвектива в современном русском языке: структурно-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 22 с.
5. Китанина Э. А. Концепт «диффамация» в русской лингвокультуре: прагматический аспект // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2016. № 1–2 (77–78). С. 39–45.

6. Колядов Д. М. Прагматика оскорбления: интеракционный подход к унижению чести и достоинства // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. Т. 15. Ч. 1. С. 164–183.

7. Комиссарова Е. Г. Теория диффамации в учении о защите чести и достоинства // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2014. № 4 (30). С. 8–14.

8. Кусов Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 26 с.

9. Омельченко С. С. Уголовно-правовая оценка клеветы и оскорбления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.

10. Осетрова Е. В. Слухи в парадигме лингвистической генристики // *Жары речи*. 2015. № 2 (12). С. 80–89.

11. Проценко Д. Е. Понятие и юридическая природа института диффамации в СМИ // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2008. № 2 (38). С. 150–156.

12. Рафиева Л. К. Честь и достоинство как правовые категории // *Правоведение*. 1966. № 2. С. 57–64.

13. Сидоров В. А. Право на защиту чести и достоинства: соотношение права и морали: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 21 с.

14. Харитонов И. И. Уголовная ответственность за клевету: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 23 с.

15. Чутов С. А. Распространение порочащих сведений: диффамация // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2008. № 8. С. 75–77.

16. Шабанов Д. С. Об уголовной ответственности за диффамацию // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 10. С. 327–330.

17. Эрделевский А. М. Моральный вред и компенсация за страдания. М.: Век, 1998. 188 с.

Vladimir I. Karasik

DEFAMATION IN MASS-MEDIA AND NETWORK DISCOURSE

Abstract. The paper deals with discursive specificity of defamation which is usually understood as public proliferation of the information aimed at inflicting damage to the reputation of a person or an organization. In legal discourse the characteristics of intentional or unintentional, false or true information come to the fore whereas in mass media or network discourse defamation merges with invective or slander due to emotional and evaluative overgrowth of this communicative action. Defamation in modern Russian mass media and network discourse manifests itself mostly in the criticism of local regional authorities and in polemics between adherents and opponents of vaccination.

Keywords: defamation, invective, slander, discourse, mass media and network communication.

МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ УМАЛЕНИЯ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В БОЛЬШОМ ОБЪЕМЕ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ ОТЗЫВОВ В СОЦСЕТЯХ)

Аннотация. В статье на примере экспертного заключения по делу об умалении деловой репутации предлагается опыт использования сложного комплекса методик (дискурсивный, лексико-семантический, грамматический, контекстуальный, контент-анализ). Специфика исследования обусловлена большим объемом материала – 2217 отзывов в соцсети.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, лингвистические методы, контент-анализ.

Анализ контента соцсетей – одна из новых актуальных областей лингвистической экспертизы. Круг вопросов, решаемых в рамках экспертных исследований, широк: это и материалы экстремистской направленности, и дела, связанные с фактами унижения личности (оскорбление, клевета) или умалением деловой репутации. Интересным в методическом отношении материалом исследования в нашей практике явился кейс с отзывами о деятельности мебельной компании, размещенными в одной из соцсетей. Данная соцсеть ориентирована на создание отзывов на различные товары и услуги, зарегистрирована как юридическое лицо и вследствие этого являлась ответчиком в деле распространения информации, умаляющей деловую репутацию компании. Сложность экспертной работы была обусловлена объемом предоставленного на исследование материала: общее количество отзывов – 2217, объем отдельных отзывов колебался от 14 слов до 1610 слов. Большая часть отзывов была не авторизована (отсутствовали какие-либо фамилии или имена), основным средством идентификации отдельного отзыва являлся адрес гиперссылки. В статье фрагменты отзывов приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации; исключаются элементы идентификации – адреса гиперссылок, по которым размещены конкретные отзывы.

После ознакомления с материалом нами были определены методики, релевантные для выполнения поставленных экспертных задач. Исследователи справедливо указывают на то, что установление необходимого и достаточного круга методик продолжает оставаться серьезной проблемой для лингвистических экспертных исследований [1; 2; 3]. Исходя из специфики материала, предоставленного на исследование, а также вопросов, поставленных перед экспертом, нами использовались методики дискурсивного, стилистического, лексико-семантического, контекстуального, контент-анализ (количественный и качественный).

Дискурсивный анализ позволил охарактеризовать коммуникативную ситуацию, сложившуюся в данном корпусе текстов. Компонентами данной коммуникативной ситуации явились коллективный неопределенный адресант (авторы отзывов, часто вообще неавторизованные), адресаты – потенциальные покупатели; мебельная компания является объектом и темой высказываний, а также, в части отзывов – адресатом сообщения. Структура данной соцсети позволяет участникам коммуникации не только оставлять свои отзывы, но и вступать в диалог с авторами других отзывов (в таких случаях мы наблюдали проявление тактики кооперации, авторы обычно поддерживали точку зрения друг друга).

Стилистический анализ показал, что исследуемые тексты принадлежат разговорному стилю. Для разговорного стиля характерна повышенная экспрессивность, эмоциональность формы выражения мыслей. Авторы отзывов используют разговорные слова и выражения, выражают свои эмоции посредством многочисленных оценочных определений и номинаций (это свойственно подавляющему большинству анализируемых отзывов). Также необходимо отметить, что текстам разговорного стиля свойственна неточность передачи информации, в отличие, например, от текстов делового стиля. Вследствие этой стилевой особенности, в текстах чаще отсутствовало официальное название мебельной компании, авторами отзывов использовались различные способы номинации компании. Большое количество отзывов вообще не содержали какие-либо номинации компании, использовались номинации «*эта компания*», «*данная компания*» и т. д. На то, что во всех отзывах идет речь именно о конкретной мебельной компании, указывал общий контекст: все анализируемые отзывы расположены на интернет-странице под общим заголовком с указанием точного наименования компании. Таким образом, информация, содержащаяся в проанализированных отзывах, и с позиции авторов текстов, и с позиции потенциальных адресатов (читателей отзывов) относилась именно к деятельности конкретной мебельной компании.

Большой объем материала, представляющий собой, по сути, текстовый корпус, обусловил использование контент-анализа. Данный метод представляется рациональным для исследования обширного текстового массива: чем больше

200 | объем текста, тем точнее работают статистические методы. При проведении количественного контент-анализа, то есть определения частотности слов и словосочетаний, выявляются особенности содержательного компонента текста. Качественный контент-анализ использовался нами на подготовительном этапе для того, чтобы уточнить объем текстов, подлежащих дальнейшим исследовательским действиям. Проведенный качественный контент-анализ позволил сгруппировать отзывы в три неравные по объему группы:

– отзывы, где не содержится какая-либо негативная информация о мебельной компании; в том числе, отзывы, где человек по каким-то причинам отказался от покупки и отзывы, в которых представлена жалоба на действия конкретного продавца в конкретном магазине – 93 отзыва;

– отзывы, которые по форме представляют собой оценочные высказывания (отсутствуют конкретные факты, преобладает общая негативная оценка компании и субъективные впечатления автора отзыва) – 138 отзывов;

– отзывы, в которых негативная информация имеет фактологическую составляющую (описываются конкретные ситуации, нередко есть номера договоров и т. д.) – 1987 отзывов.

Дальнейшая исследовательская работа проводилась с третьей группой отзывов: были выявлены основные тематические группы высокочастотных слов с негативным или потенциально негативным компонентом значения. Особое внимание уделялось именно словам, которые потенциально могли формировать негативный контекст в данном текстовом массиве: например, такие слова как «*доставка*», «*возврат*», «*договор*», «*качество*», «*деньги*», «*скидка*», «*гарантия*» и т. д. Для подсчета частотности использовалась компьютерная программа «КАРТАТЕКА», позволяющая создать конкорданс с указанием частотности всех слов и группировки всех контекстов, в которых слова были употреблены в исследуемом текстовом массиве. Негативная информация в форме утверждений о мебельной компании (1987 отзывов), содержащаяся в представленных на исследование отзывах, в ходе проведения анализа была сгруппирована по нескольким тематическим блокам:

1. Негативная информация, обусловленная проблемами с доставкой товара и сборкой приобретенного товара (831 отзыва).

2. Негативная информация, обусловленная ненадлежащим качеством приобретенного товара (364 отзыва).

3. Негативная информация, обусловленная невыполнением компанией гарантийных обязательств и отсутствием обратной связи после покупки некачественного товара (792 отзывов).

Нередко нами фиксировались отзывы, в которых содержалась разноплановая в тематическом отношении негативная информация. Чаще всего наблюдалось сочетание негативной информации, отнесенной ко второму тематическому блоку (ненадлежащее качество товара) и третьему тематическо-

му блоку (невыполнение компанией гарантийных обязательств и отсутствие обратной связи). Были также выявлены отзывы, в которых была выражена негативная информация, относящаяся ко всем трем тематическим блокам. В том случае, когда в отзыве было несколько смысловых центров негативной информации, отнесение отзыва к определенному блоку осуществлялось на основании выявления наиболее ярко выраженного семантического (смыслового) компонента.

В исследовательскую часть экспертного заключения включались примеры отзывов по каждому блоку, а также список всех гиперссылок, по которым размещены отзывы, отнесенные к данному блоку. Основная негативная информация в каждом отзыве выделялась жирным шрифтом, после блока фрагментов был представлен лексико-семантический и логико-грамматический анализ, направленный на детализацию содержательных характеристик негативной информации, а также на ее форму выражения. Особое внимание уделялось выявлению основного субъекта описываемых в отзывах негативно оцениваемых действий (мебельная компания или отдельные конкретные продавцы в магазине компании).

В отзывах о мебельной компании, отнесенных к первому блоку, содержатся сообщения о проблемах с доставкой и сборкой приобретенного товара. Авторы исследуемых отзывов указывают, что ответственность за данные проблемы лежит именно на данной компании. На это указывает как тот факт, что все эти отзывы содержатся на интернет-странице, посвященной деятельности *Мебельной фабрики*, так и содержащаяся в конкретных отзывах информация о том, что сообщается негативная информация именно о данной компании, а не о сторонних организациях (*«Ни один сотрудник, данной компании, не удосужился позвонить или написать, что с моим заказом»; «Больше не буду заказывать в этой фирме мебель, ужасная фирма, особенно доставка»* и т. д.). Конкретные факты, которые сообщаются авторами отзывов, однотипны. Это, прежде всего негативные действия компании, связанные с отменой установленного времени доставки и слишком долгим ожиданием поставки оплаченного товара, например: *«не предоставляется никакой информации. Постоянное «Ждите» 07.04.2019г. был оформлен договор за № Д-РН0000000015, и оплачен 100%, но сегодня 29.05.2019г. доставка дивана, не выполнена, скажите когда конкретно я могу получить свою покупку. На звонки отвечают «ждите вам позвонят», сколько я должна ждать никто конкретно не говорит, продавцы ни за что не отвечают, но деньги я должна оплатить сразу и все 100%, в договоре написано что срок передачи мебели покупателю: 35 рабочих дней с момента 100% оплаты, все сроки прошли, сколько еще мне ждать?»*

Также к данному тематическому блоку были отнесены отзывы, в которых сообщалось не только об увеличении времени доставки или доставки

202 | в неудобное время, но и о недокомплекте поставленного товара, например: «21.09.2019 купила в Брянске ул. Вокзальная 120 диван Атлант и стенку Прага. Мебель привезли 17.10.2019 в 20.30. диван собрали сразу весь морщинит – доставщик сразу стал доказывать что он за качество не отвечает что ему еще ехать в Курск.19.10.2019 пришел сборщик выяснилось что не хватает боковой детали стенку собрать невозможно. обратились в компанию по телефону обещали доставить в течении 5 дней прошло 2 недели никто не дает вразумительного ответа когда привезут недостающую деталь. Замечу сборщика вызывала из салона где покупала меня же обвинили в том что магазин предоставил мне левого мастера и что должен собирать мастер с фирмы. Компания ни что не отвечает у них одни права в договоре прописаны».

В отзывах о мебельной компании, отнесенных ко второму тематическому блоку, содержались сообщения о ненадлежащем качестве приобретенного товара. К данному блоку были отнесены только те отзывы, в которых сообщалось об объективных недостатках, которые не обусловлены субъективными ощущениями владельцев мебели. Например, в данный блок не включались отзывы с жалобами на неудобство мебели, оценочные суждения о ее внешнем виде, жалобы на несоответствие цвета привезенного товара и выставочного образца и т. д.

Наиболее частотное сообщение о ненадлежащем качестве мебели связано с обнаруженным после покупки, доставки и/или сборки браком, например: «Эта компания обманывает покупателей, и «впаривает» некачественный товар! Купили диван-кровать БЕРГ СТАНДАРТ-3, через 6 месяцев просела середина дивана, по гарантии (которая идет на протяжении 2 лет) – диван менять не стали. Приехал на вызов мастер в акте указал что ремонту не подлежит. В возврате денежных средств, обмене товара нам отказали. Сами продавцы сказали что партия была бракованная. В итоге мы остались с диваном на котором невозможно спать, молчу уже сколько раз мы съездили в магазин... Никогда и ничего не буду у них покупать!!!»

В отзывах о мебельной компании, отнесенных нами к третьему тематическому блоку, содержатся сообщения о ситуациях, связанных с тем, что компания не выполняет взятые на себя обязательства.

Прежде всего, невыполнение компанией «Много Мебели» обязательств в проанализированных отзывах связано с тем, что автором отзыва был приобретен и оплачен товар, но не осуществлена доставка, а также о том, что автором отзыва был приобретен некачественный товар, обнаружен брак, товар возвращен в магазин, но компания отказывается возвращать деньги, например: «Буду готовить обращение в суд. Моя ситуация такая. Приобрела диван, через 3 месяца, серединка промялась (не было в этом месте наполнения). Обратились в салон где приобретали (Самара, Московское

шоссе). Оформили заявление на возврат, увезли диван, составили акт. Осталась я без ДИВАНА И ДЕНЕГ. Деньги не могут вернуть уже почти месяц. А обязаны в течении 10 дней. А самое интересное НЕ ДАЮТ ИНФОРМАЦИЮ О ДАТЕ ВОЗВРАТА ДЕНЕГ!!!! С руководством НЕ реально выйти на связь для решения вопросов!»

В отзывах, где содержится сообщение о возврате товара и отсутствии со стороны компании возврата денег, нередко содержатся сообщения о намерении обратиться в суд («сегодня уже 3 июня а деньги мне не вернули (по Федеральному закону срок возврата 10 дней). Пойду в суд») или сообщения о том, что данное действие уже осуществлено.

В отзывах часто отмечается отсутствие реакции со стороны компании («в точку продаж обещали четырежды выезд мастера, результат «0»!!! (...) вышлите номер договора, высылал неоднократно, реакции нет!!! (...), вот вам номер договора, если вы не можете пользоваться своим сервисом!»), нередко указывается номер договора для усиления производимого на потенциальных читателей впечатления («СР-24Н000000372 от 13.05.16 МОНАКО (угловой с механизмом)»).

В целом проанализированные отзывы создают у потенциального читателя негативное восприятие деятельности компании «Много Мебель».

Грамматический анализ позволил выявить форму выражения негативной информации о деятельности мебельной компании. В ходе проведенного анализа было определено, что в 138 отзывах негативная информация имеет форму оценочных суждений и субъективного мнения авторов отзывов. На то, что негативная информация имеет форму оценочных суждений, указывало отсутствие перечисления конкретных негативных действий, приписываемых компании, авторы отзывов выражали общую негативную оценку деятельности компании. На форму мнения указывали используемые авторами отзывов маркеры мнения или предположения.

Негативная информация о компании в форме утверждения о фактах содержалась в 1986 отзывах. Форма утверждения о факте была обусловлена тем, что авторы отзывов сообщали конкретные сведения о действиях компании, описывали реальные ситуации, используя глагольные формы в настоящем и прошедшем времени (то есть сообщая о происходящих и произошедших, а не о планируемых событиях).

Таким образом, при определении методики проведения исследования представляется обязательным учитывать ряд факторов: тип экспертного исследования, поставленные перед экспертом вопросы, характер и объем материала. На наш взгляд, создание типовых обязательных методик для проведения различных типов лингвистических экспертиз противоречит самой сути лингвистической экспертизы – анализ разнообразных, разнородных текстовых материалов. Вероятно, необходимо сосредоточить усилия

204 | экспертного сообщества на выработке единых принципов и общих подходов к исследованию материала, но не ограничивать и стандартизировать набор методик анализа.

Литература

1. Кукушкина О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 118–126.
2. Ярощук И. А. Проблема метода в судебно-лингвистической экспертизе // Ex iure. 2018. № 3. С. 98–107.
3. Кусов Г. В. Общие и частные задачи методологии судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 217–224.

Julia V. Kamenskaya

METHODOLOGY FOR IDENTIFYING SIGNS OF DIMINISHING BUSINESS REPUTATION IN A LARGE VOLUME OF TEXTS (USING THE EXAMPLE OF REVIEWS IN SOCIAL NETWORKS)

Abstract. The article offers the experience of using a complex set of methods (discursive, stylistic, lexico-semantic, grammatical, contextual, content analysis) on the example of an expert opinion on the case of diminishing business reputation. The specifics of the study are due to the large volume of material – 2217 reviews in the social network.

Keywords: linguistic expertise, linguistic methods, content analysis.

доктор филологических наук, профессор Поволжского православного института имени Святителя Алексия, митрополита Московского
Тольятти, Россия

«РУЖЬЕ СНОВА РИСКУЕТ ВЫСТРЕЛИТЬ»: К ПРОБЛЕМЕ СНЯТИЯ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ В МАКРОКОНТЕКСТЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема неоднозначности семантической интерпретации высказывания в спорном тексте. Констатируется, что выявление семантических трансформаций высказывания происходит в макроконтексте, который формируется на основе интра- и экстралингвистического контекстов.

Ключевые слова: текст, интерпретация текста, контекст, макроконтекст, семантические трансформации высказывания.

Современные представления о тексте базируются на очевидном для всех исследователей постулате: текст – явление многоплановое, сочетающее в своей природе признаки лингвистического, культурологического, семиотического, когнитивного и коммуникативного феномена, что обуславливает трудности в его восприятии и интерпретации (о тексте как объекте пересечения исследовательского интереса различных гуманитарных наук – у В. Е. Чернявской) [17: 11–17]. Объективная многосторонность понятия «текст» препятствует выработке его строго фиксированных, научно обоснованных дистинктивных признаков.

Однако среди общих параметров текста наиболее частотно выделяют вербальный, синтаксический и семантический. При этом, как отмечает Цветан Тодоров, вербальный параметр характеризует совокупность отдельных предложений-высказываний, синтаксический – взаимоотношения между частями текста, а семантический параметр определяет глобальный смысл целого текста (цит. по [5: 19]). Категорию семантики считает основным стержнем текста и Г. В. Колшанский [8: 62]. Такая типология базовых признаков текста, на наш взгляд, при всей ее условности соответствует уровневой организации текстового целого. При этом, однако, трудно не согласиться с И. Р. Гальпериным, что «в тексте системность еще только нащупывается» [5: 20].

Исследование семантического уровня текста предполагает различение трех важных семантических параметров, о которых пишет И. Р. Гальперин: это значение, определяемое в морфемах, словах, словосочетаниях, син-

206 | таксических конструкциях; смысл, относящийся к уровню предложения и сверхфразового единства, и содержание, характеризующее информацию, заключенную в целостном тексте [5: 20]. Очень важно учитывать при этом, что смысл высказывания не выводится из механического сложения значений составляющих его компонентов, а соответственно содержание текста не определяется простой суммой смыслов. Хотя, согласно Н. Д. Арутюновой, «...мысль не может быть выражена в языке иначе, как в форме предложения» [1: 16], смысловое наполнение предложения в конкретном тексте в силу своей потенциальной вариативности не позволяет говорить об абсолютной содержательной завершенности данной единицы. Соответственно, смысловая определенность высказывания формируется только в макроконтексте целого текста, и только в отношении текстового целого можно говорить о коммуникативной завершенности. По образному выражению В. Б. Касевича, предложение «существует в речевом и ситуативном «вакууме» [7: 96]. Аналогичную мысль встречаем и у И. Р. Гальперина: «Смысл по своей природе не коммуникативен или же коммуникативен потенциально (он требует амплификации). Содержание по своему назначению коммуникативно. Поскольку оно обладает признаком завершенности» [5: 21]. Тем более эти замечания относятся к слову, которое под воздействием микро- и макроконтекста реализует одно из своих потенциальных значений или вовсе приобретает особый окказиональный смысл. Об этом и у Н. С. Валгиной: «...рождение общего смысла представляет собой процесс выбора именно этого необходимого для данного контекста значения, т.е. необходимого для получения искомого смысла целого высказывания. Значит, именно смысл актуализирует в системе значений слова ту его сторону, которая определяется данной ситуацией, данным контекстом» [4: 244]. Роль контекста как условия раскрытия значений языковых единиц подчеркивает и Г. В. Колшанский: «Непременным условием раскрытия значений языковых единиц должен рассматриваться контекст на уровне всего текста, представляющего собой некоторую завершенную коммуникацию...» [8: 66].

Н. С. Валгина семантические трансформации (или приращения смысла) слова и предложения-высказывания как единиц текста связывает с различием поверхностного и глубинного смысла текста [4: 244], И. Р. Гальперин – с дифференциацией линейной и супралинейной информации в тексте [5: 46], З. Я. Тураева рассматривает текст, сочетающий вертикальную и горизонтальную модели текстопорождения, как глобальную структуру, включающую глубинную и поверхностную структуры, имеющие сложные, разнонаправленные отношения, которые «не могут быть истолкованы как отношения тождества означающего и означаемого или как отношения асимметрии двух сторон языкового знака» [16: 58].

Эти отношения, как представляется, обусловлены интегративными отношениями внутри структуры текста: между линейными последовательностями языковых единиц и текстовым целым, связывающим единицы разных уровней, задающим вектор общей модальности и формирующим речевую системность единиц именно на текстовой плоскости, отличную от языковой системности, которая основывается на ценности и значимости каждой единицы языка (об этом – у М. Н. Кожинной) [15: 347].

Кроме того, своеобразие функционирования языковых единиц в структуре текста необходимо связать и с разными видами информации, имеющими дифференцированные формы представления в тексте (как эксплицитные, так и имплицитные). Е. В. Падучева отмечает: «...во всяком тексте, помимо эксплицитно выраженной информации, есть такие сведения, которые не содержатся в нем в явном виде и, тем не менее, имеются в виду говорящим и воспринимаются слушающим...» [13: 60]. Традиционно, вслед за И. Р. Гальпериным, исследователи, как правило, выделяют 3 вида информации в тексте: содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую [5: 27–28]. Сложные формы взаимодействия этих видов информации внутри структуры текста, иллюстрирующие сложность взаимоотношения поверхностной и глубинной структур текста, обеспечивают семантические приращения языковых единиц и тем самым формируют проблему понимания структурных параметров текста читателем, который должен обладать достаточно объемным тезаурусом фоновых знаний, жизненным опытом, литературной эрудицией, выработанным навыком критического отношения к прочитанному и т. д.

В ракурсе затрагиваемой в данной статье проблемы нас интересует в большей степени подтекстовая информация и возможности экстерииоризации подтекстовых значений. Относя подтекст к глубинному уровню смысловой структуры текста и характеризуя его как скрытую информацию, исследователи пытаются объективировать данный феномен, наделяя его собственно лингвистическими и прагматическими свойствами. Так, И. Р. Гальперин, считая подтекст имплицитным по своей природе, характеризует его как чисто лингвистическую категорию, «выводимую из способности предложений порождать дополнительные смыслы благодаря разным структурным особенностям, своеобразием сочетания предложений, символическим языковым фактам» [5: 44]. При этом в понимании И. Р. Гальперина эксплицитное (буквальное) и имплицитное (подтекстовое) находятся в отношении тема (буквальное, данное) – рема (подтекстовое, новое). Кроме того, буквальное (поверхностное) содержание, обусловленное значениями входящих в высказывание словесных знаков, может входить в противоречие с глубинным (подтекстовым) смыслом (находиться в оппозиции к буквальному сообщению). Очень важно при этом учитывать, что подтекст может формироваться

208 | двумя различными путями: через приращение ассоциативных компонентов значения (например, через фоновые знания, символику языкового знака и т. п.) и с помощью внутрискруктурных приращений (из соотношения и связи смыслов внутри текстового целого). Если первый вид подтекстовой информации (ассоциативная СПИ – по И. Р. Гальперину) более неопределенен, расплывчат и в большей мере зависит от коммуникативного и читательского опыта адресата, то второй вид подтекста (ситуативная СПИ – по И. Р. Гальперину) детерминирован взаимодействием микроконтекстов – сказанного ранее со сказанным в данном автосемантическом отрезке текста. Это обеспечивает условия для вполне объективного выявления подтекстового содержания – с опорой на внутритекстовые (по законам текстовой когезии) взаимодействия речевых континуумов.

Однако выявление текстовых импликатур в большой степени зависит от тезауруса читателя, и главное – от его способности аналитически воспринимать текст (его поверхностную и глубинную структуры в их взаимодействии). Исследователи в этом случае говорят о двух уровнях понимания: языкового (первичного, кодового) содержания текста и глубинного, ситуационного (вторичного кодового) содержания [10: 98]. И чем богаче и разнообразнее читательский тезаурус, тем более определенными для него становятся полифонические взаимодействия языковых знаков и проявляются очертания глубинного, параллельного поверхностному содержанию текста. Это особенно актуально для экспертной практики, когда в ракурс научного исследования попадает спорный текст, неоднозначно трактуемый сторонами судебного разбирательства (об этом также у М. А. Осадчего) [12].

Таким образом, сочетание разных видов информации в тексте, влияние интеграционных отношений между единицами поверхностной структуры, сложные полифонические взаимодействия между языковыми знаками в структуре текста и влияние на них общего смысла и общей модальной тональности создают условия для формирования двусмысленности в тексте, которая снимается различными факторами (как экстралингвистическими – в случае ассоциативных приращений смысла, так и собственно лингвистическими – внутритекстовыми).

Двусмысленность, а иногда и полисемантичность могут и должны быть сняты в процессе коммуникации для обеспечения осмысленного и достоверного общения, а в рамках конфликтной коммуникации – для принятия обоснованного судебного решения.

Одним из лингвистических условий однозначности коммуникации в современных исследованиях признается контекст, который «создает целый и однозначно понимаемый смысл», а сам текст приобретает контекстно-смысловую завершенность, т.е. «определенную совокупность атомарных

смыслов-фраз, достаточную для установления семантической определенности каждой из них» [8: 63].

На наш взгляд, свойством контекстно-смысловой завершенности в большей степени обладает макроконтекст, который связывает через средства внутри-текстовой когезии объединенные тематически и содержательно фрагменты текста, устанавливая интегративные отношения между ними и целым текстом. Если на лексическом уровне двусмысленность снимается достаточно ограниченным набором средств контекста (обычно в рамках микроконтекста), то интерпретация истинного смысла высказывания или фрагмента текста происходит через более усложненные операции – с опорой на достаточно объемный набор контекстных средств и, как правило, в рамках макроконтекста (включая при необходимости и контекст сверттекста – [9]). Учет макроконтекста сверттекстового целого (в медиакommunikации сверттекст формируется объединением нескольких взаимосвязанных тематически, содержательно, персонально и ситуативно текстов) необходим в том случае, если тексты развивают одну тематическую линию, диалогизируя или полемизируя друг с другом, образуя единую коммуникативную ситуацию и, как следствие, единый семантический континуум. В такой сверттекстовой структуре семантические лакуны заполняются через соотношение микрознаков, относящихся к разным частям текста или разным текстам, но приобретающих единый общеконтекстуальный смысл, в соответствии с которым высказывание наделяется реляционными характеристиками в рамках единого макроконтекста.

Данная проблема и описанный выше механизм ее разрешения становятся особенно актуальными в случае обращения к цифровой медиакommunikации, в которой понятие «текст» с неизбежностью должно коррелировать с гипертекстовой природой и креолизованной сущностью текста. В связи с этим общение в условиях цифровой коммуникации и требование установления семантической определенности высказывания в полисемиотической среде интернета диктует расширение понятия макроконтекст через включение в него не только самих текстовых структур, но и широкого спектра паралингвистических компонентов (составляющих экстралингвистический и паралингвистический контекст – по Г. В. Колшанскому), интертекстуальных отсылок и гиперссылок (в случае гипертекстовой природы цифрового текста). Об обязательном учете данных факторов при проведении лингвистической экспертизы цифрового текста говорил в своем интервью в журнале «Судья» председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам проф. М. В. Горбаневский [6].

Эти разнонаправленные факторы (интра- и экстралингвистические) формируют особого рода архитектуру контекстуально-текстовой системности, не сводимую только к иерархическим взаимодействиям разноуровневых языковых знаков на поверхностном уровне текста, базирующуюся на зако-

210 | не целостности контекста на всех уровнях и этапах его развития (включая предтекст, текст и посттекст).

В качестве иллюстрации приведенных выше положений обратимся к конкретному экспертному случаю. В поле экспертной деятельности лингвиста попал текст, размещенный на одном из информационных порталов, в котором стороны имеющего уже длительную историю конфликта пытались через суд оспорить одну из ключевых фраз данного текста: *Ружье снова рискует выстрелить в N под воздействием ветра*. При этом стороны (автор текста и главный персонаж, являющийся объектом критики журналиста) обнаружили диаметрально противоположное понимание смысла искомой фразы. Если депутат N увидел в данной фразе угрозу, то журналист, реализовавший в данной фразе свой лингвокреативный потенциал и метафорически обыгравший реальное происшествие, случившееся с депутатом четыре годами ранее, вкладывает в эту фразу вполне фактуальный смысл, не выводимый из значений микрознаков, а актуализированный внутри единого сверткста. Для снятия возникшей двусмысленности и формирования контекстно-смысловой завершенности оспариваемой фразы потребовалось обращение к макроконтксту. Макроконткст данной публикации включает, прежде всего, лингвистический контекст – два взаимосвязанных тематически текста (оба текста посвящены деятельности N – как политической фигуры и одного из главных менеджеров крупного предприятия), которые составляют особое сверткстовое единство – предтекст и собственно анализируемый текст. Кроме того, при анализе оспариваемой фразы спорного текста необходим учет не только лингвистического, но и экстралингвистического контекста (фоновых знаний о ситуации в городском пространстве, его известных общественно-политических и медийных персон, сложившихся отношений между ними и к ним – со стороны городского сообщества и др. факторов).

Оба текста, образующие целостный лингвистический контекст для неоднозначно понимаемой фразы, объединяются не только содержательно-тематически, но и единой авторской целеустановкой – подвергнуть критике известного в городе политика, устранившегося от решения серьезных проблем (гибель людей на одном из крупных заводов) в угоду менее существенным и значимым (таким как закрытие неработающего ресторана) и озабоченного в большей степени поддержанием собственного политического имиджа. Кроме того, данные тексты объединяются общей модальной рамкой – одинаковым (ироническим) отношением автора к описываемой ситуации, поскольку основной стилевой доминантой обоих текстов является ирония как стилистический прием и одновременно вид комического повествования, в котором критическое отношение к объекту (депутату N) облекается в форму иронического осмеяния (об иронической тональности как наиболее частотной характеристике спорных текстов, попадающих в поле зрения лингвистов-экспертов, пишет

А. М. Плотникова) [14: 44]. При этом дискурсивный режим иронии (термин А. Н. Баранова [3]), выбранный автором, существенно снижает силу негативной оценки «героя» текста, окрашивая его фигуру иронически-саркастически-ми тонами, тем самым снижая его образ в глазах читателей и одновременно указывая «на «несерьезность», нарочитый характер речевого поведения» самого журналиста [3]. При этом иронический эффект возникает, прежде всего, из выбранного автором ракурса – через нелепый факт ранения на охоте, который становится основным лейтмотивом сверхтекстового единства (проходит сквозной нитью через оба текста, вариативно повторяясь, обрастая ироническими по своей тональности деталями), через призму которого подается в текстах вся другая информация.

Ирония задает и жанровые характеристики обоих текстов – сочетание признаков разных жанров (таких как фельетон, реплика, шарж и сатирический комментарий), относящихся к группе художественно-публицистических жанров. При этом доминантную жанровую основу анализируемого сверхтекстового единства составляет сатирический комментарий.

Ирония реализуется в анализируемом сверхтекстовом единстве различными средствами, с помощью которых в пространстве текстов создается карикатурный образ политика N: 1) иронично обыгрывается место, куда ранен депутат (эвфемистическая замена якобы неудобного слова, открыто названного в заголовке – *ягодица* – «*место, которое позже полиция назвала ногой*»); 2) две версии ранения – официальная, по сути являющаяся несуразной и в подтексте содержащая авторскую насмешку («*По официальной версии, ружье, прислоненное к дереву, выстрелило в кандидата само, под воздействием ветра*») и неофициальная («*По неофициальной информации, “эсера” ранил бывший с ним на охоте “единоросс”. По слухам, товарищ из соседней партии был нетрезв и перепутал N с уткой*»). Неофициальная версия также основана на комичности ситуации. Хотя, как показал анализ словоупотребления, в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ, газетный корпус) встречаются примеры подобных ранений, ср.: «*Он нечаянно прострелил себе ягодицы и попал в больницу*» [В Башкирии прокурор перепутал судью с козудей и застрелил // lenta.ru, 2017.11.17], или «*16 октября сотрудник отдела полиции № 24 в Каменске-Уральском прострелил себе ягодицы из собственного охотничьего ружья*» [В Москве ревнивый силовик устроил поножовщину // lenta.ru, 2017.10.29]; 3) обыгрывание темы выстрела ружья под воздействием ветра в ироничном контексте, ср.: «*ружье, прислоненное к дереву, выстрелило в кандидата само, под воздействием ветра*» – «*ветер, видимо, холодит бывлые раны, и депутат ищет поводы напомнить о себе*» – «*что заставило N, так сказать, взять оружие в руки*» = начать борьбу с неработающим рестораном – «*ружье снова рискует выстрелить в N под воздействием ветра*»; 4) иронические аллюзии: 1) «*но ветер...холодит бывлые*

212 | раны» (отсылка к широко известной песне из сериала «Д'Артаньян и три мушкетера»); 2) «полученная главой региональных эсеров травма весьма неудобна, и агитировать в ближайшее время ему, возможно, придется исключительно стоя» (отсылка к широко известной комедии Л. Гайдая «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика»). Данные средства создают дополнительный к лингвистическому паралингвистический контекст употребления анализируемой фразы, учет которого необходим для определения однозначного, контекстуально обусловленного смысла фразы.

Чтобы определить смысл оспариваемой фразы (*Ружье снова рискует выстрелить в N под воздействием ветра*), требуется восстановить всю логико-семантическую цепочку внутри континуума текста: 1) в 2020 году N не сможет участвовать в выборах, поэтому он ищет повод напомнить о себе в обществе через обращение к актуальной в городском сообществе теме; 2) эта тема – деятельность известного в городе ресторана, поэтому депутат N разрабатывает эту актуальную тему – выдвигает претензии к деятельности ресторана, требуя его закрыть; 3) этот шаг, по оценке автора текста, не имеет смысла, т.к. ресторан уже не работает; 4) поэтому депутату N нужен новый информационный повод вновь напомнить о себе в городском сообществе (как и 4 года назад, когда во время выборов случился первый эпизод с ружьем, описанный в первом тексте – предтексте). Такова внутренняя логика развертывания мысли внутри текстового целого, образующего единый лингвистический макроконтекст. Исходя из прослеженной семантической связи между объединенными цепочечной связью фразами в пределах единого текстового целого, можно определить смысл последней в цепи фразы (*Ружье снова рискует выстрелить в N под воздействием ветра*): «N будет искать новый информационный повод заявить о себе» (как и 4 года назад, когда во время выборов случился первый эпизод с ружьем, описанный автором в первом тексте).

Итак, выявление данной имплицатуры, являющейся ремой (подтекстовой информацией) по отношению к теме (буквальному содержанию высказывания), осуществляется через обращение к лингвистическому контексту единого свертхтекста и дополняется ироническими коннотациями, формируемыми в рамках экстралингвистического контекста, входящего в макроконтекст данной статьи. И хотя в данном случае связь между логико-семантическими звеньями, соответствующими изложенным в тексте фактам, не эксплицирована, эта связь и выводимый из нее однозначно понимаемый смысл порождены, прежде всего, лингвистическим контекстом, основанном на внутривидовых приращениях по законам текстовой когезии внутри единого свертхтекста.

Выводы. Снятие двусмысленности и достижение однозначности в понимании текста достигается анализом всего коммуникативного комплекса с уче-

том взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов и обязательно в условиях макроконтекста. Только весь текст (а в цифровой среде – свёрхтекст в совокупности с гипертекстовыми ссылками) может дать надежное объективное основание для однозначного понимания и интерпретации отдельной фразы, тем более в конфликтной ситуации, когда стороны судебного разбирательства неоднозначно понимают оспариваемый текст.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Изд. 5. М.: URSS, 2007.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
3. Баранов А. Н. О дискурсивных режимах использования оценочных слов и выражений // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2016». URL: <http://www.dialog-16.ru/media/3382/baranov.pdf> (дата обращения: 15.08.2021)
4. Валгина Н. С. Теория текста: Учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 7-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 144 с.
6. Горбаневский М. В. Русский язык приспособился к специфике информационных цифровых технологий и начал диктовать условия обращения с ним в интернете // Журнал «Судья». № 10, 2020, октябрь. URL: <http://www.zhurnalsudya.ru> (дата обращения: 17.08.2021).
7. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. 309 с.
8. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 152 с.
9. Купина Н. А., Битенская Г. В. Свёрхтекст и его разновидности // Человек–Текст–Культура: коллективная монография / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург: ИРРО, 1994. С. 214–233.
10. Лейкина Б. М. К проблеме взаимодействия языковых и неязыковых знаний при осмыслении речи / Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. Вып. 2. Л., 1974.
11. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3-х т. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 1360 с.
12. Осадчий М. А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 256 с.
13. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). Изд. 4-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.

- 214 | 14. Плотникова А. М. Конфликтная коммуникация в аспекте судеб-
ной лингвистики: [монография] / А. М. Плотникова; М-во образования
и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, Москва: ТХТ,
2017. 197 с.
15. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под
ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
16. Тураева З. Я. Лингвистика текста: Текст: Структура и семантика: Учеб-
ное пособие. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 144 с.
17. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекс-
туальность, интердискурсивность. Учебное пособие. М.: Книжный дом
«ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.

Marina A. Vengranovich

**«THE GUN RISKS AGAIN TO SHOOT»: TO THE PROBLEM
OF REMOVING MEANING IN MACROCONTEXT**

Abstract. The article deals with the problem of ambiguity in the semantic interpretation of a statement in a controversial text. It is stated that the identification of semantic transformations of an utterance occurs in the macrocontext, which is formed on the basis of intra- and extralinguistic contexts.

Keywords: text, interpretation of the text, context, macrocontext, semantic transformations of an utterance.

М. А. Гасанова

gas.marina@mail.ru

доктор филологических наук,

профессор Дагестанского государственного университета

Махачкала, Россия

Е. А. Зюзина

silver2222@mail.ru

кандидат филологических наук,

доцент Дагестанского государственного университета

Махачкала, Россия

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ПРИЕМ СОЗДАНИЯ КОННОТАТИВНЫХ СМЫСЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕЗАВИСИМЫХ ДАГЕСТАНСКИХ СМИ)

Аннотация. В статье рассматриваются разные приемы языковой игры в современных региональных СМИ (на материале дагестанской независимой оппозиционной газеты «Черновик»). Проведен анализ наиболее актуальных для дагестанского публицистического дискурса способов обыгрывания языковых единиц разных уровней русского языка и выявлены основные приемы языковой игры и средства ее создания.

Ключевые слова: русский язык, языковая игра, региональные СМИ, приемы языковой игры, оценочность, экспрессивность, коннотативные смыслы.

В современных СМИ явление языковой игры встречается достаточно часто, что связано с созданием новых средств, способных в условиях жесткой конкуренции привлечь внимание читателей. Усиление игрового начала в публицистическом дискурсе можно наблюдать в заголовках газет и журналов, поскольку они представляют собой тот фрагмент текста, который привлекает внимание читателя в первую очередь. Все эти изменения в публицистическом стиле происходят как следствие демократизации, связанное с утратой жесткой цензуры и стремлением к непринужденной речи.

Языковая игра как намеренное отклонение от норм русского языка находится в центре внимания таких лингвистов, как Т. А. Гридина [1], Е. А. Земская [2]: В. Ильясова [4], В. Г. Костомаров [5], В. З. Санников [6], Н. А. Янко-Триницкая [8] и др. В своих исследованиях они определяют содержание термина «языковая игра», характеризуют функции языковой игры, а также многочисленные приемы и языковые средства ее создания.

Лингвисты выделяют разные типы языковой игры в зависимости от средств языковой системы, использование которых связано с нарушением норм их узуального употребления. В основном выделяются следующие типы языковой игры: *игра с сочетаемостью слов*; *языковая игра на базе омонимии и многозначности слов*; *графическая (орфографическая) игра*; *словообразовательная игра*; *игра с прецедентными текстами*.

Рассмотрим каждый из типов языковой игры и прокомментируем приведенные нами примеры, собранные методом сплошной выборки из дагестанского еженедельника «Черновик» за 2013–2021 гг., являющегося независимым и оппозиционным республиканским изданием.

Обыгрывание значений омонимов и многозначных слов не являются новым явлением в русском языке, так как известно, что многие русские поэты создавали каламбуры с помощью данных средств лексики русского языка. Однако заголовки статей с использованием омонимии и многозначности появились сравнительно недавно, когда журналисты в целях привлечения читательской аудитории стали совмещать информативность, содержательную насыщенность текста с оригинальностью способов ее передачи. При этом читатель, вовлеченный в языковую игру, должен понять, какие значения слов подлежат обыгрыванию в конкретном случае.

В качестве иллюстрации к данному типу языковой игры можно привести заголовок «*Несносная Махачкала*», где обыгрывается значение слова *несносная* – «невыносимая, неприятная, трудно терпимая» и «несносная» – «которую нельзя снести, разрушить» (статья посвящена незаконным постройкам многоквартирных домов; «Черновик», 12.01.2018, № 1).

Еще один пример – в заголовке статьи о дачниках, у которых погибает урожай – «*На Кривой Балке пошли по кривой*» – игра слов строится на совпадении имени собственного (*Кривая Балка* – загородный район Махачкалы) с нарицательным *кривой* (ФЕ *пойти по кривой дорожке* – идти не по тому, т.е. не по правильному пути; «Черновик», 19.06.2020, № 4). *Кривой* имеет переносное значение «неправильный, ложный», а слово *кривая* в составе имени собственного семантически «пустое».

Одним из приемов языковой игры на уровне письма является **капитализация**, состоящая в использовании прописных букв для выделения в слове фрагмента, совпадающего с самостоятельным словом в русском языке.

Использование прописных букв для выделения части слова, которое может совпасть с узуальным словом, отличается высокой частотностью в заголовках центральных и региональных газет. Этот прием языковой игры получил название «капитализация» от английского *capital (letter)*, т.е. заглавная, прописная буква.

В собранном нами фактическом материале с помощью данного приема журналистами были созданы следующие заголовки:

«АрЕстократия» («Черновик», 28.12.2018, № 51). В статье под названием «АрЕстократия» не только первая, но и третья буквы являются прописными. Благодаря использованию прописной буквы не в начале заголовка, происходит совмещение значения двух слов: *арест* и *аристократия*, что позволяет журналисту в рамках одной окказиональной единицы емко отразить основное содержание статьи, в которой говорится о том, что чиновники самого высокого ранга в республике были отстранены от должностей и арестованы [3: 464];

«СМИшной переполох» («Черновик», 15.04.2016, № 14). В статье рассказывается об исках, поданных в Ленинский районный суд Махачкалы с требованием отменить конкурс, объявленный Министерством печати и информации РД на вакантные должности руководителей ГБУ РД «Редакции республиканских СМИ». В названии обыгрывается значение аббревиатуры СМИ (средства массовой информации) и выражения *смешной переполох* (курьез, несерьезный повод для беспокойства). Таким образом, автор выражает свое отношение к происходящему: выбор главных редакторов национальных газет, выпускающихся относительно небольшим тиражом, на фоне серьезных социально-экономических проблем в республике не выглядит задачей первостепенной важности;

«ВAV-эффект» («Черновик», 6.10.2017, № 39). Статья посвящена назначению Владимира Васильева на пост Главы Дагестана, а также событиям, предшествующим назначению, и политическим прогнозам. В лиде автор дает следующее пояснение: «WOW-эффект – это результат воздействия, при котором человек испытывает яркий восторг, чувство озарения или другие сильные, как правило, позитивные эмоции». WOW является английским междометием, но в заголовке оно не приводится ни в оригинальной графике, ни в устоявшемся в русском языке транскрипционном варианте *вау*, хотя буква *W* при передаче иноязычного слова может обозначаться как буквой *у*, так и буквой *в*. Это привело к варианту написания данного междометия как *вав* и дало возможность обыгрывания начальных букв имени, отчества и фамилии новой политической фигуры в Дагестане – Владимира Абдуалиевича Васильева. Таким образом, с помощью данного новообразования автор статьи пытается выразить неожиданность такого назначения и удивление дагестанцев;

Использование скобок также является достаточно распространенным приемом языковой игры в заголовках газет, однако по частотности он уступает приему капитализации. Это может быть обыгрывание значения заголовка при помощи заключения в скобки части слова (чаще всего приставки) и омонимичной отрицательной частицы *не*. Обычно в скобки заключается какой-либо компонент слова, исключение или включение которого позволяет актуализировать противоположное значение слова или же значение другого слова. С помощью данного приема журналист не навязывает свое видение

218 | проблемы, а призывает читателя составить собственное мнение о ней, поэтому совмещает в одном названии статьи варианты заголовка, выбор которых зависит от мнения читателя, от его позиции по излагаемому в статье вопросу.

В собранном материале встретились следующие примеры использования скобок:

«*Надо (ж)дать*» («Черновик», 03.03.2017, № 8) – название статьи, в которой рассматривая вопрос о чудовищных масштабах коррупции во всех сферах дагестанского общества. Журналист заканчивает свою статью типичным ответом многих руководителей на просьбу ускорить решение какого-либо вопроса. Обычно они говорят, что надо ждать. Название статьи семантически многослойно, что достигается использованием скобок и заключением в них первой буквы слова *ждать*. Эта фраза становится двусмысленной: *надо ждать* или *надо дать* (взятку). Помимо скобок как чисто графического знака, в данном случае, возможно, используется и явления омофонии, при котором слово может совпасть с сочетанием слов. Фраза «*Надо ждать*» может быть истолкована как «*Надо ж дать*», в которой *ж* является вариантом частицы *же*, фонетически сливающимся с глаголом. В этом примере, на наш взгляд, мы наблюдаем смешение разных типов языковой игры, однако эта игра была бы невозможна без поддержки средств русского письма, т.е. средств графики или орфографии;

«*Взятка и (не)стандарт поведения*» («Черновик», 06.03.2020, № 9) – статья, посвященная работнику отдела собственной безопасности УФСИН М. Мирошниченко, которого обвиняют в получении взяток за сокрытие хищений денежных средств своими коллегами.

В статье «*Про Белый дом и людей (не)слова...*» («Черновик», 13.03.2020, № 10) журналист размышляет над словами и делами тем, кто находится у власти в Дагестане и обещает народу улучшить условия его жизни. Однако на деле никаких положительных сдвигов не наблюдается: слова всегда расходятся с делом;

«*Один глава (не) сел. Другой тоже (не) сядет...*» («Черновик», 10.07.2020, № 27) – таков заголовок статьи о главах муниципалитетов нашей республики, которых за превышение служебных полномочий отстраняют от должности и в случае заведения уголовных дел дают условные сроки;

«*Зонтик Путина (не) защитит губернаторов...*» («Черновик», 09.08.2020, № 30). Основная мысль статьи заключается в том, что журналист размышляет о низкой поддержке обществом большинства руководителей регионов Российской Федерации, которые достаточно часто опираются на президента страны, служащего защитой от недовольных их политикой, своего рода зонтом в период ненастья.

Во всех статьях журналисты независимой газеты «Черновик» в скобки заключают фрагмент, позволяющий актуализировать в заголовке прямо

противоположные утверждения. Например, заголовки типа «*Про Белый дом и людей (не)слова...*» могут разными читателями пониматься по-разному: *в Белом доме работают люди слова/ в Белом доме всегда не сдерживают свои обещания.*

Хотя журналисты обладают четкой позицией по каждому конкретному вопросу, они не навязывают читателю свою точку зрения, приглашая их к совместному размышлению над каким-либо злободневным общественным вопросом.

Известно, что журналисты независимых СМИ часто напрямую излагают свою точку зрения, которая может существенно отличаться от официально признанной трактовки проблемы, давать оценки и характеристики героям статей (чаще всего – нелицезные). Известно, что их высказывания нередко становятся предметом судебных разбирательств как порочащих достоинство или деловую репутацию лица.

Использование скобок, на наш взгляд, является способом актуализации смыслов, который позволяет авторам статей избежать обвинений в свой адрес, так как они не утверждают что-либо, а предлагают разные ответы на рассматриваемые в статье вопросы, не навязывая какие-либо оценки читателю.

Еще одним приемом игры на уровне письма является дефисация, т. е. использование дефиса для выделения важной в плане содержания части слова [7: 250]. В собранном материале практически отсутствуют случаи использования дефиса как приема обыгрывания значения слов. Нами были обнаружены только два примера. Это подзаголовок статьи «*Ай-да-кадиевич*» («Черновик», 12.05.2017, № 18).

В этой статье говорится о бывшем вице-премьере Раудине Айдакадиевиче Юсуфове, который в период работы в качестве вице-премьера и министра экономики Дагестана выступил с докладом о положении в республике. Согласно приведенным данным, во всех сферах жизни общества наблюдаются положительные сдвиги, что на самом деле не соответствует действительности.

В заголовке с помощью дефиса отчество бывшего премьера делится на три части: *ай-да-кадиевич*. С помощью дефисации автор вычленяет в составе отчества часть, материально совпадающую с разговорной частицей *ай да*, выражающей одобрение, похвалу. Данный прием позволяет журналисту выразить свое ироничное отношение к выступлению чиновника, который озвучил несуществующие цифры и данные о росте промышленного производства, торговли, сельского хозяйства, доходов простых граждан. Мы понимаем, что *ай да* в этом контексте является своего рода антифразисом, т. е. обозначает не положительную оценку, а неодобрение [3: 465].

Под заголовком «*Три дня на голосо-сование*» в газете «Черновик» вышла серия статей о выборах 2020 года, которые впредь можно проводить в три дня. Это стало новой российской практикой, которая позволяет решить проблему

220 | со слабой явкой избирателей и дает возможность, как полагает автор, для махинаций с подтасовкой результатов. Такой посыл дается в названии статьи: слово *голосование* разделено на 2 части с дублированием слога, необходимого для создания образа того, как будут проходить выборы: *голосо-сование* (*голоса* и *сование* от *совать* – «протягивать или проталкивать что-либо в определенном направлении или в определенное место»), т. е. необходимые цифры, проценты будут достигаться путем вбрасывания бюллетеней.

В современных газетах журналисты нередко используют заголовки с **игрой слов на словообразовательном уровне**. Она проявляется в создании сложных слов, позволяющих авторам изложить основное содержание статьи в сжатом виде, поскольку вместо сочетания слов или даже целого предложения используется одна лексическая единица. Часто можно обнаружить примеры, образованные путем контаминации – окказионального способа словообразования, заключающегося в наложении слов друг на друга, например:

«*Оборzenie*» *доказательств*» («Черновик», 22.01.2021, № 2). В статье рассказывается о прохождении судебного процесса по расследованию убийства учредителя газеты «Черновик» Хаджимурада Камалова и процедуре «обозрения доказательств». Языковая игра построена на созвучии слов *обозрение* и *оборzenie*. Автор создает созвучный слову *обозрение* окказионализм от жаргонного глагола *оборзеть* «обнаглеть», таким образом, выражая свое отношение к происходящему;

«*Аухнулось*» («Черновик», 30.11.2018, № 47). В статье рассказывается о планах новых лидеров дагестанских чеченцев восстановить Ауховского района. Слово *аухнулось*, выведенное в заголовок, образовано от названия Ауховский район и созвучно слову *аукнулось* (отозваться, явиться следствием). Таким образом, автор считает, что сегодняшние территориальные проблемы чеченцев являются следствием переселения чеченского народа, осуществленного 23 февраля 1944 года;

«*Лизость к телу*» («Черновик», 7.07.2017, № 26). В статье автор поднимает проблему переименования улиц и городских объектов, которая носит конъюнктурно-идеологический характер. Это подчеркивается заголовком статьи «*Лизость к телу*», которое ассоциируется с выражением *близость к телу* и глаголом *лизать*, актуализируя образ местных чиновников-подхалимов, готовых «облизывать» высшее федеральное руководство, увековечивая их имена в местных топонимических наименованиях.

По аналогичной схеме построены следующие заголовки: «*Овцевтиратели*» («Черновик», 27.05.2016, № 20; статья о проблемах, махинациях и хищениях в сфере овцеводства) образовано путем сложение двух основ слов *овца* и *втирать* и аффикса *-тель* по аналогии со словом *очковтиратели*; «*Крымзис*» («Черновик», 26.12.2014, № 21; автор статьи считает, что социально-экономический кризис, рост цен и т. д. являются следствием присоединения

Крыма) – заголовок образован от слова *Крым* путем прибавления части *-зис* слова *кризис*; «Откадастрили?» (статья о встрече министра имущественных отношений Дагестана А. Кагиргаджиева с представителями общественной организации «Город наш»; «Черновик», 27.09.2019, № 37) и др.

Игра с прецедентными текстами – довольно распространенный прием в публицистическом дискурсе. Чаще всего журналисты изменяют первоначальный вид прецедентного текста, расширяя или сужая его состав, а также осуществляя замену одного компонента на другой. Это обусловлено тем, что задачей автора является актуализация смысла, которая достигается включением прецедентов в описываемую ситуацию.

Анализ фактического материала выявил активное использование прецедентных текстов, выражений, имен, основными источниками которых являются литература, песни, фольклор, известные выражения, фразеологизмы, кинофильмы, телепередачи и др. При включении в текст часто наблюдается трансформации прецедента, сохраняющего при этом узнаваемость образа:

«*Айна открывает глаза*» (о политической активности жены муфтия Дагестана Айны Гамзатовой; «Черновик», 22.05.2020, № 20) / источник – роман Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза»;

«*Города печального образа*» («Черновик», 25.10.2019, № 41; о дагестанских городах) – отсылка к роману Сервантеса «Дон Кихот»: *рыцарь печального образа*;

«*Али-Баба и сорок затейников*» (о 40 зарегистрировавшихся кандидатах, претендующих на должность мэра Махачкалы; «Черновик», 18.01.2019, № 2) / восточная сказка «Али-Баба и сорок разбойников»;

«*Пир во время чумы*» (о самопиаре чиновников; «Черновик», 23.06.2017, № 24) / источник – одна из «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина, описывающая разгулье и веселье на фоне общего бедствия;

«*Без воды виноватые*» (о проблемах с водоснабжением дачных участков; «Черновик», 18.12.2020, № 50) / источник – пьеса А. Островского «Без вины виноватые»;

«*Девять кругов Махачкалы*» (о публичных слушаниях по внесению изменений в правила землепользования и застройки города; «Черновик», 23.08.2019, № 32) – отсылка к «Божественной комедии» Данте: *девять кругов ада*;

«*Каков коп, таков и...*» (о главе РД В. Васильеве; «Черновик», 2.04.2020, № 13) / источник – русская пословица *каков поп, таков и приход*, в которой происходит замена компонентов (*поп* на *коп*) и усечение второй части, что подстраивает прецедент под содержание статьи, сохраняя общий посыл: *каков начальник, таковы и подчиненные*;

Известное выражение *разделяй и властвуй* оказалось довольно популярным и встречается в различных вариациях: «*Раскатай и властвуй*» («Черновик», 27.07.2018, № 29), «*Нарушай и властвуй*» («Черновик», 29.04.2016,

222 | № 16), «Разделяй и БЕЗвластвуй» («Черновик», 27.09.2013, № 37), «Обнуляй и властвуй» («Черновик», 31.08.2017, № 34), «Распределяй и здравствуй» («Черновик», 5.04.2019, № 13);

«Вдруг, как в сказке, скрипнула дверь... Все Мусаеву стало ясно теперь...» (об аресте мера М.Мусаева; «Черновик», 26.01.2018, № 3) / источник – песня из комедии Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», где во второй строчке личное местоимение мне заменено на фамилию чиновника;

«Чтобы конь не валялся» (статья о начале работы федерации конного спорта в Дагестане; «Черновик», 2.07.2020, № 5) / источник – фразеологизм конь не валялся, значение которого «ничего не сделано, работа не начата» дезактуализируется и проявляется буквальное значение выражения;

«Скандалы, интриги, оскорбления...» (статья о конфликте Хабиба Нурмагомедов и Конора МакГрегора; «Черновик», 25.10.2019, № 41) / источник – девиз «Скандалы, интриги, расследования» телепрограммы «Максимум»;

«Заработались братья» (статья об убийстве силовиками братьев Гасангусейновых; «Черновик», 11.08.2017, № 31) / источник – ставшее крылатым выражение «Работайте, братья!», произнесенное лейтенантом полиции Магомедом Нурбагандовым перед тем, как он был расстрелян боевиками, которое стало своего рода лозунгом борьбы с террористами и преступниками. Трансформация прецедента актуализирует иной смысл: усиление такой работы привело к жертвам со стороны мирного населения;

«Баба ЕГЭ и последствия» (статья о наступлении поры сдачи ЕГЭ; «Черновик», 1.08.2014, № 30) / источник – прецедентное имя Баба Яга – персонаж русских сказок, уродливая злая бабка, наделенная магической силой. Вторая часть имени заменяется аббревиатурой ЕГЭ и создается ассоциация с отрицательным образом, пугающим и детей, и родителей;

«Не борьбой единой» (статья о том, как дагестанское тхэквондо становится лучшим в России; «Черновик», 11.10.2019, № 39), «Не Хабибом единым» (о турнире по вольной борьбе; «Черновик», 19.10.2018, № 41) / источник – фразеологизм ни хлебом единым, который актуализирует значение важности не только материальных, но и духовных ценностей; в приведенных примерах компонент «хлеб» заменяется другими компонентами, значимыми для данного контекста.

Использование графических гибридов, под которыми понимается окказиональное образование нового слова путем совмещения иноязычного слова в оригинальной графике и русского слова, написанного буквами русского алфавита:

PRO Амирова («Черновик», 14.02.2014, № 6) – статья посвящена аресту мэра города Махачкалы и расследованию соответствующими органами его преступлений, к числу которых отнесли и организацию террористического акта, для проведения которого он якобы приобрел зенитно-ракетный комплекс.

Именно по этой причине журналист использует транслитерацию русской аббревиатуры *ПРО*, обозначающей мероприятия для защиты чего-либо от ракет. С арестом мэра удалось предотвратить теракт, который планировалось организовать. Языковая игра строится в данном заголовке на обыгрывании аббревиатуры в латинской графике, совпадающей по произношению с приставкой *про-*: автор хочет актуализировать информацию о том, что речь пойдет о бывшем градоначальнике и предотвращении теракта, который он планировал осуществить, приобретя ракетную установку, хотя сам факт его причастности отрицается многочисленными адвокатами.

Использование кавычек. Среди примеров использования кавычек в качестве средств создания игрового заголовка проанализируем названия следующих статей: «*Долгожителей в отставку*» («Черновик», 24.01.2020, № 3); «*Резиновая квартира*» («Черновик», 07.02.2020, № 5).

В статье под заголовком «Долгожителей в отставку» речь идет о трех руководителях: о главе УФК по РД Сайгидгусейне Магомедове, о главе дагестанского управления Роспотребнадзора Элеонаре Омариевой, а также о председателе Арбитражного суда республики Абумуслиме Алиеве. На руководящих постах они проработали соответственно 23 года, 15 и 11 лет. Поэтому журналист называет их «долгожителями». Данное слово, имеет следующее значение: *человек, отличающийся долголетием*. В данном контексте слово употреблено в переносном значении: долгожителем журналист называет руководителей, долгое время занимающих определенную должность. Такое значение появляется у слова «долгожитель» в контексте, поэтому автор заключает его в кавычки, что свидетельствует об ином значении данного слова. На наш взгляд, его использование в заголовке не связано с оценкой автора, а является средством более экономного в плане использования языковых единиц обозначения лица, долго проработавшего на своем посту.

Статья под названием «*Резиновая квартира*» посвящена проблеме переселения людей из аварийного жилья, в результате решения которой в мэрии Махачкалы семье с шестью детьми предоставили четырехкомнатную квартиру. В итоге оказалось, что семья может занимать лишь одну комнату, так как в трех других уже живут переселенные семьи.

Прилагательное *резиновый* в русском языке не сочетается с существительным *квартира*, поскольку имеет прямое значение «сделанный из резины» и переносное значение «допускающий неоднозначное толкование». Ни одно из указанных значений слова «резиновый» в данном контексте не реализуется, поэтому оно берется в кавычки. Мы полагаем, что на употребление данной единицы в значении «способный вместить большое количество кого-либо или чего-либо» повлиял имеющийся в русском языке устойчивый оборот не резиновый, то есть не безразмерный.

224 | Таким образом, язык независимой дагестанской оппозиционной газеты «Черновик» демонстрирует стремление журналистов к экспрессивности, оценочности, поиску оригинальных номинаций. С этой целью авторы статей нередко нарушают языковые нормы, в том числе нормы русской графики и орфографии.

Литература

1. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. гос. пед.ун-т, 1996.
2. Земская Е. А. Игровое словообразование // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина, М., 2007. С. 186–193.
3. Зюзина Е. А. Искажение орфографии слова как стилистический прием (на материале прессы) // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 463–465.
4. Ильясова С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. Москва: Флинта, 2009.
5. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Златоуст, 1999.
6. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. Москва: Языки русской культуры, 1999.
7. Торопкина В. А. Поликодовость и гибридность современного медийного словотворчества // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 248–255.
8. Янко-Триницкая Н. А. Междусловное наложение // Развитие современного русского языка. М, 1972.

Marina A. Gasanova

Elena A. Zyuzina

LANGUAGE GAME AS A METHOD OF CREATING CONNOTATIVE MEANINGS (BASED ON THE MATERIAL OF INDEPENDENT DAGESTANI MEDIA)

Abstract. The article examines different methods of language play in modern regional media (based on the material of the Dagestan independent opposition newspaper «Chernovik»). The analysis of the most relevant methods of playing the language units of different levels of the Russian language for the Dagestani journalistic discourse is carried out, and the main techniques of the language game and the means of its creation are identified.

Keywords: Russian language, language game, regional media, language game techniques, evaluativeness, expressiveness, connotative meanings.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМАНТИКИ СЛОВА ЖУЛИК В ПРАКТИКЕ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье обоснована необходимость применения комплекса методов исследования семантики слова при проведении судебного лингвистического исследования материалов социальной сети «ВКонтакте». С помощью данного алгоритма было выделено более точное контекстуальное значение лексемы *жулик*.

Ключевые слова: лексикография, лексикографическое значение, метод обобщения словарных дефиниций, семантика, интернет-лингвистика, социальная сеть.

Существующая практика судебных заседаний и решений убедительно показывает, что все чаще доказательная база для суда выстраивается состязательностью сторон при помощи специалистов или лингвистов-экспертов. И зачастую складывается ситуация, когда, анализируя один и тот же материал, эксперты приходят к разным выводам.

Выделим несколько причин этого:

1. Внешние (процедурные). Специалистам задают разные вопросы, акцентируя таким образом разные аспекты анализа материала.
2. Внутренние (специфика материала и методы его интерпретации). Существует множественность интерпретаций вызывает разночтения (актуализация семантики слова в контексте высказывания; поликодовая природа и дискурсивные особенности анализируемого материала; выбор различных методик исследования и проч.).

Особенно остро стоит вопрос анализа материалов, размещенных в социальных сетях.

Изучение языка интернета в целом и соцсетей в частности в настоящее время – актуальная задача лингвистики. Не случайно исследователи Н. А. Ахренова [2], Е. И. Горошко [8; 14; 39]; Л. Ф. Компанцева [15; 16] отмечают развитие целого направления лингвистической науки – интернет-лингвистики: «Интернет-лингвистику мы понимаем как полипарадигмальную дисциплину, исследующую типологические особенности всех уровней

226 | Интернет-коммуникации (*функционально-системного, дискурсивного, когнитивного, социолингвистического и лингвогендерологического*)» [16: 26].

Обращаясь к анализу социальных сетей, лингвисты М. Р. Желтухина и П. В. Павлов определяют «термин «социальная сеть» ... как социальную и технологическую структуру интерактивных единичных и групповых коммуникантов на интернет-платформе, вебсайте или сервисе, в режиме онлайн» и выделяют следующие особенности виртуальной коммуникации, которые в полной мере можно отнести и к социальной сети «ВКонтакте»: «1) глобальность (международность сети и доступ к ней массового пользователя), 2) анонимность коммуникантов, 3) интерактивность, 4) гипертекстуальность, 5) креативность, 6) мозаичность, 7) континуальность, 8) дискретность, 9) системность, 10) техничность, 11) легкость обращения с сетевыми данными, 12) добровольность и желательность контактов, 13) стремление к нетипичному, ненормативному поведению, 14) краткость и жаргонность выражения мыслей, 15) отсутствие сенсорного восприятия коммуниканта, 16) затрудненность эмоционального компонента общения, 17) максимальное стремление к эмоциональному наполнению текста, 18) жанры (интернет-сообщение, интернет-газета и журнал, форум, новостная лента сети, пост, репост, интернет-комментарий и др.)» [13: 90].

Как правило, материал, размещенный в социальной сети «ВКонтакте» имеет поликодовую природу, что затрудняет его адекватную интерпретацию с помощью какого-либо одного метода дешифровки графических и визуальных символов. В таких случаях целесообразнее использовать комплекс методов: дефиниционный анализ, метод обобщения словарных дефиниций [30], контекстуальный анализ [31], метод синонимического перефразирования [25], корпусный анализ, дискурсивный анализ, анализ невербального компонента поликодового текста [17].

Проиллюстрируем судебную практику анализа семантики слова жулик на материале, размещенном на личной странице в социальной сети «ВКонтакте».

Согласно информации, изложенной в решении суда, «ФИО2, будучи помощником депутата ФИО3 ФИО4 от партии «Справедливая Россия» опорочила не только доброе имя истца, но и осквернила символику партии КПРФ вместе с ее идейными лидерами и великой советской историей» [23].

Для анализа двум специалистам был представлен скриншот персональной страницы в социальной сети «ВКОНТАКТЕ», которая представляет собой поликодовый текст, состоящий из печатного текста и дополнительных материалов:

- фрагмент 1 – текст с заголовком «Депутат обманывает избирателей»;
- фрагмент 2 – карикатурный плакат с текстом;
- фрагмент 3 – фото документа с таблицей-перечнем;
- фрагмент 4 – фото кадра из видеоролика.

Приведем фрагмент 1 полностью:

Депутат обманывает избирателей

Посмотрите внимательно этот ролик. Ничто так ярко не раскрывают суть коммунистов, выигравших в 2018 году выборы в Думу городского округа Т... Кадры запечатали «сеанс развешивания лапши» на уши избирателей коммунистом Т... Чтобы оправдать собственное безделье Т... и Команда не нашли ничего лучше, чем присвоить себе достижения совсем других политических сил. Поясняю – все лифты, которые монтируются сейчас в городе, финансируются за счет 100 млн рублей, выделенных ... благодаря поправке в областной бюджет, которую внес лидер регионального отделения партии «Справедливая Россия» М....

Жулик Т... обманывает избирателей, приписывая эту заслугу себе. Бесовестно врет, что не он «примазался» к М..., а наоборот.

Специально для избирателей неуважаемого господина Т... публикую документ, который расставляет все на свои места: Т... – жулик, М... – молодец.

Еще публикую полный список домов, которые получают новые лифты благодаря «Справедливой России». Вероятно, по этим адресам скоро пройдут пиар-гастроли Паши Т... .

В решении суда слово жулик толкуется по материалам одного из специалистов так (с сохранением орфографии и пунктуации оригинала документа): «Суд признает, что значение слова «жулик» определяется толковыми словарями русского языка следующим образом: «Вор, мелкий мошенник» [О., Ш. Толковый словарь русского языка. 1995. С. 191], «Вор, занимающийся мелкими кражами; разг. Тот, кто жульничает, плут» [Словарь русского языка. М., 1981 – 1984 (под ред. Е., так наз. малый академический словарь)], «(разг.). 1. Вор, занимающийся мелкими кражами. 2. Плутватый человек, склонный к мошенническим проделкам, к обману. 3. Человек, совершивший безобидное плутовство, хитрость, плутишка (фам., с лаской)» [Толковый словарь русского языка (под ред. У.)]. Все словари определяют слово «жулик» через слово «вор» (а вор – «преступник, занимающийся кражами» [О., Ш. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 93]), часто словари связывают слово «жулик» с мошенничеством. Воровство (кражи) и мошенничество – деятельность, предполагающая нарушение гражданином действующего законодательства, совершение нечестных поступков. Если слово «жулик» следует понимать как «плутоватый человек» то и здесь речь идет об обмане, т.е. совершении нечестных поступков.

Таким образом, данные сведения являются общеизвестными и не нуждаются в доказывании» [23].

И далее: «Разрешая заявленные требования истца, суд приходит к выводу, что несоответствующие действительности сведения о том, что ФИО8 ... порочат его честь и достоинство, т.к. создают о нем впечатление челове-

228 | *ка, который привлекался к уголовной ответственности, т.е. преступника, и подвергают сомнению его репутацию как общественного деятеля» [23].*

Таким образом, для суда очевидно, что жулик в данном конкретном материале – это преступник, уголовник, и это общеизвестный факт. И очевидно, что такова точка зрения одного из специалистов. Но так ли это?

Анализируемый текст в целом содержит политическую сатиру, на что указывает и наличие политической карикатуры (фрагмент 2) в виде афиши (рис. 1), представляющей собой изображение исторического лидера коммунистической партии – Владимира Ильича Ленина – в кепке с клоунским носом-шариком на фоне расходящихся из центра полос с надписью:

«КПРФ Тольятти представляет впервые в городе! Красный цирк. Иллюзионист Т... проведет сеанс развешивания лапши. В программе байки, сказки, легенды и мифы, клоун Ильич».

Рис. 1. Афиша

Текст фрагмента 2 оформлен разным шрифтом: самым крупным выделена надпись по центру «КРАСНЫЙ ЦИРК», более мелким «КПРФ ... представляет впервые в городе!» и «Иллюзионист Т... проведет сеанс развешивания лапши», самым мелким «В программе байки, сказки, легенды и мифы, клоун Ильич».

Таким образом, налицо не только признаки поликодового текста, но и политического дискурса. Под дискурсом мы, вслед за В. Е. Чернявской

понимаем «...тексты в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую – ту, а не иную – упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте» [37: 114].

Сама номинация *Красный цирк* как обозначение деятельности КПРФ усиливает сатирическую направленность текста, содержащую общую негативную оценочность.

Тема **цирка** присутствует и во фрагменте 1: «*Кадры запечатлели «сеанс развешивания лапши» на уши избирателей коммунистом Т...*», «*Вероятно, по этим адресам скоро пройдут пиар-гастроли Паши Т...*».

В тексте сатирическая семантика «политического представления» тесно сближается с семантикой **иллюзии / обмана**, что подтверждается наличием лингвистических маркеров, используемых во фрагментах 1 и 2: «*сеанс развешивания лапши» на уши избирателей, пиар-гастроли, иллюзионист Т..., сеанс развешивания лапши, в программе байки, сказки, легенды и мифы, клоун Ильич.*

В данных фрагментах в контексте всего высказывания актуализированы следующие значения лингвистических маркеров (по данным нескольких словарей):

«СЕАНС, -а; м. [франц. seance]. 1. Исполнение чего-л. в определенный промежуток времени без перерыва. *С. гипноза. С. массажа. С. одновременной игры в шахматы. Сеансы показа моделей. Портрет написан в пять (за пять) сеансов. С. связи (по радио, телевидению).* 2. Один из нескольких (в разное время дня) показов фильма в кинотеатре. *Утренний, дневной с. Удлиненная программа вечернего сеанса. Быть на сеансе в 19 часов»* [5: 1168];

«ВЕШАТЬ ЛАПШУ НА УШИ (кому). Неодобр. Разг. Рассказывать небылицы; обманывать, дезинформировать кого-л. Елистратов 1994, 224; Грачев, Мокиенко 2000, 100; Ф 1, 59; ТС ХХ в., 133.» [5: 487; 19: 352]. Так высказывание «*Кадры запечатлели «сеанс развешивания лапши» на уши избирателей коммунистом Т...*» буквально означает: «На видео запечатлена одна из встреч, на которой коммунист Т... обманывает избирателей»;

«ИЛЛЮЗИОНИСТ, -а; м. Актер цирка и эстрады, исполняющий иллюзионные номера. *Цирковой и. Фокусник-иллюзионист.* <Иллюзионистка, -и; ж. Иллюзионистский, -ая, -ое.

ИЛЛЮЗИОННОЕ ИСКУССТВО. Эстрадно-цирковой жанр, состоящий в показе номеров, основанных на обмане зрения или на умении артиста во время отвлечь от чего-л. внимание зрителей» [5: 388]. Номинация Т... иллюзионист также поддерживает семантику обмана и добавляет к образу значение «актер, умело обманывающий и переключающий внимание избирателей»;

«ПИАР, а, м. То же, что паблик рилейшнз (см.). Судя по ответам, в сознании россиян слово «пиар» имеет в первую очередь негативные ассоциации: «черный пиар» (34%), обман (33%), манипуляции (19%). Лишь у 27% респондентов в числе первых ассоциаций при слове пиарищик всплывает в уме «развитие общественных связей». (АиФ-ПроДеньги 29.07.10). САНгл. рг [пиар], сокр. от public relations ‘паблик рилейшнз’» [38: 216];

«ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ. Многогранная деятельность по формированию благоприятного общественного мнения о фирме, товаре, услуге и т. п., в т.ч. форма рекламной работы с широким привлечением средств массовой информации; пиар (см.). ...медики планируют использовать паблик рилейшнз в качестве рычага влияния на СМИ с целью распространения точной, достоверной и актуальной информации о своих учреждениях. (Изв. 27.09.02)» [38: 207];

«ПИАР-... Первая часть сложных слов. Обозначает отнесенность к пиару (см.). Пиар-активность, пиар-акция, пиар-борьба, пиар-деятельность, пиар-директор, пиар-звезда, пиар-идея, пиар-команда, пиар-консультант, пиар-контора, пиар-конфликт, пиар-машина, пиар-менеджер, пиар-мероприятие, пиар-обострение, пиар-отдел, пиар-отход, пиар-поддержка, пиар-приоритеты, пиар-проект, пиар-работа, пиар-раскрутка, пиар-скандал, пиар-служба, пиар-сообщество, пиар-специалист, пиар-стратегия, пиар-структура, пиар-сфера, пиар-технология, пиар-ход, пиар-центр, пиар-эксперимент, пиар-эксперт. На этих выборах, несмотря на грозную арт-, а точнее, пиар-подготовку, реванши тоже не случилось. Попытки доказать, что голоса у коммунистов «увели», увы, успеха не имели» (Изв. 2012.10). € От англ. рг [пиар], сокр. от public relations ‘паблик рилейшнз’» [38: 217];

«ГАСТРОЛИ, -ей; мн. (ед. гастроль, -и; ас.), [нем. Gastrolle]. Выступление, спектакли, даваемые приезжими артистами (артистом). Г. зарубежных артистов. Пригласить на г. На г. приехала труппа столичного театра» [5: 195]; «Гастролер м. перен. разг. неодобр. Тот, кто часто меняет место работы, место жительства и т. п. в поисках легкого заработка» [5: 195; 11].

При помощи сложения основ в контексте всего материала образуется обобщенное сатирическое значение фразы «пиар-гастроли Паши Т...»: многогранная деятельность по формированию благоприятного общественного мнения о деятельности Т..., как представителя КППФ, в т.ч. форма рекламной работы в виде выступлений (= спектаклей), разыгрываемых гастролером, т.е. человеком временным, ищущим легкого результата». Образ гастролера, как и образ клоуна Ильича является сниженным. Словарные пометы разг., неодобр. и перен. в значениях слов также указывают на наличие негативной оценки в тексте.

Фраза «Иллюзионист Т... проведет сеанс развешивания лапши. В программе байки, сказки, легенды и мифы, клоун Ильич» продолжает и усиливает семантику обмана и образ Т...-обманщика, т.к. заявленная «программа

выступления» содержит жанры, в разговорной речи соотносимые с вымыслом, ложью:

«2. БАЙКА, -и; мн. род. -баек, дат. -байкам; ж. Разг. Короткий занимательный рассказ; выдумка, сказка. *Рассказывать байки*» [5: 55];

«1. ЛЕГЕНДА, -ы; ж. Выдумка, вымысел. *Не рассказывайте легенды*» [5: 489];

«МИФ, -а; м. 2. Вымысел, измышление; ложь. *Миф о необыкновенной силе кого-л. Развеешь м. о добродетели кого-л.*» [5: 546];

«СКАЗКА, -и; мн. род. -зок, дат. -зкам; ж. 2. обычно мн.: сказки, -зок. Разг. Выдумка, небылица. *Да что вы мне сказки рассказываете! Не верю я твоим сказкам! Все это детские сказки! Это вранье, бабы сказки! Не дури мне голову всякими сказками!*» [5: 1191].

Семантика обмана активно реализуется и во всем тексте фрагмента 1. «*Депутат обманывает избирателей*», что подтверждается наличием лингвистических маркеров: *присвоить, жулик Т... обманывает, приписывая эту заслугу себе; бессовестно врет; «примазался»:*

«ПРИСВОИТЬ, -свою, -своишь; присвоенный; -воен, -а, -о; св. что. 2. Приписать себе что-л., выдать за свое. *П. чужую идею, мысль. П. чье-л. открытие. П. себе чужое произведение, стихотворение*» [5: 989];

«ПРИПИСЫВАТЬ, Считать (какие-л. свойства, мысли, поступки и т. п.) принадлежащими кому-л., совершенными кем-л. *П. себе чужие мысли, заслуги. П. стихотворение Есенину. П. афоризм Крылову*» [5: 986; 11].

«ОБМАНУТЬ 3. Поступить нечестно; прибегнуть к жульничеству, обману с корыстной целью. *О. покупателя. Обманули, жулики проклятые! Он меня на десятку обманул* (разг.; недодал десять рублей). *Ателье обмануло заказчиков, не выполнив в срок заказы*» [5: 673; 11].

«БЕССОВОЕСТНЫЙ, -ая, -ое; -тен, -тна, -тно. Не имеющий совести; беззастенчивый, нечестный. *Б. обманщик. Какой же ты б.!* || Выражающий беззастенчивость, наглость; исполненный наглости. *Б-ые глаза. Б-ая ложь. Б-ые речи. Предать самым бессовестным образом.* < Бессовестно, нареч. *Б. перевернул все на свете. Поступил б.*» [5: 75]. «Бессовестно 2. предикатив Оценка какой-л. ситуации, чьих-л. действий как характеризующихся отсутствием порядочности, совестливости» [11].

«ВРАТЬ, вру, врешь; врал, -ли, врало; нсв. Разг. 1. (св. соврать, наврать), (что). Говорить неправду; сочинять небылицы; лгать, обманывать. *Не верьте ему, он врет. Врет и не краснеет* (бессовестно обманывает, болтает всякий вздор). *Врет как сивый мерин* (усилит.). * *Ври, да не завирайся* (Погов.). *Ври, да знай же меру* (Грибоедов)» [5: 75; 11].

«ПРИМАЗАТЬСЯ, -мажусь, -мажешься; се. 1. Разг. перен. Неодобр. Стараясь получить выгоду, бесцеремонно примкнуть к кому-, чему-л., что представляется успешным, престижным, или из корыстных целей

232 | проникнуть в какое-л. общество, среду, компанию. *П. к родне. П. к музыкантам. П. к чужой славе. Примазался и никак не отстанет*» [5: 982; 11; 33: 400].

По данным газетного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) значение слова жулик подвергается значительному варьированию в зависимости от контекста, ср.:

=обманщик

«И некоторые журналисты, все чаще забывающие про Закон «О СМИ», ничего не проверяют, пичкают охочих до клубнички читателей враньем: «Ой, нашли среди ученых жуликов, ату их!» [Ученый назвал «Диссернет» «профессиональными скандалистами» // lenta.ru, 2019.11.12]» [21];

«Вслед за Набоковым, говорившим, что у советской литературы может быть только один положительный герой – жулик, Марк подробно обрисовал плута, трикстера, фигуру, которая веками обживала русскую литературу и перебралась в политику, найдя себя в Жириновском [Александр Генис. Азарт. Письма из Лас-Вегаса // Новая газета, 2018.12.07]» [21];

«На всех этих попрошайках, на лидерах сект, на экстрасенсах и прочих жуликах крупными светящимися буквами написано «ОБМАН». Но есть сотни, тысячи людей, которые не обращают на это внимания. Они хотят не услуги. [Арина Холина. Встань на колени и плати // Известия, 2013.10.23]» [21];

=мошенник

«Только прогоняя жулика через публичный позор в виде лишения степени, можно напугать остальных настолько, чтобы те перестали выписывать справки о пожарной проверке и дипломы кандидата наук «за котлету зелени». [Андрей Заякин. Титульный лист и фальшивая степень. Чем еще торгуют пожарные, кроме проверок // Новая газета, 2018.04.04]» [21];

«Сами жулики кропили карты столь искусно, что догадаться о мошенничестве было невозможно: порой карта цеплялась лезвием буквально на полмиллиметра. [Анна Комиссарова. Бандитский Петербург // lenta.ru, 2018.03.31]» [21];

«Сами же россияне в большинстве своем убеждены, что Мавроди – аферист, жулик и шарлатан. [Егор Поляков. Великий кидала // lenta.ru, 2018.03.27]» [21];

=вор

«Ты жулик и лишен сана за пьянство и воровство», – говорит ему иеромонах [В сети появилось видео драки священников из-за ворованных церковных окон // lenta.ru, 2018.01.19]» [21];

«Жулики и воры – это сотни чиновников, находящихся у власти, но при этом каким-то образом имеющие роскошные особняки». [Полонско-го и журналиста Олега Лурье выдвинули в президенты России // lenta.ru, 2017.12.24]» [21];

= преступник

– В «Матросской Тишине», например, условия лучше, к тому же там содержится обычно много «статусных» людей, с которыми работают крупные следователи, и эти следователи не захотят ездить в «новую Москву». А в Бутырке и «статусные», и жулики, и убийцы сидят в одной камере, где нечеловеческие условия [Светлана Башарова. Инвесторы готовы вложить 1 млрд на переезд Бутырки в «новую Москву» // Известия, 2014.01.30]» [21].

Метод обобщения словарных дефиниций [30] позволяет выделить следующие значения слова:

Жулик

1. Вор, мошенник. Прошка был примитивный жулик; он грабил, как грабили на Москве в «допрежние времена». Корол. Прохор и студенты. Мне, бывшему тогда еще гимназистом, жутко становилось при мысли о жуликах, которые, по слухам, скрывались здесь под мостками и выскакивали) грабить редких прохожих, выбрасывая их потом в озеро. Морозов, Пол. моей жизни. [Варвара:] Что ты с ним откровенничаешь? Ты же знаешь, что он шпионит, за нами для матери!.. Не понимаю, почему ты с этим жуликом. М. Горький, Ег. Булычов и др. [3: 685; 22: 196; 28: 123].

2. Разг. Вор, занимающийся мелкими кражами. Вспомнил Никита Федорович, что двое молодцов — сжимали его с обеих сторон, а третий сильно натирал сзади... Так и есть. Улыбнулись часики, достались московским жуликам. Мельников-Печорский, На горах. Жулики украли у меня кошелек [18: 488; 5: 308; 11; 29: 79].

3. Разг. Перен. Тот, кто жульничает; плут. [Куницын:] Через разных жуликов достал два фальшивые паспорта. Писемский, Ваал. Ловко провели меня жулики» [18: 488], [5, с.308], [11]. Нечестный человек, занимающийся обманом в целях получения денег, каких-л, личных выгод и т. п. Все эти слова (МОШЕННИК, ПЛУТ, ЖУЛИК (разг.), ПРОХОДИМЕЦ (разг.), ПРОЙДОХА (разг.) и пройда (прост.), прощелыга (прост.), арап (прост.), жук (прост.)) выражают отрицательную оценку; жулик употр., по отношению к мелкому мошеннику, плуту. [Булычов:] Значит — глупый ты? [Трубач:] Да нет, я не дурак... [Булычев:] Стало быть — жулик? [Трубач:] Да и не жулик... Сами знаете: без обмана — не проживешь. М. Горький, Егор Булычов и другие, акт 2. [28: 555].

4. Бранно. Я негодовал: — Жулик ты!.. Из-за угла кидаешься. Обманом берешь. Гладк. – Пов. о детстве. [3: 685].

5. Жарг. Вор в законе. Это синоним «вора в законе», «авторитета». У нас на зоне их называли «жулики». Огонек, 1991, 17. Слова ЖУЛИК, ЖУЛЬМАН употребляются с начала 1960-х годов на всей территории бывшего СССР. «На централ заехал жулик» [6: 55; 24: 193].

6. Жарг. Карманный вор [29: 79].

7. Жарг. На жаргоне московских «блатных» означает «нож». **Нож не-большого размера.** [34: 24; 29: 79];

«**жулик.** В русск. арг. *жулик* имеет знач. «ученик преступника»; «маленький острый нож» (Крестовский, ИОРЯС 4, 1071). Последнее знач., вероятно, является первичным, потому что *жулить* «резать» связано с болг. жуля «царапаю, тру, обдираю», сербохорв. *жулити* «драть» см. Мi. EW 80, 413; Дифенбах, KSchl. Beitr. 4, 333, где приводится русск. *жуль* «нож» (арго)» [35: 65].

8. Арг. Жарг. Жулик, жульман. В русск. арг. *жулик* имеет знач. «ученик преступника». **Начинающий вор.** = Изобретение орла, впившегося когтями в руки человека, накалывает себе «генерал» – наставник воров-подростков, который сам обычно не ворует, а живет за счет добычи своих учеников – «жульманов». Столица, 1991, 1. [35: 65; 6: 56].

Жулик семикопеечный. Вероятно, презрительно о мелком жулике (в воровской среде, И. Кокорев) | Возможно, связано с ЖУЛИК 9. [10: 188].

9. Маленькая бутылочка со спиртным В. Гиляровский в ироничном рассказе о столетнем московском актере И. А. Григоровском «Он аккуратно приходил ежедневно купаться в бассейне раньше всех; выкупавшись, вынимал из кармана маленького «жулика», вышибал пробку и, вытянув половинку, а то и до дна, закусывал изюминкой» [10: 188].

10. Фамилия, прозвище человека. «Жуланов, Жуленев, Жулев, Жуликов, Жульков. Из отчеств от прозвищ Жулан, Жуль, Жулень, Жулик, Жулько. Все они связаны с глаголом *жулить* – «плутовать, обманывать». Ср. в говорах однокорневые *жуль, жуля* – «мошенник», *жулик* – «воришка, плут». Возможна и связь отдельных прозвищ с диалектным глаголом *жулиться* – «жаться, ежиться, морщиться»» [7: 200].

Стоит отметить, что «Русский семантический словарь» также разводит значения слова в зависимости от контекста:

«Обман, хитрость, ловкачество, беспринципность, льстивость, ханжество, подозрительность...

аферист, выжига, каналья, конъюнктурщик, ловкач, манипулятор, мошенник, махинатор и др.

ЖУЛИК, -а, м. 2. Человек, к-рый обманывает, жульничает, плут. Хитрый ж. и пройдоха. Картежники-жулики обыграли в пух. || прил. *жульнический*, -ая, -ое. || нареч. *жульнически*» [32: 110].

«По отношению к противозаконному действию, к преступлению Воровство, грабеж, насилие, диверсия, казнокрадство, взяточничество и другие нарушения закона ...

Бандит, вор, карманник, мафиози, угонщик, террорист и др.

ЖУЛИК, -а, м. 1. Вор, занимающийся мелкими кражами, а также вообще мошенник. Карманный ж. Мелкий ж.» [32: 152].

В «Русском идеографическом словаре» слова, обозначающие преступников, отнесены к различным концептам: в рубрику «Вражда» включены обидчик, притеснитель, противник; «Клевета» — анонимщик, доносчик, доноситель, клеветник, стукач, фискал, ябеда; «Лень» — туняедец; «Ложь» — врун, лгун, жулик, мошенник, обманщик, плут; «Суд» — преступник [РИС: 993–1015]. Цит. по [36: 156].

Итак, в анализируемом тексте, с учетом его поликодовости и дискурсивных особенностей, реализуется сатирическая направленность и общая негативная оценочность деятельности как КПРФ в целом, так и ее конкретного представителя – Т... Во фрагменте 1 авторская позиция проявляется в полярных оценках-номинациях (по шкале плохо/хорошо): «*Специально для избирателей неуважаемого господина Т... публикую документ, который расставляет все на свои места: Т... – жулик, М... – молодец*».

Номинация *молодец* имеет неконкретную семантику, суть ее в положительной оценке субъекта номинирования (М...):

«МОЛОДЕЦ II м. разг. Употр. при выражении похвалы, одобрения человеку, обладающему какими-л. положительными качествами, делающему что-л. отлично, умело, ловко» [5: 552; 11].

Номинация *жулик* противопоставлена ей – как контекстуальный антоним – как негативная оценка субъекта номинирования (Т...).

Таким образом, в данном контексте, с учетом целостной семантики обмана фрагментов 1 и 2 с их сатирической направленностью, реализуется следующее значение данной номинации:

«ЖУЛИК. Разг. Перен. Тот, кто жульничает; плут. [Куницын:] – *Стало быть, у вас нет билета? А коли нет билета, значит, вы жулик*. Чех. Горд. человек. *Ловко провели меня жулики*» [3: 685; 5: 308; 11; 18: 488], а также «Нечестный человек, занимающийся обманом в целях получения денег, каких-л. личных выгод и т. п. Все эти слова (МОШЕННИК, ПЛУТ, ЖУЛИК (разг.), ПРОХОДИМЕЦ (разг.), ПРОЙДОХА (разг.) и пройда (прост.), прощельга (прост.), арап (прост.), жук (прост.)) выражают отрицательную оценку; жулик употр., по отношению к мелкому мошеннику, плуту» [28: 555].

Фраза «*Жулик Т. обманывает избирателей, приписывая эту заслугу себе. Бессовестно врет, что не он «примазлся» к М..., а наоборот. ...Т. – жулик, М. – молодец*» имеет следующее содержание: «*Жулик (=плут) Т. обманывает (= лжет, вводит в заблуждение) избирателей, приписывая (=считая) эту заслугу себе. Бессовестно (=нагло) врет (= лжет), что не он «примазлся» (= примкнул к чужим заслугам) к М..., а наоборот. ...Т. – жулик (=плохой, потому что лжет), М. – молодец (=хороший)*».

В анализируемом материале, с учетом всех его особенностей, нет оснований для актуализации значения, связанного с преступлениями, за которые предполагается уголовная ответственность. Анализируемая фраза содержит

236 | информацию о том, что депутат Т... лжет избирателям, и это плохо. Таким образом, внимательный анализ убеждает в том, что в тексте отсутствуют и намеки, и лингвистические маркеры, указывающие на «уголовную тематику» – нет признаков арго, жаргонных слов.

Так проведенное исследование подтверждает мысль о том, что при выявлении семантики множественно интерпретируемого, сложного объекта лингвистического исследования – материала социальной сети – требуется комплексный подход к изучению, который реализуется совокупностью различных методов.

Литература

1. Алтухова Т. В. Социальная компьютерная сеть «ВКонтакте»: жанровая характеристика // Вестник КемГУ. 2012. № 4 (52). Т. 3. С 21–25.

2. Ахренова Н. А. Теоретические основы интернет-лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (28). С. 22–26.

3. Большой академический словарь русского языка. Т. 5. М.-СПб.: «Наука», 2006.

4. Баранов А. Н. Русская политическая метафора : материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. М. : Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991. 193 с.

5. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

6. Быков В. Русская феня: Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. München: Verlag Otto Sagner, 1992. 182 с.

7. Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2001. 672 с.

8. Горошко Е. И. Новые тенденции в развитии интернет-лингвистики: общение от клавиатуры (звука) к экрану (звуку)// Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 148–153.

9. Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского арго: 27 000 слов и выражений. М.: Рипол Классик, 2003. 1120 с.

10. Елистратов В. С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь: Около 7000 слов и выражений / В. С. Елистратов. М.: ООО «Издательство АСТ» : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство Русские словари» : ООО «Транзиткнига», 2004. 795 с.

11. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. <http://www.efremova.info/>

12. Желтухина М. Р., Павлов П. В. Социальная сеть «Facebook»¹⁹ как социальная структура и инструмент организации современных коммуни-

¹⁹ Принадлежит организации, признанной экстремистской в Российской Федерации.

13. Желтухина М. Р., Павлов П. В. Социальная сеть «Facebook» в XXI веке: от инструмента коммуникации к инструменту информационной войны // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7 (61): в 3-х ч. Ч. 3. С. 89–93.

14. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / Т. Н. Колокольцева, Е. И. Горошко, Е. Н. Галичкина и др. ; научные редакторы: Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 322 с.

15. Компанцева Л. Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы: монография. Луганск: Знание, 2008. 528 с.

16. Компанцева Л. Ф. От классического языкознания – к интернет-лингвистике// Studia Linguistica. 2010. Выпуск 4. С. 24–31.

17. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 96 с.

18. Малый академический словарь / Ред.: А. П. Евгеньева, Т. 1. М., 1985; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Русский язык, 1981–1984.

19. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.

20. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб.: «Норинт», 2003. 608 с.

21. Национальный корпус русского языка. Режим доступа <http://www.ruscorgora.ru>.

22. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

23. Решение суда по делу № 2-10030/2019 ~ М0-9057/2019 https://avtozavodsky--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=165820073&_uid=ca4967df-babe-4a87-a0d3-ae4a5d9b402f&_deloId=1540005&_caseType=&_new=0&_doc=1&srv_num=2

24. Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира. (Серия «Библиотека профессиональных словарей») / Предисловие Владимир Станиславович Елистратов. Рецензия Анатолий Леонтьевич Жогло. Автор и составитель Заур Магомедович Зугумов. М.: Книжный мир, 2015. 728 с.

25. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе : Методическое пособие / А. М. Плотникова, В. О. Кузнецов, И. И. Саженин и [др.] ; Под ред. профессора С. А. Смирновой ; М-во юстиции Рос. Федерация

238 | ции, Федер. бюджет. учреждение Рос. федер. центр судеб. экспертизы. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.

26. Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального Интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий): дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2014.

27. Сидорова И. Г. Способы позиционирования Интернет-личности в социальной сети // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2013.

28. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 1. / ИЛИ РАН; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство «АСТ», 2003.

29. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. М.: Края Москвы, 1992, 526 с.

30. Стернин И. А., Рудакова А. В. Словарные дефиниции и семантический анализ. Воронеж: «Истоки», 2017. 34 с.

31. Стернин И. А., Саломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: «Истоки», 2017. 150 с.

32. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». 1175 с.

33. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3: П-Р / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. 864 с.

34. Трахтенберг В. Ф. Блатная музыка: Жаргон тюрьмы / под ред., и с предисл. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.: тип. А.Г. Розена, 1908. 116 с. Репринт: München, 1978.

35. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е-Муж) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. 672 с.

36. Фролова О. Е. О метафоре в лексико-семантической группе «Преступник» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 4 (157). С. 154–167.

37. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ЛЕНАНД, 2014. 200 с.

38. Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов. М.: АСТ: Астрель, 2011. 413 с.

39. Goroshko O. I. Internet linguistics: from metaphor to discipline?// <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=273> (дата обращения – 02.10.2021).

THE MULTIPLE INTERPRETATIONS OF THE SEMANTICS THE WORD “ZHULIK” (“CROOK”) IN THE CURRENT PRAXIS OF THE FORENSIC EXAMINATIONS

Abstract. The practice of judicial linguistic research of social media materials (using the example of the social network “VKontakte”) is shown in proposed article. The necessity of using a complex of methods for studying the semantics of the word in the practice of forensic expert activity is substantiated. The author concludes that as a result of a comprehensive study, it is possible to identify a more accurate contextual meaning of certain tokens (lexemes), in particular, the token zhulik (“crook”, “rogue”), which is common in the practice of forensic examinations.

Keywords: lexicography, dictionary meaning, lexicographical meaning, methodology of generalized description of lexicographical meanings, semantics, internet-linguistics, social network.

ИСТОРИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ ТАТУИРОВОК В РОССИИ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЗНАНИЯ ДЛЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются история русской криминальной татуировки, ее криптолалическое значение для непосвященных и необходимость знания для правоохранителей. Особое место она занимает при проведении судебной лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: татуировка, вор в законе, опознавательная функция, автороведческая экспертиза, проблема.

Общемировая практика изучения уголовных тату свидетельствует, что из трех видов татуировок: изображений (рисунков), высказываний и аббревиатур наиболее древними следует считать изображения, затем слова (выражения-афоризмы) и в последнюю очередь – аббревиатуры. В России же появление криминальных татуировок следует считать несколько иначе: известно, что они ранее обозначали собственные имена владельцев тату, любимых женщин, дату рождения, а потом уже и примитивные картинки, например, в виде целующихся голубков.

Одним из первых, кто зафиксировал появление татуировок у преступников в России, был киевский криминальный журналист Г. Н. Брейтман. «Человеческие силы, к которым теряется уважение, – писал он в 1901 г., – тратятся на пустяки, не стоящие стольких трудов, стараний и времени. Целые картины можно увидеть на груди и спине арестанта: корабли, флаги, огромные якоря, гербы, имена, фамилии, пословицы молитвы и т. д.». К сожалению, журналист не дает характеристику татуировок.

Казалось, должно быть хотя бы упоминание о татуировках в рукописи П. П. Ильина «Исследование жаргона преступников» (1912 г.). Однако блестящее описание преступного мира автором рукописи не содержало даже упоминаний о татуировках, тогда как многие элементы субкультуры криминального мира описаны достаточно подробно: арг, пословицы и поговорки, правила профессиональных преступников, уголовные песни и проч. Тогда как

данный исследователь, отбывающий наказание в Иркутской Александровской каторжной тюрьме и хорошо знавший быт, описавший в своем исследовании основной уголовный мир Сибири, не мог пройти мимо такого важного атрибута тюремной субкультуры как татуировка [4]. В этом случае, как и в предыдущем исследовании Г. Брейтмана, мы видим доказательство отсутствия татуировок в преступном мире или их бессистемность в начале XX в.

До сих пор татуировки криминальных элементов оставались вне поля зрения лингвистов. Имеются лишь немногочисленные высказывания о важности и актуальности их исследования. Они были объектом изучения криминалистов, литераторов, психологов, хотя и у них изучение шло, в основном, на описательном уровне.

Казалось бы, татуировки, должны быть изучены еще Д. С. Лихачевым, но почему-то ученый не стал их разбирать в своей знаменитой статье «Черты первобытного примитивизма воровской речи» (1935 г.) [6]. А ведь материал напрашивался на исследование! Тату явно вписались бы по тематике в его статью «Черты первобытного примитивизма воровской речи», однако ученым о них сказано очень мало, хотя в статье исследователем перечислены (точно так же как и его предшественниками Г. Брейтманом и П. Ильиным) многие элементы субкультуры: арг, тайные языки, песни, клички. Он сам отбывал наказание в местах лишения свободы с 1928 до 1932 гг. на строительстве Беломорканала. Можно лишь предположить, что в то время воровские тату еще не сложились как система. Единственное, что им было сказано о другом виде субкультуре – кличке, – это ее обязательное нанесение в виде татуировки на теле [6: 84].

По ряду причин русское языкознание до сих пор не обращало внимание на татуировки: трудность в собирании материала, «закрытость» данной темы для исследования, отношение к ним как к «недостойному» предмету изучения и др.

В чем представляется интерес изучения татуировки для лингвиста? Некоторые языковеды считают, что «воровские татуировки представляют собой своеобразную графическую систему», которая называется «пиктографически-идеографической» [9: 84]. Татуировки – часть русского языка – должны быть изучены, иначе знание русского языка будет неполным без них. Их исследование может дать дополнительные сведения для изучения письма в целом. Восстановление истории татуировок поможет определить многие аспекты мировоззрения уголовников. Например, отношение криминального мира к религии. Известно, что религиозная тематика занимает одно из центральных мест среди татуировок.

Время появления русских криминальных татуировок следует разделить на пять этапов: I этап – клеймение: начальный этап – спорный во времени, конечный – 1863 г. – отмена Александром III государственного нанесения

242 | знаков-клейма на теле осужденного, II этап – появление примитивных татуировок (с начала XX в. до 20-х г. XX в., III этап – жесткая татуировочная иерархия (конец 20-х г. XX в. – 70-е г. XX в.), IV этап – распад криминальной системы татуировок в связи с постепенным исчезновением воровской идеи (конец 1970-х – 2000-х г.), V этап – смешение криминальных тату с гражданскими (с 70-х г. XX в. по настоящее время).

В полном объеме русская криминальная татуировка появилась в 30-х годах XX в., когда возникла элита уголовного криминалитета – воры в законе. Изначально признаком *вора в законе* были крест с распятым Иисусом Христом и с ангелом(ами), выколотыми на груди. Другая распространенная религиозная татуировка – количество куполов на храме – обозначало число судимостей в ИУ.

Ряд исследователей татуировок русских деклассированных элементов относит их появление к рубежу XVII–XVIII вв., хотя конкретных доказательств не представляет. Заслуживает внимания лишь одна ссылка на произведение А. С. Пушкина «Капитанская дочка», см. отрывок из его повести «Капитанская дочка»: «А в бане показывал (Пугачев – М.Г.) царские свои *знаки* на грудях: на одной двуглавый орел, величиной с пятак, а на другой персана его». Это может косвенно подтверждать, что россияне уже в XVIII в. имели понятие о татуировках, хотя сотрудниками правоохранительных органов того времени они не фиксировались и не исследовались. Что касается «царских знаков» Е. И. Пугачева, то они не являлись татуировками, а были дефектами кожи «народного вождя». Ничего не говорится о татуировках деклассированных элементов в художественных произведениях конца XVIII – нач. XIX вв. Во всяком случае, при описании знаменитого преступника Ваньки Каина (Ивана Осипова) и его шайки сведения о татуировках отсутствуют.

Нет упоминаний о татуировках в произведениях середины XIX в.: см. художественное произведение Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого Дома» (1861), научно-публицистическое исследование С. В. Максимова «Несчастные» (1872).

В русском (древнерусском) фольклоре мы не найдем упоминаний о татуировках: ни в сказках, ни в былинах, ни в сказаниях ни в песнях, ни в пословицах и поговорках. То есть это может быть показателем того, что на Руси татуировка (или понятие о ней) в древние времена отсутствовала.

Криминалисты отмечали тот факт, что профессиональные уголовники конца XIX-нач.XX вв. в большинстве своем избегали татуироваться, чтобы не создать лишнюю улику [8: 12]. И – парадокс – татуировки у русских преступников появились в то время, когда исчезло клеймение.

Чувства «бравяды и хвастовства» (термин Д. С. Лихачева), которые были присущи всем профессиональным преступникам, перевесили их фактор конспирации. В 20-х и начале 30-х гг XX в. в революционных массах они

воспринимались социально близкими слоями общества для пролетариата. То есть официальная власть считала профессиональных уголовников лицами, которые поддаются перевоспитанию, в отличие от представителей антагонистических классов – дворян и буржуазии.

Изучение криминальных татуировок в России началось в середине 20-х годов XX в.

Русские татуировки деклассированных элементов прошли путь от пиктографического до идеографического письма [9: 58], т. е. до своеобразных высказываний и аббревиатур. Заметим, что объем материала, куда наносятся татуировки, ограничен, – человеческое тело. Известно, что изначально татуировки в России были присущи только деклассированным элементам и морякам [5: 146]. Хотя здесь требуется некоторое уточнение: именно моряки принесли моду на татуировки. У бойцов Красной Армии татуировки отсутствовали. Любопытно, что среди солдат итальянской армии в XIX в. было 45% татуированных, – на этот факт указывает Ч. Ломброзо, – тогда как среди преступников – всего лишь 7% [7: 68]. Следует отметить, что современные российские солдаты, воспринимая романтику профессиональных преступников, нередко наносят воровские татуировки, особенно это характерно для строительных войск (стройбата), где имеется много армейцев с уголовным прошлым. Из специфических солдатских татуировок можно отметить рисунки, изображающие парашют (знак принадлежности к воздушно-десантным войскам), группу крови, резус-фактор, из аббревиатур – ЗГВ – «Западная группа войск» (до 1991 г.) и др.

Криминалисты вначале использовали знание о татуировках, в основном, для идентификации и опознания. В первые же годы Советской власти была даже введена обязательная регистрация татуировок криминогенного контингента [8: 24].

В начале XX века татуировки получили распространение на острове Сахалин – месте ссылки различных уголовников-рецидивистов. Вероятно, под сильным воздействием местных народов: японцев, алеутов, коряков и проч.; они начали наносить на тело свои специфические изображения, связанные с уголовными законами и исправительными учреждениями.

Тюремный рисунок содержал скрытый смысл и указывал на конкретную преступную «специализацию» его хозяина. Это помогало ему быстрее устанавливать контакты с уголовником своей «масти». Формирование натальной символики в криминальной России длилось почти полвека, и к 50-м годам XX века преступный мир уже имел свою систему татуажа. Тогда же «узаконилось» право на ношение конкретной татуировки согласно неофициальному статусу в пенитенциарной системе. Татуировки могли расшифровывать так называемые *блатари*, жившие по *воровским законам*. Кожа тела уголовника превратилась в его личное дело, доступное далеко не каждому. Неспособность

244 | доказать достоверность символики, правдивость нательной информации способствовала наказанию ее носителя. За «имитацию» лагерного *авторитета* следовала смерть. Профессиональные преступники защищали свои рисунки от подделок, придумывая новые символы, неприметные, но обязательные детали татуировок. При всем том лагерная «живопись» не была явлением устоявшимся и прекратившим свое развитие.

Как считает юрист А. И. Гуров, «татуировки не играют той коммуникативной роли, которая отводилась им до начала 70-х годов» [3: 67]. Это утверждение нуждается в расшифровке. Действительно, татуировки-изображения с 30-х по 70-е годы XX в. были достаточно устойчивыми (позднее их семантика начинает размываться). Это было связано, прежде всего, с сильными позициями элиты преступного мира – *воров в законе*, когда за татуировку, не соответствующую действительности, ее обладатель мог поплатиться даже жизнью. В 70-е годы, когда начинается размывание «воровской идеи», ряд татуировок теряет свой первоначальный смысл, особенно это касается татуировок-рисунков.

В современных татуировках по их соответствию действительности можно выделить ряд устойчивых групп:

1. Татуировки, свидетельствующие об отбывании наказания в ИУ: например, *четыре точки, напоминающие квадрат, внутри них еще одна точка; колючая проволока*.
2. Татуировки наркоманов: паук в паутине – «наркоман», изображение джина, курящего гальян – «курильщик гашиша».
3. Татуировки, которые наносятся насильно: *синяк под глазом, точки около губ, корона вора в законе, выколота на спине*, – все они обозначают *опущенных* – низшую касту криминального мира.
4. Татуировки-аббревиатуры: ТОН – «тайное общество наркоманов», ТОНЯ – «тайное общество наркоманов; я – его член» [2: 93].
5. Татуировки-высказывания, см. примеры: «*Уйду бродягою и воров*», «*Сила выше права*».

Как утверждал криминалист Л. Мильяненко, в 90-е годы XX в. особое внимание правоохранители обращали на лиц, имеющих следующие татуированные изображения: *черепа, корона* – символы стремящихся к власти в криминальном мире; *тигр* или *другой хищник* – ярость, непримиримость; *кинжал, нож, меч, топор* – месть, угроза, твердость, жестокость; *ключ* – сохранение тайны; *палач* – чти закон воров; именно носители этих рисунков были наиболее агрессивны и способны на кровавый поступок [8: 64].

В ранних татуировках отсутствуют политические мотивы (*воры в законе* не должны были иметь никаких контактов с официальной властью: не выступать свидетелем на суде, не выполнять общественной работы, служить в армии и проч.). При размывании же «воровской идеи» в 70-х годах XX в.

в криминальных татуировках появляются политические мотивы. Особенно много политических татуировок возникло в конце 80-нач. 90-х гг. XX в. Чаще всего это рисунки с изображением К. Маркса, В. И. Ленина, Ф. Э. Дзержинского, И. В. Сталина, Л. И. Брежнева в виде чертей или вампиров; татуировки, изображающие географическую карту СССР, опоясанную по границе колючей проволокой или черепа на ней. Примеры из политических высказываний-татуировок (чаще всего наносились на ногах): *КПСС приведет всех в могилу; они тащат меня под конвоем в рабство – ГУЛАГ МВД СССР; они устали от долгого пути в светлое будущее – коммунизм; ВКП(б) – всероссийское крепостное право большевиков*. Несомненно, такие татуировки стали возможны лишь во время «перестройки» и «гласности» (80-е годы XX в.). Именно тогда профессиональные уголовники, почувствовав себя «борцами» против существующего режима, стали наносить себе подобные рисунки и высказывания.

Различия в оттенках арестантского мировоззрения можно обнаружить при изучении татуировок на плечах их обитателей. Некоторые уголовники, подчеркивая свою приверженность к идее монархии, наносят на эпюлеты изображения двуглавого орла или вензеля последнего российского императора. Впрочем, после того как двуглавый орел снова стал государственным гербом России, популярность подобных татуировок резко сократилась. Заметим, что их даже стали удалять авторитетные преступники.

Уголовники наносят татуировки в зависимости от их назначения на различные участки тела. Например, те татуировки, которые наносятся насильно, располагаются на ягодицах, спине, лице и пальцах (например, татуировка под названием «*подлое кольцо*»). Их владельцами обычно являются осужденные, принадлежащие к низшим кастам. На видных местах накалывают татуировки наркоманы, чтобы опознать себе подобных, а также *воры в законе*. В арсенале преступного мира есть татуировки, которые наносились под мышкой, – например, изображение свастики со значением «ненавижу Советскую власть» (была популярной в 70-х гг. XX в.).

В 70–80-е годы XX в. большое распространение среди осужденных получили татуировки-высказывания.

Аббревиатуры-татуировки – эта «письменная» разновидность аргос – получили свое широкое распространение в 60–90-х годах XX в. Преимущественно их наносят на тело мужчины, хотя имеются и женские тату. Если для части мужских аббревиатур-татуировок характерна агрессия, то в женских она почти отсутствует. Женские татуировки обозначают, в основном, любовь, причем как к мужчине, так и к женщине (лесбийскую), см. звуковые примеры аббревиатур: *ЛИМОН* – «любить и мучиться одной надоело», *ТОМСК* – «ты один моего сердца коснулся».

246 | В настоящее время наблюдается переход криминальных татуировок в законопослушную часть общества.

Литература

1. Брейтман Г. Н. Преступный мир: очерки из быта проф. преступников / Г. Н. Брейтман. Киев : Нип. Губ. правл., 1901. 302 с.
2. Грачев М. А. Жаргон и татуировки наркоманов: Краткий словарь-справочник. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1996.
3. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990.
4. Ильин П. П. Исследование жаргона преступников». Иркутск, Александровская тюрьма, 1912.
5. Кучинский А. В. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Паханы, авторитеты, воры в законе: Энциклопедия. Донецк: Сталкер, 1997.
6. Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи: Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители Д. С. Балдаев, В. Н. Белко, И. М. Юсупов. М.: Края Москвы, 1992. С. 47–94.
7. Ломброзо Ч. Преступный человек: [пер. с ит.]. М.: Эксмо ; МИДГАРД, 2005.
8. Мильяненко Л. А. «По ту сторону закона». С-Пб: «Дамы – господа», 1992.
9. Шарандина Н. Н. Арготическая лексика в функциональном аспекте. Дис. ... канд. филол. наук Тамбов, 2003.

Mikhail A. Grachev

THE HISTORY OF CRIMINAL TATTOOS IN RUSSIA AS IMPORTANT KNOWLEDGE FOR FORENSIC LINGUISTS

Abstract. The article examines the history of the Russian criminal tattoo, its cryptolalic significance for the uninitiated and the need for knowledge for law enforcement. It occupies a special place when conducting forensic linguistic expertise.

Keywords: tattoo, thief in law, identification function, auto-expert examination, problem.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ А. ПЛАТОНОВА)

Аннотация. Данная лингвистическая экспертиза прозы А. Платонова представляет собой научную расшифровку-интерпретацию платоновского текста, в ходе которой мы используем методические инструменты и подходы, предопределяемые авторским идиостилем, главенствованием в повествовании имплицативности, многих коннотаций и форм иносказательности. В центре рассмотрения – контаминация как один из авторских действенных стилистических приемов.

Ключевые слова: идиостиль Андрея Платонова, контаминация, средства фразеологии, имплицативность, иносказательность, контаминационная игра, амбивалентность, коннотация, интерпретация, стилистический прием.

Андрей Платонов сознательно использует **контаминацию** как стилистический прием, который позволяет ему объединять в речевом потоке языковые единицы на базе их функциональной или семантической близости. Контаминационное смешение семантически близких слов в рамках устойчивых словосочетаний приводит у Платонова к изменению лексической сочетаемости и валентности этих слов и знаменуется сдвигом в их значении, приводит к установлению семантической и референциальной амбивалентности [б: 312] между буквальным и фигуральным уровнями их значения. При помощи таких семантических трансформаций получаются новые, возникшие вопреки языковым нормам окказиональные образования, ведущие к появлению новых коннотаций. Для Платонова контаминация является намеренным отступлением от нормы, одним из главных источников формирования новых элементов его индивидуального стиля, который основывается на радикальном разрушении многих языковых и логических стереотипов и дает писателю дополнительный материал для усиления экспрессивного наполнения его текстов.

Контаминация наблюдается у Платонова обычно в сфере фразеологии. При этом сознательная подмена компонентов фразеологических сочетаний членами соответствующих паронимических рядов позволяет Платонову

248 | прибегать к игре слов, к намеренному смещению логических акцентов. Контаминационная замена компонентов фразеологизмов, представленных конкретными нарицательными существительными, на абстрактные существительные с отвлеченным значением также используется Платоновым для расширительной смысловой трактовки нормативных фразеологизмов и имеет результатом образование окказиональных фразеологизмов с расширенной коннотативно-экспрессивной насыщенностью, что обеспечивает писателю большую свободу действий при создании широких философских обобщений.

В одних случаях подобное сознательное нарушение писателем языковой нормы ведет к актуализации как буквальных значений, так и внутренних форм компонентов, входящих в состав нормативных фразеологизмов, суммирование которых дает совершенно новое прочтение данных словосочетаний. В других случаях окказиональные образования строятся на контаминационном смещении фразеологизмов, при котором наблюдается семантическое стяжение их смыслов. Помимо образования новых, окказиональных значений, получившихся в результате подобного соединения, возникает широкое ассоциирование с отдельными значениями первоначальных фразеологизмов, происходит сталкивание смыслов, каждый из которых настойчиво «выпирает» из вновь образованных окказиональных словосочетаний. При этом возможно появление и неких скрытых смыслов внутри данных новообразований, построенное на полисемии вводимых в них слов.

В следующем примере из текста повести Андрея Платонова «Котлован» [4] контаминационная подмена в исходном сочетании именного компонента, несущего основную смысловую нагрузку, не только нарушает относительное тождество этого фразеологического сочетания, но и приводит к возникновению неконвенциональной лексико-грамматической разновидности глагольно-именного словосочетания с еще меньшей степенью семантической слитности компонентов. Для ясности контекста мы включаем в цитирование фрагмент текста, предшествующий анализируемой платоновской контаминационной конструкции: *Он долго наблюдал, как систематически уплывал плот по снежной текущей реке... и ему делалось скучно, печально в груди. Ведь слой грустных уродов не нужен социализму, и его вскоре также ликвидируют в далекую тишину. Кулачество глядело с плота в одну сторону – на Жачева; люди хотели навсегда заметить свою родину и последнего, счастливого человека на ней. Вот уже кулацкий речной эшелон начал заходить на повороте за береговой кустарник, и Жачев начал терять видимость классового врага* (жирный курсив наш – В. Б.) [4: 80].

Употребляемое здесь окказиональное словосочетание *терять видимость* образовано в результате контаминационной замены отвлеченным существительным *видимость* предложно-падежной формы именного компонента устойчивого фразеологического сочетания *терять из вида* [варианты: *те-*

рять из виду / из виду] [7: 239]. В исходном сочетании значение компонента **терять** сформировано при доминации словоформы **из вида**, номинативно опорной для этой конструкции, которая может рассматриваться как фразеологическое сочетание с аналитической, расчлененной номинативной функцией и таким же характером значения [1. *кого, что*. Переставать видеть. 2. *кого*. Переставать встречаться, поддерживать знакомство с кем-либо, не иметь никаких сведений о ком-либо. 3. *что*. Переставать принимать во внимание, учитывать] [9: 474].

Отвлеченное существительное **видимость**, принадлежа к тому же предметно-понятийному плану, семантически соотнесено и состоит в паронимических отношениях с однокоренным существительным **вид**, предложно-падежная форма которого выступает в качестве семантически опорного компонента исходного сочетания [*вид*: 4. *в сочетании с некоторыми предлогами*. Нахождение в поле зрения, возможность быть видимым. *Плыть в виду берегов*. *Скрыться из вида*. *Потерять из виду кого-н.* / перен.] [3: 86]. В результате контаминационной подмены существительное **видимость**, занимая место семантически опорного компонента, принимает на себя роль смыслового центра вновь образованного словосочетания и, вопреки норме, сочетается с грамматически стержневым глагольным компонентом **терять**, который как в исходном фразеологическом сочетании, так и в новом окказиональном словосочетании частично сохраняет свое прямое, номинативное значение [1. *Лишаться кого-чего-н., переставать обладать чем-н.*] [там же: 794].

Такая лексико-семантическая подвижность, вариативность платоновского окказионального словосочетания, построенная на умышленном расширении лексической сочетаемости и изменении валентности его компонентов, наделяет эти компоненты смыслообразующей функцией, допускает возможность сразу нескольких различных прочтений и способна вызвать коннотации, появление которых было бы невозможно в случае употребления нормативного словосочетания. В ситуации с этим коротким фрагментом мы предлагаем ни много ни мало **шесть (6) прочтений-интерпретаций** выведенных нами отдельных контаминационных смыслов, терминологически определяя их как собственные **позиции смысловой интерпретации** рассматриваемого контаминационного словосочетания. Эти предлагаемые 6 позиций терминологически **не рассматриваются нами как варианты интерпретации**, поскольку термин «вариант» предполагал бы здесь альтернативность интерпретирования и необходимость выбора одного основного и предпочитаемого варианта из нескольких. В данном же случае все эти позиции работают одновременно как в своем параллельном существовании, так и в своем тесном языковом и образно-семиотическом взаимодействии в платоновском художественном пространстве.

1-я позиция интерпретации: фраза *начал терять видимость классового врага* может быть понята буквально, как это предполагает контекст: инвалид Жачев находится на берегу на своей инвалидной тележке и наблюдает за отплытием плота с репрессированными крестьянами, который постепенно исчезает за поворотом реки (...*начал заходить на повороте за береговой кустарник*). Жачев *начинает терять видимость классового врага*, т. е. **начинает терять их из виду**, что соответствует 1-му словарному значению существительного *видимость* [1. Возможность видеть удаленные предметы/Доступное обозрению пространство] [7: 246].

2-я позиция интерпретации: возникает ассоциация с коммунистической фразеологией, когда эта фраза может быть воспринята как **неподчинение директиве**, то есть неподчинение Жачева указанию, спущенному сверху, которое призывает к революционной бдительности, когда каждый был обязан *не терять (не упускать) из виду классового врага*. Он же, Жачев, вопреки спускаемым сверху директивам, *начинает терять видимость классового врага*. Здесь опять реализуется 1-й словарный вариант слова *видимость* в его переносном значении.

3-я позиция интерпретации: новый смысл возникает здесь и благодаря актуализации 3-го словарного значения существительного *видимость* [3. О внешнем виде кого-, чего-л., производящем обманчивое впечатление; внешнее подобие чего-л.] [там же: 246]. Платонов как бы вкладывает в сознание своего персонажа сомнение в том, что эти несчастные крестьяне действительно являются классовыми врагами. Они скорее *видимость (обманчивое впечатление, иллюзия) классового врага*.

4-я позиция интерпретации: при актуализации 3-го словарного значения свободное авторское обращение в рамках средств фразеологии допускает и такую коннотацию, обусловленную смысловой инверсией, когда допустимо толкование фразы *начал терять видимость классового врага*, при котором наблюдается **переход действия с объекта на субъект**. Особое толкование этой фразы предполагает, что благодаря позитивному восприятию крестьянами Жачева, именно в их глазах *Жачев начал терять видимость классового врага*, т. е. **начал терять видимость того, что он сам является их классовым врагом**.

5-я позиция интерпретации: вытекающий из предыдущей коннотации новый смысл заключается в том, что *Жачев начал терять видимость (в своем сознании самого себя как чьего-то) классового врага*, т. е. **начал терять ощущение себя, впечатление о самом себе как о чьем-то классовом враге**.

6-я позиция интерпретации: контекст условно допускает возможность актуализации и 2-го словарного значения существительного *видимость* [2. Устар. и прост. Внешний вид, облик] [там же: 246]. Здесь речь может идти и о **внешнем виде, облике** Жачева, который сначала не только вел себя вра-

ждебно по отношению к своим классовым врагам, но и **выглядел враждебно, как их классовый враг**, имея соответствующие этому враждебно-угрожающие вид, взгляд, выражение лица. Но очевидные чистота, беспомощность, открытость и дружелюбие этих без вины страдающих людей заставляют его резко переосмыслить происходящее. Под воздействием обуревающих его сомнений взгляд, выражение лица, поза его, через которые так явно прежде выражалась вся его классовая враждебность, начинают меняться. Пребывая в подобном смятении чувств, он постепенно начинает *терять видимость (свой внешний грозный облик, свой угрожающий вид) классового врага*.

Случаи контаминации часто связаны у Платонова с **нарушением валентности**. Среди примеров сознательного использования Платоновым контаминации в качестве стилистического приема можно упомянуть авторское окказиональное образование *между своим делом*. Устойчивый фразеологизм *между делом*, являющийся наречным выражением и обозначающий время действия, сводится Платоновым с устойчивым идиоматическим выражением *заниматься своим делом*. В результате такого авторского сведения получается контаминационная конструкция *между своим делом*. Происходит **сталкивание смыслов**, каждый из которых настойчиво «выпирает» из платоновского окказионального словосочетания: <...> *предложил активист между своим делом* [4: 71].

Образование этой авторской конструкции связано с дополнительным **предикативным расширением**, при котором предикативное семантическое наполнение компонента, выраженного словосочетанием *своим делом*, ассоциативно переносится на всю новую контаминационную конструкцию, внося в контекст окраску процессуальности действий персонажа с акцентом на его «делание» и на отсутствие у него целевого поведения.

Образование Платоновым контаминационных конструкций с изменением традиционной лексической сочетаемости их компонентов создает в платоновском тексте ощущение двусмысленности описываемых ситуаций и используется Платоновым как стилистический механизм для сатирического, гротескного обыгрывания описываемых явлений действительности. Так, с помощью контаминационного переноса формы выражения со словосочетания *уверенной походкой* на словосочетание *убежденной походкой*, наполняющего фразу иронией, жгучим платоновским сарказмом, писатель добивается экспрессивно-стилистического расширения, требуемого по контексту, связанному с описанием пустого идеологического рвения партийного функционера: <...> а затем прошелся *убежденной походкой* <...> [4: 43].

По контексту здесь было бы более естественным употребление нормативного сочетания *походкой убежденного в чем-то человека* [убежденный: 1. Твердо уверенный в чем-н., выражающий уверенность. 2. непоколебимый в своих убеждениях] [3: 818]. Платоновское окказиональное образование

252 | *убежденной походкой* ассоциируется со словосочетанием *уверенной походкой*, по аналогии с которым первое, вероятнее всего, и было образовано [*уверенный* – твердый, не колеблющийся, не сомневающийся] [там же: 820]. При этом из двух синонимичных и семантически близких слов *убежденный* – *уверенный* только последнее, согласно норме, лексически сочетается с существительным *походка*.

Часто платоновские авторские окказиональные конструкции строятся на таком контаминационном смешении устойчивых словосочетаний, при котором наблюдается **семантическое стяжение их смыслов или форм выражения**. Помимо появления новых значений, получившихся в результате подобного контаминационного слияния, возникает широкое ассоциирование с отдельными значениями исходных конструкций. При этом возможно появление и новых имплицитных смыслов внутри данных новообразований, построенное на полисемии вводимых в них слов. Так, например, контаминационное смешение Платоновым устойчивых словосочетаний '*по прошествии времени*' и '*с течением времени*', которые характеризуются наличием в них общего смыслообразующего компонента, выраженного отвлеченным существительным *время* в родительном падеже [3. Отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет; некоторый срок. *По прошествии времени. С течением времени. Со временем*] [там же: 552] приводит к появлению окказионального образования *по течению времени*:

– *Как будто опять потеплел, – обнаруживал Воцев по течению времени* [4: 66].

Наблюдающийся здесь контаминационный перенос формы выражения со словосочетания *по прошествии времени* на словосочетание *с течением времени* посредством изменения находящейся в препозиции предложно-падежной формы стержневого компонента *течение* подчинительного именного словосочетания *с течением времени* [позже, со временем] [2: 599] не приводит к нарушению синтаксической сочетаемости этих двух слов, т. к. зависимое слово *время* сохраняет требуемую управляющим словом *течение* падежную форму. Однако в результате подобной контаминационной подмены предложно-падежной формы стержневого слова происходит значительное ослабление семантической слитности компонентов и наблюдается разрушение тождества исходного устойчивого словосочетания – оно становится семантически членимым. Компоненты словосочетания вновь обретают свои свободные значения. Благодаря действию полисемии они начинают выступать в других своих значениях, что приводит к появлению скрытых смыслов, вызывает новые, неожиданные коннотации, обогащает ассоциативно-образную насыщенность повествования. По данным Русского ассоциативного словаря, частотность встречаемости слова-реакции *время* на стимул-словоформу (слово-ассоциат) *по течению* равна 4 [5: 128], что позволяет условно допустить возможность подобного ассоциирования.

Таким образом, наряду с продолжением функционирования 3-го словарного значения абстрактного существительного *время* происходит актуализация 1-го и 2-го его значений [1. В философии – основная, наряду с пространством, форма существования материи, выражающая длительность бытия форма существования материи и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире. 2. Продолжительность, длительность происходящего и существующего, измеряемая годами, месяцами, днями и т. д.] [7: 552]. Не находя достаточным для предполагаемого контекста «упрощенное» календарно-бытовое толкование времени в сочетаниях *с течением времени, по прошествии времени*, при помощи контаминационной подстановки Платонов добивается актуализации 1-го словарного значения существительного *время*, связанного с его философским толкованием. При этом мотивированное глаголом существительное *течение* в своей предложно-падежной форме, прежде являясь лишь грамматически опорным компонентом сочетания, начинает выполнять смыслообразующую функцию, обретает свои исходные свободные значения – как переносные, так и прямые [1. // *течь* – Литься, струиться в каком-нибудь направлении // Двигаться, перемещаться в определенном направлении /плавно, непрерывно/. *перен.* О времени, состоянии. 2. Поток воды; направление потока воды] [2: 599].

Это приводит к большему, чем обычно, ассоциированию времени с материальной субстанцией, с рекой [ср.: Лёта – в древне-греческой мифологии река забвения в подземном царстве. Души умерших, отдавая воду из Лёты, забывали о своей земной жизни] [8: 714]. Контаминационное объединение фразеологических сочетаний *по истечении срока* и *с течением времени*, имеющее результатом конструкцию *по течению времени*, благодаря использованию существительного *течение* вносит в жизненный контекст «Котлована» буквальное ассоциирование времени с водой. Актуализируется платоновская символика времени как материализованной субстанции, сравнимой с *плавно текущим* речным потоком. Время всегда материализовано в повествовании Платонова, оно получает свое продолжение в пространстве. Ассоциируясь с *текущим* речным потоком, оно имеет направление своего физического движения, что находит свое теоретико-философское обоснование в теории хронотопа М. М. Бахтина. По словам Бахтина, «в литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, стягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается временем» [1: 234–235].

Сознательное нарушение Платоновым нормы при осуществлении контаминационных смещений ведет к актуализации и номинативных, и переносных

254 | значений компонентов, составляющих исходные устойчивые словосочетания. Новое осмысление данных словосочетаний способствует выражению широких ассоциативно-образных, философских обобщений. Так, в «Котловане» «седой от счета природы» инженер Прушевский, один из немногих романтических персонажей Платонова, наблюдает за *прохожими мимо*: <...> *он любил тогда следить за прохожими мимо* <...> [4: 33].

В этом фрагменте прослеживается нарушение норм словоупотребления, связанное с контаминационной заменой действительного причастия настоящего времени *проходящий*, выступающего в словосочетании *проходящий мимо* в качестве стержневого компонента, субстантивированным причастием *прохожий* [1. Идущий мимо, проходящий куда-н. /устар./ *Прохожий народ*. 2. Незнакомый человек, идущий по улице, дороге] [3: 625]. Вследствие подобной лексической замены в рамках контаминационной конструкции *прохожий мимо* устанавливается лексико-грамматическая связь существительного адъективного склонения *прохожий*, мотивированного причастием, с выражающим признак действия и наделенным пространственной семантикой обстоятельственным наречием места *мимо*. Это приводит к актуализации скрытой предикативности субстантивированного причастия *прохожий* и к оживлению в нем семантики причастия. Если допустить, что Платонов намеренно употребляет это слово в его архаичном 1-м словарном значении, использование его в первичных причастной форме и значении предполагает постановку его в синтаксически зависимую атрибутивную позицию в составе субстантивного словосочетания для выражения активного признака определяемой субстанции [ср.: *Прохожий народ*] [там же: 625], которая здесь, однако, отсутствует.

Исходя из платоновского видения мира, *мимо* означает здесь не только движение в пространстве, но и **движение во времени**. Люди, когда-то прошедшие и продолжающие сейчас проходить *мимо*, то есть через всю жизнь Прушевского, через годы его жизни. Наблюдая все новых *прохожих мимо*, он с печалью вспоминает, как «*когда-то, в такой же вечер, мимо дома его детства прошла девушка, и он <...> с тех пор всматривался во все женские лица и ни в одном из них не узнавал той, которая, исчезнув, все же была его единственной подругой и так близко прошла не остановившись*» [4: 33]. Таким образом, полученное в результате контаминационного смешения окказиональное словосочетание *прохожие мимо* служит созданию ощущения такого движения в пространстве, которое осуществляется и во времени. Пространственные отношения обретают у Платонова временной характер, ассоциативно расширяются до философского обобщения и осмысления жизни, воссоздают всю жизнь персонажа в ее драматической **ретроспективе во времени**.

С помощью контаминационного смешения слов и объединения в речевом потоке лексически и синтаксически несовместимых элементов Платонов целенаправленно создает такие ситуации, в которых можно было бы добиться максимального расширения их лексико-грамматической сочетаемости, достигая амбивалентности их номинативных и переносных значений. Особое платоновское звучание появляется в результате сращения семиотических полей новых неконвенционально сведенных компонентов, образуя обновленное и расширенное семиотическое единство, обеспечивающее качественно новый уровень экспрессии по сравнению с исходными фразеологизмами. При помощи подобной контаминационной игры слов автору удается смоделировать в тексте намеренную, построенную на новой контекстной амбивалентности компонентов двусмысленность, яркую смысловую многослойность текста. Использование Платоновым контаминации приводит к увеличению числа коннотаций, к расширению ассоциативной образности текста, способствует выработке языкового механизма для создания ярких сатирических зарисовок и развернутых философских обобщений, становится одним из характерных и устойчивых элементов индивидуального писательского стиля. Через свой «надломанный» язык Андрей Платонов выражает необозримо больше, чем можно было бы сказать, следуя нормам и правилам общепринятого речевого узуса.

Литература

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975.
2. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Малый толковый словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1990.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1990.
4. Платонов А. П. Котлован. Москва: Книжная палата, 1988.
5. Русский ассоциативный словарь. Кн. 3. Прямой словарь: от стимула к реакции. Часть II. / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. ИРЯ АН, Москва, 1996.
6. Сейфрид Т. Писать против материи: о языке «Котлована» Андрея Платонова. / Андрей Платонов. Мир творчества. Москва: Современный писатель, 1994. С. 303–319.
7. Словарь современного русского литературного языка (в 20 томах). Т. 2 / Под ред. К.С. Горбачевича. Русский язык, 1991.
8. Советский Энциклопедический Словарь / Ред. Прохоров А.М. Москва: Советская энциклопедия, 1979.
9. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. Москва: Русский язык, 1978.

*Vassili V. Bouilov***METHODICAL TOOLS OF LINGUISTIC EXPERTIZING FICTION
TEXTS (ON THE MATERIAL OF A. PLATONOV'S PROSE)**

Abstract. This linguistic expertise of Andrei Platonov's prose is a scientific deciphering and interpretation of Platonov's text, in the process of which methodical tools and approaches are used, predetermined by the author's idiostyle, by the primacy of implicativity in the narrative, and by many connotations and forms of allegory. At the center of the consideration is a contamination as one of the author's effective stylistic devices.

Keywords: Andrei Platonov's idiostyle, contamination, phraseology tools, implicativity, allegory, contamination game, ambivalence, connotation, interpretation, stylistic device.

СПОСОБЫ КОДИРОВАНИЯ И ДЕКОДИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ ИНТЕНЦИЙ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ВЕРБАЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема выявления явных и скрытых речевых намерений коммуникантов в интернет-текстах, содержащих правонарушения. На конкретных примерах высказываний, содержащих речевые акты оскорбления, угрозы и призыва к противоправным действиям, показаны возможные способы определения коммуникативных интенций.

Ключевые слова: речевое намерение, оскорбление, угроза, призыв.

Часто в лингво-экспертных исследованиях ставится задача установления целей и намерений коммуникантов. И если в текстах, не содержащих правонарушений, неречевые цели и коммуникативные намерения легко выявляются по лексико-грамматическим маркерам, описанным в исследованиях²⁰, то в текстах, содержащих такие правонарушения, идентификация «истинных» целей коммуникантов представляет определенные сложности.

Как известно, к основным видам правонарушений, требующим квалифицированной помощи специалиста-лингвиста, относятся оскорбление, унижение чести и достоинства в рамках ст. 152 ГК РФ, угроза, призыв (побуждение) к противоправным действиям.

Индикатором речевой интенции «оскорбление» в соответствующих речевых актах (жанрах) являются обценные, вульгарные, грубо-просторечные языковые единицы, содержащие соответствующие коннотации. Выявление данной интенции происходит методами лексико-семантического, семантико-стилистического и контекстуального анализа языковых единиц, анализом словарных дефиниций и стилистических помет, сопровождающих фиксацию слова в словарях обценной, бранной лексики или толковых словарях русского языка. Поэтому при соблюдении коммуникатором прагматических

²⁰ См., например, исследование в научной литературе речевой интенции побуждение [3]; семантики и прагматики призыва [1].

258 | условий речевого акта оскорбления (публичный характер, адресованность конкретному реципиенту) и высказывания, содержащие в предиктивном ядре обценные языковые единицы, и высказывания, включающие литературно-нормированные предикаты типа *дурак, идиот*, с лингвопрагматической точки зрения будут одинаково оскорбительны для адресата.

Индикатором речевого акта оскорбление также могут послужить ответные коммуникативные ходы, отражающие перлокутивный эффект высказываний типа *Сам дурак; Что ты меня оскорбляешь? Какое право ты имеешь меня оскорблять?* и др.

Таким образом, интенция «оскорбление» всегда эксплицирована коммуникатором, она легко выявляется даже неспециалистом. С этим, на наш взгляд, в какой-то мере связано уменьшение количества дел по оскорблению в практике лингвистов-экспертов.

Следует учитывать, что во многих высказываниях во избежание наказания коммуникатор прибегает к имплицированию «истинного смысла» и своих коммуникативных намерений.

В этой связи в лингво-экспертной практике возникает проблема декодирования истинных намерений коммуникатора, отраженных в порождаемых им высказываниях.

Так, в сравнении с оскорблением сложнее выявить речевую интенцию «унижение чести и достоинства» в рамках ст. 152 ГК РФ. Для удовлетворения гражданского иска по данной статье помимо факта распространения порочащих (негативных) сведений необходимо установление их истинности-ложности, что предполагает необходимость их верификации. Поскольку верификации подвергается только фактологическая информация, важнейшей экспертной задачей является идентификация авторской интенции как утверждение либо выражение мнения в форме предположения или оценочного суждения.

Проблема демаркации оппозиции «утверждение-мнение» осложняется тем, что в конкретных высказываниях довольно редки эксплицитные перформативы «утверждаю», «сообщаю», и речевая интенция «утверждение» выявляется методом отрицания всех потенциальных для данного высказывания маркеров мнения, описанных в лингвистике (вводных языковых единиц, метафор и др.) [2; 5; 9; 10].

Мнение напротив часто эксплицировано субстантивами *мнение, мое мнение*, дейктическими элементами, указывающими на изменение дескриптивной информации в сознании коммуникатора, ее перевод из статуса информации в статус смысла, ее субъективизацию, предикатами ментального действия (*считаю, полагаю*), либо эмоционально-оценочными предикатами: *«Сегодня прочитаете лично мою историю. Сразу говорю, это сугубо мое мнение, мнение моей семьи и только вам судить хорошая эта клиника или нет»*.

По нашим наблюдениям, глобальная стратегия дискредитации, создания негативного имиджа, реализующая соответствующую интенцию, может быть представлена в тактиках распространения негативной фактологической информации, репрезентации негативно-оценочных суждений, предупреждений (*ОСТОРОЖНО УМКА!!!!*) и побуждений (*В Брянске есть множество хороших вет.клиник, так что пожалуйста, если ваш питомец заболел, НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ В УМКУ!!!!*).

Некоторые высказывания, реализующие интенцию и стратегию дискредитации, с трудом подвергаются квалификации утверждение-мнение, поскольку одна и та же языковая единица содержит в себе дескриптивную (описательную) и прескриптивную (оценочную) информацию. Так, в высказываниях *То есть с 10 января по 15 января нас просто пичкали уколами и капельницами, не найдя причины!!!, С нас просто выкачали деньги, и выкачали здоровье нашего кота*, отражена как объективная фактологическая информация, которая может быть верифицирована (информация о процедуре лечения без причины; необоснованно большом количестве уколов и капельниц; значительных тратах на лечение; неэффективности лечения), так и субъективные эмоционально-оценочные суждения коммуникатора. Эмоциональные оценки вербализованы разговорным предикатом *пичкали* в значении «заставлять есть, принимать сверх меры» [7: 519] и метафорой *выкачали здоровье*, содержащими негативно-оценочные коннотации, а также восклицательной интонацией.

Таким образом, рассматриваемые в контексте всего репоста, данные высказывания отражают авторскую интенцию дискредитации через презентацию негативно-оценочного мнения о ветеринарной клинике «Умка»²¹.

Еще одной разновидностью вербальных правонарушений является угроза, понимаемая в теории речевых актов как одна из моделей конфликтного речевого поведения, направленного на побуждение адресата совершить нечто в интересах говорящего.

В структуру данного речевого акта входит требование (или условие), предъявляемое говорящим адресату, и обещание негативных последствий в случае невыполнения этого требования (или условия). Семантическая модель речевого жанра угрозы выглядит следующим образом: (не) делай что-либо, иначе я тебе сделаю плохо.

Отсюда установление речевой интенции «угроза» и соответствующего речевого акта в конкретном высказывании производится анализом семантико-грамматической структуры высказывания с учетом речевой ситуации и контекста.

²¹ Исследованные высказывания представляют собой цитаты из репоста «МАКСИМАЛЬНЫЙ РЕПОСТ ПОЖАЛУЙСТА!!!! ОСТОРОЖНО УМКА!!!!» в социальной сети «ВКонтакте» 24 января 2021 г. (Режим доступа: <https://vk.com/>)

Эксплицитные угрозы – это конструкции, которые включают в свой состав и побудительную часть, и сообщение (обещание) негативных последствий. Чаще всего индикаторами эксплицитной угрозы выступают сложноподчиненные предложения с придаточными условия или формы будущего времени глаголов (*Если до понедельника то, что обещал, не выполнишь, не обижайся; Все равно тебя прямо из постели уведут, а вот тебя заберут; «Но... если не сделаешь, не знаю, что с тобой будет»*).

Косвенные средства выражения угрозы предполагают имплицитное содержание одного из элементов семантической модели. Это могут быть либо вопросительные (*Ты что хочешь, чтобы кровь пролилась?*), либо побудительные конструкции, вторая часть которых – обещание негативных последствий – находится в импликации (подтексте) и достаточно легко из него вычисляется.

Характерным признаком состава преступления угрозы является осознание коммуникантом реальности осуществления данной угрозы: «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться этой угрозы» (ст. 119 УК РФ) [11].

При этом единственным показателем осознания реципиентом реальности высказанной в его отношении угрозы, на наш взгляд, может послужить перлокутивный эффект речевого акта, вербализованный в ответных на угрозу коммуникативных ходах. Например, на отмеченные выше угрозы отмечены высказывания, эксплицирующие взволнованное эмоциональное состояние, испытываемое чувство страха, болезненное физическое состояние, плохое самочувствие (*я боюсь; мне страшно; у меня давление, я никуда не поеду, я ухожу*), просьбы, мольбы не применять насилие (*Брат, не надо!; Зачем меня забираешь? Куда? У меня ребенок, семья; Умоляю тебя, я не поеду!; Что я сделал? Хватит, я никуда не поеду! Не трогай меня!*), эмоциональные возгласы отчаяния (*Да что с тобой?; Ну что случилось?; Клянусь богом, я уважаю тебя!*) и др.

Большую роль в интерпретации признака реальности-нереальности угрозы, на наш взгляд, играют социально-ролевые отношения коммуникантов (степень их знакомства, близости) и речевая ситуация общения. Так, для незнакомых друг с другом коммуникантов при дистанционном общении в чатах и социальных сетях данный признак в какой-то мере нерелевантен, поскольку трудно представить себе ситуацию реализации высказанного речевого акта угрозы по отношению к незнакомому коммуниканту.

Интернет-коммуникация в соотношении с реальным дискурсом вообще снижает релевантность признака реальности угрозы.

Еще одним значимым правонарушением является призыв к осуществлению противоправных действий.

Призыв представляет собой вид директивных речевых жанров (актов), реализующих императивную интенцию. Он определяется А. Н. Барановым как «особый тип речевого акта, коммуникативное назначение которого в общем случае описывается известной семантической формулой, предложенной А. Вежбицкой для семантической экспликации императивов – «Я хочу, чтобы ты сделал Р» [1: 412].

При этом призыв осуществляется не только в сфере общественно-политической коммуникации, и его участниками являются не только «политические субъекты», как полагает А. Н. Баранов [1: 419]. Призыв в современной коммуникации активно используется в социальных сетях, в чатах, на форумах, и его субъектами выступают чаще всего не политики, а обычные, рядовые граждане.

В исследованиях А. Н. Баранова, М. А. Осадчего, К. И. Бринева [1; 4; 8] показано, что прямой призыв выражается вербальным императивом – предикатом или группой предикатов с побудительным значением. Данный элемент может быть выражен императивной формой глагола (*Убей!*) или семантически эквивалентными формами:

- инклюзивный волитив (*Избавим! Сметем!*);
- формы прошедшего времени в составе восклицательных высказываний (*Сделаем это! Поднялись!*);
- формы инфинитива в составе восклицательных высказываний (*Взять! Вставать!*);
- формы инфинитива в сочетании с частицами *давай, пусть* (*Давай бороться! Пусть сильнее грянет буря!*);
- неглагольные формы со значением побуждения в составе восклицательных высказываний (*Смерть врагам! Вперед!*).

В зависимости от того, какое количество компонентов модели призыва реализуется и какими средствами переданы компоненты, призывы делятся на сильные и слабые, прямые, косвенные, открытые и скрытые.

При этом поскольку прямые эксплицитные призывы к совершению нелегальных действий в публичной коммуникации и в социальных сетях невозможны коммуникатор прибегает к имплицированию речевой интенции призыва.

В чате «Степная, 12», глобальной темой которого является информирование о митинге в поддержку А. Навального, размещено сообщение:

Завтра 21 апреля 19:00 (главная площадь твоего города)

СВОБОДУ

Мне тоже страшно, но я не могу не идти.

Каждый раз говорю себе, что это бесполезно, и больше не пойду, но снова иду

Просто это все, что я могу сделать

#свободу навалному

#свободу политзаключенным

*И вы не молчите!**Увидимся* ♥²²

Безусловно, в высказываниях *свободу навалному; свободу политзаключенным* выражен призыв к освобождению А. Навального и всех политических заключенных, вербализованный конструкцией с эллипсисом глагольного волитива *даешь*.

Однако категоричная квалификация иных высказываний (*Мне тоже страшно, но я не могу не идти; И вы не молчите!; Увидимся*) как призывов к участию в митинге в поддержку Навального в приведенном контексте не представляется возможной. При анализе подобных высказываний недостаточно характеристики их семантического наполнения и грамматической формы, необходим дискурс-анализ высказываний всего чата с учетом категории глобальной когеренции дискурса, которая «охватывает не только формально-грамматические аспекты связи высказываний, но и семантико-прагматические (тематические и функциональные в том числе) аспекты смысловой и деятельностной (интерактивной) связности дискурса, как локальной, так и глобальной» [6: 124].

Так, речевая интенция высказывания *Мне тоже страшно, но я не могу не идти* может быть интерпретирована как выражение намерения, стремления автора участвовать в митинге и выразить свою политическую позицию. Императив *И вы не молчите* семантически коррелирует как с предшествующими высказываниями (*свободу навалному; свободу политзаключенным*), так и с остальными высказываниями и поэтому может резюмировать макропропозицию всего текста (участие в митинге в поддержку А. Навального). Здесь усматривается множественность интерпретации семантики призыва (не молчать, выражать свою политическую позицию и участвовать в митинге за Навального). Вывод об экспликации в данной фразе речевой интенции призыва участвовать в митинге, на наш взгляд, может быть только вероятностным.

Тем более нецелесообразно усматривать однозначный призыв к участию в митинге в заключительном высказывании *увидимся*, которое после иконического знака ♥ может рассматриваться как этикетная форма прощания с участниками чата.

Иллокутивное намерение коммуникатора не призывать пользователей чата к митингу, а сообщить о времени перекрытия дорог явно эксплицировано в высказывании *«Товарищи, картинка сверху это не призыв, чтоб вы знали, я ее сделала на просторах интернета, чтоб вы видели время, где возможно перекроют дороги, отвечать на вопросы в это чате больше нет никакого желания»*. Таким образом, автор снимает потенциальную иллокутивную силу

²² Сообщение размещено в мессенджере «Ватсап» в групповом чате «Степная 12» 20 апреля 2021 года.

призыва к митингу в своем предыдущем высказывании явной экспликацией своего намерения.

В следующем сообщении коммуникатор актуализирует свою нейтральную политическую позицию (*Я политически нейтральна*), что также снижает иллюкативную силу призыва к митингу.

Таким образом, речевая интенция коммуникатора, закодированная в высказывании, чаще всего не может быть выявлена простым лексико-грамматическим анализом отдельной фразы. Учитывая, что высказывания составляют единый, целостный дискурс, необходим выход за пределы языка в общее дискурсивное поле, где в аспекте глобальной когеренции каждое конкретное высказывание соотносится с общим планом коммуникации, обусловлено стратегиями, планами, установками, сценариями, когнитивными схемами коммуникантов. Данная задача разрешается комплексным дискурсивным анализом речевого материала.

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2007. 592 с.
2. Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сборник материалов. М.: ИПК «Информатика», 2010. 208 с.
3. Бирюлин Л. А. Семантика и прагматика русского императива / Л. А. Бирюлин. Helsinki : Slavica Helsingiensia, 1994. 230 с.
4. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография; под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
5. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп./ Под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. М.: Медея, 2004. 328 с.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2007.
8. Осадчий М. А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 256 с.
9. Распопова Т. А. Способы маркирования мнения в текстах СМИ // Речевая практика государственных служащих: Сборник материалов Международного Круглого стола / Под ред. Е. Н. Бондаренко. Москва: Академия ГПС МЧС России, 2019. С. 97–104.
10. Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карпов Д. Л., Шаманова М. В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013. 35 с.

264 | 11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Информационно-правовая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

Tatyana A. Raspopova

**METHODS OF CODING AND DECODING SPEECH
INTENTIONS IN COMMISSION VERBAL CRIMES IN INTERNET
COMMUNICATION**

Abstract. The article contains with the problem of identification explicit and hidden speech intentions of communicants in Internet texts containing crimes. Specific examples of statements containing speech acts of insult, threat and call to illegal actions show possible ways of determining communicative intentions.

Keywords: speech intention, insult, threat, appeal.

ПОБУДИТЕЛЬНОЕ/НЕПОБУДИТЕЛЬНОЕ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ В ДИСКУРСЕ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СООБЩЕСТВА «СПУТНИК И ПОГРОМ» СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)²³

Аннотация. В статье описываются семантико-прагматические особенности форм долженствования, функционирующих в дискурсе русских националистов, представленном в сообществе «Спутник и Погром» социальной сети «ВКонтакте». Автор разграничивает побудительное и непобудительное долженствование: первое представляют высказывания, отражающие ситуации утилитарного, морального и социального долга; второе – дескриптивные высказывания, констатирующие ситуацию долженствования, и высказывания, не предполагающие адресата в качестве субъекта волеизъявления или агенса потенциальной ситуации, отличающиеся сочетанием семантики утилитарности и желания.

Ключевые слова: дискурс русских националистов, долженствование, императивность, неимперативность.

Проблема дифференциации семантики долженствования, в том числе Осложненной / неосложненной значением императивности, до настоящего времени так и не нашла своего однозначного решения [22]. Особенно остро стоит вопрос об оценке семантико-прагматического статуса конструкций, выражающих значение долженствования в рамках общественно-политического дискурса, когда необходимо разграничивать их прескриптивный и дескриптивный статусы. В лингвистической литературе, описывающей императивные средства, этот вопрос принято решать, исходя из грамматического выражения, когда формы долженствования почти безоговорочно относятся к побудительным [11: 154, 260–262; 12: 156–157; 16: 32–33] как

²³ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-012-00111 «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза».

266 | формы «косвенного» или «непрямого» побуждения, находящиеся на «периферии поля императивности» [там же: 30]. Однако важно осознавать, что косвенное побуждение «выступает как смысл, передаваемый посредством формы с другим основным значением в особых условиях функционирования этой формы» [5: 87]. В известных нам работах, посвященных семантике необходимости, присутствуют лишь отдельные замечания об императивности форм долженствования [13: 170; 24: 155–156; 25: 223–224], поэтому актуальной остается задача подробного описания характера соотношения семантики долженствования и императивности, или выявление «особых условий функционирования форм» долженствования [5: 87], при которых они осложняются или не осложняются семантикой императивности. В данной работе мы не претендуем на полноту такого описания, так как ограничены примерами, функционирующими в коммуникативном пространстве сообщества русских националистов «Спутник и Погром» в социальной сети «ВКонтакте», однако представляется, что здесь не обойдены вниманием основные семантико-прагматические разновидности побудительного и непобудительного долженствования.

Следует заметить, что такое исследование может восприниматься достаточно значимым и с практической точки зрения, так как позволит определенно дифференцировать прескриптивное и дескриптивное употребление форм долженствования.

Особенности семантики долженствования, осложненного императивностью. Осложнение семантики долженствования императивностью предполагает совмещение императивной ситуации и ситуации необходимости. Структуру первой организуют субъект волеизъявления и субъект-агнс [5: 85]. Структура последней сложнее: в ней выделяются субъект модальной оценки, объект оценки, или «некоторая предметная ситуация, которая характеризуется признаками нефактичности и волюнтаривности», фактическое существование которой обеспечивают субъект волеизъявления и агнс [3: 123]. В целом можно утверждать, что семантику императивности и необходимости сближают их потенциальный характер и адресованность волеизъявления [6: 78–79; 24: 142].

Императивная ситуация, отражаемая схемой «прескриптор» – «адресат-агнс», обязательно подразумевает каузацию: «императивный акт направлен <...> на преобразование ирреального (желаемого)... в реальное (действительное)» [5: 85]. Собственно говоря, это свойство и определяет императивную семантику (ср. определение значения императива, данное В. Ю. Гусевым: «Говорящий, самим фактом своего высказывания, пытается каузировать совершение некоторого действия (эксплицитно указанного в этом высказывании)» [10: 21]).

Семантика необходимости осложняется побудительностью в том случае, когда речь идет о безусловной необходимости: «характеризуя ту или иную

ситуацию как облигаторную, говорящий тем самым побуждает адресата к выполнению действия» [24: 155]. Указание на облигаторность необходимой ситуации сужает побудительную необходимость до долженствования. Так, А. И. Изотов, имея в виду «постулативное долженствование», утверждает, что «квалификация того или иного действия (поведения) Агенса как необходимого (ненеобходимого)» является «достаточно обычным средством формирования побудительного высказывания» [12: 156]. В свою очередь, В. Ю. Гусев утверждает, что «повеление, выражаемое императивом, представляет собой частный случай долженствования» [10: 262]. Попробуем уточнить эти тезисы применительно к националистическому дискурсу, функционирующему в социальной сети «ВКонтакте».

Примеры, реализуемые в условиях сообщества «Спутник и Погром», отражают семантико-прагматические разновидности ситуации долженствования, способные выражать значение побуждения: утилитарного, морального, социального долга. Эти разновидности достаточно подробно описаны в лингвистической литературе [7; 13; 20; 25], мы лишь дополнили эти представления отдельными замечаниями.

Ситуация утилитарного долга ограничивается «пониманием долга как ситуативной вынужденности совершения того или иного действия» или «как внутреннего побуждения, основанного на индивидуальной психической или физической потребности» [19: 253]. Данную ситуацию могут представлять утилитарная, техническая, каузированная разновидности необходимости, объединенные утилитарной модальностью [25: 221–222, 240–242, 244–246], или семантикой «надобности» [20].

И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер ситуацию утилитарного долга описывают как семантический класс долженствования «НАДО» [13: 173–174], когда высказывание «содержит упоминание цели или потребности самого субъекта» [там же: 173–174] необходимой ситуации: говорящий (преимущественно) оценивает будущее действие агенса в качестве необходимого для «достижения пользы, блага или предотвращения вреда, зла» [25: 240] для самого же агенса (*Сегодня, в День Флага, хотелось бы напомнить, что русский национальный флаг (и флаг русского национального движения) выглядит вот так. Это флаг, утвержденный в 1914 году Николаем II, последнее законное русское знамя. Русским националистам следует его использовать по следующим причинам <...> Выходя с таким флагом на общественное мероприятие, вы не будете вызывать вопросы у населения, а кто вы вообще такой и что это за тряпочка, флаг гражданами РФ считается как свой (22 августа 2019 года)*²⁴. Несомненно, достижение полезного для адресата-агенса результата зависит от его собственного волевого усилия.

²⁴ Здесь и далее сохраняются орфографические и пунктуационные особенности источника.

Ситуацию утилитарного долга в дискурсе русских националистов также способны отражать высказывания, представляющие собой активные конструкции с неагентивным подлежащим, выражающие значение потребности в существовании (в широком понимании, ср. формы потребности в пенитенциарной инструкции XIX в. [9: 16–19]). В данном случае говорящий (или иной субъект) определяет полезным для адресата как субъекта волеизъявления и агенса существование некоего положения вещей (*Топор должен быть острым а ты готовым. Без сомнений и сантиментов. Слава Руси!* (8 апреля 2018 года).

Императивность утилитарного долга определяется осознанием адресатом «практической необходимости» потенциальной ситуации [13: 173] с точки зрения ее пользы. Именно он в качестве субъекта волеизъявления и/или агенса в этом случае признается субъектом пользы [2] (ср.: «выражение воли может быть результатом произведенной оценки ситуации и признанием целесообразности того или иного действия» [19: 264], в свою очередь, целесообразность обеспечивает наличие пользы), то есть утилитарный долг возможно отнести к внутренней необходимости [1: 7; 11: 84–87], когда потенциальная ситуация выгодна адресату. Это обстоятельство свидетельствует о необлигаторности для адресата утилитарного долженствования в случае непризнания им полезности потенциальной ситуации, о возможности признания высказываний, его выражающих, адвисивными речевыми актами [21: 39], в том числе призывом. Так, И. Б. Шатуновский к призывам относит предложения утилитарной необходимости с эксплицитным (1-е лицо множественного числа) или имплицитным «мы» субъектом с модальным показателем в настоящем времени [25: 224].

Ситуации утилитарного долга противостоят ситуации морального и социального долга, реализующие семантику класса «ДОЛЖЕН» [13: 171–173].

Ситуация морального долга определяется особенностями, выделенными Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым в работе «Концепт долга в поле долженствования» [7]. Прежде всего, это неутилитарность, которая подчеркивает этичность морального долга: ему «подчиняются из внутренних побуждений, не преследуя какой-либо цели и не ожидая вознаграждения» [там же: 17]. Кроме того, этическая прескрипция носит вневременной характер: «долг существует априори, независимо от воли его носителя или посторонних лиц» [там же: 18]. То есть ситуация морального долга предполагает, что говорящий (или иной субъект) оценивает потенциальную ситуацию в качестве необходимой, а адресат, в свою очередь, является носителем неких этических установлений, которые определяют его в качестве субъекта волеизъявления и агенса, «свобода воли» которого ограничена [13: 172] (*Международное сообщество проигнорировало одесскую трагедию, и в летописи мировой скорби убитым в Доме профсоюзов русским не нашлось места. Но мы не*

международное сообщество, мы все прекрасно помним. Прощения не будет ни в этой в жизни, ни в последующих. Украина должна быть ликвидирована, а убийцы наказаны. Русские ничего не забывают и всегда возвращаются. Мы вернемся в Одессу, и тогда украинцам не поможет и сам Господь (2 мая 2021 года). Следует заметить, что это единственный выявленный нами пример, который возможно с высокой степенью вероятности квалифицировать как выражающий значение морального долженствования.

Каузация адресатом необходимой ситуации обязательна: «агенса обязан совершить некоторое действие <...>, если есть моральные принципы..., которые заставляют его так поступить» [18]. Именно эти обстоятельства указывают на ее нежелательность «в каком-то смысле» [13: 172] для адресата, выражающаяся в «некоем конфликте, который разворачивается в сознании» [15: 123]. В ситуации морального долга адресата возможно признать субъектом пользы, только если он не испытывает негативных последствий (внутреннего характера, связанных с конфликтом между долгом и иными факторами [там же: 123]) в случае неисполнения долга, то есть только если адресат исполняет долг: «исполнение долга само по себе дает чувство нравственного удовлетворения» [7: 17].

Подобное свойство возможно определить семантическим признаком ответственности, подразумевающим возможности адресата каузировать необходимую ситуацию и, в случае некаузации, испытать негативные последствия [9: 13]. Следует отметить, что каузация адресатом нежелательной необходимой ситуация определяет ситуацию морального долга как имеющую внутренний вынуждающий характер [1: 7; 11: 86]. Этичность побуждения определяет субъектом пользы того, перед кем у агенса моральный долг [7: 18], не всегда это говорящий или иной субъект модальной оценки (в нашем примере это «убитые в Доме профсоюзов русские»).

Наличие у адресата статуса признака ответственности позволяет признать моральное долженствование, несмотря на его внутренний характер, облигаторным.

Дискурсе русских националистов в условиях сообщества «Спутник и Погром» не всегда позволяет однозначно разграничить значения утилитарного и морального долга: «граница между долгом человека и его внутренней потребностью очень зыбка» [17: 42]. Каузация необходимой ситуации (*Всякий русский националист должен делать все от него зависящее, чтобы РФ стала Россией как можно скорее – потому что, простите за лексику, ну... так жить, правда* (22 мая 2019 года) может обуславливаться как этическими представлениями адресата, так и его внутренними потребностями.

В качестве отдельного замечания следует указать, что подобная семантическая близость, нередко неразличимость, утилитарного и морального долга позволяет нам относить первый к модальности долженствования, используя

270 | определение «утилитарный долг». Представляется, что однозначное разграничение категорий долженствования и необходимости, основанной на утилитарности [22: 561], в данном случае невозможно.

Ситуация социального долга отличается от предыдущей прежде всего нормативной утилитарностью. Этот признак обеспечивает говорящий (или иной субъект), который, предполагая достижение пользы в результате возникновения необходимой ситуации, объединяет роли субъекта модальной оценки и волюнтаристивности. Воля в ситуации обязанности обусловлена определенными «социальными конвенциями» и / или «местом в социальной структуре» [7: 19]. Для признания долженствования социальным долгом необходима «легитимность» социально обусловленной подчиненности адресата: «агенса обязан совершить некоторое действие, если есть человек или институция, авторитет которых он признает, или если есть <...> социальные установки, которые заставляют его так поступить» [18] (ср. один из немногих примеров, обнаруженных нами: *Правила по определению нужны, чтобы их соблюдать. Следовательно, используя язык – ты должен соблюдать его правила* (5 марта 2021 года).

Признание адресатом социальных установок, устанавливающих его подчиненность говорящему (иному субъекту) или установлениям, к которым говорящий (или иной субъект) апеллирует, наделяет первого как агенса необходимой ситуации признаком ответственности, когда возможное негативное воздействие приобретает внешний социальный характер.

Таким образом, говорящий (или иной субъект) в ситуации социального долженствования, или обязанности, как субъект целеполагания, оценивающий потенциальную ситуацию в качестве необходимой, выражающий волю, выступает несомненным субъектом пользы, тогда как адресат, являясь агенсом потенциальной ситуации, может быть признан субъектом пользы только в случае исполнения обязанности, что определяет ситуацию несущей внешний принуждающий характер [8: 1461–1462]. Ситуация социального долга обладает максимальной степенью обязательности.

Особенности семантики форм долженствования, не осложненной императивностью. Для долженствования каузация потенциальной ситуации факультативна. Здесь мы вынуждены повториться: именно признак отсутствия каузации лежит в основании разграничения императивности/неимперативности форм долженствования. Подобная ненаправленность форм долженствования на каузацию не столь очевидна, как, например, в случае выражения алетической необходимости (*9 июля 1918 года началось Муромское восстание. Оно должно было стать дополнением к Ярославскому, однако восставшим не удалось надолго закрепиться в городе, вскоре пришлось его покинуть и пробиваться по лесам к Капелю* (9 июля 2018 года).

Прежде всего, следует выделить дескриптивное употребление деонтического высказывания, когда реализуется «констатация существования» должностования определенного рода [13: 170]. (*Нам бы хотелось, чтобы прокуратура и другие надзорные ведомства не переступали черту в стремлении заблокировать всю информацию, которая выделяет русских. Нужно отделять экстремизм, фашистские лозунги от исторической правды, которая не всегда была справедлива по отношению к русскому народу*), – подчеркнул Владимир Жириновский. Вместе с тем, лидер ЛДПР напомнил известное высказывание Императора Александра III: «Россия должна принадлежать русским, и всякий, кто живет на этой земле, обязан уважать и ценить этот народ» (6 июля 2017 года). Данный пример возможно было бы признать побудительным высказыванием, если бы субъектом речи выступал только «лидер ЛДПР» в качестве «транслятора прескрипции» [4: 241], здесь же автор-говорящий и его адресат явно не являются участниками описываемой речевой ситуации, высказывание представляет собой императив-цитату [там же: 242].

Кроме того, выделяется употребление форм, реализующих значение утилитарной необходимости, когда отсутствие реализации схемы императивности «прескриптор» – «адресат-агенс» обуславливается элементами речевой ситуации [5: 85], а точнее, «социальными ролями его участников и конкретной ситуацией, в которой осуществляется высказывание» [23: 188]. Так, высказывание *Русские мужчины, женщины и подростки с 16 лет должны иметь возможность свободно приобретать короткоствольное огнестрельное оружие, ибо свободный человек не должен изучать приемы вольной борьбы и ставить удар профессионального боксера ради сохранения своих чести, достоинства, здоровья и жизни* (19 августа 2019 года), функционирующее в условиях сообщества «Спутник и Погром», отчасти отражает ситуацию утилитарного долга, но, очевидно, не предполагает прагматического эффекта в виде каузации необходимой ситуации (*Само собой, в РФ этого не случится...* [там же], так как речевая ситуация, когда в националистическом сообществе социальной сети автор обращается к адресату, не позволяют безоговорочно признать адресата данного высказывания субъектом волюнтаривности и/или агенсом необходимой ситуации. Наиболее наглядно это демонстрируют примеры, где агенс назван (*Израиль – это многонацио-нальная страна и евреи должны уважать братский палестинский народ* (11 мая 2021 года), т. е. в семантической структуре подобных форм адресат является субъектом, некорреферентным агенсу и/или субъекту волюнтаривности. Говорящего в этом случае также затруднительно признать способным выполнять роль субъекта волюнтаривности: наблюдается «необязательность адресованности волеизъявления», точнее, ее неадресованность [6: 78].

Эти обстоятельства совмещают семантику утилитарности и оптативно-сти, а именно периферийное значение желаяния, сопряженное со значением

272 | цели [14: 176]. Такое сочетание модальностей реализуется предложениями, структура которых имеет/предполагает (в силу утилитарности) придаточное цели с союзом чтобы (*Я вижу, что все памятники надо снять и поставить за счет крпф новые, чтобы не потакать их белым патриархальным вкусам* (23 августа в 23:50); *Жители Донбасса должны быть представлены в Государственной думе, а не в Верховной раде* (2 апреля 2021 года).

Заключение. Таким образом, побудительность / непобудительность форм долженствования зависит прежде всего от статуса адресата высказывания и характера его прагматических отношений с говорящим. Императивность, или стремление говорящего к каузации необходимой ситуации, способна реализовываться только в том случае, когда адресат выступает субъектом волюнтаривности и / или агенсом потенциальной ситуации, субъектом пользы. Последнее обеспечивает потенциальность побудительного долженствования с той или иной степенью обязательности.

В дискурсе русских националистов, представленном в сообществе «Спутник и Погром» социальной сети «ВКонтакте», неимперативность долженствования, или его ненаправленность на каузацию необходимой ситуации, реализуется в случае дескриптивного употребления форм долженствования в качестве цитат либо в случае приближения значения долженствования к значению желания из-за особенностей речевой ситуации, определяющей некорреферентность адресата субъекту волюнтаривности и / или агенсу потенциальной ситуации.

Предложения с предикатами необходимости, реализующие значение, соотносящееся со значением желания, требуют, по нашему мнению, отдельного лингвистического описания.

Литература

1. Акимова И. И. Лингводидактическое описание инфинитивных синтаксических моделей русского языка со значением модальности «необходимость-ненужность» // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 11-3(101). С. 6–11. DOI 10.23670/IRJ.2020.101.11.067.
2. Акимова Т. Г. Бенефактивность и способы ее выражения в английских императивных высказываниях // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Часть 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. Москва, 1990. С. 99–103.
3. Беляева Е. И., Цейтлин С. Н. Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. Ленинград, 1990. С. 123–126.
4. Бирюлин Л. А. Побуждение к действию в актах речи // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. Ленинград, 1990. С. 238–243.

5. Бондарко А. В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. Ленинград, 1990. С. 80–89.
6. Бондарко А. В. Реальность / ирреальность и потенциальность // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. Ленинград, 1990. С. 72–79.
7. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Концепт долга в поле долженствования // Логический анализ языка. Культурные концепты. Москва, 1991. С. 14–21.
8. Голиков Л. М. Потенциальность нормы пенитенциарного закона XIX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 5. С. 1458–1464. DOI 10.30853/phil210199
9. Голиков Л. М. Формы долженствования в пенитенциарной инструкции XIX века / Л. М. Голиков, О. В. Дружининская // Научный диалог. 2019. № 9. С. 9–23. DOI 10.24224/2227-1295-2019-9-9-23.
10. Гусев В. Ю. Типология императива. Москва, 2013. 336 с.
11. Замятина Е. Ю. Функционально-семантический аспект высказываний с предикатами долженствования (на материале русского и английского языков) : диссертация ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 142 с.
12. Изотов А. И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским. Врно, 2005.
13. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Семантика модальных предикатов долженствования // Логический анализ языка. Культурные концепты. Москва, 1991. С. 169–175.
14. Корди Е. Е. Оптативность. // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. Ленинград, 1990. С. 170–185.
15. Кошелев А. Д. О языковом концепте ‘долг’ // Логический анализ языка: Языки этики. Москва, 2000. С. 119–124.
16. Маслова А. Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 40 с.
17. Одинцова И. В. Употребление слов должен и / или надо для выражения категорий необходимости и предположительности в практике преподавания РКИ // Русский язык за рубежом. 2010. № 1. С. 40–48.
18. Падучева Е. В. Модальность [Электронный ресурс] // Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/Модальность> (дата обращения: 17.11.2020).
19. Сабанеева М. К. Поле долженствования в латинском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. Москва, 2005. С. 252–276.
20. Туровская С. Н. О семантической зоне модальности необходимости в русском языке // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 896.

274 | Функциональные и семантические проблемы описания русского языка. Тарту, 1990. С. 4–40.

21. Формановская Н. И. Прагматика побуждения и логика языка // Русский язык за рубежом. 1994. № 5–6. С. 34–40.

22. Ханнанова Д. М. Модальные категории долженствования и необходимости в лингвистике: тождественное, различное или включаемое // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2 (82). 558–564. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-2-558-564.

23. Храковский В. С. Повелительность // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. Ленинград, 1990. С. 185–238.

24. Цейтлин С. Н. Необходимость // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград, 1990. С. 142–156.

25. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). Москва, 1996. 400 с.

Leonid M. Golikov

**IMPERATIVENESS / NON-IMPERATIVENESS OUGHTNESS
IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN NATIONALISTS (ON THE
MATERIAL OF THE COMMUNITY «SPUTNIK I POGROM» OF THE
SOCIAL NETWORK «VKONTAKTE»)**

Abstract. The article describes semantic and pragmatic features of the forms of oughtness functioning in the discourse of Russian nationalists, which is represented in the community «Sputnik i Pogrom» of the social network «VKontakte». The author distinguishes between the imperative and non-imperative oughtness: the first is represented by the statements that reflect situations of utilitarian, moral and social duty; the second are descriptive statements that hote the situation of oughtness, and statements that do not assume the addressee as a subject of volitioness or an agent of a potential situation and differ in semantics close to optative.

Keywords: discourse of Russian nationalists, duty, imperativeness, non-imperativeness.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ, РЕАЛИЗУЮЩИЕ ИНТЕНЦИИ КОНФРОНТАЦИОННОГО ТИПА

Аннотация. В данной статье рассматриваются наиболее употребительные метафоры, а также развернутые метафорические образы, реализующие коммуникативные интенции конфронтационного типа в программах «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым».

Ключевые слова: метафора, развернутая метафора, медиадискурс, конфронтационные стратегии.

Современное общество характеризуется высокой степенью политизированности, что обусловило особый интерес к изучению языка и речевого поведения политиков. «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» представляют собой публичные политические дискуссии с групповым участием субъектов, выходящих в определенные дни каждой недели. Особая среда функционирования, а именно массмедиа, а также сам формат программ, которые представляют собой комментирование политических событий, позволяет говорить о взаимодействии двух видов дискурса: политического и массмедийного. Медиадискурс мы трактуем как «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [6: 411].

В любом речевом акте коммуниканты преследуют определенные неречевые цели, которые в итоге окажут влияние на деятельность и сознание реципиента. Политические программы нацелены на достижения определенных политических целей, поэтому часто используются коммуникативные стратегии конфронтационного типа. Коммуникативная стратегия – совокупность процедур над моделями мира участников общения [1: 11], «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» [8: 54].

Одним из самых продуктивных критериев классификации коммуникативных стратегий является принцип кооперации/некооперации (конфронтации).

276 | Данный критерий основывается на соблюдении / несоблюдении правил коммуникации в самом широком смысле. К этим правилам относят прежде всего принципы (постулаты) кооперации Г. П. Грайса [12: 57] и принципы (максимы) вежливости Дж. Лича [13: 119].

Конфронтационные стратегии демонстрируют установку, направленную против партнера по коммуникации. Используя данные стратегии, говорящий стремится действовать активно и самостоятельно, добиваться собственных целей / интересов, не обращая внимание на цели / интересы партнера (партнеров) по коммуникации.

Одним из самых ярких и эффективных средств реализации стратегий конфронтационного типа является языковая игра, которую можно определить, как «использование языка для достижения надъязыкового, эстетического, художественного (чаще всего – комического) эффекта» [8: 79]. Данное определение охватывает все виды проявления языковой игры, к которым можно отнести парадоксы, каламбуры, аллюзии, метафорические переносы, намеренное обыгрывание словообразовательных элементов, искажение орфографии и произношения и другое.

Лексико-семантические ресурсы языка традиционно представляют собой самый эффективный инструмент порождения языковой игры. Основа когнитивной модели, применяемой в данной сфере, – «...создание желательных для говорящего ассоциаций, сравнений. Это позволяет перенести негативную оценку из одной когнитивной области в другую. ... Наиболее традиционным средством реализации этой тактики является использование метафор, в том числе развернутых метафорических образов» [4: 118].

Исследованные метафорические образы, реализующие коммуникативные интенции конфронтационного типа, расположены с учетом частоты реализации в политическом медиадискурсе, а также интерпретационной эффективности.

1. Образ «театр». Образ театра используется для того, чтобы показать неестественность политических процессов, которые происходят в Украине. Например:

Я. Кедми: *Специальность нового президента Украины – он артист в определенном жанре. Какое основное качество артиста? Войти в роль. А кто ему сценарии пишет? А кто режиссер? Актер должен войти в роль, которую ему написали сценаристы и которую ему показывает как играть режиссер. Так вот в Германию он к сценаристам едет. Сценарий-то Украины где писали? В Европе?* (30.05. 2019).

В данном фрагменте текста В. Зеленский сравнивается с артистом, причем не только сравнивается. В связи с тем, что момента избрания он действительно был артистом кино, происходит актуализация прямого значения (внутренней формы) данной лексемы. Тем самым говорящий намекает на то, что В. Зеленский хорошо вписался в современный украинский

политический формат, который хорошо срежиссирован: «ему не привыкать играть». Формируется микроконцепт «театр»: *артист, актер, сценаристы, режиссер, жанр, войти в роль, писать сценарий, сценарий пишут, режиссер показывает как играть.*

Я. Кедми формирует представление о том, что В. Зеленский является артистом, а не президентом, что весь политический сценарий Украины написан за рубежом, а потому не отражает интересов самих украинцев, большая часть политиков не выполняют свой долг, а играют, вся политическая жизнь театр, т.е. нечто вымышленное, искусственное, ненастоящее, обман.

Таким образом, данный фрагмент текста реализует коммуникативную тактику обвинения в адрес В. Зеленского как минимум в непрофессионализме и неискренности, западные страны – во вмешательстве во внутренние дела суверенного государства, а также тактику развенчания всей политической жизни в Украине.

В другом примере политическая жизнь в Украине представлена как театральное представление, а политики – артисты: *Но вообще вся эта картина на Украине она напоминает представления в погорелом театре с артистами, более профессиональными в мире. Вот главная роль у клоуна Зеленского. Вспомогательная роль у добровольного шута с психическими отклонениями – Саакашвили.* (30.05.2019).

«**Артист <из> погорелого театра**, разг., ирон. Некто, не оправдавший надежд в некоторой деятельности» [10];

«**Шут**. 2. Комический персонаж в старинных комедиях, балаганных представлениях. 3. Разг. Тот, кто балагурит, кривляется на потеху другим, является общим посмешищем» [2: 1508];

«**Клоун**. Цирковой артист, комик. | О человеке, разыгрывающем в обществе роль шута» [2: 433].

В данном фрагменте тексте образ «театр» также реализован микроконцептом (*картина, представление, погорелый театр, главная роль, клоун, вспомогательная роль, шут*), который реализует коммуникативную тактику обвинения в лицемерии (*напоминает представление*), непрофессионализме (*более профессиональными в мире*), обличения (*погорелый театр*) и очернения (*клоун, шут*). Последняя усиливается за счет приема «переход на личности»: *с психическими отклонениями.*

С. Килинкаров так говорит о В. Зеленском в передаче от 15.05.2019: *Гордеев говорит, Зеленскому нужно определиться. Ему нужно определиться с одним: он ключ от решения всех проблем или он брелок на ключах в карманах кукловодов, которые пытаются им играть.*

Образ «театр» расширяется за счет введения еще одного жанра – кукольный театр (*кукловоды*), что реализует коммуникативную тактику обвинения в несамостоятельности президента и всей страны в реализации национальной

278 | политики. При этом вводится дополнительный образ: «главный элемент – приложение к чему-то главному».

Деятельность Ю. Тимошенко оценивается как кино: *На сегодня нет четких договоренностей никого ни с кем, т.е. Аваков – себе отдельно, Порошенко – отдельно, Тимошенко – у нее свое какое-то кино. И вот они между собой пытаются о чем-то договориться* (05.03.2018).

Данная лексема, с одной стороны, продолжает формировать активно всеми используемый образ «театр», с другой – лишь отчасти имеет отношение к нему, реализуя коммуникативную тактику обвинения в преследовании каких-то неопределенных, возможно, исключительно личных политических целей, а также тактику очернения: «**Кино прост.** О том, что развлекает, смешит, вызывает удивление» [5: 328].

Образ «театр» ярко описывает политическую жизнь в Украине, называя основные его / ее компоненты:

Украинские политики – артисты, актеры, клоуны, комики, шуты. Они добровольно входят в роль. Одни играют главную роль, другие – вспомогательную роль. Ими руководят из-за рубежа сценаристы, режиссеры, кукловоды: сценаристы пишут сценарий, режиссеры показывают как играть. И все это действие – картина, представление, которые относятся к различным жанрам: кинематографу, кино, цирку, погорелому театру.

Образ политической жизни в Украине репрезентируется преимущественно при помощи коммуникативных тактик обвинения и очернения, а также развенчания и обличения.

2. Образ «организм и болезнь». Образ больного организма используется для формирования представления об Украине как государстве, которое находится в плачевном состоянии. Например: *Самое страшное было для меня реакция той стороны, потому что, ну я хочу надеяться, не всего украинского общества, а самой больной его части. Но когда, в том числе и в украинских СМИ, радовались убийству ребят и ребят с ВГТРК, и с Первого канала, и с РЕА.... Какая-то странная звериная иррациональная радость.* (17.06.2019).

В данном фрагменте текста вводится представление об украинском обществе как *больном*. При этом оно делится на *больную* часть и самую *больную*. Сама болезнь является психической, за гранью разума, что связывается с неадекватной для человека реакцией на смерть журналистов, больше сходной с реакцией зверя:

«**Иррациональный.** 1. *Филос. Книжн.* Не постигаемый разумом; такой, который не может быть выражен в логических понятиях» [2: 398];

«**Звериный.** 2. Жестокий, свирепый, дикий» [2: 360].

Коммуникативная тактика обвинения и обличения усиливается контекстуальным противопоставлением «смерть – радость».

Образ психического заболевания развивается в следующих примерах:

Искать там ну здоровый смысл абсолютно бессмысленно, да. Господин Медведчук, которого технически оставили в меньшие... одиночестве. Это тот, кто единственный хотя бы говорит то, что хотя бы имеет отношение к реальности. Ну там же господа Мураев, Шмураев – не хочу даже все фамилии перечислять. Они все каждый уже царек. И что движет этим слабоумием? Они все собираются таким образом завоевать место в Верховной Раде и выборах, которые будут осенью (24.01.2019);

5 марта? На улицу выйдите? А у вас что? Все расцвело? Кроме шизофрени, что еще расцвело? (05.03.2018).

Действия украинских политиков характеризуются прямо как *бессмысленные, слабоумие и шизофрения*, а также при помощи косвенных форм, через противопоставление, второй компонент которого репрезентируется имплицитно, в форме имплицатуры: *здоровый смысл* → *больной смысл*, *имеет отношение к реальности* → *не имеет отношения к реальности* (тактика обличения).

В исследуемом дискурсивном пространстве неоднократно представлен и образ врача, специальность которого дает точное представление о характере и масштабе проблем в украинской политической сфере (тактика обличения):

А. Лиелаис: *Здесь нужен психолог, который разберется, почему после смерти, после стольких лет сталинизма, люди осмеливаются его оправдывать... Это катастрофа, что сегодня из шести кандидатов в президенты двое – открытые сталинисты.*

П. Федеров: *Это не катастрофа, это ответ на болезнь* (05.03.2018).

В. Соловьев: *Но среди вас присутствует также и доктор Сосновский, потому что говоря об Украине без психотерапевта в последнее время совершенно невозможно.* (15.05.2019).

Образ *лихорадки*, предполагающей наличие у больного одновременно жара и озноба, точно указывает на непоследовательность и противоречивость действий украинской власти (тактика обвинения):

На самом деле страну лихорадит, на Порошенко подал в суд нардеп Розенблат. (15.05.2019).

«**Лихорадить**. 1. Чувствовать озноб, лихорадку» [2: 500];

«**Лихорадка**. 1. Болезненное состояние, сопровождающееся жаром и ознобом» [2: 500].

К. Шахназаров характеризует взаимодействие между Россией и Украиной как функционирование единого организма:

Это все равно что вот из организма, вот Украина – это легкое. ... уберите вы его из организма. Легкое может жить без организма? Не может. Кстати, сам организм тяжело, но выживет все-таки (04.03.2019).

Данный образ направлен на реализацию коммуникативной тактики развенчания, которая нивелирует якобы положительное представление

280 | о соседнем государстве: «Украина не выживет сама, без России, как она об этом думает».

В некоторых случаях образ *открытой руки* символизирует возможность достижения согласия между двумя странами (тактика план): *Надо договариваться, садиться за стол переговоров, то есть это открытая рука к дипломатическому диалогу* (01.03.2018).

В других случаях *рука* указывает на связь между страной и какими-либо ее действиями, чаще – негативными (тактика обвинения): *Вы знаете, ну, после озвученных некоторыми политиками тезисов в отношении того, что Майдан – это тоже рука Москвы, ну даже просто говорить не о чем* (05.03.2018).

«**Рука**. 4. Почерк, творческая манера кого-л.» [2: 1132].

Способы лечения предлагаются крайне редко (тактика обличения): *Я очень не убежден, что западное общество сегодня имеет прививку от такой русофобии* (29.03.2018)

Итак, Украина и Россия представлены как единый организм, украинская часть которого тяжело больна, причем – психически, этому способствуют настроения западных стран, однако восстановление нормальных отношений возможно.

Образ «организм и болезнь» сформирован соответствующим микро-концептом, основные компоненты которого дают реальное представление о предмете речи:

Украина и Россия – *единый организм*; Украина *больна* (есть *больная часть и самая больная*); *болезнь* – *слабоумие, шизофрения*; *проявляется в лихорадке, звериной иррациональности, отсутствии здравого смысла, отсутствии связи с реальностью*; *лечащий врач* – *психолог, точнее – психотерапевт*; *прогноз* – *Россия выживет без Украины, а Украина не выживет без России*; *лечение* – *нужно договариваться, садиться за стол переговоров (открытая рука)*; *меры по профилактике* – *западному обществу необходима прививка от русофобии*.

Описание состояния дел в украинской политике реализуется преимущественно при помощи коммуникативной тактики обличения, а также обвинения и развенчания. Изредка актуализируется тактика план, которая связана с осуждением темы восстановления отношений между двумя государствами.

3. Образ «криминальный мир». Образ «криминальный мир» активно эксплуатируется в политическом медиадискурсе. Это обусловлено ростом речевой агрессии в международном политическом дискурсе в целом. Например: *Американцам говорят однозначно уже много лет – это наш двор, сунетесь – получите* (24.01.2019).

«**Соваться**. 2. Непрошено вмешиваться; назойливо навязываться с чем-л.» [2: 1225];

«**Получить**. 4. Заслужить что-л; подвергнуться чем-л.» [2: 911].

Россия заявляет, что мы – суверенное государство (тактика констатации факта). На любое вмешательство во внутренние дела страны последует силовой ответ (тактика угрозы).

Следующий пример:

В. Жириновский: *Нам надо залезть в чужой двор и напугать.*

В. Соловьев: *Сначала надо быть уверенным, что свой двор защищен.*

В. Жириновский: *В это время и в своем дворе наводит порядок* (24.01.2019).

В. Жириновский призывает к более агрессивным действиям по отношению к западным странам (тактика угрозы). В. Соловьев делает оговорку (тактика предостережения). В. Жириновский поясняет свою позицию (тактика план).

Активно используются разнообразные литературные аллюзии на криминальную тему:

В. Вакаров (о М. Саакашвили): *Понимаете Володя, этот хомячок – Михо все-таки не дотягивает до гениального Кисы Воробьянинова* (03.04.2019).

В данном случае образ *Кисы Воробьянинова*, который по команде Остапа Бендера надувал щеки, реализует коммуникативную тактику развенчания. Этому же способствует домашнее имя *Михо*, а также образ-ярлык *хомячок* (у М. Саакашвили круглые щеки как у хомяка). К тому же лексема *хомячок* снабжена уменьшительно-ласкательным суффиксом. Два последних приема реализуют коммуникативную тактику очернение.

Криминальный образ накладывается и на вполне реальных людей, причем даже из религиозной сферы:

В. Соловьев: *Неугомонный раскольник Филарет – Мишка Денисенко – продолжает разрушать и без того несуществующее единство церкви* (15.05.2019).

Михаил Денисенко является патриархом Православной церкви Украины, что считается высоким саном в церкви. Использование «домашнего» имени (тактика очернения) способствует актуализации презрительного отношения к высокопоставленному лицу и указывает на незаконность его действий.

Криминальный образ примеряется даже к президенту России:

В. Соловьев: *Выбрать какое-то кафе, сидеть, пугаться. Реакция у него какая-то неадекватная, чего-то он испугался, кого-то. Опять Путин ему снится, наверное. Слушайте, вот Владимир Путин, до чего он довел* (3.04.2019).

Гротескное изображение воздействия образа В. Путина на М. Саакашвили указывает на необоснованность претензий к президенту России, а также на неадекватную реакцию М. Саакашвили на некоторые политические события (тактика развенчания).

В следующем примере В. Соловьев вводит прямой образ преступления:

С. Станкевич: *Это геополитическое соперничество. Нас снова – но я пытаюсь во всем увидеть позитивный смысл, да – вот вроде бы давит, но есть же позитивный смысл: нас снова признали грозным и сильным геополитическим соперником. И реагируют соответственно. Тоже позитивная новость, да? Давайте к этому так относиться...*

В. Соловьев: *Не понял, то есть если на бабушку нападает насильник, она должна отнестись к этому позитивно, что она еще кому-то кажется привлекательной? Я просто логику не могу эту понять, то есть как можно искать радость в преступлении.*

С. Станкевич: *Не надо распространять заявленный мной принцип на бабушку, пожалуйста, нет. Бабушку надо жалеть в любом случае (14.02.2019).*

С. Станкевич называет агрессивные действия западных стран по отношению к России геополитическим соперничеством в связи с тем, что нас снова признали грозным и сильным геополитическим соперником (тактика смягчения оценки). В. Соловьев предпочитает называть вещи своими именами. Для того чтобы показать абсурдность данной смягченной оценки, он прибегает к использованию утрированного образа криминального нападения на бабушку – максимально незащищенный объект (тактика обвинения, а также тактика управления процессом интерпретации).

В рамках образа «криминальный мир» используется и одна из его обязательных составляющих – образ тюремной камеры, точнее – самой неприятной ее части – параша:

В. Ковтун: *Мы в рамочку повесим (речь идет о решении Совбеза ООН по газовому конфликту между Украиной и Россией), но жить будем так, как нам удобно.*

В. Соловьев: *... и вас вообще спрашивать не будут. Ваше место – вот там, где рамочки вешают, стук в дверь, а оттуда все время: занято (05.03.2018).*

Эвфемизм строится на замене устойчивого словосочетания из тюремного жаргона *ваше место у параша* (в том числе, литературная аллюзия):

«**Параша** жарг. 1. Большое ведро или кадка для испражнений и помоев в тюремной камере» [5: 577];

«**Параша**. 2) Унитаз в камере. Место у параша считается самым не-престижным. В камерах малолеток и первоходочников иногда существует правило, согласно которому опущенный должен есть, сидя на параше (или около нее)» [5: 577].

В данном случае языковая игра строится на основе намека: *ваше место – у параша*, то есть положение адресата в политическом мире (через его криминальную интерпретацию) является самым плохим. Несмотря на вторичность формы, данный фрагмент текста реализует коммуникативную тактику очернение.

Микроконцепт «криминальный мир» делит глобальный мир *на наш двор и чужой двор*; описывает свой двор – *грозный и сильный геополитический соперник, наводит порядок*; называет стороны – *американцы, Киса Воробьянинов, Мишка Денисенко*; характеризует отношения между сторонами – *геополитическое соперничество, преступление*; называет агрессивные действия сторон – *соватья, напугать (пугать), на бабушку нападает насильник*, а также ответные действия – *защищать, получить*; указывает на реальное место украинской власти (политиков) в этом мире – *«у парашии»*.

Специфика данного образа обусловила наличие при его реализации доминирование коммуникативных тактик угроза и очернение, которые сопровождаются также тактиками развенчания, обвинения, предостережения, констатации факта и план. Обсуждение данной темы преимущественно со своими единомышленниками объясняет наличие метакоммуникативных тактик смягчения оценки и управления процессом интерпретации.

4. Образ «животный мир». Образ животного мира активно эксплуатируется в политическом медиадискурсе. Политики предстают в качестве животных, а отношения между ними сродни животным отношениям. Например:

В. Жириновский: *Вы не понимаете, что живете в зверинце.*

В. Соловьев: *Вот как жестко. Жестко, да.*

В. Жириновский: *Чаща, да. Кругом хищные звери. Давайте сядем за стол переговоров.*

С. Станкевич: *Ну какие звери, ну что вы.*

В. Жириновский: *С кем? В мире. Какие вы там хищники – вы ...вы зайчики.*

В. Соловьев: *Прервемся на рекламу. Ряд зайчиков сейчас ускочит. После рекламы у нас будет Украина... (24.01.2019).*

В программе речь шла про Венесуэлу, где возможно было развитие разных вариантов: государственный переворот, революция или гражданская война. В стране создалось двоевластие: действующего президента Николаса Мадуро поддерживала армия и полиция, а самопровозглашенного Хуна Гуайдо – США и еще более десятка стран.

В. Жириновский характеризует глобальный мир как *зверинец, чащу*, в которой полно *хищных зверей*. При этом украинскую политическую элиту он квалифицирует не как *зверей* или *хищников* (это относится к западным странам; тактика обвинения), а как *зайчиков*, т.е. не представляющих собой никакой реальной силы или значимости в мире *хищных зверей* (тактика развенчания).

«**Зайчик**. Уменьш.-ласк. к Заяц» [2: 324].

При этом некоторые повадки настоящих хищников украинским политикам все же присущи: действие на уровне инстинктов, отсутствие разумности, жестокость, свирепость, дикость. Однако у *зайчиков* и *тараканов* эти качества настоящих хищников проявляются лишь по отношению к мертвой жертве (тактика обвинения и обличения). Например:

284 | Но когда, в том числе и в украинских СМИ, радовались убийству ребят и ребят с ВГТРК, и с Первого канала, и с РЕА.... Какая-то странная звериная иррациональная радость (17.06.2019).

Иногда используется образ сказочных животных, например:

В мире сейчас есть растущий дракон – это Китай, который абсолютно четко и ясно ставит свою задачу и неслучайно мы видим его в Европе. В мире есть другой дракон – это Америка, который решает свои задачи. В этих задачах, понятно, не допустить существования союза России и Германии, что ослабляет Евросоюз. И моментально Украина играет роль, еще определенной Пилсудским вместе с Польшей, как буфера. И тогда Украина ясно, зачем нужна (25.04.2019).

«**Дракон.** 1. Сказочное чудовище в виде крылатого огнедышащего змея, пожирающее людей и животных» [2: 282].

Образ дракона по отношению к Китаю имеет положительные коннотации («большой, сильный» – тактика похвалы), по отношению к США – негативные («пытается удержаться на плаву за счет подавления окружающих» – тактика обвинения). Этому способствует разное отношение к образу дракона в восточной и западной культурах. Дракон – это символ Китая, в китайской культуре символ доброго начала. Дракон в христианской культуре – негативный образ.

Все же чаще используются негативные образы «животного» мира, например:

Наблюдать, как этот гадючник сейчас расплзается. Как можно посмотреть на то, что сейчас происходит с блоком Петра Порошенко, побежали все, дружно. (30.05.2019).

«**Гадючник; Гадюшник.** Разг. 1. Место обитания, скопления гадюк. 2. Сниж. О коллективе, в котором преобладают отношения взаимной неприязни, вражды, ненависти» [2: 191];

«**Гадюшник.** 1. Груб.-прост. Коллектив, где преобладают отношения вражды, злобных склок, аморальность» [5: 126].

Украинский политический бомонд – это взаимная неприязнь, вражды, ненависть, злобные склоки, аморальность (тактика обвинения и очернения).

Следующий пример:

В. Соловьев (о неонацистах в Украине): *Я, кстати, замечал, если не говорить о тараканах, они все равно никуда не деваются* (15.05.2019).

Сравнение неонацистов с насекомым-вредителем помогает создать запоминившийся негативный образ (тактика очернение).

Реже используется образ отходов жизнедеятельности животных (тактика очернение), например:

Народ, не желая смешивать, как вы, Вадим, говорите, все в кучу. Но я понимаю, потому что народ Украины, конечно, устал от этих куч с навозом, да, он не хочет их смешивать (25.03.2019).

Микроконцепт «животный мир» рисует картину современной политической жизни в мире и в Украине: политическая жизнь – это *чаща, зверинец*; западные политики – *хищные звери, драконы*, украинские политики – *зайчики*; повадки украинских политиков – *звериная иррациональная радость* по отношению к мертвой жертве; украинские неонацисты – *тараканы, куча с навозом*.

Данный образ чаще всего реализуется при помощи коммуникативных тактик обвинения и очернения, а также развенчания и обличения; иногда встречается тактика похвалы в отношении партнеров России (например, Китая).

5. Образ «Библейский мир». Библия ассоциируется в сознании людей с высокими моральными принципами, а потому изначально вызывает положительные ассоциации. Образ Библейского мира, накладываемый на грязный политический мир Украины, на контрасте порождает не просто комический, но даже трагикомический эффект, реализуя тем самым коммуникативную тактику развенчание.

В. Соловьев о А. Турчинове: *Это ты цитируешь кровавого пастыря.* (30.05.2019).

«**Пастырь**, *рел.* Священник, руководитель паствы» [9: 31];

«**Кровавый**. Запятнавший себя кровью многих жертв» [1: 471].

Слово *пастырь* в первичном значении нейтрально, а в переносном, которое не отражается словарями («духовный наставник, учитель, помощник») имеет положительную коннотацию:

«**Учитель**. 2. Человек, обладающий высоким авторитетом для кого-л. В какой-л. Области, имеющий последователей» [2: 1411].

В словосочетании же *кровавый пастырь* оно приобретает негативные коннотации (тактика обвинения, развенчания).

Используются и другие библейские образы:

В. Ковтун (о В. Соловьеве и его позиции по Украине): *Я, Владимир ээ... (забыл отчество ведущего).*

В. Соловьев: *Рудольфович.*

В. Ковтун: *Рудольфович, Понтий Пилат.*

В. Соловьев: *А ты у нас Иисус?*

В. Ковтун: *Нет, я просто.*

В. Соловьев: *Ты просто что?*

В. Ковтун: *Я добрый самаритянин.*

В. Корнилов: *Иудушка.*

В. Ковтун: *Я добрый самаритянин.*

В. Корнилов: *Иудушка.*

В. Соловьев: *А ты точно уверен, что ты помнишь, чем прославились добрые самаритяне?*

В. Ковтун: *Он помогал Иисусу нести крест.*

В. Соловьев: *Вот я про то же, то есть ты пойдешь рядом. Я хочу понять, у тебя Иисус кто? Порошенко?*

В. Ковтун: *Я шел на, я был на Голгофе.*

В. Соловьев: *Я в курсе, да. Жаль, что оттуда ушел. Так ты мне скажи, так ты Порошенко? Так ты в Порошенко-Иисуса веришь? И вот ты поможешь Порошенко нести его крест?*

В. Ковтун: *Я не персонализирую (30.05.2019).*

Понтий Пилат – римский прокуратор, который известен как жестокий руководитель, на руках которого было много крови (тактика обвинения). Однако в Библии при решении о распятии *Иисуса* только *Понтий Пилат* выступает против. Но он был вынужден подписать смертный приговор *Иисусу*.

В. Соловьев называет В. Ковтуна *Иисусом* (тактика развенчания). В. Ковтун принимает образ *доброего самаритянина* (тактика обеления). В. Корнилов вступает в беседу и называет В. Ковтуна *Иудушкой*, то есть предателем (тактика обвинения).

Далее образ *Иисуса* переносится на П. Порошенко с негативным оттенком. Дело в том, что в программе обсуждалась вероятность того, что после прихода к власти нового президента, П. Порошенко либо посадят, либо он сбежит (это его *Голгофа*). Получается *крест* П. Порошенко в этом и состоит. Значит, В. Ковтун тоже должен разделить участь *Иисуса*, в которого он верит (*нести его крест*).

В программе 25.03.2019 поднимался вопрос о том, что П. Порошенко был замешан в убийстве своего брата. Его самого называют *Каином* (тактика обвинения), а само действие – *грехом Каина*:

У вас Каин страной правит. Он брата своего убил. И я не хочу в это верить ни за что, потому что, ну, как бы я не относился к Порошенко, но грех Каина на себе носить, ну это просто за пределами (25.03.2019).

Микроконцепт «Библейский мир» включает в себя все ключевые компоненты мира политического: политики – *Иисусы*, *Иудушки*, *Понтии Пилаты*, *Каины*, *добрые самаритяне*, *кровавые пастыри*; их деяния – *грех Каина*; их будущее – *нести крест*, *Голгофа*. Реализует он чаще всего коммуникативные тактики обвинения и развенчания, а также обеления.

6. Образ «ирреальный / загробный мир». Образ загробного мира – популярная метафорическая модель в политическом медиадискурсе: *Но есть какие-то пределы, которые нельзя переступить. Ну, идет избирательная кампания. Ну, ощущение, что просто могильные плиты сдвигаются в стороны. Вот прям-таки Николай Васильевич Гоголь. И действительно, какие-то совершенные ужасы поднимаются с погоста (25.03.2019).*

«**Погост.** Сельское кладбище» [2: 856].

Д. Куликов: *Это хитрый расчет: сидят головы в штабе и думают, когда надо вбрасывать компромат. Подсчитали – лучше всего в последнюю неделю.*

Понимаете, что интересно: все это все знали, и на каждого есть чемодан, потому что это способ контролировать друг друга. Если ты рыпнешься.

В. Соловьев: *А как их-то в Европу пускают?*

Д. Куликов: *Я про вот это, я вот это расскажу.*

В. Соловьев (не дожидаясь ответа собеседника): *У них у каждого такое кладбище, что они в Европу и не едут (25.03.2019).*

Как можно посмотреть на то, что сейчас происходит с блоком Петра Порошенко, побежали все, дружно. Труп Петра Алексеевича Порошенко еще даже не начал покрываться характерными пятнышками, а Кононенко, армейский друг, который отвечал за все его потоки, уже убежал... (30.05.2019).

Политический мир Украины – это кладбище, погост с могильными плитами, а политики мертвецы, трупы, совершенные ужасы, т.к. за каждым длинный хвост преступлений (тактика развенчания).

После просмотра видео с участием М. Саакашвили, в котором он обвиняет П. Порошенко в грязном пиаре, В. Соловьев говорит следующее: *Посмотрите, вот можно еще раз картинку вывести? Вот Дмитрий очень точно заметил: это же картинка из ада. У него за спиной вот плавают эти языки пламени. Петя смотри на Мишу – тебя тоже ждет ад. И звуки как в котле. Но Мишико предупредил и тут же последовал ответ, видеоответ, видно машэ ужэ работает (03.04.2019).*

Во время видеобращения за спиной М. Саакашвили просматривался красный фон, на котором иногда мигал какой-то свет, что и породило ассоциации с адом и языками пламени. В. Соловьев обращается «по-домашнему» [Иссерс 1999: 124] к политическим лидерам (*Петя и Миша*), что снижает их значимость и способствует реализации коммуникативной тактики угроза расплатой за содеянное. И в конце он имитирует речь М. Саакашвили, что усиливает конфронтационность коммуникативной тактики развенчания.

Политический мир Украины – это кладбище, погост с могильными плитами, а политики мертвецы, трупы, совершенные ужасы, т. к. за каждым длинный хвост преступлений (тактика развенчания).

Общая картина загробного мира дополняется образом расплаты за грехи: *ад, языки пламени, котел.*

В целом данный образ реализует коммуникативную тактику развенчания, которая усиливается тактикой угроза.

7. Образ «рабовладельческий мир».

Д. Куликов (о Ю. Тимошенко): *Первое, что нужно понять – это высокую степень контроля американцев за тем, что происходит (03.04.2019).*

С. А. Багдасаров (комментирует позицию своего оппонента В. Ковтуна по Украине): *Украина – это не самостоятельное государство, точнее ее руководство не являются руководителями самостоятельного плана, это холоуи Соединенных Штатов. Вы даже посмотрите, как Слава себя ведет.*

288 | При слове «Соединенные Штаты» начинает прыгать, целовать все в восторге и говорить: «О, США – это все, это все!». Это психология вассалов (05.03.2018).

Политическое руководство, а потому и вся Украина находятся под полным контролем со стороны США, выполняют роль *холуев* и *вассалов*:

«**Холуй**. Разг. 2. О раболепствующем, прислуживающемся человеке» [2: 1056];

«**Вассал**. 2. Книжн. О том, кто (что) подчиняется кому-, чему-л., зависит от кого-, чего-л.» [2: 112].

Данная оценка приобретает оттенок субъективной в силу нарушения сферы функционирования лексем (тактика обвинения и очернения): *холуй* (понижение стилистического регистра) и *вассал* (повышение стилистического регистра). На тактику очернения также работает прием гротескного изображения реакции оппонента (При слове «Соединенные Штаты» начинает прыгать, целовать все в восторге), а также прием преувеличения (...и говорить: «О, США – это все, это все!»).

Имплицитно репрезентированы и образ рабовладельца – США (США – это все), а также образ обобщенного представления данного явления в целом, причем через противопоставление: *рабство* – *свобода*.

В качестве контраргумента В. Соловьев приводит Ийсифу Райхельгаузу пример проявления рабской психологии из сталинских времен:

И напомию, интеллигенция не встала против Сталина, а лизала и целовала все, что давали лизать и целовать (05.03.2018).

«**Лизать**. 3. пренебр. Целовать. ◊ Лизать пятки (ноги, руки) кому. Пресмыкаться, унижаться перед кем-то, подхалимствуя» [2: 182];

«**Лизать зад кому, вульг.** Пресмыкаться, **холуйствовать** перед кем-л.» [2: 239].

В данном фрагменте текста также представлено обвинение (тактика обвинения и очернения) в *холуйстве* (*холуйствовать*), которое адресовано, в том числе его собеседнику.

Некоторые из этих образов уже изначально являются негативными: «организм и болезнь», «криминальный мир», «животный мир» (применительно к человеку), «ирреальный / загробный мир», «рабовладельческий мир». Другие – приобретают негативную значимость в исследуемом дискурсивном пространстве: «театр», «Библейский мир».

Данные метафорические образы реализуют широкий набор коммуникативных тактик деструктивного плана. Самыми частотными выступают коммуникативные тактики обвинения, очернения, развенчания и обличения. Намного реже применяются тактики угрозы, предостережения и план. Тактики похвалы, обеления и смягчения оценки встречаются крайне редко. Относительно активно используются метакоммуникативные так-

тики управления процессом интерпретации и контроля над инициативой (перехват инициативы), направленные на регулирование коммуникации дискуссионного типа.

Установленные коммуникативные тактики реализуют, как правило, две основные коммуникативные стратегии. Первая направлена на дискредитацию предмета речи, а потому выполняет роль инструментальной: это, как правило, политическая власть Украины, действия США и подобное. Вторая предполагает формирование вполне определенного общественного мнения и выступает в качестве содержательной.

Несмотря на позитивные цели, которые преследуются в рамках политического политических ток-шоу В. Соловьева, в целом данное коммуникативное пространство представляется чрезвычайно агрессивным, а потому деструктивным. В исследуемом политическом медиадискурсе четко различается установка на конфликт, которая, однако, предполагает применение коммуникативных инструментов и кооперационного типа. Любой коммуникативный конфликт предполагает применение средств речевой агрессии, которая, однако, с учетом формата политического ток-шоу В. Соловьева изначально не задумывается в качестве переходной по отношению к зрителю. Однако коммуникативное поведение участников ток-шоу В. Соловьева, в первую очередь, самого ведущего, воспринимается зрителем как превышение допустимого уровня речевой агрессии. Следствием этого является то, что непереходная агрессия ток-шоу трансформируется в переходную: «как бы «переадресуется» конкретным окружающим людям, никак лично не повинным в состоянии агрессора» [7: 167–168; см. также: 11: 213].

Литература

1. Баранов А. Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание. М., 1990. 214 с.
2. Большой толковый словарь русского языка [Текст] : А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 1998. 1534 с.
3. Иванова Ю. М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: дис... канд. филол. наук. Волгоград: 2003. 138 с.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: дис... докт. филол. наук. Омск: 1999.
5. Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка : Ок. 16 000 слов / Д. И. Квеселевич. М. : Астрель : АСТ, 2003. 867 с. С. 159.
6. Кошкарлова Н. Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве: Дис. ... докт. фил. наук. Екатеринбург, 2015. 441 с. С. 132.

- 290 | 7. Михальская А.К. Педагогическая риторика.: Учеб. пособие : Для студентов пед. ун-тов и ин-тов / А. К. Михальская. – М. : Изд. центр «Академия», М., 1998. 432 с.
8. Норманн Б. Ю. Грамматика говорящего / Б. Ю. Норманн; Санкт-Петербург. гос. ун-т. - СПб. : Изд-во Санкт-Петербург.ун-та, 1994. 227 с.
9. Словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1985–1988. Т. 3. 752 с.
10. Русский Викисловарь: сайт. https://ru.wiktionary.org/wiki/Приложение:Список_фразеологизмов_русского_языка.
11. Чернышова Т. В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 207–214.
12. Grice P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3, Speech Acts. Ed. by Peter Cole and Jerry L. Morgan. New York: Academic Press, 1975.
13. Leech G. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.

Nataliya V. Peshkova

METAPHORICAL MODELS OF REALIZATION OF CONFRONTATIONAL INTENTIONS

Abstract. This article examines the most common metaphors, as well as detailed metaphorical images that implement confrontational-type communicative intentions in the programs «Evening with Vladimir Solovyov» and «Sunday evening with Vladimir Solovyov».

Keywords: metaphor, detailed metaphor, media discourse, confrontational strategies.

ДИСКУРС-АНАЛИЗ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ЭКСПЕРТНОМ ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Аннотация. В статье выявляются возможности дискурс-анализа языковой личности как одного из способов экспертного исследования материалов социальных сетей. На материале экспертизы страницы пользователя социальной сети «ВКонтакте» показана эффективность данного метода, выявлены его особенности.

Ключевые слова: дискурс-анализ, экспертиза, социальные сети, онлайн-коммуникация, лингвистическая экспертиза, дискурсивная личность, виртуальная личность.

Онлайн-коммуникация, реализуемая посредством социальных сетей, имеет широкое распространение в современном мире. Быстрое развитие интернет-коммуникации с каждым годом дает все больше возможностей ученым разных научных областей исследовать онлайн коммуникацию как динамичный процесс, протекающий в условиях различных дискурсивных пространств. В отечественной науке социальные сети и интернет-дискурс в целом объектом исследования стали около десятилетия назад, поэтому актуальной проблемой является поиск эффективного метода для исследования социальных сетей. Особенно актуальной данная тема становится при экспертном анализе материалов, созданных пользователями социальных сетей.

С появлением социальных сетей у пользователей киберпространства появилась возможность непрерывной онлайн-коммуникации в разных формах: привычное диалогическое общение, публичные высказывания в форме монолога, коллективное обсуждение какой-либо темы посредством комментариев, выражение своего одобрения или неодобрения с помощью комментариев или оценок и т. д. Все это дает возможность для свободного выражения мнения, которое может стать объектом исследования, прежде всего лингвистического. На наш взгляд, современная дискурсология обладает достаточным запасом эффективных методик, способствующих реализации экспертных исследований. В данной статье речь идет о дискурс-анализе как об особом инструменте

292 | интерпретации текстов, применение которого возможно в качестве диагностики речевых преступлений разных типов, совершаемых пользователями социальных сетей. При производстве экспертизы дискурс-анализ предстает как способ интерпретации, позволяющий установить наличие или отсутствие в текстах признаков конфликтности, выступает средством решения задач, которые поставлены перед лингвистом-экспертом.

На наш взгляд, при решении экспертных задач стоит говорить не просто о дискурс-анализе, а о дискурс-анализе языковой личности. Современная дискурсивная теория речевого поведения показывает, что языковая личность на самом деле является речевой личностью: при описании языковой личности нам недостаточно исследования только семантико-синтаксического уровня, принципов организации лексикона, стилистических предпочтений, индивидуального словоупотребления, особенностей идиостиля. Тезаурус как когнитивная категория может быть реализован только в дискурсе – «элементе социальных действий и интеракций» [6: 2]. Мы полагаем, что корректнее будет говорить о дискурсивной личности – языковой личности, существующей в интеракционном контексте; участнике коммуникации, в условиях которой происходит выбор языковых средств в соответствии с речевой стратегией. А в случае экспертного исследования социальных сетей речь должна идти о дискурсивной виртуальной личности (онлайновой личности), которая идентифицирует себя через создание собственных текстов. Такая личность обладает совокупностью индивидуальных стратегий и тактик коммуникации, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений.

Некоторые задачи, поставленные перед экспертом, могут быть решены только с помощью дискурс-анализа языковой личности. В данном случае актуальным становится портретирование виртуальной дискурсивной личности.

Анализ последних исследований по проблеме дискурс-анализа в интернет-пространстве показал, что современные научные работы, касающиеся изучения дискурс-анализа, в большинстве своем направлены на исследование политического дискурса (В. И. Герасимов, О. А. Толпыгина, А. Ю. Шевченко, Е. В. Соломина и др.), речевых практик в СМИ (Р. В. Головина, Э. В. Чепкина, А. Б. Цымбаленко, А. Б. Бушев), которые так или иначе связаны с онлайн-пространством. Так, например, благодаря дискурс-анализу были исследованы и выявлены способы создания политической иронии в постах социальных сетей (работа А. Саниной); установлены особенности ведения диалога власти с народом, выделены специальные речевые тактики, наиболее популярные в политическом дискурсе (работы К. Неверова и Д. Будко); стратегии доминирования и их воздействие на адресата (В. Шпайзер). Ученые приходят к выводу, что дискурс-анализ является относительно новым подходом для анализа явлений социальной жизни. Универсальность метода позволяет анализировать разноплановые объекты, и именно это

предопределяет широкое распространение данного метода. Исследования социальных сетей проводятся такими учеными, как М. Б. Бергельсон, А. Е. Войкунский, Е. Н. Галичкина, Б. Ю. Городецкий, Е. И. Горошко, Д. А. Губанов, К. Е. Гурин. Ученые отмечают, что оценка материалов социальных сетей представляет трудность, прежде всего потому, что требуется комплексная экспертиза содержания платформ специалистами разных сфер, а также существует необходимость выработки методов для экспертного исследования социальных сетей. Однако работ, посвященных непосредственно дискурс-анализу как методу исследования социальных сетей, а особенно лингвистической экспертизы материалов интернет-дискурса (работы Д. В. Алексева, П. С. Копыловой, Н. А. Юшкиной, М. А. Панариной и др.), недостаточно для формирования полной картины эффективности данного метода. Л. Р. Дускаева в своей работе показывает, как дискурс-анализ может быть использован для экспертизы текстов экстремистской направленности, так как, по ее мнению, «именно этот подход позволяет обнаружить влияние социальных смыслов на денотативный и коннотативный компоненты значений языковых единиц и их недопустимость в конкретном тексте» [3: 61]. Н. В. Кривошапова, рассматривая особенности дискурс-анализа высказываний оскорбительного характера в аспекте лингвистической экспертизы, приходит к выводу, что дискурс-анализ дает возможности эксперту «точно определить факт наличия слов и выражений оскорбительного характера даже в тех материалах, где оскорбление имплицитно» [5: 82].

Цель данной статьи – установить особенности использования дискурс-анализа при экспертном лингвистическом анализе социальных сетей и обосновать эффективность данного метода.

Чтобы выяснить, как дискурс-анализ может быть использован в ходе экспертизы, необходимо дать определение дискурсу в целом, понятиям «дискурс-анализ», «интернет-дискурс», «социальные сети».

С момента появления понятия дискурс стал выступать в качестве самостоятельного термина, который, однако, продолжает оставаться сложным понятием современных структурно-семиотических исследований: до сих пор так и не решилась проблема поиска однозначной дефиниции.

Дискурс всегда рассматривается как динамический процесс, в ходе которого используется язык для реализации речевого взаимодействия в определенной речевой ситуации. В. И. Карасик рассматривает дискурс как «текст в ситуации речевого общения» [4: 246]. Е. И. Шейган, в свою очередь, в работе «Семиотическое пространство политического дискурса» указывает, что дискурс следует рассматривать как систему коммуникации, некое пространство, в котором происходит коммуникативная практика. При этом под реальным измерением ученый понимает речевую деятельность, происходящую в данный момент и то, что получается в результате этой деятельности, а именно тексты [8: 42].

Н. Д. Арутюнова понимает дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими) факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания, когнитивных процессах» [1: 136–137].

Говоря о дискурс-анализе, стоит отметить, что возник он гораздо раньше, нежели понятие собственно дискурса, хотя широкое распространение получил в последние десятилетия. О методологии дискурс-анализа стали говорить в контексте возможности осмысления роли языка в социальной жизни.

По словам А. Б. Бушева, «дискурс-анализ – это интерпретация текста в конкретных исторических обстоятельствах, в конкретной культуре, в конкретных условиях» [2: 275]. В исследованиях Н. В. Кривошаповой дискурс-анализ понимается как комплекс методов интерпретации текстов или высказываний. При этом рассматриваются они исключительно в рамках определенной ситуации, в конкретных условиях [5: 73]. Данный метод является техникой интерпретации, позволяющей выявлять идеологические, социокультурные, политические и многие другие предпосылки высказывания.

О. Ю. Усачева считает, что интернет-дискурс в целом представляет собой «вербально-невербальный продукт, взятый динамически, то есть в процессе его создания и рецепции в условиях особой коммуникативной среды – глобальной компьютерной среды» [7: 98].

Социальные сети представляют собой специальную публичную площадку, которая дает возможность для неформального и официального общения. Под социальными сетями мы, вслед за Л. П. Шестеркиной, понимаем интерактивный веб-сайт, содержание которого создается пользователями конкретной сети. Это некая платформа, предназначенная прежде всего для коммуникации между ее участниками [9: 61].

Использование дискурс-анализа в исследовании социальных сетей может быть применено к анализу, например, постов (публикаций) на определенную тему, созданных конкретными пользователями. Выборка материалов для анализа производится в рамках одной социальной сети (например, Twitter, Facebook²⁵, Вконтакте и др.) или с помощью сравнения похожего материала в разных социальных сетях. Киберпространство позволяет письменной коммуникации функционировать в качестве устных высказываний (так называемой естественной письменной речи), поэтому необходимо определить, на что способен дискурс-анализ при изучении коммуникации и контекста, в котором она протекает. Например, посты в социальной сети как текст могут быть представлены, во-первых, как сама публикация и комментарии к ней, а во-вторых, как веб-страница в целом (например, профиль пользователя

²⁵ Принадлежит организации, признанной экстремистской в Российской Федерации.

или страница сообщества). Поэтому следует учитывать мультимодальный характер дискурс-анализа: одновременное содержание изображения, текста, комментариев, ссылок; возможность высказывать мнение в пользу поддержки текста с помощью «лайка»; постоянную динамику дискурса. Виртуальная личность создает воображаемые миры, при этом отражая реальное положение дел в языке и в обществе. Это положение дел закладывается в интерактивную природу виртуального общения, в характер обратной связи.

Рассмотрим применение дискурс-анализа в экспертизе материалов социальной сети «ВКонтакте», принадлежащих пользователю «А».

Перед экспертом был поставлен ряд вопросов. Рассмотрим некоторые из них:

1. Содержатся ли в представленных материалах высказывания, содержащие побуждения к действиям, направленным против какой-либо религии, нации, расы, социальной группы или отдельных лиц как их представителей, каким именно действиям?

2. Содержится ли в представленных материалах прославление нацизма и возвеличивания нацистских организаций, лиц и их руководителей?

При ответе на поставленные вопросы был проведен анализ страниц (профилей) указанных пользователей. Были выявлены следующие атрибуты: фото, видео, текстовые материалы, размещенные статьи, страницы, на которые подписан «А» («Тысячелетний Рейх», *Wermacht*, Новая Русь, НС-ПЛАЦДАРМ, «Железный крест»).

Было установлено, что на страницах пользователя «А» не содержатся непосредственные высказывания, содержащие побуждения к действиям, направленным против какой-либо религии, нации, расы, социальной группы или отдельных лиц как их представителей. Как мы видим, анализ отдельно взятых высказываний не способен гарантировать точную экспертизу. Коммуникативный замысел автора возможно установить при полном анализе дискурса: публикация на странице фотографий, видеоматериалов, цитирование публичных источников (в нашем случае сообществ), авторский текст, музыкальные фрагменты, изображения, содержащиеся в папке «Фотографии», статус на странице пользователя, публикации, отмеченные «лайком», то есть получившие положительную оценку пользователя и т. д. Полный анализ данных позволяет составить портрет языковой личности, определить ее аксиологические аспекты, социальные приоритеты.

Стоит также помнить и об особенностях интернет-коммуникации: формат личной страницы пользователя социальной сети – это средство публичного предъявления языкового портрета владельца личной страницы с точки зрения социальных (и, нередко) политических приоритетов.

Экспертиза показала, что в качестве социальных и политических приоритетов на странице «А» фигурируют:

- 1) видеофайл «Deutsche Wermacht Hollemarsch» с записью марша солдат гитлеровской Германии, длительностью записи 3:54 (36 просмотров);
- 2) «Mein Kampf» как любимая книга;
- 3) плакат с изображением юноши с повязкой с фашистской свастикой и надписью: «Я помню! Я горжусь!» (страница «Тысячелетний Рейх»);
- 4) плакат с надписью: «Национал-социализм – это русское завтра!» (страница НС-ПЛАЦДАРМ);
- 5) текст с описанием доктрины русского Национал-Социализма, заканчивающийся лозунгом «Там, где есть мы, нет места никому другому» (страница НС-ПЛАЦДАРМ);
- 6) текст, маркированный как Полк_Азов, содержащий высказывание: «Небольшевистский монстр должен быть уничтожен. Любой ценой» (страница НС-ПЛАЦДАРМ).

Перечисленные материалы свидетельствуют о том, что среди личностных приоритетов, презентуемых автором страницы, доминирует национал-социалистическая идеология. Перечисленный материал сопровождается репликами, содержащими интенцию одобрения, например: «Тысячелетний Рейх. Доброе утро». Все возможные интерпретации фразы над фотографией парада фашистских войск демонстрируют эту интенцию: «утро доброе, когда видишь это»; «утро, как рассвет идей Рейха – это доброе утро»; «утро доброе, когда думаешь о победном марше войск Рейха» и т. д.

Все это доказывает приверженность «А» националистическим идеям, что позволяет расценивать «А» как субъекта политической деятельности.

Функция самопрезентации личной интернет-страницы позволяет рассматривать отдельные фрагменты текста, используемые «А» на страницах, на которые он подписан, в качестве цитат. В условиях массовой коммуникации, каковой несомненно является интернет-коммуникация, цитата – это средство обобщения и подтверждения своего мнения ссылкой на авторитетный источник, цитата – мощное средство формирования языкового портрета личности, который, будучи представлен в СМИ, играет важную роль воздействия на общественное и личное мнение.

Таким образом, цитата: «Небольшевистский монстр должен быть уничтожен. Любой ценой», содержащаяся в тексте, размещенном на странице НС-ПЛАЦДАРМ, может быть оценена как косвенный речевой акт самого автора страницы и, следовательно, «А» может быть признан соавтором данного высказывания, содержащего побуждения к действиям, направленным против Российской Федерации, что следует из контекста: «Мы <...> рады, что порочная и насквозь больная власть тюрьмы народов под названием «Российская Федерация» вынуждена пожинать кровавые плоды своей декларируемой многонациональности. <...> Небольшевистский монстр должен быть уничтожен. Любой ценой. Никаких компромиссов». Анали-

зируемое высказывание может быть признано призывом (речевым актом, обращенным к адресату с целью побудить его выполнить некое действие), т. к. оно отвечает всем критериям РА призыва:

1) обсуждаемые действия являются частью общественно-значимой деятельности – политической;

2) коммуниканты являются политическими субъектами или их представителями – в данном случае участниками или сторонниками националистического движения;

3) сам РА – часть общественно-политической коммуникации, т.е. обладает публичностью – на момент осмотра страница НС-ПЛАЦДАРМ содержит 319 записей, количество подписчиков – 6134.

Таким образом, на первый вопрос может быть дан положительный ответ: представленные материалы содержат признаки побуждения к действиям, направленным против какой-либо религии, нации, расы, социальной группы или отдельных лиц как их представителей. В частности, это скрытый призыв к уничтожению Российской Федерации как «небольшевистского монстра». Выбор этих материалов с соответствующих сайтов «А» и размещение на своих страницах демонстрирует ценностное отношение к содержанию указанных материалов и, следовательно, может свидетельствовать о том, что «А» полностью разделяет провозглашаемые суждения.

Второй вопрос экспертизы предполагал установление наличия в представленных материалах факта прославления нацизма и возвеличивания нацистских организаций, лиц и их руководителей.

В ходе анализа дискурса личной страницы «А» в социальной сети «ВКонтакте» были выявлены следующие компоненты, демонстрирующие прославление нацизма и возвеличивания нацистских организаций, лиц и их руководителей:

1) изображение, представляющее собой демотиватор: черная рамка, внутри которой на красном полотнище с белым кругом в центре изображена часть черной правосторонней наклонной свастики. Внизу демотиватора содержится надпись: «Солнышко всходит» (изображение является репостом из группы «NS idea»). Данный пост – демонстрация позитивных эмоций по поводу возрождения идей нацизма;

2) пост с текстом: *«Германия при Гитлере была совершенно не той страной, какой нам изображает ее мировая «масс медиа». Лжецы, захватившие средства массовой информации во всем мире, отлично осведомлены об этом, как знают они и о том, что для них не нашлось бы «кормушки» при Гитлере в созданном им Третьем Рейхе. Это было государство для тружеников, создавших благополучие собственными руками и собственным интеллектом, и паразитам там не было места»* (репост из группы «NS idea»);

3) изображение, представляющее собой коллаж из нескольких изображений с надписями. Первое изображение (слева): фотография неряшливого, нищего, неприятного человека, в черно-белых оттенках. Ниже представлена надпись: «*Советский человек*». Второе изображение (справа): фотография приятного, опрятного, чисто одетого молодого человека, в ярких тонах. Ниже надпись: «*Национал-социалист*». Под фотографиями надпись большими буквами: «*С кем ты?*» (репост из группы «NS idea»). Данный пост, содержащий фотографии людей, маркированных как «советский человек» и «национал-социалист», содержит процедуру визуальной персонификации, когда положительные качества внешности «национал-социалиста», изображенного на фотографии, противопоставляются неприглядности «советского человека». Тем самым реализуется акт возвеличивания лиц, причисляющих себя к идеям национал-социализма;

4) изображение с надписью: «*Как видят нормальные люди – как видит быдло*» (репост из группы «NS idea»). Данный пост направлен на реализацию имплицитно выраженной идеи: все, кто не разбирается в символике и атрибутике национал-социализма, – является «быдлом». Тем самым реализуется акт возвеличивания лиц, причисляющих себя к идеям национал-социализма.

Изученный материал позволяет, на наш взгляд, дать положительный ответ на поставленный вопрос: материалы, которые содержатся в сети Интернет на личной странице «А», доступ к которым является свободным, содержат прославление нацизма и возвеличивания нацистских организаций, лиц и их руководителей.

Выводы. При производстве лингвистической экспертизы не всегда бывает достаточно анализа только стенограммы материалов, выдвинутых на экспертизу, только устных или письменных источников. Использование базовых методов экспертологии – лексико-семантического, семантико-синтаксического, контекстуального, лингвокультурного – безусловно, является эффективным, однако не для всех поставленных перед экспертом задач. Дискурс-анализ, на наш взгляд, является наиболее продуктивным за счет его широкой методологической и инструментальной базы, которая позволяет проводить исследования дискурса «изнутри», составлять целый, комплексный портрет языковой, а точнее, дискурсивной личности на разных уровнях: вербально-семантическом, когнитивном, мотивационном. Дискурс-анализ может помочь лингвисту-эксперту при выделении излагаемых событий, участников, обстоятельств, которые сопровождали события, фон, оценки участников события, их мотивов и ценностей.

Данный метод может выступать как основной в случае установления экстремистского содержания материалов, так как он позволяет выявить наличие или отсутствие возбуждения национальной, расовой, религиозной

вражды, пропаганды исключительности или унижения чести и достоинства конкретных лиц путем полного анализа имеющегося дискурса, а не отдельно взятых материалов.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Бушев А. Б. Популярность британских правых: партия независимости Великобритании / А.Б. Бушев, Е.А. Стерлинг / Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II Международная научно-практическая конференция. Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Международный научный семинар. / под ред. Е. А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 273–288.
3. Дускаева Л. Р. Дискурсивный анализ текстов националистической направленности в практике проведения лингвистической экспертизы // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnyy-analiz-tekstov-natsionalisticheskoy-napravlennosti-v-praktike-provedeniya-lingvisticheskoy-ekspertizy> (дата обращения: 19.07.2021).
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Кривошапова Н. В. Особенности дискурс-анализа высказываний оскорбительного характера в аспекте лингвистической экспертизы // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы : сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» (Москва, 1–2 октября 2019 г). М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. С. 73–82.
6. Синельникова Л. Н. О научной легитимности понятия «дискурсивная личность» // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 24 (63). 2011. Ч. 1. С. 454–463.
7. Усачева О. Ю. Анализ диалогической коммуникации в Интернете. – М.: Изд-во МГОУ, 2011. 370 с.
8. Шейган Е. И. Семиотическое пространство политического дискурса // Политический дискурс в России-3. М., 1999. С. 42.
9. Шестеркина Л. П. Медиатекст как целевой элемент системы журналистского образования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. Вып. 3. № 2 (261). С. 60–65.

*Kristina E. Gribkova***DISCOURSE ANALYSIS: POSSIBILITIES OF USING IN EXPERT
RESEARCH OF SOCIAL NETWORKS**

Abstract. The article identifies the possibilities of discourse analysis of a linguistic personality as one of the methods of expert research of social media materials. Based on the material of the examination of the user page of the social network «VKontakte», the effectiveness of this method and its features are shown.

Keywords: discourse analysis, expertise, social networks, online communication, linguistic expertise, discursive personality, virtual personality.

Раздел 6.

АКТИВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ И НОВЫЕ ОБЪЕКТЫ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ

НОВЫЕ ОБЪЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В КОНФЛИКТНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье с помощью изученной литературы мы подробно останавливаемся на специфике выделения системы новых объектов судебной лингвистической экспертизы и анализируем реалии в приднестровском сегменте конфликтной интернет-коммуникации.

Ключевые слова: объект судебной лингвистической экспертизы, продукт речевой деятельности, информационно-мировоззренческая безопасность, речевой и цифровой след, поликодовый и креолизованный текст.

В своих рассуждениях мы опираемся на работу «Объекты судебной лингвистической экспертизы: новые вызовы криминогенной Интернет-коммуникации» преподавателя кафедры судебных экспертиз Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидата юридических наук В. Д. Никишина [5: 79–88].

В ней автор рассматривает «агрессогенные речевые действия, создающие угрозы информационно-мировоззренческой безопасности пользователей Сети».

Вслед за В. Д. Никишиным, новые объекты судебной лингвистической экспертизы мы анализируем в контексте теории конфликта, криминалистического понимания как сложной динамической системы, обращаем внимание на значимость речевых следов, их зависимость от языковой формы речевого продукта.

Чтобы правильно истолковать новые объекты исследования, необходимо разобраться в понятийно-терминологическом аппарате. В частности, нужны четкие определения диагностируемого и диагностирующего объектов судебной лингвистической экспертизы, креолизованных и поликодовых текстов сквозь призму их полимодального восприятия. Мы также обращаем внимание на соотношение речевых следов криминогенной интернет-коммуникации и цифровых следов.

В приднестровском сегменте Интернета, как и во многих регионах, открыты группы и сообщества в социальных сетях, где культивируется критика власти самым неприличным образом. Публичное оскорбление руководства государства или отдельных республик запрещается принятым законодательством. Принцип работы подобных сообществ – размещение анонимных или псевдоанонимных публикаций через администраторов групп с целью дискредитации власти и действующего государственного строя.

Основные особенности общения через Интернет в контексте создания ситуации конфликта:

1. Социальное разнообразие.

Интернет в современном мире общедоступен, пользоваться им легко и быстро. По этой причине в сети встречаются люди из разных социальных групп, а в повседневной жизни мы обычно живем в определенных коллективах и отождествляем себя с ними, осознаем принадлежность к ним. В сети эти границы сильно размыты, и коммуниканты могут столкнуться с такими реалиями, которые без участия киберпространства никогда бы и не появились.

Социальное разнообразие интернета делает эту среду объединяющей и разъединяющей людей из разных социальных групп, позволяет общаться друг с другом, обсуждать, обмениваться мнениями и идеями, спорить и конфликтовать. Часто конфликт или криминогенное событие из сети выходит в реальный мир и становится мотивом для совершения разного рода преступлений. Есть и преступления собственно сетевые, когда незаконным мошенническим путем у пользователя крадут крупные суммы денег, авторские права, вредят его имиджу.

Что интересно, в интернете очень часто отдельные люди переходят к более тесным отношениям, что проявляется хотя бы в том, что предпочтительны контакты, которые размывают определенные демографические и социальные различия.

2. Отсутствие территориальных ограничений.

Общаться в частном порядке, как в развлекательном, так и в деловом плане мы можем из любого уголка Земли, где есть доступ в сеть. До распространения общения через Интернет межличностным контактам приходилось иметь дело с барьерами при передвижении. Сегодня практически мы можем находиться даже в нескольких местах одновременно: ничто не мешает, сидя на работе, одновременно участвовать в онлайн-тренинге и одновременно общаться с деловым партнером из-за рубежа.

Контакт в эпоху Интернета является мгновенным. Нам не нужно ни ожидать отправленного письма, ни предпринимать неоднократные попытки дозвониться по телефону. У нас есть возможность отправлять электронную почту, использовать мессенджеры, совершать звонки через Интернет.

Интернет – это не только письменное слово, у нас есть возможность использовать преимущества Skype или других форм общения, которые позволяют нам видеть и слышать собеседника. Благодаря этому барьер территориальных ограничений теряет свою актуальность. В результате появляются креолизованные тексты, которые кроме вербального компонента содержат схематическое использование невербальных средств в виде смайликов, тематических картинок, мемов.

3. Размытость временных рамок.

Общение через Интернет длится практически 24 часа в сутки. Единственным ее условием является наличие доступа в интернет. Это чрезвычайно дешевый, быстрый и легко доступный способ общения. Никогда еще не было возможности вести широкомасштабные беседы или иметь доступ к богатым источникам знаний.

Мы живем в информационном обществе, которое позволяет нам использовать сеть (в том числе и в аспекте общения) всякий раз, когда это необходимо.

Кроме полезного эффекта, ресурсы Интернета могут оказывать и негативное воздействие.

В своих работах мы упоминали о речевых действиях в интернет-медиа, посягающих на информационно-мировоззренческую безопасность, писали об использовании судебным экспертом-лингвистом специальных познаний при работе с материалами о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды [2: 268–282; 3: 334–342].

Все эти факторы способствуют развитию криминогенности в сети.

Лжеанонимность и повсеместная разрешенность также приводят к криминальным факторам.

Авторы публикаций считают свои поступки безнаказанными, часто печатают из-за рубежа, но в большинстве случаев провокаторы находятся в тех регионах, откуда и вещают. Разная степень компьютерной грамотности публикаторов приводит к иллюзии, что при удалении страниц или конфликтных материалов, возможность их восстановления отсутствует.

Специалисты по компьютерно-технической экспертизе легко находят цифровые следы и быстро восстанавливают утраченные публикации. Правовое урегулирование позволяет наказывать и за Интернетный экстремизм при соответствующей доказательной базе.

В нашей практике часто встречаются все новые объекты исследования, особенно в сфере оскорбления первых лиц государства. Авторы публикаций все более изобретательны и текстовые записи сопровождают картинками, а картинки – подкастами, видеорядами. Сами тексты все больше носят инсказательный смысл с одной стороны и обилие оскорбительной инвективной лексики с другой.

Приведем пример недавно выполненного лингвистического исследования, где лингвисту заданы следующие вопросы:

Вопросы (согласно обращению):

Содержатся ли в публикациях высказывания, выражающие публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с исполнением?

В случае обнаружения положительных ответов на заданные вопросы, просим указать, в каких именно публикациях они содержатся, с указанием конкретных высказываний, подтверждающих наличие признаков публичного оскорбления представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с исполнением

Объекты исследований и материалы, представленные для производства исследования:

– протокол оперативного исследования (предмета, документа или иного объекта) от 14.09.2020 г. на 2 (двух) листах, н/с, в адрес;

– фото-таблица, приложение к протоколу оперативного исследования (предмета, документа или иного объекта) от 14.09.2020 г. на 3 листах, н/с, в адрес.

Всего на 5 листах (после проведения исследования подлежит возврату).

Фактические данные:

В нашей компетенции провести лингвистическое исследование материалов, размещенных в социальной сети «ВКонтакте» в группе «Наша Рыбница». В контексте информации, запрашиваемой в обращении, нами проанализировано содержимое двенадцати скриншотов. Из них мы отобрали только те, что соответствуют вопросам исследования.

Источники (использован электронный ресурс <https://dic.academic.ru>) [7].

Анализ языковых средств (в соответствии с письменным текстом, оформленным в обращении)

Скриншоты № 7, 8

Пользователь «Сергей Станиславович» 27.08.2020 г. в 17 ч 31 мин опубликовал следующее: *«Тупой дебил...А наши идиоты ищут варианты...а вы покажите Презику под микроскопом дырки в масках и величину инфекционной бактерии))) Но с его сообразительностью – он ответит что бактерии гуляют «семьей» по 12 человек, поэтому через дырочку в маске не пролезет))»*

Скриншоты № 11, 12

Пользователь «Сергей Станиславович» 27.08.2020 г. в 17 ч 41 мин опубликовал следующее: *«Зачем публиковать самого тупого президента в мире? Чисто поржать или что?»*

тупой

прил.

1) Недостаточно отточенный, чтобы хорошо резать или колоть (противоп.: острый).

- 2) Расположенный противоположно режущему краю, заостренному концу.
- 3) Закругляющийся, расширяющийся к концу.
- 4) перен. Лишенный остроты, тонкости восприятия; ослабленный (об уме, органах чувств).
- 5) а) перен. Умственно ограниченный, неспособный, несообразительный (о человеке).
- б) Свидетельствующий об умственной ограниченности.
- 6) перен. Пришедший в состояние отупения; равнодушный, безразличный (о человеке).
- 7) перен. Невыразительный, почти бессмысленный (о взгляде, выражении лица).
- 8) перен. Не острый по степени проявления (о боли).
- 9) Глухой, не резкий, не звонкий (о звуках).
- 10) разг. Не имеющий сквозного прохода; тупиковый.

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка.

Дебил

а, м., одуш., мед.

1. Человек, страдающий врожденным психическим недоразвитием – олигофренией (в относительно легкой степени).
2. разг. бран. Глупый человек, тупица. Дебильный – характеризующий свойства и поведение дебила.

Словарь иностранных слов

Презик – слово нелитературное, принадлежит сленгу.

1. сленг. презерватив
2. сленг. Президент

Презик – сложносокращенное слово от Президент + суффикс -ик, образующий имена существительные и имеющий субъективную оценку небрежности по отношению к предмету (например: *телик, велик, видик*) и пренебрежительности по отношению к лицу (например: *Презик, депутатик*).

Ответы на вопросы (согласно обращению):

Содержатся ли в публикациях высказывания, выражающие публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с исполнением?

В публикациях есть высказывания, выражающие публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с исполнением. Речь идет об оскорблении Президента ПМР ***.

Пользователь «Сергей Станиславович» 27.08.2020 г. в 17 ч 31 мин и в 17 ч 41 мин в своих публикациях в группе «Наша Рыбница» социальной сети «ВКонтакте» называет Президента ПМР *тупым дебилем, самым тупым президентом в мире, презиком, например: «Тупой дебил...А наши идиоты ищут варианты...а вы покажите Презику под микроскопом дырки в масках*

и величину инфекционной бактерии))) Но с его сообразительностью – он ответит что бактерии гуляют «семьей» по 12 человек, поэтому через дыренье в маске не пролезет)))», «Зачем публиковать самого тупого президента в мире? Чисто поржать или что?») **Скриншоты № 7, 8, 11, 12.**

На основании проведенного лингвистического исследования представленных материалов согласно обращению министра государственной безопасности ПМР *** в адрес ректора ПГУ им. Т.Г. Шевченко *** от 16.09.2020г. №С/3470 с просьбой провести лингвистическое исследование представленных материалов, установлено:

исследованные нами материалы, размещенные в социальной сети «Вконтакте» в группе «Наша Рыбница» пользователем «Сергей Станиславович» 27.08.2020 г. в 17 ч 31 мин и в 17 ч 41 мин, содержат высказывания оскорбительного характера в адрес Президента ПМР ***.

Вывод

Проанализированные текстовые материалы, по нашему мнению, своим содержанием оскорбляют Президента ПМР ***.

Это выражается следующим образом: в социальной сети «Вконтакте» в группе «Наша Рыбница» пользователь «Сергей Станиславович» публично называет Президента ПМР *тупым дебилом, самым тупым президентом в мире, презиком*, например:

«Тупой дебил...А наши идиоты ищут варианты...а вы покажите Презику под микроскопом дырки в масках и величину инфекционной бактерии))) Но с его сообразительностью – он ответит что бактерии гуляют «семьей» по 12 человек, поэтому через дыренье в маске не пролезет)))»;

«Зачем публиковать самого тупого президента в мире? Чисто поржать или что?»)» (Скриншоты № 7, 8, 11, 12).

Как мы указывали ранее, ситуационная модель дискурс анализа поможет лингвистическому эксперту верно определить факт наличия слов и выражений оскорбительного характера даже в тех материалах, где оскорбление имплицитно [4: 83].

Новыми объектами лингвистической экспертизы являются высказывания и тексты на тему купли-продажи тех или иных товаров, встречающиеся в личной переписке мошенников и их потенциальных жертв.

Мы имеем в виду лингвистическое сопровождение нового вида мошенничества. В Telegram или WhatsApp появляется приветственное сообщение якобы желающего купить ваш товар со скриншотом из сайта, где вы разместили соответствующее объявление. Переписка начинается у всех мошенников однотипно, например: *«Актуально?»* + скриншот или *«Продаете?»*

Преступники реагируют как на залежалые объявления, так и на только что размещенные или поднятые. Продавец надеется реализовать свой товар, вступает в переписку и в результате остается без денег на своей карте. Суть

308 | переписки: «покупатель»: *Я не из Вашего города. Давайте воспользуемся доставкой. Сейчас мы вам переведем деньги. Курьер к вам подъедет в удобное для вас время и заберет товар. Вам ничего не придется делать. Мы все сделаем за вас.*

Тут же предлагается пройти по ссылке клонированных сайтов почты, интернет-банков, онлайн-магазинов). Продавец либо вводит логин и пароль на сайте-клоне, либо в личной переписке передает конфиденциальные данные и лишается средств. Диалог ведется с фейковых аккаунтов, с одноразовых сим-карт, так что подобное деяние практически не наказуемо.

Анализ текста позволяет нам говорить о манипулятивном характере его содержания. По статистике нашего региона, 8 из 10 даже опытных продавцов ведутся на мошеннические действия. Высказывания в тексте короткие из 1–5 слов, часто сопровождаются голосовыми сообщениями. Однотипность голосов и переписки приводит к мысли об искусственности текстов и наличии ботов.

Таким образом, в новые объекты лингвистической экспертизы, кроме распространенных анонимных и лжеанонимных текстов, направленных на оскорбления представителей власти или призывы к экстремистской деятельности, мы включаем и текстовый материал, искусственно созданный для мошеннических целей.

Тексты-боты себя уже показали в социальных сетях и пабликах при обсуждении острых тем, в отзывах и спаме. Пользователи их легко распознают по основным характеристикам: простые высказывания с включением, при необходимости, лексической и синтаксической экспрессии (инвективы и фигуры экспрессивного синтаксиса), однотипность и повторение ссылок. Специальные почтовые фильтры мгновенно их относят к спаму.

Борьба с ботами пока не выиграна, хотя существует множество программ и приложений, проверяющих на спам. С появлением нового вида мошенничества создаются и новые тематические тексты-боты.

По мнению специалистов, с развитием интернет-технологий большая часть конфликтной криминогенной коммуникации перемещается в сеть [1: 189–194; 6: 115–120].

Работа с пассивными цифровыми следами остается за рамками деятельности такого эксперта, как и установление достоверности / недостоверности сообщаемого, выражение своего отношения к опубликованному или озвученному, поэтому при составлении постановления о назначении лингвистической экспертизы неуместны вопросы типа *Есть ли в текстах исследуемых объектов высказывания о фактах, не имевших места в действительности, но формирующих о лице, в чей адрес они обращены, ложное, не соответствующее действительности представление? Или Являются ли правдой высказанные гр-ном **** слова?*

Лингвистическая экспертиза имеет дело с цифровыми продуктами, будь то скриншоты высказываний или текстов, запротоколированные видео- или аудиофайлы. В ее задачи не входит обязательная верификация автора или содержания, если только это не автороведческая экспертиза. Лингвист исследует активные цифровые следы лица, чьи публикации представлены.

Литература

1. Галяшина Е. И. Речевые следы как объекты судебных экспертиз (в свете идей Р.С. Белкина) // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина: материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22—23 ноября 2017 г.). М.: РГ-Пресс, 2018. С. 189–194.

2. Кривошапова Н. В. Некоторые речевые действия в Интернет-медиа, посягающие на информационно-мировоззренческую безопасность (на примере судебной лингвистической экспертизы) // Информационная безопасность личности субъектов образовательного процесса в цифровой информационно-образовательной среде: сб. науч. тр. / Авторы-составители: В. Г. Мартынов, И. В. Роберт, И. Г. Алехина. М.: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2021. С. 268–282.

3. Кривошапова Н. В. Об использовании судебным экспертом-лингвистом специальных познаний при работе с материалами о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 25–26 марта 2021 г. М., РГУП, 2021. С. 334–342.

4. Кривошапова Н. В. Особенности дискурс-анализа высказываний оскорбительного характера в аспекте лингвистической экспертизы. // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» (Москва, 1–2 октября 2019 г.). М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. 558 с. С. 73–83.

5. Никишин В. Д. Объекты судебной лингвистической экспертизы: новые вызовы криминогенной Интернет-коммуникации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6 (58). С. 79–88.

6. Семикаленова А. И. Цифровые следы: назначение и производство экспертиз // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5 (57). С. 115–120.

7. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 15.06.2021).

*Natalia V. Krivoshapova***NEW OBJECTS OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE IN
CONFLICT INTERNET COMMUNICATION**

Abstract. In the article, with the help of the studied literature, we dwell in detail on the specifics of the allocation of a system of new objects of forensic linguistic expertise and analyze the realities in the Transnistrian segment of conflict Internet communication.

Keywords: object of forensic linguistic examination, product of speech activity, information and worldview security, speech and digital trace, multicode and creolized text.

ЖАЛОБЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ НА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ²⁶

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению типовых для современной юридической лингвистики ситуаций, в которых материалом для проведения исследования являются сообщения граждан в социальных сетях, содержащие негативную информацию о действиях представителей власти. На основе анализа судебных дел по данной категории предложено при проведении лингвистической экспертизы включать вопросы об определении жанра исследуемого спорного текста, а также вопрос о коммуникативной цели автора сообщения.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза жалоб, социальные сети, коммуникативная цель жалобы.

Коммуникация граждан с представителями власти в соцсетях: лингвосоциологический аспект рассмотрения. В соответствии с «Методическими рекомендациями по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти» «основными направлениями работы федерального органа исполнительной власти в социальных сетях являются: а) информирование граждан: публикация новостей, социально значимой информации, фото- и видеотчетов, ссылок на официальный сайт; б) вовлечение граждан: организация дискуссий, сбор предложений, мнений и комментариев по документам и инициативам ведомства <...>; в) просвещение и консультирование населения по самому широкому кругу вопросов в сфере полномочий федерального органа исполнительной власти» [7, электронный ресурс].

Итак, исходя из представленного функционального перечня соцсети для власти представляют собой коммуникативный канал взаимодействия с гра-

²⁶ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 19-012-00202 «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ».

312 | жданами по выбранным самой же властью материалам и поводам. Обратим внимание, что в данном документе роль граждан описывается именно как «ответная», инициатива исходит исключительно от представителей власти. Но в действительности коммуникация в соцсетях, как в реальном диалоге, идет в двух направлениях, со сменой ролей инициатора и реципиента. Реальное коммуникативное пространство соцсетей, в котором представителям власти необходимо работать, является более многомерным, чем это ожидалось.

Для граждан как второй стороны виртуальной политической коммуникации социальные сети являются не просто источником информации, а быстрым каналом связи по возникающим проблемам. С лингвистической точки зрения происходит весьма любопытная ситуация: текст, который технически реализуется в соцсетях как комментарий, т. е. программно заявленный как «вторичный», весьма часто по содержанию является «первичным» текстом-обращением. Несмотря на то что такая функция как подача гражданами обращений через соцсети заявлена не была, виртуальная коммуникация демонстрирует, что такой функционал является весьма востребованным.

Инициативность граждан в публикации сообщений о проблемных ситуациях привела представителей власти к использованию специальной программы «Инцидент-менеджмент» [3: 30], позволяющей из общего объемного контента выделять проблемы, группировать их и направлять на рассмотрение в соответствующие структуры, а затем через специалистов отвечать гражданину также в соцсетях на отправленный им вопрос. Таким образом, в лингвосociологическом аспекте рассматриваемый тип ситуаций имеет механизм своего регулирования.

Коммуникация граждан с представителями власти в соцсетях: лингво-юридический аспект рассмотрения. Лингвоюридический аспект рассмотрения жалоб отличается проблемным характером (Баранов А. Н., Богданова Е., Палашевская И. В. и др.), а когда жалобы подаются по неформальным каналам, т. е. как пост-комментарий в аккаунте органов власти, то ситуация становится еще более проблемной.

Как показывает практика, суды, рассматривающие конфликтные ситуации по жалобам, на разных уровнях принимают противоположные решения: либо жалоба рассматривается как распространение порочащей информации, либо как реализация гражданином конституционного права на обращение. При рассмотрении дел, связанных с жалобами, юридически значимо, что в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» указано следующее:

«Статьей 33 Конституции Российской Федерации закреплено право граждан направлять личные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, которые в пределах своей компетенции обязаны

рассматривать эти обращения, принимать по ним решения и давать мотивированный ответ в установленный законом срок.

Судам необходимо иметь в виду, что в случае, когда гражданин обращается в названные органы с заявлением, в котором приводит те или иные сведения (например, в правоохранительные органы с сообщением о предполагаемом, по его мнению, или совершенном либо готовящемся преступлении), но эти сведения в ходе их проверки не нашли подтверждения, данное обстоятельство само по себе не может служить основанием для привлечения этого лица к гражданско-правовой ответственности, предусмотренной статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку в указанном случае имела место реализация гражданином конституционного права на обращение в органы, которые в силу закона обязаны проверять поступившую информацию, а не распространение не соответствующих действительности порочащих сведений.

Такие требования могут быть удовлетворены лишь в случае, если при рассмотрении дела суд установит, что обращение в указанные органы не имело под собой никаких оснований и продиктовано не намерением исполнить свой гражданский долг или защитить права и охраняемые законом интересы, а исключительно намерением причинить вред другому лицу, то есть имело место злоупотребление правом (пункты 1 и 2 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации)» [7, электронный ресурс].

Именно процитированный фрагмент Постановления Пленума Верховного Суда оказался значимым в принятии итогового судебного решения (Определение Верховного Суда Российской Федерации № 18-КГ19-27 от 23 апреля 2019 г. [6, электронный ресурс]) по делу о жалобах гражданина на коммунальную компанию в органы власти. Только на уровне Верховного Суда гражданину удалось избежать обвинений в распространении порочащей информации. Названное дело получило широкое освещение в средствах массовой информации под громкими заголовками, к примеру, «Не извиняйтесь. Верховный суд РФ запретил чиновникам судиться с гражданами за их жалобы» [5, электронный ресурс].

В действительности судебные процессы по жалобам имеют место быть. В качестве типовых примеров обратимся к делу N 2-1356/2021 (г. Кемерово), а также к делу №2-712/2021 (Республика Башкортостан). В первом случае судебный процесс связан с коллективным заявлением, содержащим негативную информацию о действиях председателя ТСЖ, во втором случае материалом рассмотрения является пост в социальной сети «Вконтакте», содержащий негативную информацию о главе сельского поселения. В ходе судебного рассмотрения в обоих случаях были назначены лингвистические экспертизы.

Анализируя лингвоэкспертную практику по рассмотренным материалам, важно обратить внимание, во-первых, на вопросы, которые задаются

314 | лингвисту-эксперту судом. На данный момент вопросы для выполнения лингвистической экспертизы по тексту жалобы являются типовыми для дел по защите чести, достоинства и деловой репутации: необходимо установить наличие / отсутствие негативной информации о конкретном лице, привести высказывания, содержащих негативную информацию, и установить, в какой форме (утверждения или оценочного суждения) представлена негативная информация.

На наш взгляд, проведение по такому сценарию лингвистических экспертиз превращается в формальность. Особенность самого жанра жалоба предполагает наличие в тексте негативной информации фактологического характера об определенном лице. «Описание нарушения тех или иных норм законодательства и/или правил жизни общества, нанесших вред (в широком понимании) жалобщику, и /или описание будущих действий адресата, устранивающих нанесенный вред и/или наказывающего ответственного за этот вред – физическое или юридическое лицо» [1: 166], как справедливо пишет А. Н. Баранов, составляет «условие пропозиционального содержания» [там же] жалобы. Именно поэтому в вышеприведенном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ указывается, что в делах по жалобам необходимо различать две принципиально разные целевые установки автора: либо цель автора жалобы – привлечь внимание компетентных лиц к устранению нарушений и недостатков, либо – причинение вреда путем распространения негативной информации.

Вопрос о намерениях гражданина весьма сложен и многоплановен и включает в себя как лингвистическую, так и экстралингвистическую составляющую. Лингвист обладает необходимыми компетенциями, чтобы установить коммуникативную цель автора (-ов) жалобы, исходя из того, что имеется в самом тексте. На коммуникативную цель указывает как макроструктура текста в целом, так и его отдельные компоненты. Самыми яркими лексическими маркерами будут являться глаголы-перформативы типа «прошу», «требую», «сообщаю» и т. п. Именно поэтому при назначении лингвистической экспертизы по материалам жалоб считаем необходимым к типовым вопросам о наличии/отсутствии информации о конкретном лице и установлении формы этих высказываний добавлять вопрос об определении коммуникативной цели автора.

Во-вторых, положительные ответы лингвиста на вопросы о наличии информации о конкретном лице в форме утверждения позволяют установить только то, что в тексте жалобы имеются некие сведения, которые подлежат проверке специальными службами. Лингвист, приводя в экспертизе высказывания из текста жалобы, содержащие негативную информацию о лице, тем самым дает суду информацию об убеждениях автора жалобы, которые могут оказаться ошибочными. Гражданин в силу ограниченности своих про-

фессиональных возможностей может хоть и обладать важными сведениями, но их субъективно интерпретировать.

Важно отметить, что в тексте жалобы автор может не использовать вводные конструкции типа «как я предполагаю», «как я подумал» и т. п., т. к. в жалобе представлены сведения в предполагаемой гражданином связи. Для жанра жалобы характерна асимметрия формы и содержания: по содержанию – субъективное суждение, а по форме – утверждение.

Юрист А. Егиазарян, комментируя дела по рассмотрению жалоб, указывает на то, что «если по результатам проведенной проверки органом госвласти будет дан ответ заинтересованному лицу о том, что указанные в заявлении факты не были установлены, то заявитель не может в дальнейшем распространять данные сведения, ссылаться на них третьим лицам или указывать на них в рамках новых обращений в другие инстанции» [2, электронный ресурс]. Таким образом, для лингвиста при описании коммуникативных целей автора также является важным, работает ли он с первичным текстом-жалобой или это уже вторичное (или последующее) обращение гражданина.

В-третьих, в связи с тем, что в настоящее время социальные сети используются как канал информирования не только в направлении от органов власти – населению, но и в направлении от населения – органам власти, типовой список вопросов по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо дополнить вопросом о жанровой природе текста. Жалоба, отправленная как пост-комментарий на странице представителей власти в социальных сетях, формально отличается от текста жалобы, который составляется на письме или отправляется на сайтах через специальную форму. Но поскольку жанр жалобы как вид обращения имеет свои лингвоюридические особенности анализа при проведении экспертизы и в целом при рассмотрении в суде, жанровая квалификация текста оказывается принципиально важной.

Наличие современных случаев производства лингвистической экспертизы по текстам жалоб позволяет прийти к выводу о том, что на данный момент общество не отказывается от судебного рассмотрения жалоб в рамках дел по защите чести, достоинства и деловой репутации. В связи с этим для лингвистического экспертного сообщества появляются актуальные методические проблемы, связанные с постановкой вопросов лингвисту-эксперту о коммуникативных намерениях автора, а также с учетом того, что в современном обществе граждане активно используют социальные сети как канал подачи жалоб, необходима разработка критериев для жанровой классификации текстов, размещаемых в соцсетях.

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2009. 592 с.

- 316 | 2. ВС пояснил, может ли обращение физлица в госорганы вредить деловой репутации тех, на кого он жалуется [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-poyasnil-mozhet-li-obrashchenie-fizlitsa-v-gosorgany-vredit-delovoy-reputatsii-tekh-na-kogo-on-zhaluetsya/>
3. Камалова Г. Р. Инцидент-менеджмент как новая стратегия коммуникации власти и общества: анализ практик // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 4 (154). 2020. С. 30–33.
4. Методические рекомендации по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти (утв. протоколом заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 26.12.2013 N АМ-ПЗ6- 89пр) [Электронный ресурс]. URL: [HTTPS://LEGALACTS.RU/DOC/METODICHESKIE-REKOMENDATSII-PO-REALIZATSII-PRINTSIPOV-OTKRYTOSTI-V/](https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-realizatsii-printsipov-otkrytosti-v/)
5. Не извиняйтесь. Верховный суд РФ запретил чиновникам судиться с гражданами за их жалобы [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/12/17/verhovnyj-sud-rg-zapretil-chinovnikam-suditsia-s-grazhdanami-za-ih-zhaloby.html>
6. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 18-КГ19-27 от 23 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1766920
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/

Yana A. Dudareva

COMPLAINTS ON SOCIAL MEDIA REPRESENTATIVES OF GOVERNMENT: FEATURES OF A LINGUISTIC EXPERTISE²⁷

Abstract. This article is devoted to the consideration of typical situations for modern legal linguistics, in which the material for the study is messages from citizens in social networks containing negative information about the actions of government officials. Based on the analysis of court cases in this category, it was proposed to include questions about the definition of the genre of the investigated controversial text, as well as the question of the communicative purpose of the author of the message when conducting a linguistic examination.

Keywords: linguistic examination of the complaint, social networks, the communicative purpose of the complaint.

²⁷ This work was supported by grant № 20-012-00375 «Everyday media discourse: linguocultural and lexicographic aspects».

НЕНАДЕЖНАЯ НАРРАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности исследования нарратива в социальной сети с признаками ненадежности повествователя. Представлена классификация устных и письменных интернет-нарративов. Показан один из способов использования инструментов лингвистики нарратива для решения задач судебной лингвистики.

Ключевые слова: нарратив, социальные сети, судебная лингвистика, ненадежная наррация.

Для практики производства речеведческих экспертиз становится вполне обыденным исследование текстов в социальных сетях, для чего успешно адаптируются имеющиеся методы лингвистики. Однако все еще редкой для решения экспертных задач нам представляется лингвистика нарратива, инструменты которой оказываются довольно эффективными при исследовании перволичных повествований в аккаунтах и блогах интернет-пользователей.

Е. В. Падучева рассматривает перволичную повествовательную форму в качестве «традиционного нарратива», где рассказчиком является персонаж...» [8: 202]. В зависимости от принадлежности повествователя миру текста перволичному противопоставляется третьеличный нарратив, которые отличающиеся друг от друга «способом изложения, характером образа повествователя и, соответственно, особенностями проявления таких признаков, как субъективность/объективность, достоверность/недостоверность, ограничения изображаемого пространственно-временной точкой зрения повествователя / отсутствие этих ограничений» [7: 100]. В повествовании от 1 лица повествователь – часть рассказываемой истории. Реальность здесь концептуализуется через особенности нарраторского восприятия, информация представляется в модальности мнения. Нарратор создает вымышленный мир, выдавая его за часть реального – происходит переход события из реального модуса в текстуальный [9: 23–35]. Такие переходы происходят по двум траекториям: в режиме регистрации реактивного неререфлектируемого интенционального переживания (лирика) и в режиме объективирования (диегезис, нарративность в широком смысле слова).

Т. Б. Радбилем отмечается также, что современные тенденции требуют семиотической трактовки нарратива, которая заключается в «общем принципе освоения (=концептуализации) мира специфически человеческого типа на основе сущностных свойств, предлагаемых принципами функционирования естественного языка» [там же]. Интернет-коммуникация, которая в исследовании интересует нас более всего, обладает знаковой природой и требует соответствующего типа восприятия, прочтения кодовых структур информации. По этой причине мы будем отталкиваться именно от семиотического толкования, указанного выше.

Понятие нарративности сегодня не ограничивается вербальным рассказыванием – оно понимается и используется гораздо шире. Под нарративом в этой статье мы понимаем: 1) тип мышления и способ моделирования реальности (лингвокогнитивное и семиотическое направление); 2) речевое действие (лингвопрагматическое направление); 3) особую коммуникативную ситуацию (коммуникативно-функциональное направление).

Полагаем, необходимо подразделить формы интернет-нарративов на две большие группы: **устные** и **письменные**. Естественно, что абсолютное большинство работ по лингвистике нарратива посвящено именно письменной форме речи, тогда как прогрессивное развитие информационных технологий дало возможность появиться на свет устным нарративам. Часть из них имеет прецедентный письменный текст, а часть – нет. Ко вторым относятся, например, подкасты, к первым – аудиокниги. К письменным нарративам относим следующие:

– **публицистический нарратив** – презентация реальных событий в виде увлекательной истории. Материал для истории собирается, как правило, в ходе «погружения», т.е. длительного пребывания журналиста в центре событий [2]. В нарратологии считается, что не все темы могут быть изложены нарративно: спорт, преступление, катастрофа, война, биография обладают наибольшим нарративным потенциалом [там же];

– **«крафтовый» медианарратив**. Это нарратив, размещенный на ресурсе, который позиционирует себя в качестве средства массовой информации, но таковым юридически не является. Для интерактивного взаимодействия с аудиторией создаются собственные концепты, мифологемы или целостная мифология, погрузившись в которую читатели становятся «своими», усваивают ценностные нормы. Кроме того, им свойственно изобретение «собственного» языка, намеренное разрушение профессиональных штампов на всех уровнях вербального текста и визуально-графического оформления» [3: 76–81];

– **авторизованный нарратив** (истории от блогера или обычного пользователя социальных сетей – «Instagram»²⁸, «ВКонтакте», «Facebook»²⁹) – пер-

²⁸ Принадлежит организации, признанной экстремистской в Российской Федерации.

²⁹ Принадлежит организации, признанной экстремистской в Российской Федерации.

воличное повествование от конкретной персоны или нарративная «имитация» (нарратив, имеющий признаки многих повествовательных форм; например, блогер Ольга пишет истории про девочку Олю, которая путешествует за рубежом и встречается с богатыми мужчинами);

– **тематический нарратив** (истории в интернет-сообществах по тематическим направлениям, в соответствии с которыми могут объединяться люди – паблики университетов, факультетов, музыкальных групп, футбольных команд и пр.);

– **рекламный нарратив** – может выступать как разновидность всех перечисленных видов интернет-нарративов, поскольку дополнительной иллюкативной силой продвижения товара или услуги могут быть наделены все истории.

Устные нарративы подразделяются на:

– **аудионарратив**. Сегодня музыкальные дорожки распространяются преимущественно на онлайн-сервисах (например, Apple Music, Spotify, Яндекс.Музыка и др.), а потому подчинены особенностям функционирования речи в интернет-коммуникации. Нас интересует лишь текстовая (иногда – экстралингвистическая) составляющая аудиозаписей, но необходимо отметить, что не все тексты песен мы можем признать нарративными. При отнесении текстов к нарративам мы основываем свои суждения на трех началах наррации [9: 23–35]. Кроме отдельных композиций, существуют целые нарративные системы (концептуальные альбомы, оперы, хипхоперы и др.);

– **подкаст-нарратив**. Подкасты функционируют на стриминговых сервисах (например, Яндекс.Музыка). Подкаст диалогичен как имплицитно, в смысле М. М. Бахтина, в связи с прямыми и косвенными ссылками на контекст, так и эксплицитно – в каждом блоке обычно присутствуют несколько говорящих, каждая реплика, носящая монологический характер, обращена к слушателю, делает его непосредственным участником передачи [6: 99].

Чтобы квалифицировать текст в качестве нарратива (если такая необходимость возникает во время экспертного исследования или допроса), необходимо воспользоваться теми признаками, которые разработаны в нарратологии. Так, за основу мы берем три начала наррации, а также постулаты нарратива [9: 23–35], поскольку они предполагают семиотическую трактовку повествовательности на когнитивной и коммуникативной основе. Это важно по той причине, что интернет-нарратив выходит за рамки только вербальности, обрастая дополнительными кодами. Такой текст представляет собой последовательность не только буквенных знаков – он приобретает признаки сложной семиотической структуры.

Тексты в интернете являются довольно специфическими, и это касается, в первую очередь, их интерпретации. Для правильной интерпретации интернет-мема, необходимо не только знать обозначение языковых знаков и изображений, но и культуру мема, которая, как ни удивительно, достига-

320 | ется либо интроспективным пониманием «здесь и сейчас» на основе знаний читателя (т.н. ироничное «мемология» – «знание» о мемах), либо интернет-серфингом в поисках неочевидных значений.

Итак, первое начало наррации – текст должен воплощать интенциональность по отношению к тем событиям реальной действительности, о которых повествуется. Перволичный пост в интернете и рекламный нарратив могут различаться различными коммуникативными намерениями. Если рекламный нарратив четко заточен на убеждение покупателя приобрести те или иные товары и услуги, то перволичный нарратив условной Ларисы Г. по иллюкутивной силе может представлять как публичную исповедь о лишнем весе и истории избавления от него, так и убеждение приобрести онлайн-продукт – программу диет, разработанную Ларисой Г. В том и другом случае история представляет собой интерпретацию исходного события с определенной фокализацией, в точки зрения перволичного нарратора, находящегося непосредственно в тексте. Выбор последовательности событий из истории о похудении и представление под определенным углом зрения сами по себе субъективны – это та часть реальности, которую видит нарратор и, частично редуцируя, преобразует в повествовательный текст.

Второе начало наррации – моделирование референта и предиката с определенной точки зрения. Интернет-коммуникация – это уже модель коммуникативного события. В интернете принято общаться, обмениваться мнениями, вступать в отношения, и это может происходить как публично, так и приватно. По этой причине интернет-нарратив не всегда моделирует речевое событие именно первично, а может представлять собой т.н. *слово по поводу слова*. Иными словами, моделируется уже смоделированное коммуникативное событие. К подобным моделям вторичного «онарративления» относятся мемы и производные объекты (например, нарративные видеоролики в социальной сети «TikTok» или Reels в «Instagram»³⁰), которые путем прикрепления к ним «частичек» повествовательных инстанций продолжают свое существование, переключиваясь из одной социальной сети в другую. Кроме того, о двух способах моделирования событий-новостей пишет Т. Ван Дейк: «Производство сообщений определяется присущими каждому данному журналисту моделями, относящимися к событиям-новостям, – как при непосредственном наблюдении событий, потенциально способных стать темой новостей, так и при чаще происходящей процедуре обработки текстов-источников, посвященных этим событиям». При первичном моделировании события-новости информация проходит через призму сознания журналиста, а при переработке другим журналистом субъективные маркеры принимаются и используются по усмотрению последнего («для порождения контридеологии и противодействий, при соответствующей социоэкономической и культурной обстановке») [5: 150–151].

³⁰ Принадлежит организации, признанной экстремистской в Российской Федерации.

Третье начало наррации – адресованность – коррелирует с принципом диалогичности Бахтина. Интернет-нарратив должен обязательно объективироваться – разворачивание текста в повествовательной проекции осуществляется, по мысли Т. Б. Радбиля, только для того, что это «кому-то нужно» [9: 35]. Коммуникативная природа нарратива как раз в том, чтобы кому-то рассказывать истории – форма интернет-общения для этого располагает.

Для исследования нами выбрана публикация пользователя «Katya Maslova» в социальной сети «Facebook»³¹. Публикация имеет две составляющие: (1) синхронную – написание текста совпадает с его опубликованием, присутствуют хронологические указатели, привязывающие текст ко времени (*Я тогда еще написала... А сегодня...*); (2) асинхронную – пользователь «Katya Maslova» пишет, что текст был написан через короткое время после описанных в нем событий. Кроме того, пользователь поясняет, что она уже публиковала эту часть на другом интернет-ресурсе (*Я сумела рассказать обо всем этом на X. Выпустила запись про насилие...*). В своей совокупности обе части представляют собой перволичный нарратив, где реальность показана через особенности нарраторского восприятия. Как правило, в центре перволичного нарратива оказываются воспоминания, наблюдения и размышления повествователя, а не сюжетная линия. Лингвистика противопоставляет перволичному нарративу третьеличный, в котором повествовательная форма «создает видимость объективности: мир предстает перед читателем как бы сам по себе, никем не изображаемый» [там же].

Нарратор – пользователь «Katya Maslova» – в общей схеме коммуникативного события является адресантом, который:

а) реализует определенную иллокутивную функцию (если рассматривать нарратив как действие, то становится очевидным намерение пользователя «Katya Maslova» рассказать свою историю, привлечь внимание к проблеме харассмента, указывая также на другие известные ей случаи насилия женщин со стороны мужчин (*А позавчера в своей ленте увидела репост Кристины Куракиной, которую истязал ее парень*)). Кроме того, рассказчица прямо вербализует одну из речевых интенций: *Если я расскажу про мужчину, который изнасиловал меня, то это наверняка пригодится еще кому-то, чтобы они не повторили моей ошибки;*

б) сознает, что имеет собственную аудиторию читателей (в тексте присутствуют многочисленные отсылки к общности апперцепционной базы рассказчицы и читателей: *Я позавчера написала, что нет смысла травить потерпевших девушек* (предполагается, что читатели должны понимать, где именно рассказчица написала эти слова – на этой же странице, на других ресурсах или в приватной беседе с кем-то); *вот пост, который я написала через несколько дней* (указательный маркер *вот*);

³¹ Принадлежит организации, признанной экстремистской в Российской Федерации.

в) ожидает от публикации определенного перлокутивного эффекта (при изучении комментариев к посту отмечаются дополнительные коммуникативные акты – рассказчица вступает в диалог с сочувствующими комментаторами, в том числе благодарит их).

Адресат – любой читатель, который обладает компетенцией распознать код и интерпретировать речевое сообщение – русскоязычная часть интернет-пользователей, каждый из которых по-разному мог отыскать этот пост: наткнуться случайно, получить персланное сообщение и др.

Описание событий происходит в определенной нарратором последовательности: история представляет собой описание взаимоотношений рассказчицы и В. Нехлюдова, в большей части – изложение обстоятельств в соответствии с конкретным хронотопом.

Актантная модель соответствует нарративному моделированию [4: 153–170]. В тексте присутствует и Объект (причем, его роль выполняет сама рассказчица), и Субъект (В. Нехлюдов). Кроме того, присутствует пары Адресант (рассказчица) – Адресат (девушки, которые могут быть подвергнуты аналогичным ситуациям; пользователи социальной сети; общество в целом), Помощник (тот, кто выполняет функцию помощи – психотерапевт) – Противник (В. Нехлюдов). Соответственно, сюжет нарратива также построен вокруг этих пар персонажей.

С точки зрения функционального анализа пост-нарратив в социальной сети как речевое произведение решает несколько задач. Так, коммуникативная задача (и, соответственно, реализуемая коммуникативная функция) связана с контекстом. Рассказчица в качестве реакции на действия В. Нехлюдова по отношению к ней представляет информацию в виде субъективных суждений. Она является диегетическим нарратором – события в повествовании происходили с ней в заданном ею хронотопе, а значит, их экспликация происходит через призму только ее сознания. Нарратором создается вымышленный мир, происходит переход события из модуса «реальность» в модус «текст» [10: 173]. Здесь нельзя говорить о фактическом характере информации, поскольку роль последней в том, чтобы показать читателю злободневность харассмента и насилия к женщинам через историю переживаний рассказчицы.

Для создания эффекта присутствия используются лексемы и словосочетания, указывающие на нюансы восприятия рассказчицей ситуации: образа действия (*нешком, крепко (держал), забивалась (в угол)*), внешнего вида (*в брюках, конверсах, в свитере, в темно-синем тренче*), ощущения и чувства (*больно, тянуть (за волосы), боли и унижения*), чувствую себя виноватой, (*половина моих травм) зажили*), эмоций (*радостным (смехом), плохо (себя чувствую), страшно (веселило), до ужаса (боялась), (первый раз меня) сорвало, очень сухо*). Эти единицы способствуют реализации всех указанных функций.

Эмотивная (экспрессивная) функция связана с адресантом, ее цель – выражение субъективного отношения рассказчицы к действиям В. Нехлюдова, то есть одна из задач этого сообщения – эмоциональная реализация. Эмоциональный эффект реализуется с помощью использования языковых маркеров с однозначной коннотацией (к примеру, *больно; делал в том же месте еще большее с радостным смехом; щипал и кусал; (зуба) распухла еще сильнее; выворачивал мне руки и держал так крепко, чтобы я не вырвалась; его страшно веселило то, что он делает мне больно; чувствую себя виноватой; еще одну порцию унижения; в шоковом состоянии*).

Адресат определяет наличие апеллятивной (конативной) функции. В речевом сообщении блогера выражены его установки на адресата (читателей), стремления на него воздействовать с помощью речевых единиц – вызвать сочувствие к себе и тем женщинам, с которыми происходят подобные ситуации, предупредить других девушек о возможности насилия со стороны мужчин. Фатическая (контактоустанавливающая) функция обусловлена вхождением в контакт пользователя и его читателей с помощью языковых единиц. У читателя есть возможность оставить комментарий под записью или одну из доступных реакций (*Нравится* и др.), а также сделать репост или отправить кому-либо. Метаязыковая функция: пользователь, занимающий активную позицию в интернет-коммуникации, ощущает потребность рассказать аудитории что-то важное и полезное, потому выражает вольное мнение о взаимоотношениях с В. Нехлюдовым. Усиливают воздействие эгоцентрические элементы (*даже, сразу же, чаще, еще один, все равно*). Присутствует прием «нарратив в нарративе»: рассказчица интегрирует микронарратив о сложной ситуации в семье, поясняя свое внутреннее состояние (*мне стало все равно*) и мотивы (*Моя любимая шутка про «легче отдаться, чем объяснить, почему нет» сыграла против меня*).

Эстетическая функция связана с внешним видом текста – это пост в «Facebook», у которого есть форма для публикаций в аккаунтах пользователей, которая визуальнo ассоциируется именно с этой социальной сетью. Рассказ прост для восприятия любым читателем – здесь много простых предложений, прямая речь «онарративлена» – адаптирована в косвенную, текст членится на абзацы, общий уровень грамотности оценивается как выше среднего, что делает текст относительно незамысловатым и «приятным» для чтения.

При глубоком изучении текста обнаруживается то, что способно повлиять не только на лингвистическую квалификацию, но и на правовую – признаки неискренности повествования. В связи с тем, что письменный текст является результатом речевой деятельности автора (а это предполагает его осознанность и целенаправленность), опубликование нарратива предполагает его осмысление говорящим – в большей или меньшей степени. Пользуясь тер-

324 | минологией и знаниями юриспруденции, которая долгое время изучает осознанность при совершении деяний, и одновременно принимая опубликование нарратива за речевое деяние, мы можем говорить о «**легкомысленности**» (адресант предвидел последствия такого опубликования текста и совершения коммуникативного акта, подразумевал его прочтение всеми возможными адресатами в конкретных условиях приватности), «**небрежности**» (адресант не подозревал о том, что его текст может дойти до адресата и произвести какой-либо перлокутивный эффект, однако его психологическое состояние было в полном порядке) и «**ненадежности**» (по аналогии с ненадежным нарратором – адресант вследствие состояния своего рассудка (психическое заболевание, шок, химическое опьянение) не задумывался о том, что сообщение достигнет цели в коммуникативном акте, и о том, что возможен перлокутивный эффект).

Признак осознанности / неосознанности справедлив как в случае перволичной наррации, так и третьеличной.

В исследуемом нами тексте события описываются через призму субъективной оценки, о чем свидетельствуют признаки, выявленные при функциональном и нарративном анализах. Нельзя опустить и тот факт, что категория нарративности коррелирует с наиболее субъективной формой выражения сведений в судебной лингвистике – формой мнения. По правилу наследования модальностей [1: 37] высказывания в тексте при общих условиях принимают модальность всего текста. Иными словами, все высказывания в спорном тексте, включая те, где отсутствует эксплицитная перформативная приставка (я думаю; по моему мнению; с моей точки зрения; X считает, что...), наследуют модальность мнения.

Первый признак, который особенно бросается в глаза – небольшая вставка, микронарратив рассказчицы о ее сложной ситуации в семье и переживаниях по этому поводу: *В то время у меня была странная ситуация в личной жизни, я ужасно себя корила и в ту минуту, когда он начал меня целовать, мне стало абсолютно наплевать*. Высказывание *мне стало абсолютно наплевать* прямо указывает на ненадежность рассказчика – он заставляет нас сомневаться в его искренности. Об этом свидетельствует совокупность признаков, которая распространяется на все оценочные высказывания в тексте:

а) перволичная наррация,

б) несовпадение семантики высказываний (то, что произошло, рассказчица называет изнасилованием, что предполагает семантику безвольности жертвы, однако в приведенном выше микронарративе уточняет, что выразила безразличие (*мне стало абсолютно наплевать*) к сексуальным действиям В. Нехлюдова),

в) экспрессивность, необъективность, большое количество комментариев о самой себе (*На свидание я пошла нешком (для тех, кто любит говорить*

о доступном внешнем виде: в брюках, конверсах, в свитере, в темно-синем тренче, только волосы распустила и нарисовала стрелки)),

г) частые обращения нарратора к читателю в намеренной попытке «вызвать его сочувствие» (*Я отчетливо почувствовала себя жертвой; Молчи, не шуми. Соглашайся и не смей жаловаться*),

д) рефлексия (*Я села на переднее сидение машины. Странно, ведь я даже в такси садилась с осторожностью и неохотой; Уже не первый раз, когда мне нужно было бы уйти, но я решила остаться; Этой весной я стала болтать с ним в телеграме и самостоятельно делать первые шаги, как я сейчас это осознаю; Не, это не изнасилование. Не, я просто что-то не так поняла. Благодарю моего психотерапевта, который помог осознать, что я потерпевшая сторона, что произошедшее действительно насилие*).

Далее ненадежная наррация обнаруживается вновь при изучении высказывания *Я не стала заявлять в полицию, я не зафиксировала побои* – на этот раз в преимущественном несовпадении семантики слов *побои* и глаголов, обозначающих действия В. Нехлюдова *хватать за плечи, толкать, тянуть за волосы, пощипывал и покусывал, рвал мои джинсы, вытаскивал меня из любого угла*. Семантику удара здесь не предполагает ни один из глаголов.

Исследование позволило проанализировать маркеры ненадежной наррации, которая представляет собой особую разновидность модальности повествования в социальной сети. Ненадежность рассказчика может быть неразличима для обычного читателя, и в таком случае коммуникативное воздействие оказывается состоявшимся. Этот прием способен вводить читателя в заблуждение – создавать эффект обманутого ожидания, заставляя делать неправильные следствия.

Ненадежная наррация – достаточно распространенный и действенный прием в интернете, и рассмотрение ее с коммуникативных и функциональных позиций представляется важным в условиях фундаментальных и прикладных исследований. Ненадежная наррация предоставляет немалые возможности для автора в воздействии на читателя и его мнение. Этот прием позволяет достигать различных манипулятивных эффектов: убеждать, провоцировать, запугивать, подстрекать, призывать и др. Нарративные структуры сегодня не стеснены поэтикой – они выходят далеко за ее пределы и вводятся в социально-политические контексты, которые формируют информационную картину мира.

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта; Наука, 2011.
2. Бозрикова С. А. Нарративная журналистика в Америке и России / С. А. Бозрикова, Л. В. Татару. Балашов : Николаев, 2012. 120 с.

- 326 | 3. Болдырева Т. В. Феномен «крафтовых» СМИ // Поволжский педагогический вестник. 2018. Т. 6. № 1(18). С. 76–81.
4. Греймас А.-Ж. Рассуждения об актантных моделях / А.-Ж. Греймас // Французская семиотика : от структурализма к постструктурализму ; пер. с франц. Г. К. Косикова. Москва : Прогресс, 2000. С. 153–170.
5. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
6. Егорова Л. А. Особенности функционирования звучащего научно-популярного дискурса в гипермедийной среде. // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность, 2008. № 3. С. 98–104.
7. Николина Н. А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. уч. Заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2007.
8. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с. (Язык. Семиотика. Культура).
9. Радбиль Т. Б. Коммуникативные и когнитивные основы теории нарратива в современном гуманитарном знании / Т. Б. Радбиль // Коммуникативные исследования. 2017. Т. 1. № 1 (11). С. 23–35.
10. Радбиль Т. Б. Лирика и наррация как две версии когнитивного моделирования реальности / Т. Б. Радбиль // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 171–182. DOI: 10.25205/2307-1737-2019-2-171-182.

Ekaterina S. Moshtyleva

**UNRELIABLE NARRATION ON SOCIAL MEDIA
(FORENSIC LINGUISTIC ASPECTS)**

Abstract. The article examines the features of the study of narrative in a social network with signs of unreliable narrative. The classification of Internet narratives is presented. One of the ways of using the tools of narrative linguistics for solving problems of forensic is shown.

Keywords: narrative, social networks, forensic linguistics, unreliable narration.

ФЕНОМЕН «ФЕЙК» В ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. В данной работе рассматривается лингвистический статус фейка, уточняется его определение и сфера функционирования, дается анализ фейка в сопоставлении с иными видами речевого воздействия. Феномен «фейк» соотносится с современным законодательством, устанавливающим ответственность за публикацию фейков и меры борьбы с ними.

Ключевые слова: фейк, фальсификация, речевое воздействие, юридическая лингвистика, прагмалингвистика.

В современном мире роль СМИ стремительно меняется, их речевая продукция становится более агрессивной, следствием чего является возрастающее влияние на потенциальную аудиторию. Применение кон- фронтационных коммуникативных стратегий и тактик позволяет успешно трансформировать когнитивную и / или эмоциональную сферу реципиента. В свою очередь, использование онлайн-форм коммуникации при воздействии на общественное мнение способствует осуществлению более агрессивной информационной политики, которая часто выходит за рамки норм морали и даже права. В частности, в последние семь лет количество недостоверных сведений, распространяемых в Сети, значительно увеличилось. В результате сформировалось такое явление, как «фейк».

В современной отечественной лингвистике исследование данного явления представлено преимущественно работами О. С. Иссерс: Н. Ильченко, А. П. Суходолова, А. Е. Джазояна.

О. С. Иссерс, придерживаясь коммуникативного подхода, определяет фейк в широком смысле слова как «любую подделку, выдаваемую за настоящую вещь» [9: 113]. Исследователь акцентирует внимание на том, что основой для создания фейка выступает мистификация, представленная, как правило, сдвигом ситуационной рамки («рефрейминг базовой ситуации») [9: 116]. В качестве обязательного условия функционирования подделки рассматривается нарушение этики, что ведет к возможной дискредитации объекта фейка. Автор данного подхода сосредотачивает внимание на общих признаках анализируемого лингвистического явления, не вычлняя признаков, дифференцирующих его от прочих видов речевого воздействия.

Подобной точки зрения придерживается С. Н. Ильченко, в работе «Фейк в практике электронных СМИ: критерии достоверности» предлагающий следующее определение фейка: «журналистское сообщение, опубликованное в СМИ, содержащее недостоверную и непроверенную информацию, не соответствующую реальным фактам и эмпирической действительности» [6: 24]. Автор указывает на факультативность злого умысла, стремления дискредитировать кого-либо среди мотивов создания фейка, мотивируя это тем, что часто фальшивка возникает вследствие невнимательности редактора. Данная трактовка сущности фейка представляется некорректной, т. к. в статье 13.15. КоАП РФ «Злоупотребление свободой массовой информации» установлены обязательные признаки фейка, среди которых, в том числе, намеренный злой умысел: «заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений» [КоАП, ст. 13.15]. В качестве основного идентифицирующего признака С. Н. Ильченко выделяет ограниченный диапазон существования – от нескольких часов до одних суток, отмечая необходимость дальнейшего уточнения критериев выявления фейка в рамках современной лингвистической науки. Примечательно то, что названные выше исследователи приводят наиболее общее определение анализируемого явления, не отграничивая сферы функционирования фейка и не учитывая его дифференциальных признаков.

Еще одну точку зрения встречаем в работах А. П. Суходолова, который предлагает считать фейком «сообщение, стилистически созданное как настоящая новость, но ложное полностью или частично» [12: 144]. Данное определение, представляя общий подход к пониманию сущности фейка, не учитывает интенсификацию объекта сообщения, а также мотивы создания подделки. В качестве основной причины возникновения фейков исследователь указывает отсутствие своевременного «фактчекинга», что часто возникает при копировании новостного материала из конкурентного СМИ. Данное определение фейка также не совсем корректно, потому что автор выделяет в качестве основного признака ошибку редактора/журналиста, упуская из внимания обязательность признака «намеренность» создания фейка, о чем говорится в КоАП [КоАП, ст. 13.15]. По мнению А. П. Суходолова, выявление и устранение фейков возможно лишь при осуществлении глубокого комплексного анализа «объективно существующей информации, не соответствующей действительности, <...> психического отношения создателя и (или) распространителя новости к ее истинному содержанию, а также психического отношения потребителей недостоверной информации к воспринимаемому ими контенту» [11: 145].

Иное определение фейка встречаем в работах А. Е. Джазояна: «новость, не соответствующую действительности» [5: 94]. Одним из основных признаков фейка исследователь считает массовость, что обусловлено «развитием

возможности для непрофессионалов «создавать» новости», используя разнообразные интернет-порталы и социальные сети [5: 94]. Соответственно, отсутствие верификации сведений ведет к распространению фальшивок, что обусловлено тенденцией обывателей «выдавать прочитанное за свой личный опыт», ускоряющей распространение фейков. Согласно мотивам создания подобных статей, Джазоян выделяет два вида фейков: «злонамеренное дезинформирование» и «случайные «ляпы»» [5: 95]. Первые, как правило, характеризуются применением коммуникативной стратегии дискредитации, однако подобные фейки достаточно быстро получают опровержение из официальных новостных каналов. Вторая группа включает в себя сообщения, взятые с юмористических и/или сатирических источников. Исследователь полагает, что отказ от принципа объективности при распространении информации ведет к росту числа подделок в современном интернет- и медиа-дискурсе [5: 96]. Данный подход также не учитывает наличие намеренного злого умысла [КоАП, ст. 13.15].

С. Г. Носовец, в свою очередь, настаивает на дискуссионности и значительной неопределенности объема и границ фейка, что обусловлено его функционированием в различных сферах общества [11: 89]. Высказывается мнение о полисемантической данному лингвистическому явлению, которое в зависимости от трактовки может включать в себя следующие формы: «ложь, фальсификацию, сплетни, слухи, домыслы, фактоиды, розыгрыши, ошибки, опечатки, введение в заблуждение, манипуляцию и другие способы воздействия на аудиторию» [11: 89]. Исследователь ставит под сомнение целесообразность введения термина «фейк» в языкознание, а также указывает на несправедливость включения компонента «искажение информации» в данное понятие, мотивируя тем, что ряд изобразительно-выразительных средств языка (н., метафора, метонимия, гипербола и т. д.) похожим образом трансформируют реальность. Такой подход противоречит самой сущности фейка, ведь основная задача его создателя – замаскировать сообщение так, чтобы подделка как можно дольше оставалась не идентифицированной, т. е. фейк не имеет стилистических отличий от того формата, под который он маскируется. Заявленные С. Г. Носовец слухи, сплетни и розыгрыши предполагают разоблачение, в то время как фейк этого не предполагает; отнесение опечаток и ошибок к фейку тоже неверно, т.к. они допущены спонтанно, а фейк – это, в первую очередь, «заведомо недостоверная общественно значимая информация под видом достоверных сообщений» [КоАП, ст. 13.15]. Кроме того, трансформация реальности изобразительно-выразительными средствами языка и фейком – это явления разного порядка в функциональном аспекте: первые реализуют эстетическую функцию (кооперационную), вторые – деструктивную (конфронтационную). Более того, автор поддерживает включение манипуляции в состав фейка, не учитывая ее функционирование как

330 | отдельного вида речевого воздействия с рядом дифференциальных признаков. Попытка определить фейк как «коммуникативный феномен, существующий в СМИ» и имеющий дифференциальный признак «обнародованности», представляется достаточно общей, т.к. не принимаются во внимание работы по данной тематике с установлением четких характеристик фейка, а также особенностей его реализации.

Анализ научной литературы показал, что в современном языкознании отсутствует единое определение фейка, которое отражало бы все его значимые признаки как одного из видов речевого воздействия. В данной работе в качестве фейка мы предлагаем рассматривать это вид некорректного (деструктивного) речевого воздействия, реализующийся в имплицитной форме и предполагающий трансформацию когнитивной и/или эмоциональной сферы адресата посредством репрезентации общественно значимой фальшивой информации под видом достоверных сообщений, несущих угрозу причинения вреда объекту фейка и обладающих некоторой коммуникативной перспективой. Приведенное выше определение позволяет вычленить основные признаки фейка.

Несомненно, в качестве основной характеристики следует выделять недостоверность информации, представленной в сообщении. Возникшие вследствие корыстного умысла поддельные данные не коррелируют с реальной действительностью, что часто приводит к корректировке когнитивной сферы. Однако когнитивного диссонанса не возникает. Лишь опровержение фейка путем ввода истинных данных способствует его нейтрализации.

Еще одним признаком фейка можно считать его общественную значимость. Как правило, объектом фальшивых данных становятся события или фигуры, известные широкому кругу лиц, что ведет к масштабности сферы реализации подделки. Данный фактор также обуславливает значительную ответную реакцию – негативные эмоции или даже призывы к совершению определенных действий со стороны реципиентов. Тематика фейковых новостей, в частности, носит политический или социально-экономический характер, чем обеспечивается информационный резонанс и значительный охват аудитории.

Из этого вытекает следующий признак фейка – распространение информации под видом достоверных сообщений, при этом часто такие сведения принимаются реципиентами «на веру», априори не вызывают сомнений. Мнимая достоверность данных обеспечивается обращением к авторитетным источникам или экспертам, включением их часто фальшивых цитат в тело статьи, а также публикацией на порталах и интернет-ресурсах, не вызывающих сомнения в проведении тщательной верификации данных.

По своей природе подделка несет угрозу причинения вреда объекту фейка и адресату. В большинстве случаев создатель, руководствуясь коммуникативными

стратегиями дискредитации и угрозы, вкладывает в фейк отрицательный посыл, использует тактики обвинения. Подобное ведет к вполне успешной реализации попыток обвинения объекта фейка в совершении какого-либо общественно неодобряемого поступка или эскалации конфликта различного масштаба. Таким образом, фейк наносит вред не только непосредственному объекту фейка, но и целевой аудитории путем реализации массового воздействия на нее.

В качестве иного признака фейка представляется необходимым отметить его долгосрочную коммуникативную перспективу. Несмотря на довольно короткий период его существования (от нескольких часов до нескольких суток), развенчание фейка может не произойти, если в сознание адресата не поступят истинные данные, репрезентирующие объективную реальность. Таким образом, воздействие, реализуемое посредством фейка, продолжится на неопределенный срок.

В качестве еще одного ключевого признака подделки следует рассматривать интенсификацию предмета речи, при которой значимость объекта фейка увеличивается в несколько раз, а масштаб событий, описываемых в сообщении, часто крайне гиперболизирован. Для осуществления подобного замысла коммуникатор привлекает различные языковые средства и приемы, в том числе эмоционально окрашенные слова с негативными коннотациями, что способствует формированию отрицательного образа личности или события в сознании реципиента.

Еще одним ключевым вопросом в рамках исследования фейка является его отграничение от прочих видов речевого воздействия (аргументации, убеждения и давления). Дифференциация аргументации и исследуемого явления основана на различной речевой модели: аргументация, опираясь на логический канал передачи информации, имеет в своей структуре только логос и этос, тогда как фейк включает еще и пафос. Трансляция фальшивых данных осуществляется посредством логического и эмоционального каналов информации.

Трехкомпонентная структура логоса содержит утверждение, не коррелирующее с объективной действительностью и часто противоречащее последней. В то же время приведенные аргумента препятствуют своевременной верификации информации со стороны реципиента, подменяя уже имеющиеся истинные сведения заведомо неверными. Как следствие, нарушение логоса в структуре фейка ведет к нарушению этоса и пафоса. Деструктивный характер фейка и его сходство с давлением подчеркивается нарушениями максимы такта и постулата качества Г. Грайса, осуществляющимися в результате нарушения этоса.

Соответственно, фейк характеризуется как некорректный вид речевого воздействия, нарушение компонентов речевой модели которого способствует реализации деструктивного коммуникативного замысла и порождает речевую агрессию. В отличие от убеждения, корректного вида воздействия, в фейках

332 | любой из элементов речевой модели может выступать источником деструктивности фальшивых текстов. Кроме того, фейк реализуется посредством конфронтационных коммуникативных стратегий и тактик. В отличие от давления фейк характеризуется менее интенсивной степенью воздействия, при этом деструктивная интенция говорящего имплицитна, в то время как коммуникативное давление носит эксплицитный характер [10, 28].

Таким образом, вопрос определения лингвистической природы фейка по-прежнему остается открытым. Изменения в законодательстве РФ (в частности, поправки к Федеральному закону от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статья 13.15 КоАП (пункты 9–10)) позволяют уточнить уже сложившееся понимание фейка. Представляется целесообразным рассматривать данный феномен как вид имплицитного речевого воздействия, предполагающий трансформацию когнитивной и/или эмоциональной сферы индивида посредством репрезентации общественно значимой фальшивой информации под видом достоверных сообщений, несущих угрозу причинения вреда объекту фейка и обладающих некоторой коммуникативной перспективой. Отнесение самого фейка к видам речевого воздействия обусловлено, на наш взгляд, спецификой его речевой модели, а также особенностями функционирования и реализацией воздействия на адресата с определенной коммуникативной установкой. Выделение значимых признаков фейка (заведомая недостоверность и общественная значимость фейка, довольно короткий период функционирования, распространение информации под видом достоверных сообщений, угроза причинения вреда объекту фейка и адресату, долгосрочная коммуникативная перспектива и интенсификация предмета речи) позволяет четко отграничивать его от смежных явлений.

Литература

1. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. Федерального закона от 03.06.2009 № 112-ФЗ) // Собрание Законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1) – Ст. 13.15. – Режим доступа: https://base.garant.ru/12125267/07a4a413953ad94308be69165d05fd74/#block_131509.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. N 31 (часть I). Ст. 344.
3. Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Фейк как элемент манипулирования общественным сознанием // Гуманитарные и социальные науки. 2018. №. 5. С. 101–112.
4. Демидов И. В. Логика: Учебное пособие для юридических вузов / Под ред. доктора философских наук, проф. Б. И. Каверина // М.: Юриспруденция. 2000. Т. 208.

5. Джазоян А. Е. Иллюзия «пятой власти»: как социальные сети модернизируют журналистику / А. Е. Джазоян // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2014. № 2. С. 93–100.
6. Ильченко С. Н. Фейк в практике электронных СМИ: критерии достоверности // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2237>.
7. Ильченко С. Н. Фейковая журналистика как элемент современной шоу-цивилизации // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 153, № 22-3. С. 4–18.
8. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О. С. Иссерс. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
9. Иссерс О. С. Медиафейки: между правдой и мистификацией. – Коммуникативные исследования, № 2, 2014. С. 112–123.
10. Меликян В. Ю., Трофимова В. А. О лингвистическом статусе феномена «коммуникативное давление» // Мат-лы IX Всероссийской научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (15 ноября 2019 г.). Ростов н/Д: Дониздат, 2019. С. 27–35.
11. Носовец С. Г. Медиафейк: к определению границ и объема понятия (лингвистический взгляд) // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения. 2019. С. 88–90.
12. Суходолов А. П., Бычкова А. М. «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятие, виды, назначение, меры противодействия // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6, № 2. С. 143–169.
13. Рацибурская Л. В., Петрова Н. Е. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии. М.: Флинта, Наука, 2011. 150 с.
14. Рождественский Ю. В. Теория риторики. Добросвет, 1999. С. 42–44.
15. Шилихина К. М. Коммуникативное давление в русской коммуникативной культуре // Проблемы национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: сб. ст. по матер. науч. конф. 3–6 июля 2000 г. Воронеж: ВГУ, 2000. С. 62–70.

Daria I. Lyashenko

“FAKE” PHENOMENON IN THE FORENSIC-LINGUISTIC ASPECT

Abstract. This article examines the linguistic status of fake phenomenon, clarifies its definition and the scope of functioning. The part of the research is devoted to the analysis of the fake in comparison with other types of speech influence. Attention is paid to the existing legislation defining the responsibility for the publication of fakes and measures to combat them.

Keywords: fake, falsification, linguistic manipulation, forensic linguistics, pragmalinguistics.

ОСКОРБИТЕЛЬНЫЕ СОЦИОНИМЫ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена описанию негативных наименований людей по социальному признаку. Для этой лексической группы предлагается термин социофелизм (от от лат. *societas* – общество и греч. *φύλος* – дурной, ничтожный). Социофелизмы следует отличать от этнофелизмов, экспрессивных *nomina agentis*,okkaзиональных или сленговых обозначений человека, если последние не являются эмоционально или экспрессивно окрашенными.

Ключевые слова: лексика, социофелизм, стилистическая окраска, жаргон, интернет-дискурс.

Описание особенностей интернет-дискурса относится сегодня к актуальным направлениям лингвистических исследований. Именно общение в интернете является поставщиком новообразований и регистратором тенденций узального употребления языковых единиц, формирующего новую норму. Как отмечает Н. А. Ахренова, «отличительной чертой интернет-лексики является совмещение разностилевых элементов, включение разговорных слов и оборотов, элементы языковой игры, использование фразеологизмов разных структурных типов, употребление характеризующих слов в составе описательных определений, коннотативных слов и словосочетаний, косвенно отражающих оценку описываемого явления» [1: 3]. Сходным образом оценивает ситуацию В. А. Ефремов: «Из типологически сходных для большинства актуальных субстандартных страт русского языка интернет-извода можно назвать следующие черты: упрощенность и краткость грамматических конструкций, использование отличных от общеупотребительных сокращений разного рода, активное словотворчество, высокий удельный вес экспрессивно окрашенной лексики, тяготение синтаксических конструкций к аналитизму и мн. др.» [2: 68].

На фоне экспрессивно окрашенной лексики ярко выделяются обозначения процессов и тенденций, охватывающих современное российское общество и являющихся индикаторами взаимоотношений его членов. Это хорошо видно на примере соционимов – слов, отражающих социальные характеристики человека. Такие номинации использовались и используются не только как социальные определители, но и показатели отношения к той или иной соци-

альной группе. Например, «нэпман», «путана», «мусор», «новый русский», «бомж», «эффективный менеджер».

Для задач лингвистической экспертизы наиболее важное значение имеют оскорбительные соционимы, для которых предлагается термин социофолизм.

Социофолизм (от от лат. *societas* – общество и греч. *φαῦλος* – дурной, ничтожный) – слово или словосочетание, негативно обозначающее человека по тому или иному социальному признаку.

Для поиска контекстов употребления можно обратиться к корпусам, которые создаются автоматически на основе текстов, полученных из Интернета, например, *Araneum Russicum Maius* проекта *Araneum* [http://corpora.spbu.ru/aranea/run.cgi/corp_info?corpname=AranRusi_ru_ar13__b_a].

Обратимся к примерам.

Распад когда-то единого государства, различие в уровне жизни в крупных городах и провинции повлекли за собой миграцию населения в поисках лучшей доли, усилили стремление людей жить в крупных городах. Вот для такой категории появилось наименование – *понаехавшие*.

Время шло. Семья обживалась на новом месте. Сменив одно государство на другое, попав в новую среду, переселенцы из Средней Азии погрузились в ворох проблем. Как и многие «понаехавшие», Равиля нашла себе работу на рынке или, как сказали бы на ее родине, базаре [lifenews.ru].

Город загадили, застроили, завесили и т. д. как раз не коренные, а «понаехавшие». Я живу сейчас совсем не в том городе в котором вырос, хотя по названию это один и тот-же город [rb.ru].

Мне вообще не понятно, какого рожна эти понаехавшие что то в Москве требуют. Поработали, пожили в общежитии, работа закончилась – собрали манатки и домой [ridus.ru].

Как видим, «понаехавшие» – это те, кто приехал в другую страну или город, но при этом не хочет следовать местным культурным, моральным и социальным правилам.

Понаехавшие пришли на смену активному когда-то слову *лимита* – рабочие из провинций, которые получали временную прописку по лимиту, выделявшемуся предприятиям. Сегодня непрестижные рабочие места все чаще занимают приезжие из бывших республик Советского Союза, главным образом из Средней Азии, а также Украины и Молдовы, маркером которых является слово *гастарбайтеры* (нем. *Gast* – гость и *Arbeiter* – рабочий) – приезжие рабочие.

Кто-то может сказать, что такое и сейчас есть, только простой человек конкурирует на рынке не с заключенными, а с гастарбайтерами. Да, отчасти это верно, но лишь отчасти. Нельзя забывать, что использование труда нелегальных мигрантов – вообще-то дело подсудное, а значит каждый, кто так или иначе использует этот труд рискует [ichkeria.info].

... что российское «миграционное законодательство» – даже сегодня, еще до предполагаемого введения «визового режима» со странами Средней Азии, – столь репрессивно и специально запутано, что выполнять его абсолютному большинству мигрантов (или «гастарбайтеров») практически невозможно [ichkeria.info].

Как то пустовата статья без прогнозов и планов красная Хомякова – мэра района. Или этот кубанский гастарбайтер не нашел слов? [newsbabr.com].

Таким образом, текстовые иллюстрации свидетельствуют, что «гастарбайтер» становится синонимом мигранта, чаще нелегального, бесправного и ущемленного.

Помимо социального статуса в обществе важным социальным признаком является приверженность тем или иным политическим взглядам. В этой области особую активность проявляют образования с суффиксом *-аст*, причем он «не закреплен за тем или иным политическим спектром» [3: 193]: *либераст* ‘либерал’, *едираст*, *единораст* ‘член или сторонник партии «Единая Россия»’, *импераст* ‘человек, стремящийся к возрождению Российской империи’, *толераст* ‘человек, терпимо относящийся ко всему и всем и легко меняющий свое мнение’, *патриаст* ‘человек, у которого слова о патриотизме расходятся с делами’, *свидераст* (от укр. свідомый – сознательный) ‘украинский националист’, *восьмидерасты* ‘уничужительное именование части представителей интеллигенции и творческих профессий, начавших свою деятельность в 1980-е годы, как противопоставление их шестидесятникам’, *путираст* ‘сторонник Путина’.

Все эти экспрессивные слова, очевидно восходят к слову *педераст* (др.-греч. παιδερᾶστία; παῖς, gen.sing. παιδός «дитя; мальчик» + ἐραστής «любящий», буквально «любовь к мальчикам»), используемое как бранное. При этом во всех словах сохраняется компонент со значением «любящий».

Перемена мест слагаемых дает не менее негативное и неприемлемое *педриот* (*педераст* + *патриот*).

Ну какое вам дело *дерьмократ* Навальный или *педриот*? [echo.msk.ru].

В этом примере встречается еще один частый социофоллизм – *дерьмократ* (*дерьмо*+*демократы*) – презрительное обозначение демократов.

Продуктивную словообразовательную модель среди политических социофоллизмов представляют образования на *-оид*. *Путиноид* – сторонник политики президента В. В. Путина, *навальноид* (*навалоид*) – сторонник оппозиционера А. Навального, *либероид* – представитель прозападного течения, *пофигоид* – безразличный человек, *зомбоид* – возможно, зомбированный человек, зомби. Публицист А. Зеличенко пишет: «Суффикс «-оид» я буду использовать для обозначения тех людей, кто воспринимает любое невосторженное высказывание в адрес своего кумира как личное оскор-

бление, как покушение на нечто сверхзначимое (если использовать психологический язык). В этом смысле настоящих коммунистов можно назвать лениноидами» [Эхо Москвы, 09.08.2013, https://echo.msk.ru/blog/ruskiysvet_dot_narod_dot_ru/1132768-echo/].

Изменение отношения к своей стране, девальвация важного социального признака – чувства патриотизма – приводят к появлению таких соционимов, как *этакстранец* (о том, кто пренебрежительно называют Россию «этой страной»), *поравалитик* – слово, которое чаще всего употребляется в отношении людей, чья жизненная философия основывается на уничтожении страны, в которой они живут, и призывам ее покинуть («пора валить»), *рашист* (от раша английское произношение слова «Россия») – российский патриот. *Рашизм* – это жаргонизм имеющий яркий негативный окрас с прямой отсылкой к понятию «фашизм» с элементом агрессии [<https://xn----7sb3abqfg0a4g2a.xn--p1ai/182-rashizm-что-значит.html>].

Неприятие власти выражается в пренебрежительном обозначении партии власти и президента. *Едрисня* – уничижительное название партии «Единая Россия». *Кремлежулик* – высокопоставленный чиновник, занимающийся махинациями и мошенничеством за государственный счет. *Кремлежулики чувствуют, что даже несмотря на отсутствие свободных СМИ, на постоянное зомбирование, рейтинг их все равно неуклонно падает* [<https://athunder.livejournal.com/23075.html>]/. *Думак* – депутат Государственной Думы. Образовано по аналогии со словом «дурак», содержит негативно-ироничную оценку. *Кремлядь* – уничижительное обозначение политиков, деятелей искусства, чиновников, угождающих власти и получающих от этого доход. *Госдура* – Государственная Дума.

Отдельную группу представляют прозвища известных политических деятелей. *ВВП* – аббревиатура по первым буквам фамилии, имени и отчества президента Путина. *Гарант (Конституции), обнуленьш, Путлер* – В. В. Путин, *Меченый* – М. С. Горбачев, *папа Зю, крокодил Гена* – Г. А. Зюганов, *ЕБН* – Б. Н. Ельцин, *Димон* – Д. А. Медведев, *Ксюшадь* – К. А. Собчак, *Навральный, Насральный, Овальный* – А. Навальный, *Набулина* – Э. С. Набиуллина, *Оленевод* – С. С. Собянин, *Батька* – А. Г. Лукашенко и другие.

Таким образом, политический дискурс – одна из областей активного использования социофолизмов. Семантике политических социофолизмов свойственна негативная коннотация, которая может варьироваться от ироничной до уничижительной, презрительной и бранной.

Другим полем частотного использования оскорбительных соционимов является гендер. Отметим следующие феминитивы.

Овуляшка (овуляшечка, овуляха, овул, овуляшобаба) – женщина, у которой имеется навязчивая идея забеременеть и родить ребенка. *Основной смысл*

338 | *всего вышенаписанного сводится к тому, что овуляшка – это такая позерка от высокого материнского чувства. В сообществах бездетных его члены бросали ссылки на опрос и молили: «Голосуйте, иначе нам совсем не будет жизни от этих „овуляшек» и их приплода» [НКРЯ].*

А тут почитаешь, выходит, что овуляхи – это те, кто интересуется своим женским здоровьем, планирует беременность, заботится о своем ребенке (не только кормит, моет и спать укладывает!) [https://otvet.mail.ru/question/74966582].

Беременяшка (беременяшечка, беременяха) – беременная женщина. Именно по этой причине беременяха штудирует интернет, медицинские справочники, спрашивает советы подруг, чтобы найти панацею от всех болезней.

В аннотации написано, что для профилактики нужно два раза в сутки смазывать носовые пазухи мазью. Но это не совсем верно. Если, например, беременяха намазала носик оксолинкой и проехала в общественном транспорте, то мазь на отлично справилась со своей задачей – задержала всех вредных микробов и вирусов, которые встретились на пути будущей мамочки [moya-lyalyas.ru].

Экспрессивность этих наименований во многом зависит от контекста употребления, чего нельзя сказать о слове *яжемать*. Викисловарь дает такое определение: *Яжемать – презр. женщина, имеющая ребенка и считающая, что этот факт ставит ее выше остальных и дает ей привилегии, при этом широту этих привилегий она определяет на свое собственное усмотрение; зачастую отличается невежливым и даже хамским поведением.*

Фраза «яжемать» давно стала оскорблением. А все из-за недалеких новоиспеченных мамашек, полагающих, что им все дозволено. Материнство – это прекрасно, однако некоторые берут на себя слишком много [https://fishki.net/2930977-rodishy---pojmeshy-bezumnye-jazhemateri-kotorye-sovsem-obnagleli.html].

Примеры употребления этих слов показывают, что, несмотря на наличие уменьшительно-ласкательной формы, эти наименования женщин вызывают много отрицательных эмоций у людей, не относящихся к этой социальной группе. Презрение к женщине-матери, выраженное вербально, на просторах интернета стало модной тенденцией. Общее падение культурных и нравственных ценностей на фоне экономической нестабильности основной массы населения можно считать одной из экстралингвистических причин сложившейся ситуации.

Собирательное уничижительное обозначение людей по профессии не является частотным, хотя выражение *офисный планктон* стало одним из популярных публицистических клише. Данный речевой оборот аллегорически характеризует работников офисов, сравнивая их с планктоном – группой мелких морских организмов. *Офисный планктон (они же «офисное быдло»,*

«канцелярские крысы», «овоци») – это обширная категория неудачников, паразитирующая на рабочем месте и представляющая собой винтик в механизмах управления, учета, бухгалтерии, финансов. Пролетариат постиндустриального мира, неспособный, впрочем, даже на функции пролетариата индустриального. То редкое время, когда офисный планктон работает, именуется ИБД – имитация бурной деятельности», – констатирует Харченко [НКРЯ].

Обобщенное обозначение богатых людей – *аллигархи* – представляет собой пример осознанной языковой игры [4], сближающей данную лексему со словом аллигатор и его переносным значением ‘злой, хищный человек’.

Оскорбительные обозначения представителей профессий, связанных с силовыми и бюрократическими структурами, стали, можно сказать, традиционными.

Мент – полицейский, *гебня* – обобщенное для сотрудников КГБ и ФСБ, *технокрад* – чиновник новой волны из технической интеллигенции, *гиббой* – сотрудник ГИБДД, *чинуша* – чиновник.

Социофолизмами, касающимися отдельных профессий, служат слова *менеджер* и *дизайнер*. Обычно они употребляются в шутовском, саркастическом, несколько уничижительном ключе, обозначая не слишком профпригодных специалистов.

Про вас банально могут забыть (ну заболел менеджер по персоналу) [superjob.ru]. Поэтому если и создавать 100 сателлитов, то пусть это будет 100 проектов, каждым из которых будет заниматься отдельный менеджер и развивает его до невиданных высот. А то сайтотклепов и без того хватает... [seodemotivators.ru]. В этой и основной работе. Я бы так сказала: 70% работы дизайнер делает на стадии разработки, остальные 30 – на стадии воплощения [poremontu.ru].

И наконец, социофолизмы, мотивированные конфессиональным признаком.

*Православнутые (православый + е*нутый)* – фанатики и догматики православной религии, теряющие адекватность на этой почве; обычно имеющие поверхностные знания по вопросам, связанным с религией. *Задолбали православнутые. Не путать с православными: они ищут Бога, а православнутые – дьявола. Если первые пытаются спастись сами, то последние начинают спасать окружающих, причем им по барабану, хотя бы этого «спасения» окружающие или нет [http://bolshoyforum.com/forum/index.php?topic=125571.0].*

Православие головного мозга (ПГМ) – выражение, использующееся для характеристики чрезмерного увлечения православием, доходящего до радикализма. *Страдающие ПГМ люди уверены в непогрешимости своей веры и государства. Они не отличаются скептическим или критическим складом ума, и готовы принять на веру все, что скажет духовник. Даже*

340 | в том случае если это будет абсолютно дичайшая глупость и мракобесие [https://chto-takoe.net/chto-takoe-pgm-pravoslavie-golovno-mozga/].

Подобные обозначения не только называют определенную социальную группу, но и формируют негативно оценочную установку, отрицательный образ православной религии.

Выводы. Новые слова и смыслы чаще всего рождаются не в тексте, а в дискурсе, между говорящим и слушающим, пишущим и читателем. Эти слова имеют в разной степени резкую отрицательную окраску, в которой отражается негативное: презрительно-ироническое, уничижительное, пренебрежительное и т. п., – отношение носителей русского языка к представителям различных социальных групп. Большая часть таких слов отсутствует в известных толковых словарях.

Социофолизмы следует отличать от экспрессивных *nomina agentis* (*прилебала, кровопийца*), в значении которых не представлена сема ‘социальный признак’, ‘имеющий отношение к социуму’, хотя форманты для их образования могут быть общими. Не стоит считать социофолизмами окказиональные или сленговые обозначения человека, если они не являются эмоционально или экспрессивно окрашенными. Например, *пролайфер* – представитель общественного движения в защиту жизни, выступающий за запрет аборт, ЭКО и суррогатного материнства, *сурмама* – суррогатная мать, женщина, вынашивающая биологически чужого ей ребенка, который с ее согласия будет отдан на воспитание другим лицам (генетическим родителям). И наконец, к социофолизмам не относятся экспрессивные наименования человека по национальному признаку – этнофолизмы (*азер, хач, бульбаши*).

Исследование социофолизмов направлено на узуальные и стилистические аспекты употребления такого рода слов, а также на их социальную и этическую оценку. Изучение этих явлений поможет определить их место в системе лексических средств русского языка, их социальный и стилистический потенциал, а также прагматику – условия употребления лексем в речи и рискогенный характер.

Литература

1. Ахренова Н. А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление: автореф. дисс. . . . доктора фил наук. М., 2009. 35 с.
2. Ефремов В. А. О некоторых новых стратах русского языка в Интернете // Тезисы международной конференции «Стратификация национального языка в современном российском обществе» (Санкт-Петербург, 30 октября – 2 ноября 2013 года). Санкт-Петербург : Златоуст, 2013. С. 67–71.
3. Пиперски А. Ч. Экспрессивные неологизмы на *-раст* в русском языке // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи : сборник научных

трудов Международного научного симпозиума / науч. ред. д-р филол. наук, проф. В. Н. Степанов ; отв. ред. Л. В. Ухова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 190–195.

341

4. Туркова К. Лингвалидол: «Аллигарх» в «конбензоне» с «эрогливами». 27.11.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/lingvalidol-alligarhv-konbenzone-s-eroglivami/>.

Inna A. Merkulova

ABUSIVE SOCIONYMS IN INTERNET DISCOURSE

Abstract. The article is devoted to the description of people's negative names based on social characteristics. The term sociopholism is proposed for this lexical group (from Latin *societas* – society and Greek *φαῦλος* – bad, paltry). Sociopholisms should be distinguished from ethnopholisms, expressive *nomina agentis*, Occasional or slang name of a person, if they are not emotionally or expressively colored.

Keywords: vocabulary, sociopholisms, stylistic coloring, jargon (sleng), internet discourse.

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ПРОЗВИЩ МЕДИЙНЫХ ЛИЦ И ВОПРОСЫ МОДЕРАЦИИ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Анализируются окказиональные прозвища медийных лиц, базирующиеся на негативных установках и предубеждениях по отношению к лицу как представителю национальной, расовой, религиозной и т. п. группы. Рассматривается практика модерации читательских комментариев цифровых платформ и сетевых медиа, содержащих окказиональную лексику, в аспекте диагностики неправового контента.

Ключевые слова: ономастика, прозвище, экстремизм, оскорбление, лингвистическая экспертиза.

Одним из дискуссионных вопросов современной лингвоэкспертологии, находящейся в стадии поиска теоретических обоснований и аккумуляции результатов практических исследований, является понятие оскорбительности как свойства лексических единиц (шире – речевых фактов) и установление лингвистических признаков оскорбления (*человека, религиозных чувств, органов государственной власти etc.*).

Применительно к современным медийным новообразованиям, оценочный регистр которых варьируется от иронии и сарказма до речевой агрессии, оскорбления и языковой вражды, очевидна нерелевантность традиционных методов с опорой на лексикографические источники. Непрямая, имплицитная оценка неолексем, «просвечивающая» сквозь иронию, ставит перед лингвистом-экспертом вопросы и структурно-семантического, и дискурсивно-прагматического характера.

Представляется, что окказиональные прозвища, созданные с нарушением словообразовательных норм, образованные путем контаминации, сложения, субституции и других приемов словообразовательной игры, с опорой на прецедентные высказывания или ситуации, как правило, имеют высокую степень выразительности и представляют собой продуктивный исследовательский материал в аспекте судебной-экспертной деятельности.

Тем не менее научное осмысление онимов в качестве объектов экспертной оценки только начинается [1], заслуживает внимание изучение специфики лингвокреативных и окказиональных единиц как фактора рискогенности публичной коммуникации в работе А. М. Плотниковой [7] и исследованиях научной школы проф. Л. В. Рацибурской [4; 8].

В рамках данного исследования предлагается рассмотреть корпус прозвищ медийного лица с точки зрения перспективы судебного разбирательства и исследования на предмет наличия оскорбительного и (или) возбуждающего вражду/ненависть содержания. В качестве кейса выбраны прозвищные номинации Меган Маркл, актуализированные появлением в 2020–21 годах российских фанатов и «хейтеров» королевской пары.

Источником материала послужили комментарии в инстаграм-аккаунтах³² и каналах Яндекс.Дзен, освещающих жизнь королевской семьи Великобритании. Примечательно, что в самих комментируемых постах блогеры всегда остаются в рамках официального именника.

Всего зафиксировано более 50 окказиональных прозвищ Меган Маркл и 19 – принца Гарри. При этом группу дериватов дополняют 13 апеллятивов, образованных от собственного имени (СИ) «Меган Маркл», которые не являются предметом анализа в данном исследовании (*мегзит, маркловец, мегалюбка, меганмаркловец, марклопоклонница, меганмарклнуть, мэган-марклнутые, маркловский, по-маркловски, смеганмарклить* и т. п.). Все анализируемые дериваты имеют негативную оценочную коннотацию.

Первую группу производных составляют сокращения именной формулы *Меган Маркл до акронима ММ, М.М., мм* и их дериваты.

Исследователи отмечают, что инициальные аббревиатуры являются одним из наиболее частотных новых способов неофициального именования общественно-политических деятелей и деятелей культуры [3: 12; 5: 35; 9: 117]. При этом если для английского языка и политической традиции Великобритании и США подобные образования являются стилистически нейтральными синонимами полных форм собственных имен, то у образованных на русской почве аббревиатур очевидна ироническая и пренебрежительно-уничтожительная коннотация в обозреваемый хронологических период от 2005 г. до настоящего времени. Зафиксировано употребление в нейтральном контексте только инициалов ВВП [3: 13].

Дериваты *ММка, МеМе, Мема, Ме-Ме, Мемешка, Мимишка* представляют собой игровую дезаббревиацию, возвращение прозвища к форме, привычной для СИ.

Вторая группа производных представляет собой адаптацию имени и фамилии *Меган Маркл* в русском языке. Традиционным маркером адаптации заимствований является появление у них русских аффиксов.

³² Принадлежит организации, признанной экстремистской в Российской Федерации.

344 | В рассматриваемом нами случае это дополнение уменьшительно-ласкательного имени *Мег/Мегги/Мэгги* и фамилии окончанием (финалью) женского рода *-а*: *Мега, Маркла* (самые частотные из анализируемых нами прозвищ), русскими диминутивными суффиксами *-ш(а)*, *-к(а)*, *-ечк(а)*, *-ушк(а)*: *Мегаша, Мегашка, Мехашечка, Мегушка, Мегуся, Меганка, Меганша; Марклушка*.

Менее привычный способ адаптации – появление созвучного онима-заменителя, типичного для антропонимической системы принимающего языка. *Меган Маркл* стала *Марфой* (и приобрела ее диминутивное производное *Марфушка*), а также *Матреной*. Для принца *Гарри* русским аналогом имени стал *Гаврила* (*Гавря, Гаврик, Гаврюша, Гаврюшка; Гарька, Гарюсик, Гарюся, Гарюня*). Для российского именника типична обратная ситуация – использование иноязычного имени как прозвищного варианта для исконного онима *Георгий – Жорж, Алексей – Алекс, Антон – Антуан, Иван – Джон, Мария – Мэри, Биолет – Билл, Сусанна – Сьюзи*.

Очевидно, что имена *Марфа, Матрена* и *Гаврила* имеют нарочито простонародную окраску, контрастирующую с реальным «королевским» статусом семейной пары.

Согласно «Словарю коннотативных собственных имен» Е.С. Отина, СИ *Марфа* обозначает женщину с практичным складом ума; заботливую хозяйку, на первое место ставящую не духовное, а материальное («низменное») начало в жизни; воплощение земного пути служения. Такая коннотация возникла из противопоставления Марфы и Марии, библейских героинь. Когда Иисус посетил ее дом, она (Марфа) заботилась об угощении его, тогда как Мария избрала «благую часть» – села у ног Наставника и стала слушать его речи [6: 293–294]. В жаргонном употреблении СИ данное противопоставление усиливается: *Марфой* обозначается чувственное, греховное начало в человеке; вожделение; плоть.

Матрена – неаккуратная или неряшливо одетая женщина; рассеянная женщина, ротозей [6: 297–300].

Гаврила – это грубый, неумный, нетактичный мужчина; громила. Так иронично обращаются к любому мужчине. У апеллиатива *гаврик*, возникшего благодаря полной деонимизации СИ, по мнению Е. С. Отина, фиксируются значения ребенок, еще не самостоятельный человек; шалун; простак, простофиля, разиня, глупец; неавторитетный, неуважаемый человек (презрит.); щеголь, ферт (неодобр.). В уголовной среде – помощник, подчиненный, фраер, мелкий жулик [6: 144–146].

Третья группа производных – это контаминанты, образованные путем окказионального сложения основы СИ, с одной стороны, и апеллиатива с ярко выраженной негативной оценочностью, с другой. В контаминированных словах присутствует общий или созвучный фонетический компонент.

МЫМЗЯ, МУМРА – образовано от акронима *ММ* и *мымра* – непривлекательная, неприятная, недоброжелательная женщина; небрежная, неряшливая, неопрятная особа [10: 469].

МЕГАНЬ. В словаре А. А. Зализняка указаны 2 слова с финалью *-гань*: *ругань*, *погань* и 32 на *-ань*, в том числе *брань*, *дрань*, *лохань* [2: 596]. Семантически вероятным производящим для окказионального СИ явилось слово *дрянь*.

МАРКЛОТА. Слов с финалью *-лота* в словаре А. А. Зализняка всего 8, это производные с суффиксом *-от(а)* *круглота*, *смуглота*, *мерзлота*, *теплота*, *светлота*, *рыхлота*, *кислота* и особняком стоящее *позолота* от *позолотить* [2: 211]. Ни одно из них не проясняет появление окказионального антропонима с резкой негативной оценочностью. Вероятно, истоки его следует искать в жаргонном апеллятиве *мразота*, применяемом для крайне негативной оценки кого-либо.

МАРКЛУША. Это прозвище характеризуется прозрачностью словообразовательной структуры – производящим выступило слово *клуша* (вариантный графодериват *МарКлуша* выделяет обе основы).

ШМАРКЛ. Производное от *шмара* – угол, грубо. Женщина для сексуальных утех, которое образовано от *Мара* – одного из вариантов популярного женского имени Мария, образовано добавлением звука *ш* к началу слова – распространенным способом маскирующего изменения слов в воровских жаргонах [11: 494].

ШМЫРКЛ, МЫРКЛ. Неясная словообразовательная структура. Вероятно, в производящей базе помимо основы *шмара* (как в прозвище ШМАРКЛ) присутствует еще и основа *мымра* (см.). Либо от ШМЫГАТЬ – стремительно, торопливо пробегать, незаметно проскакать куда-, откуда-л. ШМЫГАТЬСЯ – употреблять наркотики (вдыхать, вводить внутривенными инъекциями) [11: 495]. Следует учесть и указанное В. В. Химиком добавление начального *ш* в воровском жаргоне как способ маскировки слова (см).

Наконец, четвертую группу прозвищ составили имена, основанные на прецедентной ситуации. Каскад производных прозвищ появился после того, как стало известно, что Меган Маркл «сократила» имя своего мужа до первой буквы – Н (Эйч или Эш). История имела продолжение, когда сам принц Гарри «ясно дал понять, что ... все должны называть его просто Гарри». Прозвищные имена принца Гарри *просто Эйч*, *ПростоЭйч*, *простоГарри*, *простогарька*, *простогаррик* спровоцировали симметричные именованья и для Меган Маркл (*Эм*, *мЭшка*, *Просто Маркл*).

Именно эта группа прозвищ имеет в своей семантике расистскую составляющую, когда негативная оценка лица совмещается с указанием на его расовую принадлежность.

Прецедентное имя главной героини фильма Квентина Тарантино «Убить Билла» в исполнении Умы Турман *Черная Мамба*, став прозвищем Меган

346 | Маркл, прошло семантическое и формальное переосмысление. Изначально название ядовитой змеи, распространенной в Африке, приобрело аллюзии на расовую принадлежность и акроним ММ.

Два прозвища Меган Маркл имеют литературную природу. *Чингага* – прозвище, образованное на основе имени героя романов Фенимора Купера индейца Чингачгука, и *Чернавка* – имя девушки-служанки злой царицы в «Сказке о мертвой царевне» А. С. Пушкина, близко к именам Золушки и Замарашки западноевропейских сказок. В другом значении – смуглой, брюнетки, загоревшей девушки, имя Чернавка употребляется в одной из «Повестей Белкина».

Также расовую составляющую имеют следующие прозвища *ММартышка*, *Мартыха*, *Маркклака* (= Маркл + макака), *макакния* (макака + герцогиня), *макакишна*, *Маркла Макаковна*, *Обезьяна чи-чи-чи*.

Таким образом, рассмотрение окказиональных прозвищ Меган Маркл показало, что коммуникативную востребованность имеют слова с негативной оценкой, яркий оценочный фон которых создается контаминацией с апеллятивами, зачастую с пометами «грубо», «жаргонное», «разговорное». Присутствует и несколько имен-производных от обценных выражений.

Отмечаем, что к анализу подобных прозвищных имен применимы методики проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении с опорой на выраженность речевой цели «информирование о негативном (неуважительном, презрительном) отношении к предмету речи, демонстрация этого отношения» и лексикографический, стилистический и семантический признаки неприличной формы выражения.

В то же время прозвища, базирующиеся на негативных установках и предубеждениях по отношению к лицу как представителю негроидной расы, требуют применения методик анализа лингвистических признаков возбуждения ненависти либо вражды, а также унижения достоинства человека по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии.

Экспертная оценка окказиональных прозвищ может быть затруднена неясной словообразовательной структурой дериватов, ироничной составляющей, препятствующей квалификации коммуникативного намерения пишущего как оскорбления, унижения чести и достоинства другого лица, выраженного в неприличной форме.

Частотность использования грубой, неприличной лексики в качестве прозвищных имен медийных лиц в читательских комментариях актуализирует вопрос о требованиях цифровых платформ и сетевых медиа к своему контенту. Платформа Яндекс.Дзен, послужившая источником анализируемого материала, утверждает о запрете языка вражды и пропаганды насилия в своих

блогах: «Мы призываем пользователей уважать друг друга и не использовать в комментариях и публикациях грубые формулировки и сниженную лексику, которые могут оскорбить собеседника. ... Мы не вмешиваемся в случае каждого употребления оскорбительных выражений. Однако если подобное поведение повторяется из раза в раз и приобретает характер запугивания и травли, вы можете пожаловаться на оскорбления, направленные в ваш адрес ...».

Представляется, что рассматриваемый нами кейс показывает необходимость разработки рекомендаций по модерации спорных высказываний в различных сегментах интернета, как соотносимых с электронными средствами массовой коммуникации с присущими им требованиями ограничения распространения запрещенного контента, так и в менее регулируемых цифровых коммуникационных средах социальных сетей и платформ.

Наблюдение над лингвоэкспертным измерением активных языковых процессов, новых речевых единиц важно для понимания экологии языка, избегания языка вражды в СМИ и виртуальной коммуникации.

Литература

1. Горбаневский М. В., Максимов В. О. Антропонимы как объекты лингвокриминалистических экспертиз // Вестник ТГУ, 2016. № 2(6).
2. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977. 880 с.
3. Зарипова В. М. Эволюция наименований общественно-политических деятелей в языке газеты. АКД. Самара, 2012. 18 с.
4. Куликова В. А. Словообразовательные средства выражения негативной оценки (на материале новообразований в заголовках электронных СМИ XXI в.). АКД. Нижний Новгород, 2020.
5. Намитокова Р. Ю., Гарбовская Н. Б. Прозвища политических деятелей в газетном дискурсе: когнитивный аспект / Образование-Наука-Творчество. Нальчик-Армавир: Изд-во АМАН, 2005. № 2. С. 31–38.
6. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток, 2010. 518 с.
7. Плотникова А. М. Наивная лингвокреативность: от шутки до судебного разбирательства // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности, 2018. № 16. С. 108–116.
8. Соловьева Д. В. Медийные новообразования как фактор рискогенности текстов общественно-политической прессы начала XXI века. АКД. Нижний Новгород, 2019.
9. Стахеева А. В. Аббревиация как словотворчество и языковая игра // Функциональные и этнокультурные аспекты изучения русского языка / А.В. Стахеева, Н.А. Власкина. Ростов н/Д, 2009. С. 17–166.

- 348 | 10. Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи. В 2-х т. Т. 1. СПб: Златоуст, 2017.
11. Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи. В 2-х т. Т. 2. СПб: Златоуст, 2017.

Indira A. Nefliasheva

**EXPERT ASSESSMENT OF SELEBRITIES NICKNAMES AND
ISSUES OF VIRTUAL COMMUNICATION MODERATION**

Abstract. The article analyzes occasional nicknames of media persons based on negative attitudes and prejudices towards a person as a representative of national, racial, religious, etc. groups. The practice of moderation of readers' comments on digital platforms and network media containing occasional vocabulary is considered in the aspect of diagnosing non-legal content.

Keywords: onomastics, nickname, extremism, insult, linguistic expertise.

Л. В. Уманцева

chen-vik@mail.ru

*кандидат филологических наук, доцент Российского государственного университета правосудия (Ростовский филиал)
Ростов-на-Дону, Россия*

С. С. Изюмская

svetlana.driga@yandex.ru

*кандидат филологических наук,
доцент Южного федерального университета
Ростов-на-Дону, Россия*

СУДЕБНЫЙ ДИСКУРС И СОВРЕМЕННАЯ СЕТЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ И ИНФОРМАЦИОННАЯ НОРМА

Аннотация. Цель данной статьи – рассмотреть соотношение понятий судебный дискурс и современная сетевая коммуникация на примере формирования правового сознания у студентов, обучающихся в юридических вузах.

Ключевые слова: судебный дискурс, информационная норма, информационное поле, сетевая коммуникация, этика, манипуляции общественным сознанием.

Понятие «дискурс» с конца XX века находится в центре внимания ведущих исследователей (см. Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, В. Е. Чернявская, Н. Н. Миронова, Т. В. Дубровская и др.). В **задачи** данного исследования входит **три важных направления** в изучении обозначенной темы данной работы: 1) **описать разные подходы** в понимании дискурса и его разновидности судебного дискурса; 2) **выделить основополагающие критерии** в определении информационного поля и информационной нормы; 3) **дать примеры нарушения** информационной нормы. В качестве материала для реализации последней задачи, важной для формирования правового сознания будущих юристов, **методом наблюдения выявлены** примеры нарушения языковых норм в сетевой коммуникации в устной речи телеведущих разных программ и переписка в чате. В отечественном языкознании понятие дискурс многоликое. Так, Н. Д. Арутюнова характеризует дискурс «...как речь, погруженную в жизнь, связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, – как текст, взятый в событийном аспекте или речь, рассматри-

350 | ваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознаний» [1: 136–137]. В. Е. Чернявская обобщила различные подходы к данному понятию, определив дискурс «... как совокупность тематически соотнесенных текстов или как конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивном и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [9: 5].

Судебный дискурс занимает особый статус в институциональном дискурсивном поле, так как весь коммуникативный потенциал в нем подчиняется нормативной базе действующего законодательства. По мнению исследователей, судебный дискурс представляет собой «... вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов» [4: 10].

Ключевая функция языка права – функция долженствования – проявляется как в письменной речи при составлении различных документов: заключений, соглашений, договоров, уведомлений и др., так и в устной – диалог судьи и допрашиваемого, защитительная речь адвоката, обвинительная речь прокурора. Вопросы судебного (юридического) дискурса находят отражение во многих работах ведущих исследователей (см. М. А. Кожина, П. А. Лупинская, О. Н. Тютюнова, Л. Е. Попова и др.). Обучение основам судебного дискурса содействует развитию и усовершенствованию языка законодательной базы и процессуальных документов, оказывает влияние на правовое создание студентов юридических вузов – будущих правоведов. А право, как известно, «совокупность устанавливаемых и охраняемых государством норм, правил поведения, регулирующих общественные отношения между людьми и выражающих волю государства» [5: 1].

В начале XXI века быстрый рост инновационных технологий способствовал появлению определенного информационного пространства многоуровневой направленности, «особой виртуальной среды, образованной совокупностью множества медиапотоков» [3: 8]. В связи с этим, особую актуальность приобрели исследования, затрагивающие понятия «информация», «информационное поле», «информационное пространство», «информационная среда», «медиасреда», «информационная норма», «современная сетевая коммуникация» и др. Так, понятие «информация» имеет огромное количество определений: «мера организации» [2: 31]; «совокупность данных, фактов, сведений о физическом мире и обществе, вся сумма знаний – результат познавательной деятельности человека, которая в том или ином виде используется обществом в различных целях» [7: 212] и др. Исследователи предлагают большое количество классификаций данного понятия «информация» с учетом различных критериев, подходов, оценок. Так, в ряде классификаций

исследователи выделяют оценочную, концептуальную, комментарийную, фактуальную, развлекательную информацию. Многие исследователи склонны выделять только два типа информации: прагматическую (оценочную / субъективную) и предметно-логическую (дескриптивную, концептуальную, объективную, фактуальную, интеллектуальную и др.), которая не затрагивает участников коммуникации и конкретную речевую ситуацию [8: 63].

По мнению ведущих исследователей, сообщения о фактах, комментарии или оценки являются фундаментом информации в СМИ, а под «информационным полем» подразумевается «информационное пространство», которое охватывает «тот или иной объем фактов и событий реального мира и представленный репертуаром тем» [6: 241].

Понятие «информационная норма» сегодня определяется с учетом конкретного исторического периода и часто определяется политической направленностью определенной эпохи. Информационная норма может затрагивать понятия «этика», «этическая норма», «дипломатический уровень», «политика», «государственная тайна» и др. Поэтому понятие «информационная норма» связано с понятиями «конвенциональный (аспект)» и «институционализованный (аспект)».

В связи с этим особую значимость приобретают исследования, затрагивающие сохранение информационной нормы, предотвращение различного рода искажений, которые могут отрицательно сказаться на формировании правового сознания. Ведь такие явления, как табуирование, идеологическая «детерминированность» могут диктовать особый характер, направленность текста СМИ, создавать особую почву для манипуляции общественным сознанием.

В связи с этим для реконструирования, установления истинности информационной нормы особый статус приобретают следующие категории:

достоверность – истинность/недостоверность/ложность: языковая парадигма – включение определенной лексики, синтаксических конструкций, слоганов, актуализирующих определенные идеологические ориентиры, политические события, вызывающие ассоциации в идеологическом ключе. Авторы текстов СМИ используют весь арсенал стратегий и тактик, технику аргументации (логические, психологические приемы), воздействуя на сознание человека (людей).

Отсутствие всяких ограничений, цензуры в СМИ повлияло, как известно, на появление понятия «информационная свобода», которая, в свою очередь, существенно изменила информационную норму не в лучшую сторону. Погоня за сенсацией в информационном «поле» (новости) привела к преобладанию пейоративной (отрицательной, негативной) информации, агрессивности диалога (падение культуры, мода на громкий голос, нецензурную лексику, злоупотребление иноязычными словами, быстрый темп речи и др.).

В современных классификациях информационного поля СМИ выделяют институциональные и конвенциональные ограничения. Искажение действительности (недостоверность/ложность) сегодня «многолико»: параноидальный тип лжи, дезинформация политической выгоды, дискредитирующая ложь и другое. Как показал материал исследования, наиболее часто мы наблюдаем дезинформирующую ложь, которая затрагивает манипуляцию, коммуникативные стратегии и тактики пейоративной направленности и нарушает законы этики, нравственности, морали.

Стремление за сенсацией приводит к проникновению в информационное поле потока непроверенной информации, в связи с этим мы наблюдаем большое количество опровержений, которые, по мнению ведущих исследователей, «никогда не возмещает полностью тот информационный, моральный и социальный ущерб, который может нанести первичная недостоверная информация» [6: 252].

Студенты юридических вузов, в первую очередь, овладевают правовыми знаниями (гражданское, административное, уголовное и т. д.), а во вторую – совершенствуют знания и в области русского языка и культуры речи (необходимо знать и соблюдать нормы современного русского литературного языка), и в истории (достоверность в подаче исторических фактов), и в психологии (знание психотипов, умения и навыки распознавания стратегий и тактик общения и манипуляций общественным сознанием). В данном исследовании большее внимание уделяется в речи говорящих и пишущих на лексико-орфоэпическом, грамматическом и стилистическом уровнях.

Нарушение нормативного компонента современного русского языка в сетевой коммуникации разрушает культуру устной и письменной речи. Небрежное отношение к русскому языку может сказаться и на соблюдении законности в обществе в целом. Приведем примеры из речи участников сетевого общения (чат): «Можно ли учавствовать на конференции сразу в двух секциях?»; «Просто сильно понравилась тема и мы уже воодушевились к ней»; (переписка между студентами-юристами). Здесь встречаются ошибки и **орфографические** – учаВствовать, и **грамматические** – воодушевились К Ней», и **пуктуационные** – отсутствие запятой перед сочинительным союзом И. Незнание орфограммы **непроизносимые согласные, норм управления и пуктуационных норм** является серьезным пробелом в области культуры речи конкретного носителя русского языка. Небрежность в языке способствует небрежности и в толковании информационной нормы. В настоящее время невозможно не осознавать влияния соцсетей на формирование личности носителя языка и его общую культуру. Особенно важное значение имеет телевидение. К сожалению, сегодня телеведущие, политики, актеры, герои эфиров не осознают всю

ответственность, возложенную на них, а ведь они являются примером и эталоном для молодежи. Постоянные **акцентологические** (нАчать, дОсуг, прИговор, возбУждено, осУжденный, привЕдены, обеспЕчение), **орфоэпические** (чЕ, шо, что – вместо што; афЕра, опЕка – вместо афера, опека), **лексические** (подтянуть оценки; закрыть долги; сильно понравилась тема; тема будет более подробная – бедный словарный запас, отсутствие логического знания конкретной и абстрактной лексики: подтянуть какой-либо физический объект – стул, мешок; закрыть дверь, шкаф; а слова абстрактной лексики сочетаются с глаголами исправить, отдать и т. д.) и другие ошибки, использование ненормативной и просторечной лексики, жаргонизмов формируют неправильное восприятие и воспроизведение речи у граждан. Нарушение законов языка может привести к дезинформации, затронуть законодательную сферу. Не надо забывать и о том, что общение в Интернете удобно для пользователей киберпространства. Подобный способ общения отрицательно воздействует на уровень грамотности людей. Проблема грамотности становится для современного человека, пользователя соцсетей, второстепенной, так как современному человеку наиболее важно быстро передать необходимую информацию, и он не задумывается о компетенции знаков препинания, правилах орфографии. Сегодня с учетом развития мировой паутины эмоции и мысли возможно выразить не только при помощи слов, но и смайлами, «стикерами», даже такой знак препинания, как круглая скобка, редко используется по назначению, чаще он выражает ту или иную эмоцию – например, простите за назойливость); это если бы она записывала занятия, но...)). Скобки как выразители разных эмоций используют активно и студенты, и преподаватели в соцсетях. Не все могут правильно истолковать значение скобок, это опять-таки приводит к затруднению в общении и в передаче информации. В XXI веке общение сложно представить без блогов, чатов, интернет-форумов. Сотовый телефон, электронная почта, аккаунты социальных сетей позволяют быстро передать информацию. Но это не всегда гарантирует качественную ретрансляцию. Более 60% сообщений и комментариев на веб-сайтах, как показывает статистика, написаны с нарушением информационной нормы. Необходимо взять на самоконтроль манеру виртуального общения. Не нужно следовать бездумной спешке или модным тенденциям, а также сомнительному способу экономии времени на написание текста. Следует обратить внимание и на такую манеру общения, как замену букв, сокращение слов, написание слов по произношению (шас включу камеру вместо сейчас включу камеру), написание имен собственных с прописной буквы (вика позвонила). Очень часто человек делает подобные ошибки намеренно, в этом случае такая неграмотность является способом самоутверждения путем адаптации в Интернете.

Таким образом, в современных условиях информатизации особый статус приобретают социальные сети, их высокая воздействующая направленность. Информационная норма не должна нарушать этическую норму, законы нравственности, морали, служить законам этики. А главными категориями должны быть достоверность, актуальность, тематическая многогранность, направленность на интересы читателей, этичность.

В подготовке юристов необходимо актуализировать главные качества судебного дискурса: точность и чистота, логичность, правильность, богатство слов, «категория пристойности», выразительность, опора на подлинные факты. Знание норм современного русского литературного языка – это неотъемлемая часть судебного дискурса, это доминанта профессионального совершенства в судебном красноречии. Не надо забывать о том, что юрист – это прежде всего гуманный, человек, работающий с людьми ради того, чтобы в мире было все по закону.

Информационная норма должна иметь фундамент этической нормы. Необходимо помнить слова А. А. Ушакова, что неточное слово в юриспруденции – «большое социальное зло, оно создает почву для произвола и беззакония» [5: 5].

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс// Лингвистический энциклопедический словарь. М., Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Винер Н. Кибернетика и общество. М., Изд-во иностранной литературы, 1958. 200 с.
3. Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой информации: учебное пособие. М., КДУ, 2008. 116 с.
4. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дис... докт. филол. наук. Саратов. 2010. 39 с.
5. Ивакина Н. Н. Профессиональная речь юриста. Учебное пособие. М., БЕК, 1997. 348 с.
6. Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. М., НОРМА, 2003. 560 с.
7. Онтология языка как общественного явления / Отв. ред.: Г. В. Степанов, В. З. Панфилов. М., Наука, 1983. 312 с.
8. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / Отв. ред.: Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов. М., Наука, 1990. 136 с.
9. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований// Текст и дискурс Проблемы экономического дискурса: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГУ ЭФ, 2001. 155 с.

JUDICIAL DISCOURSE AND MODERN NETWORK COMMUNICATION: INFORMATION FIELD AND INFORMATION NORM

Abstract. The purpose of this article is to consider the relationship between the concepts of judicial discourse and modern network communication on the example of the formation of legal consciousness among students studying in law schools.

Keywords: judicial discourse, information norm, information field, network communication, ethics, manipulation of public consciousness.

Раздел 7.

НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКИ В ОТНОШЕНИИ ВЕРБАЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

ДИАЛЕКТИКА КОНФЛИКТА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

Аннотация. В статье исследуется диалектика конфликта в социальной сети, которая рассматривается, во-первых, как отражение несовпадения интересов, становящегося движущей силой конфликта; во-вторых, как противостояние двух типов конфликтов, в-третьих, как сам ход конфликта, внутри которого выделяются этапы.

Ключевые слова: социальные сети, конфликт, диалектика конфликта, модератор, моделирование конфликта, оскорбление, диффамация.

Социальные сети – порождение и в то же время проекция современной жизни [1]. В русскоязычном сегменте интернета **социальные сети** в виде Одноклассников и ВКонтакте стали набирать популярность с 2006 года, русская версия сайта Facebook³³ появилась только в 2008 году, то есть этому феномену нашей культуры около 15 лет. Любое явление имеет плюсы и минусы [1; 2; 3; 11; 13; 14], но предметом настоящего материала являются не положительные его стороны, а отрицательные, осознание которых позволит обществу выработать правила обращения с новым инструментом, оказавшемся в его арсенале [4]. Инструментом чего? Для раскрываемой темы существенно, что участники коммуникации в социальной сети во-первых, имеют различные цели, во-вторых, в различной мере адекватности их сами осознают, в-третьих, с различной степенью искренности их декларируют, в-четвертых, имеют различную тактику их достижения, в-пятых, в силу нетождественности психологической, коммуникативной и языковой подготовки имеют различные результаты своих прагматических целей [8], и, наконец, процесс декодировки чужих намерений осуществляется с разной степенью успешности [9; 10; 11].

Все перечисленные различия приводит к непониманию пользователями сетей того, что происходит в пространстве коллективной коммуникации. Или, как мы предполагаем, кто-то все-таки довольно неплохо это понимает, в отличие от большинства, и умело модерирует процесс и моделирует информационное пространство. Непонимание одних и осознанные действия

³³ Принадлежит организации, признанной экстремистской в Российской Федерации.

358 | других [10] приводят к конфликту, развитие которого и проекцию на лингвоэкспертную сферу и попытаемся проследить.

В названии материала использовано слово «диалектика», которое, как представляется, максимально точно отражает всю сложную динамику взаимодействия коммуникантов в социальной сети. Анализ значения слова по словарям позволил сформировать имеющую отношение к нашей теме систему значений: ДИАЛЕКТИКА. [греч. διαλεκτική (τέχνη) – искусство беседы, от διαλέγομαι – спор] – общенаучный термин, обозначающий на различных этапах его существования: 1) искусство спора в диалоге; 2) философская теория, утверждающая внутреннюю противоречивость всего существующего и мыслимого и считающая эту противоречивость основным или даже единственным источником всякого движения и развития; 3) способ изучения явления путем вскрытия в нем внутренних противоречий и борьбы противоположностей, приводящих к скачкообразному переходу из одного качества в другое; 4) процесс развития чего-л. во всем многообразии его форм и во всей его противоречивости.

Анализ сетевых конфликтов, ставших предметом судебного разбирательства [5; 6], позволил увидеть диалектику, во-первых, в противостоянии типологически организованных групп их причин.

Заложенный в понятии «диалектика» смысловой компонент «диа-», означающий наличие двух разных, сталкивающихся и противоречащих начал, адекватно отражает конфликтность всего общения в социальных сетях. Бесконфликтным бывает только общение по отдельным темам на специализированных форумах, и то, скорее, это не абсолютная бесконфликтность, а выражение несовпадения во взглядах неагрессивными средствами. Основа вербализованного конфликтов в социальных сетях – наличие конфликта интересов.

Базис конфликта. Конфликт интересов может иметь различную природу: психологическую, идеологическую, культурную, экономическую, политическую.

Предполагаем, что на настоящий момент большинство конфликтов в сети имеет психологическую подоплеку. Психологическим мы называем такой конфликт в социальной сети, развитие которого является результатом конкуренции коммуникантов в реализации ими своих личных (как правило, не осознаваемых) целей. Нереализованность в жизни деятельной приводит людей в пространство сети с жадной самореализации и признания. Об этом говорят многочисленные посты на философские, научные, политические темы, которые размещают пользователи, рассчитывая, как следует из их старательного самовыражения, на положительный отклик, оценку, возможно, славу. Однако с подобной мотивацией пришли сюда многие другие, а понимание, что все не могут быть лидерами, превращает коммуникацию в ярмарку тщеславия

и противостояние в борьбе за доминирование. Второй психологической причиной конфликтов в сети является жажда части участников сброса негативных эмоций, что в ситуации анонимности снимает риски, неизбежные в личном общении.

Идеологические разногласия обусловлены базовыми разногласиями в представлениях о мироустройстве и в определении жизненных ценностей. В сети сталкиваются люди, которые верят в разное и по-разному, не тождественно оценивают роль в своей жизни Бога, государства, долга, семьи, денег и в реальной жизни, как правило, существуют в разных коммуникативных пространствах.

Различия в культурном уровне коммуникантов, проецирующемся на все уровни речевой самопрезентации, от логики до стилистики, также вызывают конфронтацию в сети очевидно более представленную, чем в очном общении, в силу сетевого мультикультурализма в самом широком понимании этого слова.

Подобные конфликты характерны и для несетевого общения, но в мире реальных людей и дел выработаны и в какой-то мере поддерживаются правила коммуникации, а специфика сетевого общения провоцирует пренебрегать ими. Факторами конфликтогенности коммуникации в сети, по сравнению с личным общением, являются: анонимность, непрерывность общения, недифференцированность признаков публичность/ интимность, отсутствие невербальных средств коммуникации, ослабление традиционных этических запретов для заочного общения, стилистическая сниженность речевой культуры коммуникации [3].

От названных ранее принципиально отличаются конфликты, имеющие политическую и экономическую природу. В отличие от психологической мотивации, идеологического противостояния и культурного несовпадения, интерес политический и экономический проявляется не в самовыражении и декларации, а в реализации поставленной цели. Первые три типа конфликта можно назвать естественными в том смысле, что его участники, включаясь в общение в социальной сети, не ставят перед собой цели вступить в конфликт, он является органичным результатом их психологической мотивации (скорее всего, неосознанной), нетерпимости к чужому мнению, неумению вступать в диалог. Анализ же некоторых конфликтных текстов, ставших предметом судебного разбирательства, показывает вполне целенаправленную провокацию конфликта и его эскалацию [12]. Рассмотрение полилога в ситуативном контексте с учетом влияющих на его декодировку экстралингвистических факторов приводит к пониманию преследуемых модератором прагматических целей экономического и политического характера. Уточним: сам конфликт интересов является естественным и в этом случае – искусственным началом, протекание и сам характер противостояния в сети. Главный признак искусственного конфликта – участники вербализованного оппонирования не

360 | совпадают с участниками реального конфликта интересов. Используя средства русской фразеологии, скажем, что дни чужими руками жар загребают, а другие таскают каштаны из огня. Рядовой участник коммуникации не осознает манипуляции, которой подвергается со стороны модератора конфликта.

Рассмотрим этапы конфликта в социальной сети. Количество этапов конфликта зависит от того, к категории естественных или искусственных он относится.

Естественный конфликт проходит обычно следующие этапы: оценочный, конфронтационный (программа-минимум), оскорбительный (речевая программа-максимум): *Тухлая продажная конторка*, действенно-практический (выход конфликта из вербального пространства). Известны печальные случаи продолжения конфликта, начавшегося в сети, в очном формате. Агрессия, накопленная в вербальной коммуникации, выплескивается на физическом уровне.

Иная диалектика у конфликта искусственного. В вербальном пространстве начинается все, как и в конфликте естественном, с конфронтации: высказываются различные мнения, даются оценки, эти оценки оспариваются. Возможен и второй этап – оскорбительный: *Тухлая продажная конторка; Ублюдочная фирма!; Этот подлый подхалим опять лезет во власть!* Но для реализации экономических или политических целей оскорбления мало: оскорбление снижает социальный статус оскорбленного, в глазах обществу демонстрирует его слабость, но оно не формирует представления о его противоправном или недостойном поведении. А именно это требуется модератору, поставившему цель придать кому-либо экономическое или политическое превосходство через опорочение конкурента. Поэтому обязательным этапом искусственного конфликта становится диффамация, выполняющая роль антирекламы: *«Интерсвязь ФСБэшная контора. Она давно сливает ваши данные»*. Но на этом репрезентация конфликта не всегда исчерпывается. Модератору выгодно подвести аудиторию к конкретным выводам о необходимости отказаться от какого-либо одного производителя товаров и услуг, равно как и политического курса или его представителя, в пользу другого. Это этап открытого призыва к определенным действиям: *С интерсвязью все понятно. Эта контора легко отключит интернет и пустит по сети Лебединое озеро, если что. Я за это платить не хочу и не буду. И всех призываю; Отключайтесь от Интерсвязи!* Спорный вопрос, насколько такая прямолинейность эффективна. Возможно, она работает как девуализатор в отношении мыслящей аудитории, но, увы, как катализатор конкретных (не сетевых, вербальных, а жизненных) поступков для наивного пользователя.

Описание роли модератора, использующего свой статус как средство достижения цели при параллельном уходе от правовой ответственности [7],

требует самостоятельного исследования. Сейчас кратко отметим, что модератор может быть открытым и скрытым. Открытый модератор, конечно, открыт не в полной мере. Открытость проявляется в том, что сам факт модераторства не отрицается, но информация об интересанте, на стороне которого выступает хозяин сетевой площадки, не называется. Инструментом такого модератора является прежде всего возможность пропускать комментарии сквозь сито тактики в реализации стратегической цели. Сложнее работа у модератора скрытого, который на чужой территории ведет свою войну партизанскими средствами: вбрасывает новую информацию, дает оценки, оскорбляет и призывает под разными именами, создавая иллюзию коллективного мнения.

Итак, конфликты в сети отражают и в то же время провоцируют конфликты реальные, нередко они являются результатом манипуляции модераторов, реализующих чей-то экономический или политический заказ, а потому формируют искаженное информационное пространство, вводящее в заблуждение наивных пользователей сети. Проекция сетевых конфликтов на психику, мотивацию, уровень и качество информированности участников коммуникации заставляет задуматься над необходимостью взвешенных, но решительных мер в этой области. В педагогической сфере необходимо выработать систему педагогических инструментов по формированию культуры сетевого общения, предотвращающей хотя бы часть конфликтов в социальных сетях – конфликтов, названных в статье естественными, и минимизирующей травмирующее воздействие искусственного модераторства.

Литература

1. Гуль А. Ю. Роль социальных сетей в современных коммуникативных практиках // Культурологические чтения – 2016: Материалы международных научно-практических конференций. Екатеринбург, 2016. С. 52–56. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43311/1/kulch_2016_10.pdf
2. Жуйков А. А., Каспаров А. Р., Нурахмедова А. А. Виртуальные конфликты в социальных сетях Интернета как угроза информационной безопасности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. Вып. 2. С. 89–94.
3. Иваненко Г. С. Коммуникация в социальной сети: факторы конфликтности // Юрислингвистика. 2020. № 18 (25). С. 21–25.
4. Иваненко Г. С. Функциональная грамотность: дискурсивная типология // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей IV Международного симпозиума: в 2 томах. 2020. С. 196–204.
5. Иваненко Г. С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации. М.: ООО «Флинта», 2018. (2-е издание). 247 с.

6. Иваненко Г. С. На пересечении языка и права. Из практики производства судебных лингвистических экспертиз. М.: ООО «Флинта», 2018. 279 с.
7. Иваненко Г. С. Текстовые тактики ухода от правовой ответственности при реализации стратегии дискредитации // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 4. С. 134–137.
8. Катышев П. А. Коммуникативное консультирование как направление прикладной лингвистики. Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2 (54). С. 64–67.
9. Ким Л. Г. Обыденные политические интернет-комментарии: конфликт интерпретаций новостного текста // Инновационные, информационные и коммуникационные технологии: сборник трудов XVII Международной научно-практической конференции. под ред. С. У. Увайсов. Москва, 2020. С. 160–164.
10. Куликов Е. М. Слухи как элемент сетевой коммуникации в интернет-пространстве современной России: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Краснодар, 2014. С. 3–4.
11. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч.1: коллективная монография / отв. редактор Голев Н. Д. Кемерово, Барнаул: изд-во Алтайского гос. ун-та. 2009. 532 с.
12. Огорелков И. В. Особенности диагностического автороведческого исследования анонимного документа на основании признаков, характеризующих имитацию авторства. Русский язык за рубежом. 2020. № 1 (278). С. 66–69.
13. Посталовский А. В. Социология дестабилизации: теоретико-методологические аспекты // Вестник МДУ им. А. А. Куляшова. 2019. № 2. С. 47–55.
14. Шипицин А. И. Феномен социальных сетей в современной культуре / Известия ВГПУ. 2011. № 3(57). С. 36–40.

Galina S. Ivanenko

THE DIALECTIC OF CONFLICT IN THE SOCIAL NETWORK

Abstract. The article considers the dialectic of conflict in the social network, which is considered, firstly, as a reflection of the discrepancy of interests that becomes the driving force of the conflict; secondly, as a confrontation of two types of conflicts, and thirdly, as the very course of the conflict, within which the stages are distinguished.

Keywords: social networks, conflict, conflict dialectic, moderator, conflict modeling, insult, defamation.

В. А. Мишланов

vmishlanov@yandex.ru

*доктор филологических наук, профессор Пермского государственного
национального исследовательского университета
Пермь, Россия*

В. А. Салимовский

salimovsky@rambler.ru

*доктор филологических наук, профессор Пермского государственного
национального исследовательского университета
Пермь, Россия*

Н. В. Данилевская

danil6@mail.ru

*доктор филологических наук, профессор Пермского государственного
национального исследовательского университета
Пермь, Россия*

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ (ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 354.1 УК РФ «РЕАБИЛИТАЦИЯ НАЦИЗМА»)

Аннотация. Рассматриваются вопросы лингвистического обеспечения правоприменения по ст. 354.1 УК РФ. Интерпретируется экспертиза для первого в РФ процесса, вынесшего обвинительный приговор по факту распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: лингвистическое обеспечение правоприменительной практики, лингвистическая экспертиза текста, реабилитация нацизма, заведомо ложные сведения, коммуникация в сети.

Введение. 30.06.2016 Пермским краевым судом впервые в стране был вынесен приговор по ч. 1 ст. 354.1 УК РФ. Житель Перми В. В. Лузгин был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного этой статьей. Ему был назначен штраф в размере 200 000 рублей. Верховный суд РФ отклонил апелляцию, после чего В. В. Лузгин подал жалобу в Европейский суд по правам человека, который ее коммуницировал (направил в РФ для ознакомления и представления по ней письменных замечаний).

Пермский краевой суд при рассмотрении указанного дела использовал экспертизы, одна из которых была подготовлена специалистами Пермского государственного национального исследовательского университета – историком, юристом и лингвистами – авторами настоящей статьи. В связи с актуальностью вопросов лингвистического обеспечения законотворческого процесса и правоохранительной практики, касающихся экстремистской деятельности и реабилитации нацизма, а также большим резонансом, вызванным делом В. В. Лузгина, мы рассмотрим лингвистические аспекты оценивавшихся судом материалов и доводы оппонентов, отрицающих криминальный характер речевых практик осужденного.

Обстоятельства дела таковы: 24.12.2014 г. В. В. Лузгин, находясь у себя дома, с помощью сотового телефона разместил на своей странице в социальной сети «***» для обозрения неограниченным кругом лиц статью «15 фактов про «#бандеровцев», или о чем молчит кремль»³⁴, публикация которой, по предварительной оценке следствия, явилась нарушением закона.

Перед экспертами были поставлены вопросы:

1. Содержится ли в представленных материалах отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором?

2. Содержатся ли в представленных материалах заведомо ложные сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны?

Эти вопросы относятся к компетенции представителей разных наук: истории, юриспруденции, лингвистики.

Основные положения экспертного исследования

Выводы экспертизы, принятые судом. На первый вопрос дан отрицательный ответ. Эксперт-юрист констатировал, что «в приговоре Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала) не дается правовая оценка деятельности Степана Бандеры, Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА)». Поэтому нет оснований квалифицировать отрицание преступлений Степана Бандеры, ОУН и УПА как отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала.

По этой же причине выраженное в тексте одобрение деятельности С. Бандеры, ОУН (Б) и УПА, проявляющееся в референтном содержании и модальности высказываний:

Деятельность УПА начала только по факту Немецкой оккупации (в 1942 году), то есть ПРОТИВ ГЕРМАНИИ, и ее оккупации;

³⁴ Здесь и далее фрагменты из текста В.В. Лузгина приводятся в авторском (графическом, орфографическом и пунктуационном) оформлении. – В.М., В.С., Н.Д.

УПА присягали только НА ВЕРНОСТЬ УКРАИНЕ;

УПА НЕ оккупировал чужие земли, а действовали только на своей земле, и защищали СВОЮ землю, и свой народ...

В УПА воевали люди разных национальностей... и под. не квалифицируются экспертами как одобрение преступлений, установленных приговором Нюрнбергского трибунала. (См. приведенное выше положение юридической экспертизы.)

Для ответа на второй вопрос анализировался следующий фрагмент текста:
КОММУНИСТЫ И ГЕРМАНИЯ СОВМЕСТНО НАПАЛИ НА ПОЛЬШУ, РОЗВЯЗАВ ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ 1 сентября 1939 года! То есть, коммунизм и нацизм тесно сотрудничали...

Существительное коммунисты в данном контексте реализует метонимическое значение и является синонимом аббревиатуры СССР. При этом осознается связь с первичным значением – «члены коммунистической партии». Тем самым утверждается, что Советский Союз вместе с фашистской Германией развязал Вторую мировую войну.

Согласно выводу юриста и историка, утверждение о том, что «коммунисты и Германия совместно напали на Польшу, развязав вторую мировую войну», не соответствует приговору Нюрнбергского трибунала. Заведомо противоречит ему также утверждение о том, будто «коммунизм и нацизм тесно сотрудничали».

Вывод по второму вопросу приведен в приговоре Пермского краевого суда:

Из заключения комиссии экспертов, проводивших судебную комплексную историко-юридическо-лингвистическую экспертизу, следует, что в текстовом фрагменте: «Коммунисты и Германия совместно напали на Польшу, развязав Вторую мировую войну 1 сентября 1939 года! То есть, коммунизм и фашизм тесно сотрудничали...», находящемся в пункте 8 текста под названием «15 фактов про «#бандеровцев», или о чем молчит кремль», существительное «коммунисты» является синонимом аббревиатуры СССР, при этом осознается связь с первичным значением – ‘члены коммунистической партии’. Тем самым утверждается, что Советский Союз вместе с фашистской Германией развязали Вторую мировую войну [11].

Экстремистский характер некоторых высказываний публикации, не инкриминированных В. В. Лузгину. В судебном процессе рассматривался только тот фрагмент текста, который содержал показатели преступления, предусмотренного ч. 1. Ст. 354.1 УК РФ. Между тем для понимания общей целеустановки материала «15 фактов про «#бандеровцев», или о чем молчит кремль» необходимо выделить еще две речевые единицы, которые, как показал анализ, имеют признаки экстремистской деятельности.

Так, прямой призыв к насильственным антигосударственным действиям, адресуемый пользователям Интернета, содержится в креолизованном тексте,

включающем высказывание с *побудительной модальностью* «ИМПЕРИЮ ЗЛА *Уничтожим!*» и стилизованное изображение руки, сжимающей в кулаке фигуру красного цвета, с контурами географической карты России.

Омонимия формы *уничтожим* (изъявительное накл., буд. сов. вида, имеющая значение «[Я утверждаю, что] Мы уничтожим «империю зла» Россию» / или побуждение адресата к совершению действия вместе с говорящим «[Я призываю:] Вместе уничтожим империю зла – Россию») здесь, несомненно, разрешается в пользу последнего значения (ср.: *Завтра мы выйдем на субботник – Все как один выйдем на субботник!*)

Не вызывает сомнения и референтное значение выражения «империя зла» – Российская Федерация как правопреемник Советского Союза.

Косвенный призыв к насилию (к организации массовых беспорядков) заключен в следующем тексте:

Самые большие перемены к лучшему, произойдут в России не тогда, когда понесут цветы на мост [видимо, на место убийства Б. Немцова – В.М., В.С., Н.Д.], а когда понесут покрывки к Кремлю.

В контексте размещенных на сайте креолизованных текстов, исполненных вражды и ненависти к современной России – к ее нынешней власти и к большинству ее граждан, поддерживающих политику власти, данное высказывание равнозначно призыву: «[Граждане России!] Если вы хотите самых больших перемен к лучшему, действуйте так, как действовали в Киеве в 2013 и 2014 гг.: несите к Кремлю и жгите автомобильные покрывки [вооружайтесь кольями, булыжниками, обрезками арматуры, цепями, бутылками с горючей смесью и свергайте действующую власть]».

Заметим, что в современном публицистическом дискурсе горящие автомобильные покрывки стали своего рода символом: для одних – массовых беспорядков, бунта, антиконституционных действий, направленных на насильственный захват власти, для других (ультраправых националистов, бандеровцев) – «революции достоинства», «борьбы за свободу, за европейский выбор».

Общая целеустановка материала «15 фактов про «#бандеровцев», или о чем молчит кремль» – внедрение в сознание россиян идеологических смыслов, распространяемых необандеровскими украинскими организациями.

О содержании понятия «заведомо ложные сведения». Для правоприменительной практики по статье 354.1 УК РФ очень важной является экспликация понятия «заведомо ложные сведения». Остановимся на его эпистемологическом аспекте.

Некоторое суждение является ложным, если оно не соответствует действительности (т. е. противоречит установленным фактам). В нашем случае заведомо ложными, таким образом, могут квалифицироваться лишь высказывания, не соответствующие научным (историческим) фактам, а также основанным на них решениям судебных инстанций.

Известно, что отношение «истинное знание – ложное знание» распространяется не только на эмпирические, но и на теоретические суждения. Последние не могут быть истинными, если они основываются не на всей совокупности установленных фактов, относящихся к данной области, а только на некоторых фактах, изолированное рассмотрение которых призвано подтвердить взгляды автора. Сказанное в равной степени справедливо для естественных и гуманитарных наук, в том числе истории.

Поэтому при изучении начала Второй мировой войны недопустимо из совокупности важнейших исторических событий – становления нацизма в Германии и «аншлюса» Австрии, Мюнхенского сговора, расчленения Чехословакии при участии Польши и Венгрии, вторжения Италии в Эфиопию и ряда других – искусственно выделять пакт Молотова – Риббентропа для решения конъюнктурных политических задач, в крайнем варианте – отождествления жертв нацизма с нацистскими преступниками.

Утверждение *«КОММУНИСТЫ И ГЕРМАНИЯ СОВМЕСТНО НАПАЛИ НА ПОЛЬШУ, РОЗВЯЗАВ ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ 1 сентября 1939 года! То есть, коммунизм и нацизм тесно сотрудничали»* – это заведомо ложные сведения, являющиеся одним из ключевых тезисов, создаваемых на современной Украине необандеровских историко-идеологических доктрин. Ср. утверждение премьер-министра Украины А. Яценюка в 2015 г.: «Мы все хорошо помним вторжение СССР в Германию и на Украину» [16]. Иначе говоря, коммуникативная деятельность В. В. Лузгина заключалась в распространении заведомо ложных сведений и экстремистских призывов среди российских пользователей Сети.

Таким образом, понятие «заведомо ложные сведения», используемое в ст. 354.1 УК РФ, относится не только к эмпирическим (фактофиксирующим) высказываниям, но и к общим положениям, противоречащим выводам Нюрнбергского трибунала и в конъюнктурных политических целях с очевидностью искажающим знания о деятельности СССР в годы Второй мировой войны.

В. Маркова, комментируя факт отклонения Верховным судом апелляции В. Лузгина, приводит следующие доводы адвокатов, которые (доводы) были, по ее мнению, безосновательно отвергнуты судом:

Стороны сразу перешли к прениям, но этот процесс больше напоминал показательное выступление адвокатов, дискуссии не получилось. Против почти получасовой аргументирующей речи каждого из них прокурор сказала лишь, что считает приговор Пермского краевого суда «законным и обоснованным» [5].

Доводы адвокатов (Г. Резника и И. Фадеевой) заключались, в частности, в том, что суд не изучил и не принял во внимание выписки из учебных пособий, в которых говорится о разделении территории Польши между Германией и СССР в 1939 году, в частности из энциклопедии «Отечественная история». Но суд, по логике вещей, может принимать во внимание только

368 факты, тогда как в «литературных источниках» и в «учебных пособиях», на которые ссылаются адвокаты, фактофиксирующая часть – в силу жанровых особенностей – **редуцирована**, порой в очень большой мере, и «**сепарирована**» – с учетом заданных мифологией и идиологемами интерпретаций и оценочных суждений (мнений). В данном случае надежной опорой могут быть научные и юридические источники (исторические исследования, опирающиеся на документы, материалы следственных дел, решения судов, прежде всего приговор Нюрнбергского трибунала). Научные (исторические) тексты должны содержать **описание всех установленных фактов**, что исключает (или значительно уменьшает) возможность искажения «картины событий» в ходе последующих интерпретаций (при условии добросовестности историка и стремления к максимальной объективности).

Отмечается, далее, что суд превысил свои полномочия, решив, что Лузгин распространял заведомо ложные сведения «лишь на основании аттестата, в котором стоит четверка по истории... Потому что “заведомость” – это субъективное доказательство, получать которое должно следствие, допрашивая подозреваемого... Эксперты написали, что сведения были заведомо ложными, но они не сказали, на какую же линейку они примеряли эту ложность, – говорила адвокат. Она пояснила, что есть масса литературных источников, в которых содержатся противоречащие друг другу сведения, а Нюрнбергский трибунал был судом победителей, на котором не оценивалась роль СССР во Второй мировой войне» [5].

Имеет ли возможность (и право) эксперт-лингвист (специалист в области речеведения, теории речевых актов, лингвистической прагматики, психолингвистики) или эксперт-психолог квалифицировать с этой точки зрения отвечающие перечисленным условиям истинности высказывания? Мы полагаем, что если и существует принципиальная возможность доказать «заведомую ложность» суждений, то только посредством речеведческого (дискурсного) анализа экстремистского текста.

При этом целью смыслового анализа конфликтного текста является не только собственно содержание текста, но и мотивы и интенции его создания, для чего во внимание должны приниматься многочисленные импликатуры (пресуппозиции, фоновые знания).

Тиражирование (репосты) чужого текста также имеет определенную мотивацию и коммуникативные цели, совпадающие, как правило, с авторскими интенциями и целями. Более того, сам факт «репоста» текста единомышленника, как ни парадоксально, становится дополнительным критерием, обосновывающим реконструкцию той или иной психологической и коммуникативной (деятельностной) основы текстопорождения.

Какие же речевые показатели принимали во внимание эксперты, делая заключение о заведомой ложности распространяемой Лузгиным информации

о деятельности СССР, на какую, как выразилась И. Фадеева, «линеечку они примеряли эту ложность» (т.е. заведомую ложность)?

Прежде всего – на здравый смысл как категорию юриспруденции [8]. Лузгин не мог не знать того, как расценивались и расцениваются причины возникновения Второй мировой войны в СССР и современной России и что эти оценки прямо противоположны распространяемым им утверждениям. Фактом репоста содержащихся в тексте суждений Лузгин как бы утверждает, что российская точка зрения (на причины и инициаторов войны) и соответствующие выводы Нюрнбергского трибунала – это измышления, ложь. Но в тексте для такого утверждения нет аргументов, опирающихся на совокупность непреложных фактов. Следовательно, выбор «той» точки зрения обусловлен идеологическими мотивами. Утверждение об ответственности «коммунистов» за развязывание войны следует рассматривать в контексте других фрагментов текста (написанного, судя по проявлениям интерференции, на Украине), исполненных враждебности и ненависти к России (не к власти, не к «режиму», а к России в целом), насыщенных лживыми утверждениями, реабилитирующими бандеровцев, и соответствующими оценками.

Анализ аргументации оппонентов и обоснование выводов экспертизы.

Современное российское антиэкстремистское законодательство (Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» и связанные с ним статьи УК РФ) подвергается довольно суровой критике со стороны правозащитных организаций и либеральных СМИ (см., в частности: [1]). Строгий анализ языковой формы названных текстов, действительно, не позволяет сделать вывод, что все здесь безупречно и не нуждается в корректировке и уточнениях [3]. Заметим, однако, что чаще критикуется не столько «буква», сколько содержание законодательных текстов. Однако, проанализировав критические суждения юристов и представителей правозащитных организаций, касающиеся ряда положений законов об экстремизме и террористической деятельности, мы пришли к выводу о необоснованности многих из этих суждений [6].

Критические отклики на антиэкстремистское законодательство появляются и в юридической научной среде [14]. В аспекте проблем правоприменения особо выделяется ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма». Отмечается, что «на сегодняшний день ни законодатель, ни Верховный Суд Российской Федерации пока не дали своего официального разъяснения тому, что же следует понимать под действиями, указанными в ст. 354.1 УК РФ, как их интерпретировать, где «уловить» разницу между нарушением закона и свободой слова, как оценивать с правовой точки зрения труды историков, изучающих события, ход и итоги Второй мировой войны, роль в ней СССР, дающих происходящим в тот период событиям разные оценки и т. д.» [14: 22].

Высказывается даже мнение, что действия, предусмотренные ст. 354.1 УК РФ («Реабилитация нацизма») вообще не подпадают под понятие уголовного преступления. Ср.: «Что касается распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенных публично..., то, как это ни прискорбно, но, на наш взгляд, эти деяния вообще не подпадают под понятие преступления и не являются преступными. Почему? Согласно Уголовному кодексу РФ “Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания”. Таким образом, признаками преступления являются а) общественная опасность, б) противоправность, в) виновность, г) наказуемость» [10: 90].

Из приведенной цитаты видно, что, с точки зрения М. Ю. Осипова, распространение ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны есть посягательство не на общественные отношения, а на историческую память народа, и эта коммуникативная практика не является общественно опасным деянием, а стало быть, не должна трактоваться как противоправная и наказуемая. Другими словами, М.Ю. Осипов полагает, по всей видимости, что *распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенных публично не посягает на общественные отношения* (не наносит им вреда).

Логика автора, на наш взгляд, сомнительна. Характер и степень общественной опасности распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, по мнению М.Ю. Осипова, «никак не затрагивает существующие общественные отношения, ценности или блага, предусмотренные уголовным кодексом, и никак на них не посягают» [10: 91]. Но если в действующем уголовном законодательстве не оговорено, что защите подлежат также те нематериальные ценности, которые реализуются в «исторической памяти» (а это то, что наряду с языком является главнейшим фактором национальной идентичности), то это вовсе не означает, что «посягательство на историческую память» (распространение мнений и оценок, противоречащих фактам и их оценкам, хранимым в исторической памяти народов СССР и передаваемым от поколения к поколению) не несет угрозы общественным отношениям и, стало быть, не должно наделяться признаками противоправности, виновности и наказуемости.

Мы оставляем обсуждение юридических нюансов правоведам, но считаем себя вправе – как специалисты в области массовых коммуникаций – коснуться здесь социологических и иных гуманитарных аспектов обсуждаемых проблем. На наш (не юридический) взгляд, одно только «посягательство на историческую память» в наше время способно причинить существенный ущерб общественным отношениям, которые так или иначе соотнесены с нематериальными ценностями, идеологией и нравственностью, а точнее,

обусловлены ими. Ведь забвение исторической правды, вытеснение ее некой другой «правдой» коренным образом может изменить «характер общественных отношений».

Не будет преувеличением утверждать, что в современном мире наибольшая опасность для общественных отношений (в России) таится в настойчивых и постоянных попытках «переформатировать» и «перекодировать» наше общественное сознание, лишить нашу духовную культуру традиционных ценностей, стереть «историческую память» и «дивно близкое нам» чувство «любви к родному пепелищу» (по Пушкину, залог величия и «самостоянья» человека).

Свобода слова не должна нарушать законных прав другого человека на личное, социальное (профессиональное) и национальное достоинство. Как следует из ч. 2 ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека, осуществление права на свободу слова «сопряжено ... с ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц» [4]. На одной чаше весов здесь понимаемые абсолютивистски «требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых невозможно “демократическое общество”» [(цитируется Постановление Европейского суда по правам человека по делу Кудешкина)], на другой – наша национальная идентичность и «духовное самостоянье», а в конечном счете, государственный суверенитет.

Вернемся к делу В. Лузгина. Удивление адвокатов вызвало то, что суд расценил как реабилитацию нацизма «фразу о том, что Гитлер совершил преступление вместе с коммунистами» («Еще на втором курсе проходят, что соучастие в преступлении – это отягчающее обстоятельство, – подчеркнул Резник») [5]. Но фраза эта непосредственно связана со второй частью ст. 354.1, трактующей в равной мере как уголовное преступление не только «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала», но и «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». К правовому понятию «реабилитация нацизма» утверждение, что «Гитлер совершил преступление вместе с коммунистами», имеет все же отношение, пусть и весьма опосредованное (и, очевидно, по этой именно причине законодатель включил пассаж о заведомо ложных сообщениях об участии СССР во Второй мировой войне в данную статью). В самом деле, тот, кто возлагает ответственность за развязывание войны не только на фашистскую Германию, но и «на коммунистов» (СССР), вправе делать вывод, что Германия ответственна как бы лишь наполовину, и если нашей стране не вменяется в вину развязывание преступной войны, то и нацисты могут рассчитывать на снисхождение.

После отклонения апелляции Верховным судом В. Лузгин, как известно, подал иск в Европейский суд по правам человека. Рассмотрим, насколько обоснованными являются положения этого иска.

«В жалобе говорится о нарушении ст. 7 Конвенции по защите прав человека, гарантирующей “наказание исключительно на основании закона”. Истец полагает, что ст. 354.1 УК не хватает предсказуемости, поскольку к “отрицанию фактов”, установленных в Нюрнберге, суды приравняли утверждение о фактах Второй мировой войны, которые трибунал не устанавливал» [12]. Здесь имеется, очевидно, в виду, что российский суд неправомерно квалифицировал как оправдание нацизма распространение сведений о фактах, которые не были обнародованы на Нюрнбергском процессе (например, о секретном приложении к пакту Молотова-Риббентропа). Предполагается, что Лузгин, зная о такого рода фактах, вправе был интерпретировать их по-своему – как свидетельство вины СССР в развязывании войны.

Вновь отметим логическую «нестыковку»: транслируемое В. Лузгиным утверждение «Гитлер совершил преступление вместе с коммунистами» (= «Коммунисты совершили преступление вместе с Гитлером») квалифицируется судом не как реабилитация нацизма, а как заведомо ложные сведения о деятельности СССР в 30-е – 40-е гг. XX века. Казалось бы, интерпретации, мнения не могут быть истинными или ложными. Еще раз подчеркнем, что интерпретации, оценочные мнения, не отвечающие формально условиям истинности, могут быть обоснованными (опирающимися на факты во всей их совокупности) или произвольными, диктуемыми идеологией и определенными коммуникативными интенциями и целями. В последнем случае они оказываются инсинуациями, измышлениями [6].

Анализируя рассматриваемую ситуацию, А. Пушкарская пишет: «На сайте ЕСПЧ сообщается, что вопросы страсбургских судей вызвал обвинительный приговор Владимиру Лузгину за репост текста статьи “15 фактов о бандеровцах, или О чем молчит Кремль”, относящегося к авторскому восприятию истории украинской повстанческой армии. Правительству РФ предложено сообщить, соответствует ли ст. 354.1 Уголовного кодекса (УК) РФ (реабилитация нацизма) требованиям предсказуемости к закону, установленным ст. 7 Конвенции по защите прав человека (запрет наказания без закона) и чем было оправдано вмешательство государства в свободу слова, гарантированную ст. 10 конвенции. Мог ли инкриминированный господину Лузгину текст “рассматриваться как прямой или косвенный призыв заявителя к насилию или как оправдание насилия, ненависти или нетерпимости”, а также “прямо или косвенно привести к любым вредным последствиям», интересуется ЕСПЧ» [12].

Эксперты показали, однако, что «авторское восприятие истории УПА» не аргументируется ссылками на непреложные факты и совершенно не согласуется с фактами установленными (подтвержденными документами и научными

публикациями). По этой причине то обстоятельство, что распространялось «авторское восприятие» истории УПА, дела не меняет.

«Нарушила Россия, по мнению истца, и 10-ю статью Конвенции, защищающую свободу выражения мнений. Господин Лузгин считает, что вмешательство властей в это право, гарантированное также Конституцией РФ, непропорционально, не преследует законных целей и не служит общественным интересам. Он отмечает, что не отрицал преступлений нацистов против человечности и не призывал к насилию и ненависти, к тому же не является публичной персоной и распространял инкриминированный ему пост в соцсети для узкого круга пользователей. Наказание является очевидно карательным и носит охлаждающий эффект для исторической дискуссии, говорится в жалобе» [12]. Но то, что думает по этому поводу Лузгин, – это мнения именно Лузгина (суждения в свою защиту), необоснованность которых показана в экспертном заключении.

Что касается возможности «вмешательства государства в свободу слова» (в процессы социальной коммуникации), то она, как известно, допускается не только российским антиэкстремистским законодательством, равно как законодательством других стран, но и самой Европейской Конвенцией о правах человека (см. ч. 2 ст. 10).

Заключение. 17 марта 2021 г. Государственной Думой РФ в ст. 354.1 УК РФ были предложены важные уточнения, которые 31 марта были одобрены Советом Федерации РФ, а 5 апреля этого же года были утверждены президентом РФ В. В. Путиным (см. N 59-ФЗ от 5.04 2021 г.).

Внесенные уточнения и дополнения усиливают ответственность за реабилитацию нацизма. Так, указанная статья дополнена новыми квалифицирующими признаками, обуславливающими ужесточение наказания. К их числу относится, в частности, совершение противоправного деяния с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

В нашем исследовании особенно значима диспозиция «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». Распространение В. В. Лузгиным в сети Интернет заведомо ложной информации о том, что якобы Советский Союз вместе с фашистской Германией развязал Вторую Мировую войну, является основанием для вынесения обвинительного приговора по делу.

Усиление мер уголовной ответственности за реабилитацию нацизма и распространение ложных утверждений о деятельности СССР во время Второй мировой войны обусловлено негативными политическими процессами в современном мире, связанными с ведением против Российской Федерации гибридной войны. Оно направлено «на защиту исторической правды и исторической народной памяти» [2].

Литература

1. Бурьянов А. С. О необходимости отмены ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и иного «антиэкстремистского» законодательства. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://golosislama.ru/news.php?id=8257> (дата обращения: 24.05.2021).
2. Внесение законопроекта в Государственную Думу. Пакет документов при внесении. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1050812-7> (дата обращения: 13.08.2021).
3. Демешкина Т. А., Наумов В. Г. Проблема лингвистического обеспечения федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Вестник Томского государственного университета. Филология. Лингвистика. 2011. № 4 (16). С. 5–12.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1000003045> (дата обращения: 26.05.2021).
5. Маркова В. Верховный суд признал законным приговор жителю Перми по «закону Яровой». 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/social/2016/09/01/verkhovnyy-sud-priznal-zakonnym-prigovor-zhatelyu-permi-ro-zakonu-yarovoju.html> (дата обращения: 25.05.2021).
6. Мишланов В. А., Салимовский В. А. Язык законов в свете законов языка (о содержании понятия лингвистическое обеспечение законодательства и правоприменения) // Экология языка и коммуникативная практика. Вып. 1. Красноярск, 2013 (а). С. 165–176.
7. Мишланов В. А., Салимовский В. А. Оценка как объект юрислингвистических интерпретаций // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика: Интернет-конференция. Кемерово, 2013 (б). С. 3–9.
8. Новицкий В. А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. 304 с.
9. О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. 05.04.2021. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381360/ (дата обращения 07.06.2021).
10. Осипов М. Ю. О некоторых проблемах использования уголовно-правовой техники на примере ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 86–91.
11. Приговор Пермского краевого суда по уголовному делу в отношении Лузгина В. В. [Электронный ресурс] URL: <https://rospravosudie.com/court-permskij-kraevoj-sud-permskij-kraj-s/act-525598285/> (дата обращения: 24.05.2021).
12. Пушкарская А. ЕСПЧ коммуницировал дело о реабилитации нацизма. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3441045> (дата обращения: 24.05.2021).

13. Пушкарская А., Хвостик Е. Страсбургский суд разберется с решениями Нюрнбергского трибунала. 2017. [Электронный ресурс]. ULR: https://www.kommersant.ru/doc/3230741?from=doc_vgez (дата обращения: 24.05.2021).

14. Ставицкая А. Закон «О противодействии экстремистской деятельности». Юридический комментарий. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://studies.agentura.ru/tr/presscoverage/extremist/> (дата обращения: 20.05.2021).

15. Червоных Е. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных статьей 354.1 «Реабилитация нацизма» УК РФ, и отдельные проблемы ее правоприменения // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 4. С. 21–27.

16. Яценюк заявил, что СССР напал на Германию и Украину. [Электронный ресурс]. ULR: <https://life.ru/t/новости/148125> (дата обращения: 24.05.2021).

Valery A. Mishlanov
Vladimir A. Salimovsky
Natalia V. Danilevskaya

**ON LINGUISTIC SUPPORT OF THE LAW ENFORCEMENT
PRACTICE (FOR CRIMINAL OFFENSES UNDER THE ARTICLE
354.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
“REHABILITATION OF NAZISM”)**

Abstract. The issues of linguistic support of law enforcement under Art. 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The examination is interpreted for the first trial in the Russian Federation, which passed a guilty verdict on the fact of spreading deliberately false information about the activities of the USSR during the Second World War.

Keywords: linguistic support of the law enforcement practice, linguistic examination of the text, rehabilitation of Nazism, knowingly false information, Internet communication.

И. В. Жарков

linguexpert@gmail.com

начальник научно-методического отдела Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам Санкт-Петербурга, Россия

Е. А. Колтунова

koltunova52@yandex.ru

*доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Института филологии и журналистики
Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского,
член правления Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам
Нижний Новгород, Россия*

ПОНЯТИЯ ОДОБРЕНИЯ, ОПРАВДАНИЯ И ОБОСНОВАНИЯ КАК СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ ЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. Статья содержит лингво-правовой анализ понятий одобрения, оправдания и обоснования в контексте судебно-экспертной лингвистической практики. Разграничение этих понятий является актуальным для современного состояния лингвистической экспертологии, так как речевые акты одобрения, оправдания, и обоснования обладают значительным сходством.

Ключевые слова: речевой акт; оправдание; обоснование; одобрение; публичное оправдание терроризма.

Актуальность темы статьи обусловлена недостаточной научно-практической разработанностью важнейших в современных условиях лингво-правовых понятий одобрения, оправдания и обоснования. Вместе с тем проблемы методического инструментария и научного аппарата всегда входили в число важнейших, потому что любая лингвистическая экспертиза – это серьезное научное исследование, которое должно исключать многомерность и субъективность лингвистических подходов и интерпретаций того или иного речевого акта. Следовательно, выявление существенных лингвистических признаков и свойств важной в диспозиции ряда статей УК РФ терминологии является чрезвычайно актуальной проблемой. В юридической практике термины *оправдание* и *обоснование* достаточно востребованы: в Федеральном законе

от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с многочисленными изменениями и дополнениями) экстремистская деятельность (экстремизм) дефинируется в том числе и через *оправдание* терроризма, *оправдание* нацистской и экстремистской идеологии, а также через *оправдание* необходимости осуществления экстремистской деятельности и *оправдание* национального и (или) расового превосходства либо оправдание практики совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

В ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ дается определение понятия *террористическая деятельность* в том числе и через *оправдание* осуществления пропаганды идей терроризма и распространения материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности (ст. 3), *оправдание* терроризма (ст. 24). Кроме того, к числу признаков, эксплицирующих «язык вражды», в научном обиходе используются следующие: *оправдание* исторических случаев насилия и дискриминации; *оправдание* геноцида, депортаций, репрессий в отношении представителей какой-либо расовой, этнической, национальной, религиозной или социальной группы. Термины *оправдание* и *обоснование* в причастных формах используются при определении понятия «экстремистские материалы»: «*экстремистские материалы – предназначенные для распространения либо публичного демонстрирования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности*».

Наименее востребован термин *одобрение*, который используется в ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма», где сказано о запрете на одобрение преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала.

Словарное значение понятий *одобрение*, *оправдание* и *обоснование* является чрезвычайно близким. Словари современного русского языка дают следующее толкование этих лексем:

1. «Современный толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова в редакции 2003 года:

– *одобрение* – действие по значению гл. *одобрять*; признание хорошим, правильным; положительный отзыв, похвала». В свою очередь глагол *одобрить* реализует следующее значение: положительно, с похвалой отозваться о действиях кого-либо; счесть правильным поступок, поведение кого-л. // принять что-л., согласиться с чем-либо;

– *оправдание* – 1. Действие по значению гл. *оправдать*. 2. Приговор суда, содержащий признание невиновности подсудимого. 3. Доводы, объяснения,

378 | позволяющие оправдать, извинить кого-, что-л. Глагол *оправдать* имеет следующие словарные значения: 1. Вынести судебный приговор, содержащий признание подсудимого невиновным, не заслуживающим наказания 2. Признать правым, поступившим непредосудительно. 3. Признать что-л. возможным, непредосудительным. 4. Показать себя достойным чего-л., заслуживающим чего-л. (*о. надежды*). 5. Возместить, окупить (расходы) [11: 456];
 – *обоснование* – 1. к *Обосновать* и *Обосноваться*. 2. То, что является основанием для чего-л. Глагол *обосновать* отмечен со следующим словарным значением: Подтвердить убедительными доказательствами, привести серьезные доводы в пользу чего-л. [11: 432].

2. «Большой толковый словарь» под ред. С. А. Кузнецова в редакции 2014 г. дает несколько иное толкование:

– *одобрение* – Признание хорошим, правильным; положительный отзыв, похвала. *Одобрить* – Положительно, с похвалой отозваться о действиях кого-л.; счесть правильным поступок, поведение кого-л. // Принять что-л., согласиться с чем-л.;

– *оправдание* – 1. К *Оправдать*. 2. Приговор суда, содержащий признание невиновности подсудимого. 3. Признание кого-л. невиновным, поступившим непредосудительно; доводы, объяснения, позволяющие оправдать, извинить кого-, что-л. 4. Обоснование целесообразности, закономерности, справедливости чего-л. 5. Возмещение чем-л. равноценным (утраченного или захваченного);

– *оправдать* – 1. Вынести судебный приговор, содержащий признание подсудимого невиновным, не заслуживающим наказания. 2. Признать правым, поступившим непредосудительно. 3. Признать что-л. допустимым, возможным, непредосудительным. 4. Показать себя достойным чего-л., заслуживающим чего-л. (*О. ожидания, надежды*). 5. Возместить, окупить (расходы). [2: 703, 719];

– *обоснование* – 1. К *Обосновать* и *Обосноваться*. 2. То, что является основанием для чего-л. Глагол *обосновать* отмечен со следующим словарным значением: Подтвердить убедительными доказательствами, привести серьезные доводы в пользу чего-л. [2: 681].

3. В «Новом толково-словообразовательном словаре» Т. Ф. Ефремовой:

– *одобрение* – 1. Признание хорошим, правильным; положительный отзыв, похвала. 2. Письменное свидетельство о хорошей работе и поведении;

– *одобрять* – 1. Считать приемлемым, хорошим, правильным. // Отзывать о чем-либо положительно. 2. Хвалить кого-либо, признавая его действия или поступки правильными. [4: 4805–4806];

– *оправдание* – 1. Процесс действия по знач. глаг.: *оправдывать, оправдать*. 2. а) Признание кого-л. невиновным или поступившим непредосудительно; б) Основание для такого признания. 3. а) Признание подсудимого

невиновным. б) Приговор суда, отвергающий предъявленное подсудимому обвинение. 4. Обоснование справедливости или целесообразности чего-л. 5. разг. Возмещение утрат или затрат чем-л. равноценным. [4: 4909];

– обоснование – 1. Процесс действия по знач. глаг.: *обосновать*. 2. Положение, подкрепленное убедительными доводами, весомыми доказательствами;

– обосновать – см. *Обосновывать*. Приводить убедительные доводы для подтверждения чего-л., подкреплять доказательствами что-л. [4: 4681–4682].

Близость значений анализируемых лексем, отраженных в словарных статьях, приводит к смешению или нечеткому разграничению этих понятий в экспертной литературе. Так, в одном из учебных пособий по лингвистической экспертизе находим: *«Следовательно, обоснование или оправдание необходимости осуществления возбуждения расовой, национальной вражды предполагает, что в спорном тексте выявлены высказывания, в которых:*

– *приводятся доказательства (аргументы, факты, доводы), свидетельствующие о необходимости возбуждения расовой и национальной вражды;*

– *приводятся доказательства (аргументы, факты, доводы), оправдывающие необходимость возбуждения расовой и национальной вражды, характеризующие возбуждение национальной вражды как допустимое, возможное действие, не являющееся предосудительным»* [13: 28].

А в известном, научно выверенном и последовательно проработанном методическом пособии сказано: *«Возможны различные способы выражения оправдания чьих-либо действий, деятельности: восхваление, героизация, приведение как образца для подражания, одобрение, приветствование, пожелание положительного результата, сожаление по поводу прекращения террористических действий, солидаризация с идеологией и пр.»* [6: 71]. Таким образом, одобрение квалифицируется как один из способов оправдания.

Однако близость значения рассматриваемых лексем отнюдь не означает их семантической идентичности. Как отмечалось в нашей статье «Оппозиция речевых актов одобрения и оправдания в сфере судебной лингвистической экспертизы» [5: 18–19], семантическое сходство в случае одобрения и оправдания не является нетривиальным, то есть существенным: с этой точки зрения между одобрением и оправданием наблюдается только общее сходство по отсутствию отрицательной общеоценочной семы ‘*считать, что что-то плохо*’, или ‘*считать, что кто-то сделал плохо*’. Однако отмеченного семантического признака недостаточно. То же следует заметить и в отношении речевого акта (РА) обоснования: при заметной семантической близости с оправданием РА обоснования имеет и существенные отличия, связанные с тем, что Б. Рассел называл «подтвердителем» (верификатором) высказывания; иначе говоря, в обосновании повышен аргументативный (логический) компонент значения и снижен общеоценочный – ‘*считать, что что-то плохо*’ / ‘*считать, что что-то хорошо*’. Анализ словарных толкований терминов «обоснование /

380 | обосновывать» позволяет выделить доминанту *‘приводить некие основания (причины) для чьих-либо утверждений, убедительно доказывать точку зрения, вовлекая/не вовлекая в дискурс’*. Обоснование – это своеобразный способ доказывания чего-либо, обладающий некой логикой; с коммуникативно-прагматической точки зрения это – форма выражения каузальной интенции. Обоснование в значительно большей степени включает в себя фактологическую информацию, директивы, а также апелляции к авторитетам.

Следовательно, в основе речевого акта обоснования лежит логизированность изложения, приведение цепочки фактов и умозаключений по проблеме; среди них выделяются обосновываемые директивы, комиссивы, констати-вы и др. Используется методика сравнения и оценки сравниваемых величин. Обоснование необходимости чего-либо выражается в грамматических конструкциях побуждения с использованием глаголов в сослагательном наклонении либо сочетанием таких модальных слов и глаголов, как «было бы желательно», «хотелось бы», «необходимо», «нужно», «требуется» и пр. Понятийно-семантическим признаком обоснования необходимости какой-либо деятельности является выражение автором положительного, одобри-тельного отношения к этой деятельности, ее реальному или предполагаемому в будущем результату.

Разграничение одобрения и оправдания, по-видимому, логично связывать с признаком *‘утверждение (эксплицитное или имплицитное) соответствия / несоответствия некой норме и (или) целесообразности’*. Указанный признак будет являться обязательным для РА *оправдания*, но факультативным для РА *одобрения*, поскольку основания позитивной оценки, выражаемой в акте одобрения, в общем случае могут быть иными, отличными от соответствия норме и целесообразности. Таким образом, *одобрение* – это речевой акт позитивно-оценочной квалификации, квалификатив как разновидность репрезентатива. (Я могу одобрять что-то или кого-то только потому, что что-л. / кто-л. мне нравится по каким-то параметрам, не обращая внимания на то, соответствует ли это каким-то нормам (например, *одобрил инвективные выражения политика, одобрил чье-то социально порицаемое, но в высшей степени оригинальное поведение, одобрил безумство храбрых врагов*).

Оправдание – это не просто субъективное выражение положительного отношения к кому-л. / чему-л., не просто эмоционально-оценочная реакция – это обязательное соотнесение с нормой. Налицо не субъективная оценка, а соотнесение своих субъективных представлений о правилах с неким их объективно существующим нормативным, общественным сводом (нельзя ругаться матом, воровать, убивать и т. п.). РА *оправдания* включает в себя информацию не столько оценочного, сколько аналитического типа, преимущественно соответствует не форме этически оценочного суждения, а форме вывода; высказывание-оправдание выражает или подразумевает (в послед-

нем случае – имеет пресуппозицией) сведения о причинно-следственной связи между теми обстоятельствами, которые лежат в основе оправдания, и собственно актом оправдания. Позитивная оценка оправдываемого лица, явления, действия, свойства и т. п. в РА оправдания может как присутствовать, так и отсутствовать, но даже в случае ее присутствия она не может рассматриваться как признак, по которому данный речевой акт подлежит квалификации как акт оправдания. С этой точки зрения *оправдание* можно назвать более значимым в социальном и юридическом аспектах речевым актом, предполагающим большую степень ответственности говорящего (пишущего) за содержание высказывания.

Рассматриваемые речевые акты являются разноуровневыми: одобрение – эмоционально-оценочный (наряду с похвалой, комплиментом и др.) акт, иллюкутивная сила которого направлена на изменение эмоционального состояния читателя или слушателя. *Оправдание* – регулятивно-прескриптивный, выражающий положительную каузацию предписательного / рекомендательного характера, то есть эксплицитное или имплицитное побуждение прескриптора, которое направлено на совершение или несвершение адресатом определенного действия. Обоснование входит в группу декларативно-директивных РА, выражающих намерение говорящего изменить окружающую действительность путем произнесения определенного высказывания, т.е. говорящий приводит те или иные доводы в пользу положения дел, представленного содержанием высказывания.

Анализируемые РА обладают разной модальностью: одобрение тяготеет к оценочной модальности (*хорошо, великолепно, замечательно, отлично* и др.), *оправдание* выражает скорее деонтическую, то есть нормативную модальность долженствования, давая характеристику действия с точки зрения определенной системы норм (*должно/не должно, соответствует/не соответствует*), а обоснование в значительной степени выражает побудительную и объективную модальность.

С точки зрения формальной организации, *оправдание* представляет собой комплексный РА, так как структура оправдательного высказывания содержит две самостоятельные составляющие: оправдательный вывод и аргументативную часть, каждая из которых в речи может быть имплицирована. Двойственный либо тройственный характер оправдательной аргументации (факульгативная эмоция, обязательная фактуальность, обязательная логичность) формирует специфическую лингвистическую наполняемость этого РА. С этой точки зрения РА оправдания и обоснования в значительной степени близки.

К сказанному необходимо добавить, что одобрение вполне возможно без оправдания (*Он ударил Петрова, я это одобряю, потому что только так с хаммами и надо, но не оправдываю таких методов борьбы с хамством*), а *оправдание* возможно и без одобрения (*Я могу не одобрять некоторых*

382 | методов борьбы с экстремизмом, но оправдываю необходимость самой борьбы).

Чрезвычайно существенным обстоятельством является то, каким образом законодатель определяет содержательные особенности термина *оправдание* в диспозиции ст. 205.2 УК РФ. Согласно Примечанию 1 в тексте этой статьи, *публичное оправдание терроризма* выражается в публичном заявлении о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. При этом под идеологией и практикой терроризма понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий (см. п. 1 ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму»). Следовательно, эксперт-лингвист должен проанализировать *публичное оправдание терроризма* как «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании», или, полностью раскрывая содержание искомого явления, «публичное заявление о признании правильными, нуждающимися в поддержке и подражании идеологии насилия и практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанных с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Существительное *признание* является трансформой глагола *признать* в значении ‘установить что-л., прийти к какому-л. заключению’ (данное значение реализуется, в частности, в сочетании с управляемыми формами *кого-что, каким, чем*) [2: 978].

Прилагательное *правильный* в актуальных для контекста «признание идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» значениях ‘верный, безошибочный; истинный, соответствующий реальной ситуации’, ‘настоящий; такой, какой нужен; хороший, справедливый’ [2: 952] выражает прямую позитивную оценку характеризуемого явления реальной действительности, составляющую основное смысловое содержание приведенных значений.

Существительное *идеология* в этом контексте интерпретируется как политический термин, выражающий понятие ‘система взглядов, идей, представлений, состоящая из морально-нравственных правил, норм и оценок, преобладающих в том или ином обществе, в той или иной социальной группе, политической партии и т. п.’ [2: 375].

Существительное *практика* в рассматриваемом контексте интерпретируется в значении ‘накопленный опыт, совокупность приемов и навыков в какой-л. области деятельности’ [2: 955].

Глагол *нуждаться* в том же контексте интерпретируется в значении 'требовать чего-л., вызывать необходимость чего-л.' [2: 659].

Словесная конструкция «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании», использованная в Примечании 1 к ст. 205.2 УК РФ в качестве дефиниции понятия публичного оправдания терроризма, обязательная к применению при правовой квалификации соответствующих деяний, предполагает, что общая экспертная задача, подлежащая решению в лингвистической экспертизе по материалам уголовных дел, в рамках которых лицо обвиняется в совершении публичного оправдания терроризма, – выявление в спорном тексте отдельных высказываний, в которых выражается заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании, а также установление того, может ли рассматриваться в качестве такого заявления спорный текст в целом. Описанный подход полностью согласуется с методикой, опубликованной по решению Научно-методического совета ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России: «Публичное *оправдание* терроризма образует состав оконченного преступления с момента публичного выступления лица, в котором оно заявляет о признании идеологии и практики терроризма правильными и заслуживающими поддержки и подражания» [6: 11].

Важно отметить необходимость точного использования в судебно-экспертной практике понятия *оправдание*, так как его содержание оказывается важным для судеб многих людей. Однако, как отмечалось выше, в существующих методических пособиях рассматриваемые речевые акты порой определяются сходно до степени смешения, зачастую «заставляя» экспертов сводить к оправданию и обоснованию любые формы одобрения или положительной оценки.

Так, в одном из судебных дел фигурировал текст, произнесенный имамом на похоронах молодого человека: «...*Сегодня наш брат по вере покинул нас... Он всегда предпочитал смерть жизни. Красивая одежда, машины, хороший дом, от всего этого наш брат по вере отвернулся еще пару лет назад... Он был Аскетом. Аскет – это тот, кто отказался от мирского.... Он имел возможность. Но он говорил, что желает Рай*». «Этот дунья не для меня» *Вот как надо относиться к Мирской жизни. В чем он нуждался, он использовал, а на лишнее не смотрел. Он мог, как и доугие, построить дом. Он имел возможность. Но он говорил, что желает Рай. И за два дня до смерти он говорил друзьям: «Я скоро отправлюсь к Аллаху». «Всегда ты об этом говоришь», – сказали друзья. Но на этот раз воля Аллаха была такова. Такой был Кадар. Что нам делать, братья по вере? Сегодня такое положение, что я даже не знаю, братья по вере. У них есть джихад, у них есть амир, у них есть кади. Они будут стоять на этом до конца. Так они говорят и не слушают ни родителей ни кого. же, братья по вере, всего лишь*

384 | хочу сохранить их жизни: такие молодые люди нужны нам живыми. Что нам делать, братья по вере... Но я не знаю, братья по вере, что делать. Они уходят один за одним». На вопрос следствия «Имеются ли в предоставленном на исследование материале высказывания, оправдывающие или обосновывающие необходимость осуществления террористической деятельности?» экспертом был дан положительный ответ по обеим позициям. Однако, несмотря на положение о том, что «оправдание решает задачу изменения существующей оценки объекта речи в сторону ее улучшения», следует заключить, что в выступлении имама отсутствуют утверждения о правильности (справедливости, необходимости, возможности или желательности) каких либо действий и взглядов, признаваемых другими (в данном случае законом) недопустимыми. В тексте выявлено положительное отношение к аскетизму верующего человека, отказу от «мирского»: «*«Этот дунья не для меня» Вот как надо относиться к Мирской жизни»* (дунья – в исламе: весь материальный мир, окружающий человека вплоть до его смерти). Лексико-семантический анализ выявляет слова и выражения, которые маркируют чувство растерянности, сожаления и невозможности помочь молодым людям, вставшим на путь джихада: «*Сегодня такое положение, что я даже не знаю, братья по вере... Так они говорят и не слушают ни родителей ни кого... Что нам делать, братья по вере... Но я не знаю, братья по вере, что делать»*».

Лексические средства положительной оценки каких-либо действий, связанные с насилием (убийство, покушение на жизнь, подрыв поезда, боевые действия, действия, связанные с противодействием государству, и др.), в данном текстовом фрагменте отсутствуют. Отсутствуют также лексические средства, связанные с проявлением стратегии оправдания насильственных действий путем восхваления (*хорошо, отлично, так и нужно поступать* и др.). Не выявлена лексика, характеризующая негативную общественную оценку предмета речи как неправильную. Таким образом, автор текста не оправдывает деяния молодых людей. В речевой коммуникации со значением обоснования позиция слушающего приоритетна. С позицией слушающего, с его личностной психологией связан, в первую очередь, замысел речи. Выбор аргументации (обоснования) зависит от того, каков психологический тип человека, так как личность слушающего определяет выбор типа аргументации. В основе речевого акта обоснования лежит логизированность изложения, приведение цепочки фактов и умозаключений по проблеме; среди них выделяются обосновываемые директивы, комиссивы, констативы и др. Используется методика сравнения и оценки сравниваемых величин. Все эти речевые особенности в исследуемом речевом отрывке отсутствуют.

С функциональной точки зрения оправдательное и обосновывающее высказывания имеют одну коммуникативную цель – *убеждение* собеседника. Особенно важным этот тезис является в антиэкстремистском законодательстве:

«Убеждение – важнейший целевой компонент «экстремистских» значений... Оправдание решает задачу изменения существующей оценки объекта речи в сторону ее улучшения: *Я говорю это, потому что хочу, чтобы вы знали – я/он делает то, что делать можно, необходимо.* Оправдание обычно реализуется в виде:

а) утверждения о правильности (*справедливости, необходимости, возможности или желательности*) каких-л. действий и взглядов, признаваемых другими (в данном случае законом) недопустимыми. Ср.: *Гитлер был прав, когда...; Он был вынужден это сделать...* и т. п.;

б) положительной оценки лица, оцениваемого остальными негативно (ср. *Гитлер молодец!*). И утверждение и оценка могут быть подкреплены доводами» [7: 105]. Однако обоснование, как правило, связано с более слабым выражением экспрессии и оценочности, и более интенсивным выражением логизированности и фактологичности.

С учетом изложенного, словосочетание «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» относится к продуктам речевой деятельности (спорному тексту в целом или отдельным высказываниям в его составе), предположительно выражающим оценочные и аналитические суждения (выводы, заключения), содержание которых соответствует одному или обоим следующим описаниям:

– система представлений, взглядов, состоящая из морально-нравственных правил, норм и оценок, преобладающих в социальной группе террористов, позитивно оценивается как верная, безошибочная, истинная, соответствующая реальной ситуации, необходимая (такая, какая нужна);

– отдельные террористические деяния или их совокупность позитивно оцениваются как верные, безошибочные, необходимые (такие, какие нужны) поступки, соответствующие реальной ситуации, аналогичные поступкам, требующимся в будущем.

Следовательно, в качестве специальных лингвистических признаков оправдания терроризма подлежат рассмотрению: а) суждения, выражающие оценку идеологии и (или) практики терроризма как правильных, справедливых, разумных, практически полезных; б) суждения, согласно которым идеология и (или) практика терроризма как возможная в будущем деятельность адресата текста являются целесообразными для адресата текста.

Важно отметить и следующее положение, дополняющее сказанное: «Семантическим признаком оправдания является положительная оценка уже совершенных действий, признание их правильными через указание на наличие существенных причин (оснований) для их совершения и правильность избранного действия и, таким образом, не напрямую, а лишь косвенно может побуждать к аналогичным действиям в будущем» [1: 333].

Не владея методикой экспертного анализа, некоторые эксперты-лингвисты в качестве аргументов представляют свое субъективное восприятие текста, игнорируя научно-методический подход к его анализу. Так, в одном из резонансных уголовных дел в качестве лингвистических средств «оправдания терроризма» эксперты манифестировали: а) негативную характеристику государства (*безжалостное, репрессивное*), б) стилистическую маркированность слов, использованных в спорном речевом материале (*ответочка, затащили, силком затащили*), в) словообразовательные средства (*путинская, силовик*), клише-ярлык (*проштампует решение*), просторечные образования (*гибэдэшники*), г) грамматическую оформленность: наречно-предикатные и усилительно-выделительные слова (*не мог, нет, буквально, вполне*), вводные слова (*на мой взгляд, главное*), оценочные конструкции (*думаю, что, посмотрим, что, надеюсь, что*), смысловые повторы (*жестокость порождает жестокость*), которые к речевому акту «оправдание» в диспозиции ст. 205.2 УК РФ не имеют абсолютно никакого отношения.

Важно обратить внимание также на то, что законодатель устанавливает в качестве требования, обязательного для признания продукта речевой деятельности уголовно наказуемым деянием «публичное оправдание терроризма» наличие выражения не любой позитивной оценки, но лишь позитивной оценки определенного вида (по семантическим признакам ‘верный’, ‘безошибочный’, ‘истинный’, ‘соответствующий реальной ситуации’, ‘необходимый (такой, какой нужен)’). В то же время наличие утверждения о соответствии оправдываемого лица, поступка, явления и т. п. какой-либо норме не относится к числу требований, обязательных для признания продукта речевой деятельности уголовно наказуемым деянием «публичное оправдание терроризма», и определено не может рассматриваться как признак, достаточный для такой квалификации. Учитывая особую дефиницию, введенную Примечанием 1 в тексте ст. 205.2, речевой акт, подлежащий квалификации как выражающий оправдание терроризма, не вполне соответствует лингвистическому понятию речевого акта оправдания как таковому, можно сказать, что он подлежит трактовке скорее как частный случай речевого акта одобрения. С практической точки зрения это означает неполную применимость в лингвоэкспертной практике традиционного понятия РА оправдания в случаях, когда речь идет о публичном оправдании терроризма: в лингвистической экспертизе по уголовным делам по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, неизбежно должны учитываться описанные выше особенности и ограничения, вытекающие из дефиниции, введенной законодателем.

Надеемся, что предлагаемый подход позволит отличить тексты, выражающие оправдание, одобрение и обоснование общественно опасных действий,

от высказываний, автор которых имел смелость высказать свои соображения о реально существующих социальных проблемах, создающих предпосылки для возникновения и развития террористической идеологии, послуживших причинами или поводом для конкретного теракта или создавших условия, сделавшие этот теракт возможным.

Литература

1. Бабич О. В. Диагностика речевых действий по оправданию терроризма или идеологии экстремизма // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия, выпуск 5. Ростов-на-Дону: ООО «Донское книжное издательство», 2015. С. 331–338.

2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2014.

3. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.

4. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь. М.: Дрофа, 2000.

5. Жарков И. В., Колтунова Е. А. Оппозиция речевых актов одобрения и оправдания в сфере судебной лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2020. № 15. С. 17–21.

6. Кукушкина О. В. Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанных с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.

7. Кукушкина О. В. Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 330 с.

8. Лаврентьева Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве : дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 261 с.

9. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 424 с.

10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2003.

11. Современный толковый словарь русского языка / под ред. проф. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2003.

12. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: Вып. 1. Саратов, 1997. С. 88–98.

13. Ярошук И. А., Жукова Н. А., Долженко Н. И. Лингвистическая экспертиза : Учебное пособие. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2020. 96 с.

*Igor V. Zharkov**Elizabeth A. Koltunova*

**THE CONCEPTS OF APPROVAL, ACQUITTAL AND RATIONALE
AS MEANS OF PROOF USING SPECIAL KNOWLEDGE IN THE
FIELD OF LINGUISTICS**

Abstract. The article contains a linguistic and legal analysis of the concepts of approval, acquittal and rationale in the context of the forensic linguistic practice. The differentiation of these notions is relevant for the current state of the linguistic expert science, since the speech acts of approval, justification and rationale have significant similarities.

Keywords: speech act, justification; acquittal, rationale, approval, public justification of terrorism.

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПОНЯТИЯ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Аннотация. Введение экспертного понятия, совмещающего в себе правовые и языковые аспекты, сложного отдельного текста как конгломерата текстов, понимание оскорбления как унижения безотносительно к форме его выражения рассматриваются как деструктивные направления в судебной лингвистической экспертизе и противоречащие закону.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, экспертное понятие, сложный отдельный текст, оскорбление.

Рассматриваемые в статье понятия, как представляется, не возникли случайно, они являются следствием установок, целеполаганий, видения сущности лингвистической экспертизы. Одни понятия такого рода связаны с подходами к экспертизе в целом и к лингвистической экспертизе в частности. Другие связаны с методикой и методологией экспертного исследования. В любом случае эта проблема затрагивает существенные характеристики экспертной деятельности, а также эксперта как ее субъекта. Понятия вербализуются в той или иной форме в научных публикациях, под их применение подводится научная база, они вводятся в экспертный оборот, объясняются в тексте экспертного заключения. На их основе делаются экспертные выводы, принимаются судебные решения. И последнее обстоятельство заставляет относиться к ним серьезно и обращаться с ними осторожно в процессе их функционирования за рамками научного обсуждения.

«Деструктивный», как известно, понимается как «ведущий к разрушению чего-н., неплодотворный, противоп. конструктивный» [10: 220]. Ядром деструктивных понятий, методологическим фокусом судебной экспертологии этого направления является, на наш взгляд, так называемое «экспертное понятие». Ему посвящены отдельные работы, причем не только по конструкту в целом [11], но и по отдельным его воплощениям и их применению на практике, в частности по категории «провокация» в лингвистическом исследовании [12].

В. А. Полянская, опираясь на работы в области судебной экспертологии и судебной психологической экспертизы, транслирует весьма неоднозначное предложение о разделении судебных экспертиз на имеющие непосредственные и опосредованные связи с базовыми науками. Проводится мысль о транс-

390 | формации данных «материнских» наук в специальные экспертные понятия. В связи с этим различаются специальные знания, используемые, например, в судебной психологии, с одной стороны, и товароведческих и бухгалтерских экспертизах, с другой. Делается вывод о том, что «трансформация данных «материнских» наук в специальные экспертные понятия не просто необходимое условие для решения экспертных задач, но и, по ее мнению, будет являться одним из основных критериев для установления самостоятельного научного статуса той или иной предметной судебной экспертизы» [13: 250].

Трансформация означает преобразование, превращение, видоизменение [15], т. е. экспертное понятие уже не будет таким же, каким оно является в исходной науке. В качестве примера В. А. Полянская приводит аффект, когда он трансформируется в «экспертное уголовно-правовое понятие», обозначающее «сильное душевное волнение», и оно отличается от психологического. Вместе с тем если судить по ГОСТ Р 57344-2016 «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения», то это далеко не так: ГОСТ дает определение аффекта у обвиняемого, физиологического и кумулятивного аффекта [6], и наличие вставок «у обвиняемого» вряд ли переводит это понятие в раздел уголовно-правовых.

В настоящее время в теории судебной экспертизы укрепляется точка зрения, согласно которой «экспертиза – разновидность практической деятельности, опирающейся на науку, но не являющейся научным исследованием» [1: 234]. Не исключено, что в том числе в связи и с этим положением применение экспертных понятий в судебной лингвистической экспертизе представляется В.О. Кузнецову перспективным: «На их основе возможно построение системы экспертных задач данного рода экспертизы, которая, с одной стороны, более четко очерчивала бы границы компетенции эксперта-лингвиста, с другой – в наибольшей степени отвечала бы потребностям судебно-следственных органов» [11: 38]. О «потребностях» стороны защиты, пострадавших, подсудимых автор не говорит. По его представлению, экспертное понятие возникает на пересечении, например, части лингвистического понятия и части объективной стороны правового понятия (в которое также входит субъект, объект и субъективная сторона – очевидно, преступления).

Ответить на вопрос, какой области науки принадлежит экспертное понятие, очевидно, могут судебное речеведение, посвященное изучению речевой деятельности и ее результатов в целях решения родовых задач судебной экспертизы устных и письменных произведений речи [3]; лингвокриминалистика, исследующая текст в юридических целях, для составления заключений лингвистической экспертизы, а также анализирующая криминальные субкультуры [7]; юрислингвистика, изучающая взаимоотношение языка и права [17]. Формирование междисциплинарных научных областей вовсе не означает применения междисциплинарных конструктов в монопредметной (в данном

случае лингвистической) экспертизе. Что это как не «вторжение» лингвистов в сферу смежных областей наук (психологии, философии, социологии и т. п.), а также в область права»? [5: 35].

Примечательно, что В. О. Кузнецов, как один из авторов методики судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, сначала утверждает, что в основу экспертных лингвистических понятий должны быть положены правовые дефиниции «оскорбления» и «неприличной формы» и установлена их корреляция с лингвистическими понятиями [9], и лишь затем, спустя 4 года, вводит его в научный оборот и делает предметом научного обсуждения.

Имплицитно экспертное понятие присутствует в следующем определении рассматриваемого вида экспертиз: «Судебная лингвистическая экспертиза – это процессуально регламентированное исследование устного высказывания, речевого оборота, письменного текста, завершающееся дачей письменного заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных экспертно-лингвистических знаний» [4: 94]. Не лингвистических, а судебно-лингвистических знаний.

В. О. Кузнецов следует идее зависимости типа экспертизы от категории дел. Он ссылается на работы М. А. Осадчего, в частности, на метод параметрического моделирования с целью описания понятия как семантической структуры на основе как лингвистических, так и правовых признаков [11: 32], а также на работы И. А. Стернина, где в комплексе оскорбления имеется признак «порочащий характер сведений, то есть выраженное в языковой форме указание на нарушение конкретных моральных норм и законов» [там же].

Далее, говоря об «экстремистских» значениях, В. О. Кузнецов полагает что в методических изданиях РФЦСЭ по сути они представляют так называемые экспертные понятия, теория которых разработана в судебной психологической экспертизе.

Мы ничего не имеем против экспертных понятий как категорий языка судебной экспертизы. Однако само деление экспертиз на имеющие непосредственные и опосредованные связи с «материнскими» науками представляется неубедительным и в определенной мере деструктивным.

Следуя идее об адаптации специальных знаний базовой науки, сторонники экспертных понятий заявляют, что они (понятия) не прямой аналог понятий «материнской» науки, а требуют определенной трансформации. В статье В. О. Кузнецова приводится пример понимания призыва как побуждения и дается следующая мотивировка: «Если в экспертизе по делу о противодействии экстремизму и терроризму описывать призыв как речевой акт без учета понимания этой категории в праве, то будут охвачены не все случаи побуждения, реализуемого в тексте» [11: 36]. Непонятно, что мешает поставить перед экспертом задачу выявить случаи побуждения и оставить на

392 | усмотрение правоприменителя квалификацию побуждений как призывов или как какую-то иную. Выше упоминалось, что в концепции В. О. Кузнецова экспертное понятие входит составной частью в правовое, включающее также и объективную сторону преступления. Именно часть последнего и составляет экспертное понятие. По такой логике требование и угроза как обыденно-языковые понятия не содержат информации о юридическом значении этих слов и поэтому требуют трансформации.

Далее в этой же работе приводится пример экспертных понятий при проведении лингвистической экспертизы по делу о вымогательстве (ст. 163 УК РФ). В результате трансформации вырабатываются экспертные понятия «требование совершения действий, связанных с чужим имуществом» и «угроза применения насильственных, разрушительных действий, распространения негативной информации» [11: 37]. Установление таких понятий, по мнению В. О. Кузнецова, будет иметь юридическое значение по ст. 163 УК, тогда как установление просто требований и угрозы такого значения, очевидно, иметь не будут.

Вместе с тем следует упомянуть, что слово «требование» встречается около 30 раз в УК РФ в различных контекстах: «несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий» (ст. 28), «установление особых требований к поведению несовершеннолетнего» (ст. 90; ст. 91), требование возвратиться в образовательную организацию (ст. 91), «требование или указание должностного лица по вопросам регистрации кандидатов» (ст. 141), «нарушение требований охраны труда» (ст. 143) и так далее.

Аналогично обстоят дела и с угрозой: «под угрозой наказания» (ст. 14), путем уговора, «подкупа, угрозы или другим способом» (ст. 33), «с непосредственной угрозой применения такого насилия» (ст. 37), «с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия» (ст. 41), «путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения» (ст. 110), «угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» (ст. 119), «с применением насилия либо с угрозой его применения» (ст. 120), «с угрозой применения такого насилия» (ст. 26) и т. д.

Возникает вопрос: в каждом случае, для каждой статьи УК необходимо конструировать экспертные понятия путем введения «понятия-ограничителя»? Ясно, что применения отдельного слова по каждому случаю лишает язык обобщающей функции и само по себе абсурдно: речь ведь не идет об именах собственных.

Более того, введение экспертного понятия предлагается не для юридически определяемого термина, а для лексемы, входящей в дефиницию такого термина: «Вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или поврежде-

ния чужого имущества...» (ст. 163). Фактически экспертное понятие в такой интерпретации представляет собой синтагму из дефиниции юридически определяемого понятия – в данном случае диспозиции статьи УК РФ.

Экспертные понятия поднимают (или наоборот, затемняют) действительно серьезную и актуальную проблему создания (анализа существующего, выработки рекомендаций по улучшению, дополнению или сокращению) дефиниционного словаря правовых терминов (словаря дефиниций, дефиниционного вокабуляра, см. [8]).

Давая в целом оценку экспертному понятию как категории судебной экспертизы, необходимо отметить следующее. В экспертное понятие входят специальные знания не одной области науки. В случае если это различные научные области (но не права), мы имеем дело с комплексной экспертизой, иначе это должно быть расценено как вторжение специалиста в правовую сферу. Из первого следствия вытекает второе: получается, что исследование проводит специалист в области лингвистики и права. Да, эксперту нужны юридические знания, однако он не может их применять при проведении исследования в рамках той или иной экспертной специальности, поскольку исходным положением является то, что суд знает право, и именно он трактует правовые аспекты дела. Введение экспертного понятия не соотносится с требованием проведения исследования в пределах соответствующей специальности, поскольку их две, причем одна из них никак не может быть отнесена к экспертным. Наконец, экспертиза с использованием экспертных понятий не дает возможности проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов, поскольку база, на которой они созданы, никак не может быть отнесена к общепринятым научным данным. Сказанное выше вступает в прямое противоречие с Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» № 73-ФЗ от 31.05.2001 [16].

Одним из деструктивных понятий в лингвистической экспертизе является сложный отдельный текст. Формирование этого конструкта рекомендуется типовой методикой МВД: «Если объектов много, то после установления текстовых границ рассматривается возможность их объединения в сложный отдельный текст, соединяющий в себе ряд текстов» [14: 9]. Если в случае автороведческой экспертизы это может быть в той или иной мере оправданно, то в других видах экспертиз это более чем сомнительно: «Помещающая спорное высказывание или фразу в новый контекст модифицированного или искусственно созданного самим экспертом сложного отдельного текста, соединяя исходные тексты в определенной последовательности, эксперт, по сути, осуществляет «виртуальный монтаж» [5: 34].

К деструктивным понятиям в лингвистической экспертизе следует отнести и деформацию юридически определяемых понятий, осуществляемую

394 | в судебной практике и ее обзорах. Так, А. Н. Баранов и Л. А. Ерохина [2] обращают внимание на наивно-языковое понимание оскорбления как унижения безотносительно к неприличной форме. Кроме того, в обзоре судебной практики (судя по примерам) оскорблению подвергаются юридические лица, на что А. Н. Баранов и Л. А. Ерохина не указывают. В таком случае оскорбление де-факто интродуцируется в рассмотренных судами делах по гражданскому кодексу как унижение чести и достоинства субъекта. Становится несущественной форма такого унижения (неприличная или нет), а также направленность на субъект (физическое и юридическое лицо). Следствием такой деформации также будет наличие чести и достоинства у юридического лица. Это разрушает понятие оскорбления и в аспекте лингвистической экспертизы: выявление неприличной формы не требуется, лишенным смысла оказывается выявление личности адресата.

Таким образом, введение экспертного понятия, совмещающего в себе правовые и языковые аспекты, сложного отдельного текста как конгломерата текстов, понимание оскорбления как унижения безотносительно к форме его выражения расцениваются как деструктивные направления в судебной лингвистической экспертизе и противоречащие закону.

Литература

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2006. 480 с.
2. Баранов А. Н., Ерохина Л. А. Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 1. С. 20–28.
3. Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения: Монография / Е. И. Галяшина / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. М.: СТЭНСИ, 2003. 236 с.
4. Галяшина Е. И. Ошибки назначения и производства судебной лингвистической экспертизы // Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Проспект, 2013. С. 94–137.
5. Галяшина Е. И. Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р. С. Белкина) // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 3. С. 33–39.
6. ГОСТ Р 57344-2016 «Национальный стандарт Российской Федерации. Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения». Дата введения 2017-04-01.
7. Грачев М. А. Лингвокриминалистика. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, 2009. 280 с.

8. Дудкина В. Г. Дефиниционный словарь: лексика и идиоматика. Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 191 с.
9. Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. М.: РФЦСЭ, 2016. 90 с.
10. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. 3-е изд., М.: Рус. яз., 2001. 856 с.
11. Кузнецов В. О. К вопросу об экспертных понятиях в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 1. С. 29–41.
12. Кузнецов В. О. «Провокация» как экспертное понятие в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 6–18.
13. Полянская В. А. Трансформация данных «материнских» наук в специальные экспертные понятия / Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Калуга, 26–29 мая 2010 г.). Калуга: Калужский гос. пед. ун-т им. К. Э. Циолковского, 2010. С. 247–250.
14. Типовая методика судебной лингвистической экспертизы / Под ред. В. Ф. Статуса: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2009. 80 с.
15. Трансформация // Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С–Я. С. 399.
16. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» № 73-ФЗ от 31.05.2001 г.
17. Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 183 с.

Sergei I. Krassa

DESTRUCTIVE NOTIONS IN THE FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION

Abstract. The introduction of an expert notion that combines legal and linguistic aspects, of a complex single text as a conglomerate of texts, the understanding of insult as humiliation, regardless of the form of its expression, are considered in the article as destructive directions in forensic linguistic examination and contrary to the law.

Keywords: forensic linguistic examination, expert notion, complex single text, insult.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ О РАЗВРАТНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы практики лингвистической экспертизы по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 135 УК РФ «Развратные действия», совершенных в сети Интернет. Представлена проблематика постановки вопросов и границ компетенции лингвистической экспертизы, а также конкретные проблемы методики и практики исследования материалов, направляемых на лингвистическую экспертизу в связи с расследованием дел о развратных действиях в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, развратные действия интеллектуального характера, секстинг.

Ст. 135 УК РФ предусматривает ответственность за «Совершение развратных действий без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста» (ч. 1), и те же действия, совершенные «в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста» (ч. 2) [9]. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», «К развратным действиям в ст. 135 УК РФ относятся любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших шестнадцатилетнего возраста, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям. Развратными могут признаваться и такие действия, при которых

непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей» [7].

С развитием информационных технологий основным местом совершения преступлений, предусмотренных ст. 135 УК РФ без физического контакта с потерпевшими (так называемых «интеллектуальных развратных действий»), является интернет: социальные сети, мессенджеры, различные службы знакомств и т. д. Поскольку данные сферы предусматривают преимущественно письменную форму коммуникации, одним из этапов расследования развратных действий, совершенных в отношении несовершеннолетних с использованием интернет-ресурсов, является лингвистическая экспертиза [1: 45; 4: 225].

По данной категории дел используется, как правило, единственная утвержденная на данный момент методика лингвистической экспертизы [6], однако напрямую она не направлена на решение конкретных вопросов, связанных с расследованием преступлений о развратных действиях интеллектуального характера. Кроме того, данная методика не предполагает комплексного характера исследования, в то время как по данной категории дела особенно востребовано проведение комплексных экспертиз с участием психолога, искусствоведа, сексолога. Настоящая статья имеет целью раскрыть часть возникающих в том числе ввиду отсутствия методики проблем и по возможности предложить их решение.

Границы экспертной компетенции и постановка экспертных задач.

Одной из первых проблем лингвистической экспертизы по делам о развратных действиях интеллектуального характера является проблема границ экспертной компетенции и постановки экспертных задач, актуальная как для экспертов, так и для инициаторов проведения экспертизы. Как правило, при формулировании вопросов отмечается неразличение компетенции лингвистики и психологии, лингвистики и искусствоведения, лингвистики и юриспруденции.

Все многообразие задач лингвистической экспертизы в конечном итоге сводится к двум: установлению в тексте конкретной информации (о чем идет речь) и установлению формы передачи этой информации (как об этом говорится). Применительно к развратным действиям интеллектуального характера можно говорить о следующих типовых вопросах лингвистической экспертизы, которые ставятся перед экспертом:

1. Идет ли речь в переписке между Ф.И.О.1 и Ф.И.О.2 о действиях, имеющих отношение к половым органам, половой сфере человека?

2. Имеются ли в переписке между Ф.И.О.1 и Ф.И.О.2 признаки побуждения со стороны Ф.И.О.1 к совершению действий, имеющих отношение к половым органам, половой сфере человека? Если да, то каков характер волеизъявления (просьба, требование, предложение или др.)?

3. Нарушают ли указанные высказывания нормы коммуникативной этики в данной речевой ситуации?

Первый из предложенных вопросов относится к установлению предмета речи, второй и третий – к установлению формы высказываний. Вопрос № 3 о нарушении норм коммуникативной этики ставится по делам о развратных действиях интеллектуального характера, поскольку сексуальные темы некорректно поднимать в разговоре с несовершеннолетним, за исключением ситуации общения с родителями (законными представителями) либо институциональных ситуаций (прием врача, общение с педагогом, психологом). Данные вопросы являются наиболее общими, и их перечень может быть расширен в зависимости от ситуации и потребностей расследования, например:

Имеется ли в переписке между Ф.И.О.1 и Ф.И.О.2 информация о скрываемом характере их отношений?

Имеются ли в переписке между Ф.И.О.1 и Ф.И.О.2 признаки побуждения со стороны Ф.И.О.1 к встрече?

Имеется ли в переписке между Ф.И.О.1 и Ф.И.О.2 информация о возрасте Ф.И.О.2?

Отметим, что формулировка «действия, имеющие отношение к половым органам, половой сфере человека», по нашему мнению, является достаточно спорной альтернативой формулировке «секс, сексуальные отношения». В экспертной практике первая формулировка обычно рассматривается как наиболее корректная для лингвиста, поскольку охватывает наибольшее количество возможных предметов речи, помимо собственно генитального полового акта между двумя разнополыми индивидуумами, и одновременно избавляет эксперта от необходимости квалифицировать те или иные действия как имеющие / не имеющие отношение к сексу (существует точка зрения, согласно которой в компетенцию лингвиста не входит установление того, является ли сексом просмотр порнографии и мастурбация, так называемый «виртуальный секс» и т. п. действия, о которых может идти речь в исследуемых материалах).

Чтобы разобраться в этой проблеме, обратимся к определению понятия «секс». С одной стороны, оно является общеупотребительным словом, понятным любому носителю языка и обозначающим либо «1. Все, что относится к половой жизни. Проблемы секса. Интересоваться сексом», либо «2. разговорное. Половые сношения. Заниматься сексом» [5: 727]. С другой стороны, «секс» является научным понятием психологии, сексологии, медицины и в терминологическом смысле определяется, например, как «половые отношения — совокупность психических реакций, установок и поступков, связанных с проявлением и удовлетворением влечения полового» [8: 461]. Как видно из приведенных определений, и в общеупотребительном, и в научном смысле понятие «секс» определяется через понятие «полового», что обуслов-

лено иноязычным происхождением слова (англ. sex – ‘пол’, лат. sexus – ‘пол’). В этой связи стремление экспертов-лингвистов заменить формулировку «секс, сексуальные отношения» на «действия, имеющие отношение к половым органам, половой сфере человека» является в некоторой степени проявлением научного ханжества, к тому же необоснованным. Поэтому понятие «секс» может и должно использоваться в лингвистической экспертизе в общепотребительном значении этого слова, при необходимости – с уточнениями конкретных действий, являющихся предметом речи в исследуемых текстах.

Вопросы, не относящиеся к предмету речи и форме коммуникации, не входят в компетенцию лингвистической экспертизы. К таковым относятся, к примеру, следующие:

1. Направлены ли высказывания Ф.И.О.1 в переписке на привлечение и формирование интереса к сексуальным отношениям у Ф.И.О.2?

2. Могут ли высказывания Ф.И.О.1 в переписке оказать деструктивное влияние на процесс социализации Ф.И.О.2, формирование ее ценностных ориентаций и мировоззрения, а также привести к искажению ее психосексуального развития?

3. Являются ли материалы, отправленные Ф.И.О.1 в переписке Ф.И.О.2, порнографическими материалами?

Вопросы № 1–2 относятся к сфере компетенции психологической экспертизы, поскольку предметом исследования в данном случае являются явления психологической природы – формирование интереса, психологическое развитие личности. Вопрос № 3 относится к сфере компетенции искусствоведческой экспертизы. На наш взгляд, несмотря на то, что объектом лингвистической экспертизы является текст в широком смысле, вне компетенции эксперта-лингвиста исследование на предмет отнесенности к порнографии материалов, не имеющих вербальной составляющей, а единоличное лингвистическое исследование материалов на предмет отнесенности к порнографии возможно, только если объект имеет исключительно вербальную природу.

Отметим, что для объективации расследования могут быть проведены комплексные экспертизы – психолого-лингвистическая, комплексная искусствоведческо-психолого-лингвистическая и др., где каждый эксперт проведет исследование объектов в рамках своей компетенции.

Постановка юридических вопросов (например, «Имеет ли переписка развратный характер?» и т. п.) перед экспертами любой специальности недопустима.

Объекты лингвистической экспертизы и требования к ним. Объектами лингвистической экспертизы по делам о развратных действиях интеллектуального характера являются, как правило, тексты переписки в социальных сетях, мессенджерах, приложениях для знакомств или иных службах, допускающих обмен сообщениями. Такие объекты могут включать

400 | в себя не только вербальные сообщения, но и обмен эмодзи, стикерами, картинками и фотографиями, видеозаписями, gif-рисунками, аудиозаписями и аудиосообщениями, ссылками на сторонние ресурсы. С позиции лингвистической экспертизы такие тексты являются креолизованными (смешанными), и их значение определяется как вербальной, так и визуальной составляющей, в связи с чем игнорирование визуальных компонентов недопустимо.

Подобные объекты требуют особо тщательной фиксации для направления на лингвистическую экспертизу. Наиболее правильным является проведение осмотра страниц с изготовлением последовательных скриншотов переписки, фиксацией развернутых изображений, которыми обмениваются пользователи, страниц, на которые они ссылаются, скачиванием аудиозаписей, аудиосообщений, видеозаписей и gif-рисунков. Для удобства работы экспертов необходимо также предоставлять переписку в текстовом формате, допускающем копирование и цитирование текста в заключении.

Корректность фиксации и полнота предоставляемых эксперту материалов являются залогом успешного исследования. Первым после установления объектов лингвистического исследования этапом экспертизы является оценка пригодности объекта для лингвистического анализа. Цельность и связность текста – основные критерии пригодности. Объекты, зафиксированные неполно, с купюрами, могут быть ограниченно пригодными или не пригодными для лингвистического анализа.

Говоря о цельности и связности объектов исследования по делам о развратных действиях интеллектуального характера, совершенных в сети интернет, нельзя не указать на такие свойства интернет-коммуникации, как ее континуальный и одновременно дискретный характер. Переписка может длиться неделями и месяцами, при этом прерываться в зависимости от потребностей реальной жизни участников и продолжаться без ущерба общению. Эту особенность важно учитывать при оценке пригодности объекта исследования с точки зрения цельности и связности. Естественное прерывание коммуникации в данном случае не является нарушением ее целостности, однако его следует отличать от удаления отдельных сообщений и фрагментов переписки пользователями, которое может приводить к утрате значимой для решения поставленных вопросов информации.

Другим значимым критерием пригодности применительно к текстам интернет-коммуникации является доступность текста для интерпретации. Толкование текстов интернет-коммуникации может быть затруднено:

- наличием в них грамматических ошибок (в силу возраста и иных особенностей участников переписки);
- использованием специфического сленга (следует отметить, что лексикография редко успевает за динамикой развития современного молодежного

сленга, и для толкования отдельных слов и выражений требуется проводить узуальный, контекстуальный и даже этимологический анализ).

При оценке пригодности важно понимать, препятствуют ли перечисленные особенности толкованию текста, делают ли они толкование невозможным, или можно восстановить истинный орфографический облик слов, установить значение специфических сленговых слов и выражений.

Проблемные зоны лингвистической экспертизы по делам о развратных действиях интеллектуального характера. Экспертная практика позволяет говорить о следующих проблемных зонах собственно исследовательской работы эксперта-лингвиста по делам о развратных действиях интеллектуального характера при решении тех или иных вопросов.

1. Проблема языка. Основным и главным вопросом лингвистической экспертизы по делам о развратных действиях интеллектуального характера является вопрос об отнесенности темы коммуникации к сексуальной сфере.

Решение этого, казалось бы, простого вопроса на практике может быть осложнено характером дискурса. Общеупотребительная лексика, относящаяся к семантическому полю «секс», не отличается многообразием, что с лихвой окупается массой нецензурных, жаргонных и окказиональных лексем. Нецензурные и жаргонные лексемы могут быть истолкованы с помощью соответствующих словарей сниженной лексики, но не всегда то или иное сленговое слово оказывается кодифицированным на момент производства исследования, например:

«Как бы... хотелось бы опробовать себя в плане сабы, кароч в плане шлюхи»; «У меня был парень, он тоже дом» (здесь и далее при цитировании контекстов орфография и пунктуация сохранены).

Лексемы «саба» и «дом» не зафиксированы в толковых словарях ни нормативной, ни сниженной лексики в значениях, адекватных контексту. Их значение может быть истолковано экспертом на основании контекстуального, узуального или даже этимологического анализа. Так, с этимологической точки зрения слова «саба» и «дом» представляют собой сокращения от «сабмиссив» и «доминант», англ. *submissive* и *dominant* – ‘покорный, подчиненный, зависимый’ и ‘доминирующий, подчиняющий’ соответственно. Данные слова относятся к специфическому дискурсу сексуальных БДСМ-практик и стали активно использоваться в русском языке, вероятно, в силу популярности кинофраншизы «Пятьдесят оттенков серого».

В переписке на тему секса нередко в новых значениях используется общеупотребительная лексика. Так, нередко в процессе виртуального знакомства одним из первых вопросов подозреваемого к потерпевшему является вопрос *«Ты пошлая/пошлый?»*. Наиболее близким к контекстуальному значением прилагательного «пошлый» является следующее: «2. Содержащие в себе что-либо неприличное, непристойное. П-ые анекдоты, фотографии. П. журнал.

402 | П-ая шутка, сцена. П-ая наружность» [3: 950]. При этом приведенные в словаре примеры употребления не относятся к человеку. Только узуальный анализ показывает, что в молодежной речевой среде применительно к лицу данное прилагательное употребляется как маркер того, что с данным лицом можно общаться на «пошлые» темы – половой жизни, секса и т. п. Соответственно, вопрос «Ты пошлая?» в начале коммуникации маркирует коммуникативную цель адресанта: «Я хочу говорить о сексе, могу я говорить о сексе с тобой?».

Другой языковой особенностью текстовых материалов, фигурирующих по делам о развратных действиях, является отсутствие семантической полноты. Так, детская речь потерпевших часто характеризуется семантической недостаточностью: ответы на вопросы собеседника являются односложными, краткими или избыточно штампами, не имеющими реальных референтов:

«В.: Тебе какое фото скинуть?»

А.: Пись

Жопы

Всего

И как ты трахаешься с подушкой голый

Видео»;

«А.: С кинь фото как ты пальчик суеш письюку

В.: Всм???

Как я могу сувать пальчик в писю?

Ты чего

А.: Ну как ты трогаешь писю» (А. – девочка, на момент переписки – 11 лет).

Высказывания одиннадцатилетней А. в диалоге демонстрируют незнание и непонимание ситуации полового акта и манипуляций с половыми органами и воспроизводят предыдущие просьбы собеседника. В связи с этим, на наш взгляд, речевое поведение ребенка в подобных случаях следует рассматривать как подражание, и говорить о наличии со стороны девочки побуждения к действиям сексуального характера нельзя.

2. Проблема инициативы в коммуникации. Вопрос инициативы в коммуникации является одним из признаков состава преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, и подлежит выяснению как в ходе экспертизы, так и в ходе иных следственных действий: «При допросе потерпевшего особое внимание необходимо обратить на то, известно ли было собеседнику о возрасте лица, в отношении которого совершены противоправные действия, и кто явился инициатором этих действий», «Следует провести лингвистическую судебную экспертизу для выяснения следующих вопросов: — идет ли речь о половой сфере человека в сообщениях пользователей в переписке; — кто является инициатором темы «половая сфера человека» [4: 224–225].

Словосочетание «развратные действия» применительно к несовершеннолетним вызывает довольно устойчивую ассоциацию с невинным ребенком,

которому взрослый говорит/демонстрирует нечто неприличное, непристойное. Экспертная же практика показывает, что и подростки, и даже дети младшего школьного возраста могут быть не только осведомлены о половой сфере человека в степени, позволяющей им поддерживать осмысленный разговор на эту тему, но и активно заинтересованы в ее обсуждении, например:

1) «В.: А у тебя огурец есть дома?

А.: да

В.: *Посуй огурец сегодня дома когда порно будешь смотреть
Хорошо?*

А.: *У меня огурец не лезает в п***у*

В.: *А что влезает??*

А.: *Палец*

В.: *Один?*

А.: *У меня дыра то маленькая»* (А. – девочка, на момент переписки – 11 лет);

2) «К.: *ты же хочешь стать клевои соской?*

Л.: да

К.: *хочешь стать хорошей девочкой для траха?*

Л.: *скорее да чем нет»* (Л. – девочка, на момент переписки – 14 лет).

3) «О.: *Я люблю подчинение...*

Бдсм ...

Теку когда меня называют всякими странным словами потипу «шлюшка», «сучка» и тд

Нравится от части унижение...

Как бы... хотелось бы опробовать себя в плане сабы, кароч в плане шлюхи

К.: *О***нно!»* (О. – девочка, на момент переписки – 13 лет).

В примерах № 1, 2 оба ребенка, несмотря на значительную разницу в возрасте, демонстрирует осведомленность и заинтересованность в коммуникации, а в примере № 3 девочка-подросток не просто поддерживает, но и перехватывает у подозреваемого инициативу в коммуникации. Если первоначально подозреваемым была инициирована тема половых отношений («Ты девственница? ... Хотела бы сексом заняться? ... А как бы ты хотела, расскажи?»), то его потерпевшей данная тема инициативно сужена до конкретной тематической ролевой игры БДСМ-тематики, в которой она, несмотря на формально выполняемую подчиненную роль, инициативно устанавливает правила («Хозяин, только будет 2 табу... 1) к встречам и фото не принуждать, 2) конфиденциальность и неразглашение»), вводит определенную терминологию («саба», «дом»), контролирует выполнение правил («Хозяин, помните табу?»).

По нашему мнению, перехват инициативы потерпевшей не аннулирует первоначальную инициативу в переписке подозреваемым и инициацию им тематики сексуального характера. С исследовательской точки зрения могут

404 | и должны быть описаны все формы проявления инициативы в коммуникации с конкретизацией, кто из коммуникантов и в каких аспектах инициативу проявляет.

3. Проблема непрямой коммуникации. Согласно одной из самых популярных статей о лингвистическом анализе электронной переписки на сексуальную тему [2: 172], одной из структурных опознавательных характеристик жанра секстинга (в отличие от сопоставляемого с ним автором жанра флирта) является «Прямая коммуникация, т. е. предельно эксплицитные сообщение о любовном чувстве с преобладанием физического полового желания, приглашение о близости/любви (признание), выражение прямых сексуальных смыслов, интенций и побуждений».

На практике же переписка между подозреваемым и несовершеннолетней жертвой нередко являет собой классический пример непрямой коммуникации, характеризующейся высокой степенью имплицитности и требующей как от адресата сообщений, так и от эксперта дополнительных интерпретационных усилий.

В качестве примера секстинга, содержащего непрямую коммуникацию, можно привести текстовые ролевые игры по мотивам популярных в молодежной среде книг и видеоигр. Суть текстовой ролевой игры состоит в том, чтобы от лица своего персонажа с помощью речевых действий совершать действия в игровом мире. Персонажем при этом может быть как человек, так и животное или фантастическое существо – эльф, гном и т. п. В играх используется специальный жаргон (например, *ролка* – ‘ролевая игра’, *ролить* – ‘играть в ролевую игру’), а также особая пунктуация, в которой знаки препинания маркируют речевое или «физическое» действие персонажа в игре (например, физические действия обозначаются знаком * до и после высказывания: *подошел, смотрит на тебя* – о собственном персонаже адресант нередко говорит в третьем лице).

Тематика вербальных ролевых игр связана, как правило, с сюжетами произведений, по мотивам которых они разыгрываются, однако существуют и так называемые «пошлые» разновидности игр. Игра, которая может выполнять развлекательную, коммуникативную, обучающую и другие функции, превращается в инструмент удовлетворения сексуального влечения коммуникантов. Так, молодой человек 20 лет вступил в переписку с девочкой 12 лет на основании общего интереса к книжной серии «Коты-воители». Текстовая ролевая игра между ними по инициативе молодого человека перешла в вербальное разыгрывание секса между их персонажами:

*«Рыжик: *лежу, раскинув задние лапки*»*

*Бродяга: *подошел к тебе*»*

*Рыжик: *лежу*»*

*Бродяга: *смотрю на твою шерстку вокруг интимного места*»*

*Рыжик: *лежу**

*Бродяга: *нагнулся и лизнул твою киску**».

Переписка сопровождалась также обменом картинками с изображением совокупающихся котов и кошек, котов и кошек с антропоморфными гипертрофированными половыми органами и т. п. Примечательно, что большая часть таких картинок относилась к виртуальным раскраскам, в которых коммуниканты раскрашивали изображенных животных в соответствии с окраской своих персонажей-кошек.

На поверхностном уровне исследуемая переписка содержит информацию о половых органах и половых актах кота и кошки, являющихся персонажами текстовой ролевой игры. Однако животные образы в ней представляют собой развернутую зооморфную метафору, в которой на животных переносятся свойственные людям, но не котам и кошкам, черты: наличие полового возбуждения исходя из внешнего вида партнера, совокупление ради удовольствия, наличие постоянного полового партнера, оральные секс, мастурбация и т. д. Отнесенность к реальным коммуникантам в переписке проявлялась также в многочисленных переходах собеседников с образов их персонажей на них как реальных личностей: «Бродяга» обиделся на «Рыжика» за то, что долго не отвечала, «Рыжик» приревновала «Бродягу» за то, что переписывался с другой «кошечкой» и т. п. Соответственно, описываемые в переписке половые акты кота и кошки представляют собой маскировку секстинга – виртуального секса – между реальными коммуникантами и связаны с реализацией полового влечения старшего участника игры, поскольку именно он в переписке является их инициатором. Таким образом, на содержательном уровне переписка содержит информацию о половых органах и половой сфере человека и выполняет коммуникативную функцию удовлетворения интереса к половой жизни.

Так секстинг в ролевой игре может стать примером непрямой коммуникации.

4. Проблема нормы. Одним из ставящихся на разрешение эксперта по делам о развратных действиях является вопрос соответствия речи участников нормам коммуникации между взрослым и ребенком. Данный вопрос относится к вопросам коммуникативной этики, строгость применения норм которой определяется в рамках двух оппозиций: «свой – чужой», «вышестоящий – равный» [10: 1]. Чем больше у собеседников отдаленность друг от друга по социальной иерархии, а также по степени близости, тем более строгие коммуникативные требования предъявляются к общению между ними: «социальная дифференциация носителей языка, их постоянный социальный статус и переменные социальные роли диктуют преимущественную избираемость единиц и, как следствие, закреплённость за группами носителей языка стилистически маркированных, устойчивых формул общения» [10: 71].

406 | В частности, обсуждение тем, касающихся половых органов, половой сферы человека допустимо только при условии максимально близких отношений между людьми. В разговорах с несовершеннолетними допустимо обращение к данной тематике:

- 1) родителями;
- 2) врачом;
- 3) педагогом-психологом.

Обращение к тематике половой сферы постороннего взрослого с ребенком является грубым нарушением коммуникативной этики, во-первых, по причине дистанцированности собеседников относительно друг друга в оппозиции «свой – чужой», во-вторых, обсуждение данной темы, как правило, осуществляется с использованием сниженной, грубой, нецензурной лексики, а также с циничным описанием физиологической стороны половых отношений.

В ряде случаев оппозиция «свой – чужой» становится неактуальной, однако характер коммуникации не соответствует принятым в обществе нормам. В качестве примера приведем ряд высказываний, адресованных в переписке в социальной сети отчимом падчерице 13 лет:

«Катенька, доброе утро, моя красавица! Как спалось?» (имя изменено);

«Ты моя самая красивая, самая милая, любимая девочка! Я тебя сильно-сильно люблю!!!»;

«Катя, к тебе в школе пристают мальчики? Как мальчик к девочке?»;

«Катенька, хорошая моя девочка, я по тебе очень-очень скучаю!!! Пришли мне свою фотографию!»;

«Катенька, хочешь, я тебя сегодня встречу из школы, покатаемся? Маме не скажем!))))».

Дело, в рамках которого данная переписка стала предметом экспертного исследования, было возбуждено по статье о совершении в отношении несовершеннолетней иных действий сексуального характера. Помимо физических свидетельств состава преступления, доказательством по делу стала переписка, исследование которой показало наличие преступной инициативы и умысла.

В приведенных высказываниях, как и в переписке в целом, отнесенность к сфере сексуальных отношений не маркирована внешне, однако сопоставление речи с экстралингвистическими характеристиками коммуникации показывает их несоответствие: использование речевых жанров комплимента, навязчивое выражение любви, приглашения к встрече характерны для ситуации любовных ухаживаний и сексуального интереса, но не общения отчима с несовершеннолетней падчерицей. Данные смыслы на интуитивном уровне прочитывались потерпевшей, которая не проявляла инициативы в коммуникации, не инициировала обмен сообщениями, отказывалась от встреч.

Роль лингвистической экспертизы в данной ситуации заключалась в выявлении признаков скрываемых отношений между коммуникантами, а также коммуникативной инициативы и побуждения к встрече со стороны отчима.

5. Проблема неискреннего использования языка. Согласно [1: 44], подозреваемых по делам о развратных действиях можно условно разделить на две группы: т.н. «педофилы», конечной целью которых является встреча и физический сексуальный контакт с жертвой, и «развратники», которые ограничиваются дистантной коммуникацией. При этом вторые несут не меньшую общественную опасность, чем первые, т.к. общение с детьми и подростками на сексуальные темы в зависимости от содержания такого общения может наносить различной степени вред как психосексуальному, так и общему психологическому развитию ребенка и его становлению в социуме. В ряде случаев психологический вред перерастает в физический. Например, в ситуациях шантажа, угроз на почве имевшей место коммуникации на сексуальные темы несовершеннолетние нередко совершают попытки суицида.

В связи с этим следует обратить особое внимание на такой аспект, как возможное неискреннее использование языка как подозреваемым, так и потерпевшим.

Так, молодой мужчина (ранее в приведенных контекстах – К.), проживающий в одном из городов Сибири, вел переписку в социальной сети с несколькими девочками от 12 до 15 лет из разных городов России, в том числе значительно удаленных от места его проживания, при этом представлялся жителем Москвы. В ходе бесед на околосексуальные темы, установив заинтересованность собеседницы в половых отношениях, он предлагал встречу в ходе своей якобы намечающейся командировки в город, где она проживает, с целью совершения полового акта. Далее, если собеседница соглашалась, следовало подробное обсуждение, как это будет происходить, в зависимости от желания предполагаемых партнеров:

«К.: можно еще будет позвать друзей) хочешь?»

Л.: Не надо

Если уж позориться то только для двоих...

К.: всм позориться?

Л.: Ну если что-то пойдет не так

То я хочу чтоб об этом знали только мы

И никто больше

К.: ты не поняла

сначала мы вдвоем тебя)

а когда вольешься

позовем еще кого-нибудь» (Л. – девочка, на момент переписки – 14 лет).

При этом реальной встречи ни с кем из потерпевших не состоялось и, как следует из материалов дела, не планировалось. Кроме того, К. в переписке с Л. несколько раз прекращал коммуникацию накануне предполагаемой встречи и возобновлял ее через несколько дней, чем вызывал недовольство Л.:

«К.: Привет

Л.: Привет

К.: Я еще не приезжал

Л.: Я заметила

А обещал еще на июнь

А уже июль!

К.: Знаю

Л.: Раз знаешь то почему не приехал тогда?

Уж очень мне интересна причина того что ты не приехал в июне...

К.: Завал по работе

Л.: Тогда почему не предупредил?

К.: Хочешь чтобы извинился?

Л.: Не помешает».

Исследование переписки К. с этой и другими потерпевшими показало, что выраженное эксплицитно побуждение к встречам для секса имело иную коммуникативную цель – мотивировать собеседниц к более активному обсуждению сексуальной сферы. В связи с этим с лингвистической точки зрения вывод о побуждении к совершению действий сексуального характера сделать не представляется возможным.

Неискреннее использование языка возможно не только подозреваемым, но и потерпевшими. Так, во многих материалах отмечается тенденция к преувеличению детьми собственного возраста, сексуального опыта, примериванию на себя ролей «распутниц», жертв насилия, лиц другого пола и др. В связи с этим высказывания потерпевших также следует оценивать критически с точки зрения выявления в них той или иной информации.

Проблема неискренного использования языка особенно актуальна, когда значимо объективное рассмотрение имеющихся материалов и учет позиции не только потерпевшего, но и подозреваемого, который может быть привлечен к ответственности необоснованно.

Приведенный список проблемных зон лингвистической экспертизы по делам о развратных действиях интеллектуального характера, вероятно, не является исчерпывающим, однако мы надеемся, что его освещение и предлагаемые решения позволят сделать экспертную практику более объективной и приблизят экспертное сообщество к созданию полноценной методики лингвистической экспертизы по данной категории дел.

Литература

1. Антонов Ю. А. Особенности использования специальных знаний в области лингвистики при изучении электронной переписки в ходе расследования половых преступлений в отношении несовершеннолетних // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7. С. 42–52.

2. Бельская Н. С. Речевой жанр секстинга в судебной лингвистической экспертизе интернет-коммуникации при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1 (61). Т. 2. С. 170–176.
3. Большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
4. Ерахмилевич В. В., Суханова Е. П., Куликов Е. А. Некоторые вопросы методики расследования развратных действий, совершенных в отношении несовершеннолетних с использованием интернет-ресурсов // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 6 (104). С. 222–226.
5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 944 с. (Библиотека словарей).
6. Лингвистическая экспертиза. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов // Т. В. Назарова, Е. А. Гримайло, Н. Ю. Мамаев, А. П. Коршиков, А. В. Ростовская ЭКЦ МВД России / Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: ч. 1 / Под ред. Ю. М. Дильдина. М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС, 2010. С. 243–292.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/.
8. Словарь практического психолога / Сост. С. Ю. Головин: Харвест; Минск; 1998.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
10. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 160 с.

Nadezhda V. Vyazigina

**MAIN PROBLEMS OF LINGUISTIC EXPERTISE IN CASES
OF INTELLECTUAL DISTRACTIONS IN RESPECT OF MINORS
ON THE INTERNET**

Abstract. The article discusses the problems of the practice of linguistic expertise in cases of crimes under Art. 135 of the Criminal Code of the Russian Federation «Depraved acts» committed on the Internet. The problems of posing questions and the boundaries of the competence of linguistic expertise, as well as specific problems of the methodology and practice of researching materials sent for linguistic expertise in connection with the investigation of cases of indecent acts against minors are presented.

Keywords: linguistic expertise, sexual immorality, sexting.

УСТАНОВЛЕНИЕ АДРЕСАТА РЕЧИ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Аннотация. Статья может восполнить пробел в методологической части юрислингвистики. Отталкиваясь от понимания адресата речи в филологической теории XX–XXI вв., автор перечисляет виды адресатов для всего диапазона речевых и поликодовых объектов, которые исследуются экспертами-лингвистами, называет источники сведений об адресате. Анализируются кейсы экспертных ошибок, предлагается общий алгоритм судебно-экспертного установления адресата речи.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, речь, адресат, информативный анализ, эскиз аудитории.

Понимание адресата в филологической теории. Адресат есть субъект языковой коммуникации – в свою очередь, сама коммуникация стала в XX веке широким кроссдисциплинарным понятием, а также предметом отдельной научной дисциплины. Для теоретической лингвистики и поэтики адресат – не первоочередной объект изучения. Но понимание его здесь сформировалось в достаточной мере; стало очевидно, насколько данная фигура небезразлична, важна для общения.

Ее важность и конгенитальность говорящему обозначил в самом первом приближении Г. Грайс. По мнению ученого, осмысленное общение представляет собой «особого рода совместную деятельность участников, каждый из которых в какой-то мере признает общую для них обоим цель (цели) или хотя бы “направление” диалога» [6: 221–222] и в соответствии с ним обеспечивает свой коммуникативный вклад. В этом, с точки зрения Грайса, состоит основной принцип речевого общения – принцип кооперации.

В универсальной модели речевого события по Р. О. Якобсону «Адресант (addresser) посылает сообщение адресату (addressee)» [16: 198]. Кроме этих трех элементов (адресант, сообщение, адресат) в модели есть еще контекст, код и контакт, которые ставятся Якобсоном в определенную зависимость от адресата. Таким образом, большинство аспектов коммуникации в этой схеме производно от адресата. Каждому элементу соответствует функция

языка: самому адресату – конативная (и она имеет грамматические маркеры), а зависящим от него элементам – функции референтивная (основная!), метаязыковая (функция толкования) и фатическая (поддержание коммуникации). Таким образом, адресат как бы пронизывает собой всю якобсоновскую модель общения.

В лингвистической прагматике есть два субъекта и соответствующие им две коммуникативные роли, которые обобщенно называются адресант и адресат.

Неизбежность адресации высказываний следует из самой сути лингвопрагматики. При этом «большую часть речевых актов, выделяемых в теории Остина – Серла – Вендлера, следует признать жестко адресованными»: для директивов и вопросов «ожидаемый от них результат (перлокутивный эффект) вполне “осязаем” и должен быть осуществлен именно адресатом» [2: 360], этикетные высказывания (бехабитивы, экспрессивы), а также ряд повествовательных высказываний суть поступки, регулирующие взаимодействия сторон, комиссивы имеют адресацию постольку, поскольку адресат является их контролером, косвенные речевые акты – постольку, поскольку нужда в них определяется адресатом, и т. д. Связь с адресатом ослаблена там, где есть речевые акты, «отвечающие собственно когнитивной деятельности человека <...> Однако многие из них стремятся приобрести адресатную направленность. В этом случае можно говорить о “кооптированном адресате”» [2: 362].

Схема «адресант – адресат» слишком проста: к реальным разговорам, в которых участвует больше, чем два человека, лучше прилагать более сложную концепцию – информативный анализ, предложенный Г. Кларком и Т. Карлсоном [18], и модель под названием «эскиз аудитории» (audience design) [7: 282–288]. (В дальнейшем audience design переосмыслил социолингвист А. Белл [17].)

Суть этой концепции в следующем. Было подмечено, что первые, т. н. стандартные модели лингвопрагматики – это только «теории об иллокутивных актах, направленных на адресатов», а относительно направленности на других слушателей – они, «обходя этот вопрос молчанием, предполагают тем самым отрицательный ответ» [7: 270]. Однако даже в самых простых примерах – как в красноречивом отрывке из шекспировской драмы – видны два типа реципиентов: Отелло слушают не только Дездемона, но и Яго и Родриго, причем последние двое понимают, что Отелло обращается не к ним, но тоже извлекают из его слов к Дездемоне сведения для себя. Поэтому для уяснения смысла многосоставной коммуникации необходим эскиз аудитории – распределение ролей между четырьмя видами коммуникантов:

- говорящий;
- участники;
- адресат / адресаты;
- случайные слушающие (overhearers).

Роли распределяются говорящим посредством пространственного расположения, управления течением разговора, жестов, манеры речи и, наконец, посредством языкового содержания беседы. В итоге каждый речевой акт, имеющий адресата, содержит в себе и особый акт информирования участников – информатив (в логическом отношении первичный). Круг участников является базисным для коммуникации, а выделение адресата – вторично. Различия между ролями реципиентов заключаются в том, что: а) на адресата направлен прямой иллокутивный акт и здесь уместно обращение; б) участники всегда придерживаются принципа коммуникативной ответственности (следят за разговором), поэтому их новые реплики будут содержать прежде услышанное как пресуппозицию; в) случайных слушающих говорящий не намеревался включать в круг участников иллокутивного акта. «Для нас важно, как говорящий намерен распределить роли. Именно к этим подразумеваемым ролям и относятся наименования “говорящий”, “адресат”, “участник” и “случайный слушающий”» [7: 283]. Авторы информативного анализа прямо и недвусмысленно связывают распределение ролей реципиентов с иллокуцией.

За пределами лингвопрагматики, независимо от названных выше ученых, М. М. Бахтин связывает адресата с понятием высказывания. Он утверждает, что пассивная роль слушающего есть теоретическая фикция: «всякое реальное целостное понимание активно ответно» и в любом случае является первым, подготовительным шагом к встречному высказыванию любой формы [4: 260]; настаивает на том, что «существенным (конститутивным) признаком высказывания является его обращенность к кому-либо, его адресованность» [4: 290]. По Бахтину, имеются разные типические концепции адресатов: собственно, они и определяют особенности речевых жанров (в бахтинском широком понимании этого термина). В литературных произведениях (вторичные жанры) могут «разыгрываться» варианты жанров первичных – непосредственного общения: так возникают беллетристические условные фигуры повествователей и рассказчиков [4: 295]. Учет адресата – многосторонний: его симпатии и антипатии, кругозор, убеждения, степень личной близости и вообще отношения с говорящим, совпадение формального и реального адресата; от всего этого зависит выбор жанра высказывания, приемов композиционного построения, разноуровневых языковых средств.

А. М. Пятигорский использует иную, чем лингвисты, модель: сюда входят субъект написания текста, время, пространство и объект (то есть адресат). Пятигорский солидарен с остальными в том, что объект не всегда конкретен и даже не всегда реален, но обязательно является ненулевым. Каждый текст «создается в определенной ситуации связи (communicative situation) автора (или авторов) с другими лицами (или с самим собой)» [12: 17].

У. Эко максимально обобщает и проблематизирует картину коммуникации автора и адресата художественного произведения: для некоторых книг

«читатель строго определен лексической и синтаксической организацией текста: и сам этот текст – не что иное, как семантико-прагматическое производное от своего собственного М-Читателя» [15: 22]. М-Читатель – идеальная фигура интерпретатора, которая возникает при значительном усложнении элемента «код» в общей схеме коммуникации. Возможно, это даже не человек, а «комплекс *благоприятных условий* (определяемых в каждом конкретном случае самим текстом), которые должны быть выполнены, чтобы данный текст полностью актуализовал свое потенциальное содержание» [15: 25].

В научной литературе предлагаются, в частности, следующие виды адресатов: определенный и неопределенный [12]; непосредственный участник беседы, дифференцированный коллектив сведущих людей, публика, народ, современники, близкие, единомышленники, чужие, враги, неконкретизированный «другой» [4]; адресат в ситуации непосредственного диалогического общения, адресат массовой коммуникации («типовой»), потенциальное неопределенное множество лиц, которое может оказаться в ситуации восприятия), прямой адресат и адресат-наблюдатель (в интервью) [8]; «кооптированный адресат», непосредственно не связанный с содержанием коммуникации [2]; предполагаемый (интендируемый) адресат, то есть слушатель [13: 237].

Адресат необязательно представляет собой внешний объект. Ю. М. Лотман в своей работе «Автокоммуникация: “Я” и “Другой” как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры)», основываясь на модели Якобсона, говорит о двух типах коммуникативных систем: «Я – ОН» и «Я – Я». Второй тип – это автокоммуникация (сообщение самому себе), которая может существовать в весьма различных формах, в том числе и маскирующей первый тип, и смешанной с ним [11]. Важно не путать автоадресацию с отсутствием адресата.

Краткий очерк об осмыслении одного понятия в филологической теории должен показать, что адресат является обязательным элементом любых речевых событий – за исключением эхоталии – и находится во взаимосвязи с остальными элементами. Без него нет коммуникации, нет речевого акта, иллокуции и пр. Это значит, что коммуникативный анализ, где адресат речи не определен или определен неправильно, есть профанация анализа: использовать его результаты в судебной экспертизе нельзя.

Адресат и методическое обеспечение судебной экспертизы. В этом узком аспекте преемственность между теорией и методологией отсутствует. Методологические и методические основы экспертизы формируются в первую очередь «снизу» – практическими запросами, которые возникают из нужд современной следственной и судебной практики. Относительно адресата таких нужд и запросов нет, потому массив научных знаний об этом элементе коммуникации остается почти невостребованным.

В целом в изданиях, которые используются экспертами-лингвистами в методических целях, фигура адресата не проблематизируется. Проф. А. Н. Баранов в своей книге – не будет преувеличением назвать ее Библией юрислингвистики, – предлагает разделить адресатов по степени конкретности и по политическому статусу и в зависимости от этого описывает различные виды призывов. Ср. у него: «обобщающий характер» vs «более конкретный», адресат может быть «деперсонифицирован», «довольно большие и аморфные группы людей», «актуальный и виртуальный» адресат [3: 416, 424, 431, 444 и др.], автоадресация в так называемом призыве инклюзивного действия [3: 421]. Но тем не менее в целом адресат понимается здесь стереотипно – «читатель, слушатель или зритель» [3: 122].

Общая методика ЭКЦ МВД содержит в терминологическом словаре понятие «ролевая функция» – «роль коммуниканта в данной ситуации общения»; предлагаются, в частности, роли «агенса», «пациенса», «контрагенса – лицо, на которое направлено действие агенса, но способное оспорить это действие», «респондент – лицо, на которое направлено действие агенса, но обладающее равной или большей свободой действий», «бенефициенса» и «ретранслятор – агенс, который выступает от имени и по поручению суперагенса» [14: 285]. Это не лингвистическая, а психологическая (а в случае ретранслятора, вероятно, даже правовая) модель коммуникации, основанная на иерархии и неречевых взаимодействиях людей в группе.

Наиболее глубокий и подробный методический анализ понятия «адресат» содержится в книге О. В. Кукушкиной, Ю. А. Сафоновой и Т. Н. Секераж «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму» (2011). Здесь адресаты делятся на две группы – публичные и непубличные, указываются особенности целевой аудитории текста и «образа адресата», которые следует учитывать эксперту, вводится понятие внутренних условий коммуникации. К внутренним условиям авторы относят в том числе состав участников общения – в четырех стандартных типах коммуникации (по уровню): межличностной, межгрупповой, публичной и массовой.

Подробное изложение помогает увидеть назревшие методические проблемы:

1. Смещение понятий публичного и массового при экспертной диагностике. «Публичность экстремистских высказываний предполагает наличие адресата определенного типа – публичного (или массового)», «Публичный адресат как участник коммуникации публичного (массового) уровня» [10: 186–187]. Такое смещение нежелательно, поскольку означает непригодность данных понятий (и стандартных типов коммуникации) в качестве диагностирующих объектов. Если адресат определяется экспертом не по совокупности лингвистических и экстралингвистических признаков, непосредственно наблюдаемых в объекте,

а путем сравнения с другим объектом – диагностирующим (который может быть как реальным, так и умозрительным [1: 425]), то диагностирующий объект должен быть однозначно определен на уровне методики, отграничен от других диагностирующих объектов и от ситуаций, когда диагностика невозможна; если же он размыт, имеет совпадающие с другими признаки или неприменим к ряду ситуаций, от его использования лучше отказаться: здесь установление адресата диагностируемого объекта будет неточным.

Кроме прямого смешения понятий можно заметить и смешение их признаков. Так, указывается, что для типа межгрупповой коммуникации важна социальная идентификация коммуникантов [10: 193]. Но нельзя не заметить, что она может выходить на первый план и в межличностном общении (для любых собеседников, в социальном смысле неравных), и, с другой стороны, в публичной коммуникации – «статусном общении» [10: 193]. Для массовой коммуникации, как представляется, также могут быть важны социальная идентификация коммуникантов, их социальный статус. Таким образом, один и тот же признак можно обнаружить во всех типах коммуникации – а значит, эти типы, будучи сформулированы именно так, а не иначе, непригодны для экспертной диагностики по данному признаку. Другой такой универсальный признак – опосредованность. «Массовая коммуникация отличается от межличностного общения опосредованностью техническими средствами» [10: 194]. Но общение в мессенджерах – межличностное и опосредованное (а разнообразные корпоративные чаты дают примеры межгрупповой и публичной опосредованной коммуникации). Устанавливать по этому признаку соответствие объекта типу массовой коммуникации, чтобы далее констатировать наличие именно массового адресата, – нельзя.

2. Признание любого опосредованного незакрытого интернет-общения публичным. «Текст размещен в публичном пространстве, если он <...> размещен в общественном месте в виде <...> надписи» [10: 190], «публичной считается информация, передаваемая любым человеком в местах скопления большого числа в основном незнакомых друг другу людей, которая <...> может быть ею <этиmi незнакомцами> воспринята» [10: 193], «У автора может существовать иллюзия того, что он находится в частном пространстве (недостаточное осознание степени публичности своей речи)» [10: 191]. Но та же иллюзия присуща и неотроченному устному общению – люди как правило не стремятся избежать «лишних ушей», свободно приветствуют друг друга, обмениваются новостями, советуются и т. п., – и наша межличностная коммуникация, протекая и в частном, и в публичном пространстве (ср. слова участников ток-шоу: «Пользуясь случаем, передаю привет семье...», телефонные разговоры в общественных местах и т. д.), оказывается доступна тем, для кого не предназначалась. Это естественное следствие того, что мы живем в компактном и многочисленном человеческом обществе (что справедливо

416 | и для виртуального пространства). К тому же каналов коммуникации не так много, и говорящий не всегда может выбрать канал в полном соответствии с иллокутивной целью. Поэтому нельзя считать адресацию жестко зависящей от местонахождения речевого объекта и его режима доступа.

3. Уравнивание неопределенного и публичного адресата. «В общем случае публичный адресат – некая неопределенная совокупность лиц. Типичные представители публичного (массового) адресата – толпа; <...> прохожие» [10: 186]. По сути, если эксперту ставится прямой вопрос об адресате, а установить его не удастся (непригодность или недостаточность материала и пр.), можно при формулировке вывода указать, что адресат массовый.

Эти методические проблемы подталкивают экспертную практику к тому, что можно назвать презумпцией массовости.

Экспертная практика. Эксперты в своей повседневной работе обычно стремятся уклониться от сколько-нибудь точного установления адресатов, а в выводах – на всякий случай – максимально расширить их круг, например, приравнять «неопределенный» круг к «неограниченному», «в значении “все люди”». Но такая практика не может считаться правильной.

Обратимся к конкретным примерам лингвистических экспертиз. Так, в ноябре 2019 г. эксперт государственного СЭУ, выполняя исследование по уголовному делу (Измайловский районный суд г. Москвы, дело № 1-0422/2020), рассмотрел четыре голосовых сообщения в чате What’s App. Несмотря на то, что чат был приватным (общение шло между двумя людьми) и говорящий конкретизировал адресата, все время называя его по имени и не прося о какой-либо пересылке или передаче сообщений, – эксперт тем не менее счел техническую возможность дальнейшей пересылки фактором, определяющим широкий круг адресатов. Для подтверждения своей мысли эксперт воспользовался информацией из постановления о назначении экспертизы, где говорилось, что пересылка произошла позже. Такой вывод об исходно широком круге адресатов лег в основу обвинительного приговора об умышленном давлении, которое говорящий с помощью этих сообщений оказал на неадресата – на постороннее лицо.

Необходимо заметить, что экспертам разрешается брать информацию из постановления или определения о назначении экспертизы и из других материалов дела. На практике это иногда приводит к тому, что часть вспомогательных задач решается не анализом речи, а некритичным перенесением сведений из процессуальных документов: эксперт не задумывается ни о том, истинны ли эти сведения, ни о том, достаточны ли они. Методическое пособие О. В. Кукушкиной, Ю. А. Сафоновой и Т. Н. Секераж 2014 г. [9] предлагает оценивать взаимоотношения автора и адресата на соответствующем этапе исследования эксперту-психологу, а не лингвисту [9: 40]; адресаты делятся на два круга, более широкий и более узкий: первый соответствует *overhearers*

и «устанавливается на основе описанных в материалах дела условий размещения сообщения» (NB: описанных, а не установленных специалистом), второй, целевая аудитория, «уточняется на основе сказанного и материалов дела» [9: 42]. Очевидно, что при таком порядке работы адресат может быть предопределен содержанием материалов дела – которые, в свою очередь, можно оформить в расчете на определенный вывод эксперта.

Эксперт другого подразделения того же СЭУ, выполняя летом и осенью 2019 г. исследование по уголовному делу (Центральный окружной военный суд, г. Екатеринбург, дело № 2-6/2021), рассмотрел серию репостов на странице пользователя социальной сети Вконтакте. Эксперт не смог назвать ни авторов, ни адресатов этой коммуникации, но тем не менее прибегнул к расширению круга адресатов, отметив, что «автор материала призывает народ к активным действиям» и речевые объекты воздействуют на «граждан страны» и «граждан СССР». Строго говоря, этот круг можно было бы еще больше расширить, так как социальная сеть Вконтакте не налагает ограничений по гражданству пользователей. Но в распоряжении эксперта были метаданные речевых объектов – количество читателей и подписчиков страницы, – это сравнительно небольшое число не заслуживало величественного наименования «народ».

В марте 2021 г. эксперт еще одного государственного СЭУ выполнил исследование по т. н. санитарному делу (на момент подготовки этой статьи к печати материалы дела передаются в суд). Эксперт рассмотрел серию постов и репостов пользователя социальной сети Twitter и, отвечая на поставленный вопрос об адресате этих высказываний, указал: это «все пользователи сети Интернет, т. е. неограниченный, широкий круг лиц». Здесь расширение круга адресатов произошло трижды: во-первых, в него были включены overhearers (и не overhearers) из той же социальной сети, не подписанные на адресанта, во-вторых, пользователи одного Twitter превратились в пользователей всей сети Интернет, в-третьих, пользователи Интернета (которым на самом деле владеют не все люди) были признаны неограниченно широким кругом. Таким образом высказываниям был приписан существенно больший охват аудитории, чем есть на самом деле.

С точки зрения лингвопрагматики более широкая адресация – это скорее всего иная иллокутивная цель, иные данные по выполнению условий успешности. Ср.: «Утрата конкретного адресата изменяет коммуникативный статус речи» [1: 360]. Но обоснованные в теории взаимосвязи не учитываются в экспертной практике.

Результаты экспертных ошибок. Обычно вопрос об адресате является вспомогательным и не ставится отдельно на разрешение эксперта-лингвиста. Это связано с тем, что так называемые речевые преступления в большинстве своем относятся к деяниям с формальным составом – таким, где нет необходимости определять какие-либо конкретные общественно опасные

418 | последствия и причиненный вред. Поэтому эксперты не сосредотачиваются на этой теме, указывая «неограниченный круг адресатов», «все люди» и т. п. Но за пределами экспертизы такое пренебрежение влечет весьма важные последствия.

Если в первом приведенном нами примере (о голосовых сообщениях WhatsApp) ошибка в установлении адресата привела к неправильному определению потерпевшего и напрямую повлияла на исход судебного дела – то в других ситуациях влияние не прямое, неочевидное. Голословные суждения или ошибочные умозаключения эксперта об адресате речи воспринимаются судом как установленные в ходе исследования факты – и в качестве фактов используются при вынесении решения.

В частности, с точки зрения суда высказывание с «неограниченным» адресатом – следовательно, максимально широкое публичное высказывание – всегда означает реализацию намерения повлиять на массы. Заключение экспертов, указывающие на «неограниченный» круг адресатов, этими указаниями фиксируют доказательство умысла на совершение преступления. (На языке уголовного права иллюция означает прямой умысел, а «перевод» на этот язык – прерогатива суда, не зависящая от воли эксперта.) Это еще важнее в ситуациях, когда заключение эксперта-лингвиста становится единственным доказательством.

Если эксперт неоправданно расширяет круг адресатов и использует понятие публичной коммуникации – то возникает путаница со смежным правовым понятием. Справедливо замечено: «Учитывая особенности публичной коммуникации, эксперт, однако, не должен сам устанавливать факт публичности. В Уголовном Кодексе РФ (например, в ст. 130, 280, 282 и др.) публичный характер действий выступает как квалифицирующий признак деяния и означает обращенность действий к широкому кругу людей. В каждом конкретном случае вопрос о публичности действий решается следователем / судом с учетом всех обстоятельств дела» [10: 194]. Но на практике эксперту невозможно учитывать какие-либо особенности и не устанавливать их. После чего следователь и суд решают вопрос о публичности деяния самым простым путем – по доводам из заключения эксперта: сведущего, компетентного лица.

В тех случаях, когда охват аудитории не имеет никакого значения для квалификации преступления, он все равно влияет на представление суда об общественной опасности деяния: чем больше аудитория, тем, соответственно, большей видится и опасность. Это способно отразиться на выборе меры наказания.

Источники сведений об адресате. Необходимо вернуться к теоретическому пониманию адресата речи.

При подготовке и реализации речевого акта говорящий или пишущий «должен учитывать множество разнообразных характеристик адресата» [8]:

принципиальную способность и возможность восприятия речи, степень владения выбранным языком, пол, возраст, образовательный уровень, культурный кругозор, мировоззрение, социальный статус, степень близости между коммуникантами и мн. др. Это не может не отражаться в речи. «Отбор всех языковых средств производится говорящим под большим или меньшим влиянием адресата и его предвосхищаемого ответа» [4: 296].

Стало быть, возможно решить и обратную задачу – по комплексу проявленных в речи особенностей определить черты того или тех, кому она предназначена.

Эта задача тривиальна лишь на первый взгляд. Хотя в ряде случаев содержательные особенности объекта (имена собственные, части речи в форме 2 лица) действительно могут не представлять никакой трудности для поиска адресата – но уже в стандартной теории речевых актов описываются такие способы введения собеседника в заблуждение, как ложь, ложные обещания и сбивающие с толку вопросы; очевидно, что обманных приемов (да и просто неоднозначных ситуаций) в естественной речи гораздо больше, и они могут сбить с толку не одних только коммуникантов, но и эксперта-лингвиста. Поэтому целесообразно формализовать поиск адресата.

Нам представляется, что адресация должна устанавливаться непосредственно по особенностям речевого объекта, а не через его сравнение с тем или иным стандартом – дискурсом, типом (уровнем) коммуникации, первичным речевым жанром по Бахтину – и затем «выведение» адресата из особенностей этого стандарта. При двухступенчатом решении задачи стандарты выступают в качестве диагностирующих объектов, с которыми сравниваются исследуемые речевые объекты, – но в филологической теории данные общие категории не определены в достаточной для судебной экспертизы степени (их виды не отграничены друг от друга, не закрыт их перечень и т. д.), а значит, непригодны для диагностики. Это слишком обобщенные понятия, и их адресат также понимается обобщенно, тогда как судебная экспертиза требует конкретного результата, с очевидностью относящегося к конкретному объекту. Итак, данная экспертная задача должна решаться в одно действие.

По вышеупомянутой причине – отсутствие достаточной определенности, приблизительность в обобщении – следует осторожно оценивать и формальные характеристики объекта: тип и жанр произведения. Хотя, безусловно, границы между типами, жанрами подвижны – стоит использовать общеизвестные (в литературоведении, теории журналистики, кино и др.) категории. И наоборот, не стоит применять в целях судебной экспертизы те концепции, где предлагаются размытые формальные характеристики объектов и их атрибутов или где четкая классификация пока не выработана. Ср. в пособии по теории текста: «ученые признают, что достаточно полная и единая классификация текстов, которая отвечала бы всем требованиям, еще не создана. А раз так, то,

420 | видимо, целесообразнее всего начать с уточнения самого понятия “тип текста” и тех критериев, которые должны быть положены в основу типологизации. <...> Выбор критериев типологизации осложняется и тем, что один и тот же текст может быть отнесен к различным группам из-за своей собственной многоаспектности», поэтому «Во избежание подобных скрещиваний будем ориентироваться в дальнейшем на наиболее устоявшиеся классификации, опирающиеся на экстратекстуальные факторы, т.е. факторы реальной коммуникации (коммуникативно-прагматические)» [5: 5, 69]. Очевидно, что теория текста пока не в состоянии предложить диагностирующие объекты.

Источниками сведений об адресате могут быть:

- тип речевого произведения;
- жанр;
- тема (тематика);
- подтемы, мотивы;
- конкретные дискурсивные особенности;
- функционально-стилевые особенности;
- экспрессия и средства ее выражения;
- обращения как таковые;
- выбор формы обращения;
- указания на включение или выключение кого-либо из разговора;
- конкретные факторы контекста (течения разговора, conversational history [7: 287]), например, соотношение объемов общей беседы и происходящего одновременно с ней диалога;
- степень категоричности высказываний (например, просьба vs приказ);
- риторические приемы;
- средства художественной выразительности;
- формулы речевого этикета и речевые маркеры вежливости;
- тон голоса, интонация (для звучащей речи).

Имеют значение источники из визуального ряда:

- жесты;
- мимика;
- пространственное расположение коммуникантов;
- текстовые элементы оформления, например, заставки, субтитры.

Система языка, по утверждению М. М. Бахтина, «обладает громадным запасом чисто языковых средств для выражения формальной обращенности» [4: 295]. Но в лингвистической экспертизе есть и дополнительные источники сведений об адресате – метаданные речевого объекта («данные о данных»), которые часто включены в него и доступны эксперту без дополнительного оборудования или процедур:

- дата и время создания (публикации, размещения);
- местоположение объекта;

- режим доступа;
- количество участников группы;
- количество просмотров;
- количество и виды реакции аудитории (лайки и т. п.).

В целом понятно, что процедуру установления адресата речи вполне возможно формализовать.

Виды адресатов. Для нужд судебно-лингвистической работы необходима единая, непротиворечивая классификация адресатов, применимая к любому из исследуемых речевых объектов. (Напомним, что под речевыми объектами подразумеваются также и поликодовые (креолизованные) объекты, состоящие из текста / аудио- и визуального ряда.) Основная трудность состоит в том, чтобы охватить весь диапазон объектов. Ниже мы постараемся это сделать, ориентируясь на теоретические указания – и прежде всего на концепцию *audience design*.

С точки зрения адресанта (говорящего, пишущего, автора) речь может быть монологической или диалогической/полилогической. В типичном случае монологической речи адресат остается неизменным, а при диалоге/полилоге адресант и адресат чередуют свои роли в каждой реплике, и в некоторых случаях возможно указать на преобладающие роли.

С точки зрения аудитории коммуникация может быть одно- или двухступенчатой. В первом случае адресат только прямой или только опосредованный, во втором – имеются оба.

Прямая или непосредственная коммуникация – это общение без технических средств, необходимых для восприятия речевого объекта: когда люди находятся рядом или же адресат может читать бумажные письма, книги, просматривать различную полиграфическую продукцию (отсроченная коммуникация). Если такая речь без ведома или согласия адресанта фиксируется техническими средствами для дальнейшего опосредованного воспроизведения (например, при оперативно-розыскных мероприятиях) – это никоим образом не может расширить круг адресатов.

Адресат прямой коммуникации обычно физически присутствует рядом – или, как и в случае с личным письмом или обращением, определяется по достоверным признакам в речи. (Ср. виртуальный адресат у А. Н. Баранова – «те, которые отсутствуют на митинге, но упоминаются в призыве как адресаты» [3: 444].) Групповой адресат отсроченной коммуникации обусловлен типом и жанром издания, его читательским адресом.

Опосредованная коммуникация – это общение при помощи различных технических средств, используемых адресатом для восприятия речевого объекта (компьютер, смартфон, программное обеспечение). Поэтому здесь нельзя сказать, что коммуникация состоялась, если технические средства адресатом не использовались: автор только «поговорил с гаджетом».

С другой стороны, если была реализована не предусмотренная автором техническая возможность передачи и воспроизведения объекта (а разнонаправленные технические операции редко можно полностью предусмотреть), нельзя расширять круг адресатов за счет нее: в таком случае необходимо составить подробный эскиз аудитории на основе иллокутивной составляющей речи.

Иллокутивный акт в опосредованной коммуникации вполне доступен для лингвистического анализа. Несмотря на то, что в XXI веке существуют чрезвычайно широкие технические возможности передачи и воспроизведения цифровых объектов, – никто, конечно, не рассчитывает всерьез, что его сообщение в интернете непременно прочтет весь мир. В понимании современного коммуниканта круг адресации всегда ограничен: а) языком общения; б) возможностями интернет-площадки или социальной сети; в) его собственным кругом общения, который коррелирует с кругом его интернет-друзей и подписчиков. Эти параметры коммуникант учитывает в высказывании – отсюда следует необходимость учитывать их и при анализе речи.

За пределами иллокутивного акта остаются различные *overhearers* – прежде всего аудитория репостов. Если сам автор сообщения просит о его распространении – или может достоверно предполагать, что репост произойдет (автор ведет активную общественно-политическую деятельность; пост содержит просьбу о помощи, т. е. имплицитную просьбу о репосте; при этом автор обязательно обеспечивает определенную техническую возможность распространения объекта), – то в таких случаях имеется соответствующая иллокутивная цель и круг адресации речевого объекта увеличивается. Но сам по себе репост или ретвит объекта не свидетельствует о более широком круге адресации.

При изначально опосредованной коммуникации речь может представлять собой подготовленный, чаще всего монологический, продукт, предназначенный для отсроченного восприятия в интернете, – либо же все общение протекает в интернет-среде (в социальных сетях, на форумах и т. д.) или в мессенджерах. Двухступенчатая коммуникация, подобно матрешке, включает в себя коммуникацию прямую, которая нарочно записывается и в дальнейшем передается в более или менее подготовленном виде опосредованному адресату.

Адресата опосредованной коммуникации (сообщение в мессенджере, пост или репост в социальной сети, сообщение на интернет-форуме, объект на сайте) следует определять с опорой на перечень метаданных, присущих каждому виду речевого объекта; затем результат этого определения надо сопоставить с результатом установления адресата по достоверным признакам непосредственно в речи.

Адресат отсроченной опосредованной коммуникации – видео- или иной продукции на материальном носителе (например, на CD, DVD) – обусловлен типом и жанром этой продукции.

Иногда, прежде чем дойти до адресата, речь подвергается переработке. Особенность таких производных объектов в том, что они не могут полностью наследовать адресацию исходного объекта. Так, видеофайл на личном канале YouTube, содержащий перемонтированные фрагменты телепередачи, не будет по умолчанию адресован аудитории соответствующей телевизионной программы.

Выводы. Судебная лингвистическая экспертиза основана на нормативном научном знании, и ее основное требование – воспроизводимость результатов. В этом кардинальное отличие процедуры судебно-экспертного исследования от процесса научного познания в объяснительных науках. Этим же обусловлены повышенные (настолько, насколько позволяет материал) требования к терминам и методам экспертизы, к этапам ее производства и выводам.

В нашей статье были рассмотрены важнейшие теоретические представления филологов (т. е. представления объяснительной науки) об адресате речи. На основе этих концепций, с учетом всего диапазона речевых объектов и ситуаций, проходящих через руки судебного эксперта-лингвиста, можно предложить нормативный общий алгоритм установления адресата:

1. Определение типа речи: устная или письменная, монологическая или полилогическая, подготовленная или спонтанная, художественная или нехудожественная.

2. Определение типа коммуникации:

- прямая (непосредственная);
- прямая отсроченная;
- изначально опосредованная;
- опосредованная отсроченная;
- двухступенчатая.

3. Обнаружение признаков производного, переработанного объекта.

4. Поиск и анализ лингвистических и экстралингвистических признаков адресации:

- непосредственное присутствие адресата;
- достоверные признаки адресации в форме и содержании речи – эксплицитные и обязательные вербализуемые имплицитные [3: 46–47];
- конкретные факторы контекста общения;
- признаки из звучащей речи (тон голоса, интонация);
- признаки из визуального ряда (жесты, мимика, пространственное расположение коммуникантов, текстовые элементы оформления);
- метаданные объекта.

5. Составление эскиза аудитории (отдельно для каждой ступени коммуникации):

- индивидуальный адресат (кто именно) / групповой адресат (какая именно группа) / абстрактный адресат (каковы его признаки);

- участники;
- случайные слушающие (overhearers);
- не представляется возможным определить реципиента.

Следование этому алгоритму поможет эксперту соблюдать строго научную основу работы, не отклоняться от непосредственного исследования речи и избежать трех самых распространенных ошибок – неоправданного расширения круга адресации, установления адресата по непригодному диагностирующему объекту, переписывания адресата из процессуальных документов.

Литература

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2015. 480 с.
2. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.
3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Флинта, Наука, 2013. 592 с.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
5. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 278 с.
6. Грайс Г. П. Логика и речевое общение (пер. с англ. В. В. Туrowsкого) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Сборник. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
7. Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б. Слушающие и речевой акт (пер. с англ. Н. И. Лауфер) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. М.: Прогресс, 1986. С. 270–321.
8. Кобозева И. М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 100–115.
9. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
10. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 330 с.
11. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2010. С. 163–177.

12. Пятигорский А. М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала // Пятигорский А. М. Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 15–29.
13. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова книга, 2009. 272 с.
14. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. 568 с.
15. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
16. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика (пер. И. А. Мельчука) // Структурализм: «за» и «против». Сборник статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
17. Bell A. Language Style as Audience Design. Sociolinguistic. A Reader and Coursebook (ed. by Nikolas Coupland and Adam Jaworski). New York, St. Martin's Press, 1997, pp. 240–250.
18. Clark H. H., Carlson T. B. Hearers and speech acts. Language, 1982. Vol. 58, no 2. Pp. 332–373.

Elena V. Novozhilova

DISTINGUISHING THE ADDRESSEE OF SPEECH IN FORENSIC LINGUISTICS

Abstract. Article can fill the gap in the methodological part of forensic linguistics. Starting from the addressee concepts in the philological theory of the 20th–21st centuries, the author lists the types of addressees for the entire range of speech and polycode objects that are examined by linguistic experts, and names the sources of information about an addressee. Cases of expert errors are analyzed, and a general algorithm for forensic identification of a speech addressee is proposed.

Keywords: forensic linguistics, speech, addressee, informative analysis, audience design.

ФАМИЛИЯ, СТАВШАЯ ТОВАРНЫМ ЗНАКОМ: ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. В статье обрисованы проблемы, с которыми сталкиваются как эксперты-лингвисты, так и юристы при работе с функционирующими в Интернете – и в социальных сетях в частности – неймами, содержащими одновременно и фамилии, и товарные знаки.

Ключевые слова: товарный знак, нейм, нейминговая экспертиза, лингвистическая экспертиза, экспертиза товарных знаков, охраноспособность товарных знаков, антропоним, бренд.

Сегодня, в эпоху всеобщего «брендинга» личное имя владельца бренда называют не иначе как уникальным товаром. Зарегистрировать собственное имя как товарный знак – продуманный шаг как начинающих бизнесменов, так и прославленных личностей, опасющихся «патентного троллинга».

Проще говоря, сегодня имя – это такой же товар, как и остальные на рынке интеллектуальной собственности. И зарабатывать в прямом смысле на собственном имени стремятся в первую очередь публичные персоны. Свои имена или псевдонимы в качестве товарных знаков зарегистрировали Ксения Собчак, рэпер Алишер Моргенштерн, Алла Пугачева, Филипп Киркоров (причем сразу во всех классах МКТУ), Александр Цекало, фигуристка и политик Алина Кабаева, певица Клавдия Кока, актриса и режиссер Рената Литвинова, рок-исполнитель Валерий Кипелов, предприниматели Александр Коркунов и Олег Тиньков. Это лишь малая часть. С согласия обладателей на других лиц были зарегистрированы товарные знаки «Анжелика Варум», «Сергей Зверев», «Жириновский», «Винокур», «Калашников».

Как правило, владельцы регистрируют имена не только потому, что опасаются конкуренции или профанации (фактически по российскому законодательству – статье 1483 ГК – в любом случае нельзя регистрировать как товарный знак имя известного лица без его согласия или согласия наследника),

но и потому, что планируют развивать бизнесы, не связанные с основной деятельностью публичного лица. Например, Моргенштерн планирует продавать под своим именем лапшу и йогурт.

Имена-бренды возникают и функционируют в любой сфере – в науке, в военной сфере, в космической промышленности. Например, известна история с именем Юрия Гагарина, которое младшая дочь летчика решила зарегистрировать как товарный знак после неподобающих, по ее мнению, британских комиксов с участием первого мирового космонавта, а также после резонансного судебного разбирательства с московским торговым центром «Гагаринский» [2]. Другой пример: фамилии двух российских резидентов Александра Петрова и Руслана Боширова стали настолько известными в связи с последней политической повесткой, что подмосковная фирма «Дельта», производящая бытовые товары, пожелала зарегистрировать соответствующий товарный знак – «Петров и Боширов» [3].

Для практики лингвистической экспертизы применительно к товарным знакам-фамилиям (в том числе функционирующим в интернет-пространстве) важны, как нам представляется, три момента:

– сходство (или подобие) элементов индивидуализации с фамилиями известных лиц, а также с фамилиями, которые соотносятся со словами, обозначающими профессии или товары (например, Гончар для гончарных изделий, Учитель для учебников и так далее). Это требование распространяется и на обозначения в транслите (например, в доменных именах). При этом, на наш взгляд, в этом конкретном случае для экспертных целей не имеет значения вопрос о том, сходно ли исследуемое обозначение только с самим антропонимом (фамилией) или с товарным знаком, содержащим фамилию, поскольку российское законодательство запрещает несанкционированное использование как фамилий известных лиц без их согласия, так и чужих товарных знаков;

– производность коммерческих номинаций от имен/фамилий известных лиц;

– окказиональность (уникальность, самобытность, оригинальность) коммерческих наименований, но обязательно в сочетании со «словесностью», то есть наличием обязательных признаков слова как осмысленного буквосочетания. Фантазийность (самобытность, творческий характер) и словесный характер товарного знака-антропонима чрезвычайно важны в связи с правовым понятием «различительная способность», поскольку, согласно требованиям Роспатента и Гражданского кодекса РФ, обозначение может быть зарегистрировано в качестве товарного знака, только если обладает словесным характером и обладает различительной способностью. Соответственно, фамилию «Иванов» вряд ли можно зарегистрировать как товарный знак в силу крайней распространенности и, соответственно, отсутствия

428 | различительной способности. Исключения – если такое обозначения приобретет различительную способность для определенного вида товаров в силу длительного и/или интенсивного использования или если будет выполнено в особенно выразительном графическом ключе (запоминающийся шрифт, цвет, наличие нестандартных графических элементов).

На наш взгляд, применительно именно к интернет-среде несанкционированное использование фамилий наиболее наглядно в области доменных имен, а внутри социальных сетей – названий отдельных групп и каналов (пабликов). Хотя доменные имена официально не являются объектами интеллектуальной собственности, то есть по действующему российскому законодательству им как таковым не может предоставляться правовая охрана, включение в домен фамилии, являющейся товарным знаком, вводит домены в правовое поле. По мнению известного исследователя доменных имен А.Г. Серго, доменное имя является аналогом традиционных средств индивидуализации [5: 59].

По сути, несанкционированное включение в домены и названия пабликов имен/псевдонимов известных лиц – это разновидность пиратства, поскольку спекулирует на чужой репутации или даже позволяет напрямую получать прибыль – например, от продажи билетов на концерты на пиратском сайте с доменом, включающим имя конкретного известного исполнителя. Кроме того, содержащий резонансные фамилии домен сам по себе является объектом купли-продажи и от указанного составного элемента приобретает дополнительную стоимость. Аналогично сегодня можно купить и паблик в социальной сети, официально передав права его администрирования иному лицу.

Поскольку домены, а тем более названия каналов и групп в социальных сетях – это *имена* в традиционном лингвистическом (да и правовом) понимании, то исследуются они в рамках нейминговой экспертизы – относительно нового рода лингвистической экспертизы. Товарные знаки тоже служат ее полноценным объектом. Известный исследователь в области нейминговой экспертизы Т. П. Соколова относит к неймам «словесные и комбинированные названия средств индивидуализации, личное имя гражданина, псевдоним, доменное имя, никнейм, географическое наименование, урбаноним (любое городское название и др.)» [6].

На наш взгляд, антропонимы (прежде всего фамилии или псевдонимы), отсылающие к известным публичным лицам, отличаются от иных объектов и интеллектуальной собственности, и нейминговой экспертизы как по сути, так и по функционированию в правовом поле. Дело в том, что для эффективной защиты товарного знака (в том числе и посредством привлечения специальных познаний эксперта) крайне важны классы МКТУ, в которых используется знак. Однако именно в отношении товарных знаков и соотносимых с ними доменных имен, содержащим известные фамилии, важность классов МКТУ снижается, если не нивелируется вообще. Известная фамилия – инструмент

имиджа. Положительный имидж ее обладателя, его известность, по сути, гарантируют узнавание товарного знака-антропонима потребителем, в какой бы сфере он ни использовался. Именно поэтому рэпер Моргенштерн, заработавший известность на эстраде, может надеяться на прибыль от йогуртов и лапши, а Филипп Киркоров зарегистрировал свое имя во *всех* классах МКТУ, в том числе и на латинице. Репутация, связанная с фамилией, будет работать вне зависимости от вида товара, который продается под соответствующим товарным знаком или доменом.

Правда, как справедливо отмечает коллектив авторов работы «Охраноспособность и охрана товарных знаков», «в условиях отсутствия методики отнесения отдельных людей к знаменитостям не всегда легко определить, является ли то или иное лицо известным на дату подачи заявки, другими словами, провести ту грань, за которой личность можно считать знаменитой» [2: 471]. Это действительно важная проблема, поскольку сама по себе фамилия по общему принципу российского законодательства мыслится как объект, обладающий низкой охраноспособностью. Регистрацию более или менее распространенной фамилии в качестве товарного знака нужно обосновывать особенно основательно, и тем основательнее, чем более фамилия распространена на территории регистрации знака.

Таким образом, с регистрацией, функционированием и экспертным исследованием товарных знаков-антропонимов (неймов-антропонимов) в России, в российском сегменте интернета (и в социальных сетях в частности) связан ряд существенных проблем, которые только предстоит разрешать в самое ближайшее время. Того требует экономика и само общество, заинтересованное в охране интеллектуальных прав.

Литература

1. Веденева Н. Дочь Гагарина решила приватизировать его имя [Электронный ресурс, режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2020/11/06/doch-yuriya-gagarina-reshila-privatizirovat-ego-imya.html>, дата обращения: 24.05.2021].
2. Галифанов Г. Г., Галифанов Р. Г., Карлиев Р. А., Галифанова Р. Г. Охраноспособность и охрана товарных знаков. М.: Типография МДМпринт, 2018.
3. Про них сейчас не пишет только ленивый. В России хотят зарегистрировать товарный знак «Петров и Боширов» [Электронный ресурс, режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2021/04/28/69890093/>, дата обращения: 24.05.2021].
4. Руководство по экспертизе товарных знаков в Федеральной службе по интеллектуальной собственности. Роспатент, 2016. [Электронный ресурс, режим доступа: rospatent.gov.ru, дата обращения: 24.05.2021].
5. Серго А. Г. Доменные имена: монография. М.: Российская академия интеллектуальной собственности (ФГБОУ ВПО РГАИС), 2013.

430 | 6. Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза как особый род судебной лингвистической экспертизы// Медиалингвистика. 2019. Том 6. № 2. Лингвистическая экспертиза медиатекста как разновидность критики медиаречи [Электронный ресурс, режим доступа: <https://medialing.ru/nejmingovaya-ehkspertiza-kak-osobyj-rod-sudebnoj-lingvisticheskoy-ehkspertizy/>, дата обращения: 24.05.2021].

7. Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза: организация и производство. М.: Юрлитинформ, 2016.

Anastasiya V. Akinina

**THE SURNAME THAT HAS BECOME A TRADEMARK:
PROBLEMS OF EXPERT RESEARCH AND OPERATION
ON THE INTERNET**

Abstract. The article describes the problems that both linguists and lawyers face when working with names that function on the Internet – and in social networks in particular – that contain both surnames and trademarks at the same time.

Keywords: trademark, name, naming expertise, forensic linguistics, trademark expertise, trademark protectability, anthroponym, brand.

аспирант Витебского государственного
университета имени П.М. Машерова,
государственный судебный эксперт управления технических экспертиз
управления Государственного комитета судебных экспертиз
Республики Беларусь по Витебской области
Витебск, Белоруссия

СРЕДСТВА АРГУМЕНТАЦИИ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОМ ДИСКУРСЕ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ И СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВНИ (НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ)

Аннотация. В центре внимания статьи – феномен аргументации, который рассматривается через призму специфики судебно-экспертного дискурса. Проведенный анализ позволил автору выделить наиболее значимые характеристики судебно-экспертного дискурса и систематизировать лексические и синтаксические средства аргументации в нем.

Ключевые слова: дискурс, судебная лингвистическая экспертиза, лингвистическая аргументация, лексические и синтаксические средства аргументации.

Аргументация как практическое искусство существует давно, однако с развитием общества появляются новые формы аргументативных дискурсов и полемических взаимодействий, нарабатываются и накапливаются более точные способы анализа доказательной речи. Все это требует разработки современной теории аргументации.

Лингвистическая аргументация как научное направление представляет собой междисциплинарную область гуманитарных знаний, характеризующуюся существованием различных исследовательских подходов к пониманию феномена аргументации, его практико-ориентированного характера. Как частная область прагмалингвистики лингвистическая аргументация позволяет рассматривать языковые средства и способы аргументации, аргументативные речевые акты и аргументативные тексты как предмет исследования с позиции изучения системы языка.

Феномен аргументации, который стоит в основе научной дисциплины, трактуется в науке по-разному – в аспекте логического, философского, рито-

432 | рического, прагматического, когнитивного, дидактического подходов. Так, известный ученый-логик А. А. Ивин трактует аргументацию с позиций рассмотрения человека как субъекта речевой деятельности: «аргументация представляет собой речевое действие, включающее систему утверждений, предназначенных для оправдания или утверждения какого-либо мнения» [2: 40].

Доктор философских наук Е. Н. Лисанюк в основу аргументации ставит понятие конфликта как спора точек зрения по поводу линий поведения, акцентируя внимание на тесную связь аргументации с познавательной деятельностью [5: 35]. Такой подход прослеживается в работах И. Микиртурмова, А. Мигунова, В. Финна и других.

Основы исследования аргументации через призму когнитивной лингвистики разработал доктор филологических наук А. Н. Баранов, который отмечал, что аргументация представляет собой «комплекс языковых средств, используемых для влияния на поведение человека (то есть как фактор, воздействующий на процесс принятия решений), а также как особый тип дискурса (наряду с рассуждением, описанием рассказыванием, обучением и т. п.), который характеризуется особыми коммуникативными и иллокутивными целями и специфическими последовательностями речевых актов, диагностируемых «аргументативными» лексемами, синтаксическими конструкциями, «аргументативным контекстом» реализации обычных лексических значений, а также и собственно аргументативными значениями лексических единиц» [1: 3].

Весьма интересен и риторический подход к исследованию аргументации, который связан с анализом «средств языковой выразительности (тропы, риторические фигуры и т. п.)» [4: 116], с исследованием «разнообразных аргументов как средств (инструментов) воздействия на сознание и поведение адресата» [6: 171]. Риторический подход актуален в тех областях жизни социума, где остро востребованы коммуникативные умения участников общения многочисленны исследования аргументативного компонента в политическом, рекламном, юридическом дискурсах.

Дидактический подход реализуется в таком направлении, как аргументативная дидактика. В нем внимание к аргументации базируется на изучении формальных аспектов рассуждений (В. Н. Брюшкин, Ю. В. Ивлев).

Исследования последних лет показывают, что аргументация определяется как особая лингвокогнитивная универсалия, «содержание которой составляет производимая в определенном социокультурном контексте интеллектуально-коммуникативная деятельность, направленная на обоснование некоторого положения с целью принятия его адресатом как истинного (вероятного, правдоподобного, целесообразного) и осуществляемая посредством особым образом структурированного текста, который подлежит рациональной оценке [7: 31].

Несмотря на обилие существующих подходов к изучению феномена аргументации, остается потребность междисциплинарного, комплексного изучения аргументации, в том числе с позиций системного изучения языка. Предметом исследования данной статьи явилась лингвистическая теория аргументации. Объект исследования – способы и средства аргументации в судебно-экспертном дискурсе.

Цель данной научной статьи – проанализировать средства аргументации на лексическом и синтаксическом уровнях в судебно-экспертном дискурсе.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- выделить устойчивые признаки судебно-экспертного дискурса;
- определить его место среди других институциональных дискурсов;
- проанализировать средства судебно-экспертной аргументации на лексическом и синтаксическом уровнях и установить их взаимосвязь с дискурсивным содержанием текстов.

Методология и методы исследования. Для решения задач исследования проанализированы тексты заключений эксперта, выполненные экспертами-лингвистами управления технических экспертиз управления ГКСЭ Республики Беларусь по Витебской области в период с 01.01.2021 по 10.07.2021. В работе использованы описательный метод, метод анализа и синтеза, обобщения, лексико-семантический, структурный, синтаксический методы.

Понятие дискурса, как и понятие аргументации, в науке также неоднозначно (существуют лингвистический, философский, исторический, психологический, литературоведческий подходы).

При описании системообразующих признаков судебно-экспертного дискурса мы пользовались дефинициями, представленными наиболее авторитетными исследователями в данной тематике – В. И. Карасика и В. Е. Чернявской.

Так, в статье «О типах дискурса» В. И. Карасик описывает дискурс «как текст, погруженный в ситуацию общения, который допускает множество измерений. С позиций прагмалингвистики дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания» [4: 6].

В. Е. Чернявская определяет дискурс как «текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания / текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом» [9: 135]. По ее мнению, «текст – это результат коммуникативно-речевой деятельности, та структура, которая возникает в ходе

434 | этой деятельности – структура, имеющая свои внутренние внутритекстовые закономерности, связывающая последовательность высказываний в единую текстовую систему соответственно критериям текстуальности» [9: 134].

В зависимости от статуса и роли адресанта выделяют два основных типа дискурса: персональный или личностно-ориентированный, и институциональный [4: 8].

Судебно-экспертный дискурс представляет собой разновидность институционального дискурса, который предполагает общение в рамках статусных отношений (эксперт является представителем экспертного учреждения, которое выполняет поставленные перед ним задачи). С целью выявления специфических черт судебно-экспертный дискурс был рассмотрен в сравнении с юридическим и научным, с которыми он сближается по своей сфере функционирования (область права) и информационной составляющей (лингвистическое исследование, анализ текста).

Основной задачей судебной лингвистической экспертизы является исследование устных и письменных текстов для решения задач их смыслового понимания и определения в них криминалистически значимой информации. Участниками в данных отношениях выступают эксперт с одной стороны и лицо, инициирующее проведение экспертизы (чаще инициаторами выступают органы дознания, предварительного следствия, судебные органы). Несмотря на то, что взаимодействие участников происходит в юридической плоскости, задача эксперта – дать экспертное заключение на основе лингвистического исследования объекта, с применением научно-обоснованных методов эмпирического познания в рамках существующего законодательства.

Основа коммуникативной направленности юридического дискурса – убеждение. Отправной точкой для создания текста является конфликтная ситуация, спор, который порождает диалогичность дискурса. Научный и судебно-экспертный же дискурсы ориентированы на монологичность, отсутствие конфликтной ситуации и ориентацию не на убеждение, а на информативность.

Цель функционирования дискурса предполагает наличие или отсутствие оценочности (приема субъективации, позволяющего передать авторскую позицию) в его текстовой системе: убеждающая функция юридического дискурса обосновывает в своей структуре оценочный компонент, первичная же информативная цель текста сводит до минимума этот компонент. Исходя из задач судебной лингвистической экспертизы, эксперт не имеет права эмоционально, экспрессивно оценивать тексты.

Фактор адресата также играет важную роль при построении того или иного текста. Для текстов юридической и научной направленности характерен многоликий, неперсонифицированный адресат. В судебно-экспертном

дискурсе текст предназначен для определенного круга пользователей, четко очерченного правовыми актами.

Адресант в юридическом дискурсе, как правило, персонализированный, конкретный (например, юридическая консультация адвоката, обвинительная речь прокурора, претензионный иск юрисконсульта предприятия и т. д.), обладает такими качествами, как компетентность, дидактичность, заинтересованность. В научном и судебно-экспертном дискурсе адресант также обладает персонализированностью, компетентностью, дидактичностью, однако не заинтересован, чтобы его мнение стало основополагающим для адресата. В судебно-экспертном дискурсе адресант обладает специальными, уникальными компетенциями, определенными полномочиями, которыми наделен законодательными актами.

Таблица 1. Сравнительная таблица особенностей судебно-экспертного дискурса и дискурсов юридического и научного

Критерий сравнения	Юридический дискурс	Научный дискурс	Судебно-экспертный дискурс
Сфера функционирования	Область права	Научная среда	Область права
Коммуникативная направленность	Диалогичность	Монологичность	Монологичность
Отправная точка для создания текста	Спор	Научное познание	Задание
Первичная цель	Убеждающая	Информативная	Информативная
Фактор адресата	Анонимный	Анонимный	Конкретный
Фактор адресанта	Конкретный Заинтересован	Конкретный Не заинтересован	Конкретный Не заинтересован
Оценочность	Присутствует	Присутствует	Не присутствует

Описанные особенности судебно-экспертного дискурса позволяют сформулировать его определение: под судебно-экспертным дискурсом мы понимаем регламентируемую законодательными актами интеллектуальную деятельность лиц (обладающих специальными, уникальными, знаниями в какой-либо области), направленную на выявление криминалистически значимой информации и закрепление ее в документе, который может являться доказательством в правовом споре.

Следовательно, основными функциональными характеристиками судебно-экспертного дискурса являются информативность, рациональность, доказательность, обоснованность, всесторонность. Важным качеством судебно-экспертной текстовой системы является ее аргументативность, которая выражается посредством специфического способа организации текстов экспертных заключений.

Текст судебной лингвистической экспертизы относится к текстам аргументативного типа и структурно состоит из тезиса, аргументов, а также логической связи между ними [8: 322]. Жесткая структура заключения эксперта предполагает обязательное наличие трех частей – вводной, исследовательской, выводов.

Пропозиция тезиса эксплицируется в исследовательской части текста и представляет собой посылку, которая подкрепляется набором аргументов, например, *«Для решения вопроса постановления проведено лингвистическое исследование спорного текста, в результате которого были выявлены структурные компоненты оценки (модальной рамки), слова и высказывания, в которых дается оценка, проведены семантико-синтаксический, лексико-семантический и лингвостилистический анализы слов, несущих оценку, на предмет определения негативного значения и стилистических характеристик»* (далее следуют аргументы, обосновывающие тезис, что в тексте присутствует негативная оценка), *«В СТИ противопоставлены две группы лиц»* (затем эксперт обосновывает, какие именно группы лиц имеются в тексте и почему они противопоставлены), *«В данном высказывании не содержится фактуальной информации»* (эксперт поясняет, почему информацию, имеющуюся в тексте, нельзя назвать фактуальной), *«Лингвистический анализ текста на предмет наличия необходимых коммуникативных структурных компонентов угрозы показал, что в спорном тексте 1 отсутствует обязательный коммуникативный структурный компонент речевого акта угрозы – адресат угрозы (тот, кому угрожают)»* (следуют аргументы в защиту выдвинутого тезиса).

Положения, выдвигаемые в качестве тезиса, типизированы и зависят от категории дела, по которому назначена судебная лингвистическая экспертиза: например, в заключениях по делам, связанным с действиями сексуального характера, в тезис выносятся конкретные денотаты, о которых идет речь в тексте (если о предметах, действиях ничего не сказано в исследуемом тексте, то они не выносятся в тезис): *«В переписке идет речь о частях тела человека, действиях, совершаемых с ними, половых органах, действиях, связанных с совершением полового акта, удовлетворением сексуального влечения», «В переписке идет речь о предметах одежды и совершаемых с ними действиях».*

Последующая аргументация направлена на установление истинности предъявленного тезиса и целесообразности его принятия, характеризуется предельной рациональностью и логической правильностью. Аргументы в судебно-экспертном дискурсе не должны зависеть от культурного контекста, текущей социальной ситуации, субъективно-психологических и прочих факторов. Аргументация носит неперсонифицированный, наукообразный характер. Поэтому контекстуальные аргументы, например, ссылки на тради-

ции и авторитеты, интуицию и веру, в текстах не приемлемы. Аргументация эксперта основывается на рациональном убеждении, носит теоретический характер, в основном применяются фактологические данные, ссылки на словарные источники, информацию из предоставленных на исследование материалов: «По причине отсутствия глагола и модальных слов определить вид субъективной квалификации сообщаемого (значение, которое закладывает в сообщаемое адресант спорного текста 1) не представляется возможным», «Согласно копии заключения экспертизы по оценке информационной продукции «сочетание букв NS в данном контексте означает национал-социализм, а букв WP – white power (в переводе – «белая сила», что ассоциируется с расовыми «принципами» неонацистов, которые называют себя представителями «белой расы»)», «Дополнительным фактором, свидетельствующим о реализации целеустановки угрозы, является наличие лексических средств с негативно-оценочным значением, используемых в рамках конфликтной коммуникации (козел е.нный, скотина)» и др.

Аргументы в структуру судебной лингвистической экспертизы вводятся с помощью специальных аргументативных средств. На лексическом уровне выделяются следующие средства аргументации:

– клишированные фразы и речевые штампы (в результате анализа (исследования), установить не представляется возможным): «В результате анализа спорного текста на предмет наличия в нем языковых средств, выражающих побуждение, установлено, что в спорном тексте имеются высказывания побудительного характера, призывающие к насильственным действиям (действиям, направленным на причинения вреда) одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по профессиональному признаку – сотрудники министерства внутренних дел, «Установить, в каком конкретно значении употреблена данная лексическая единица в СТЗ, не представляется возможным»;

– узкоспециальная лексика: «СТ1, СТ2 обладают цельностью, связностью, структурированностью, прагматической исчерпанностью», «Адресант презюмирует написание комментариев относительно содержания своего поста», «Данный смысловой компонент содержит конкретный денотат», «Негативная оценка деятельности N содержится в предсуппозиции высказывания», «В спорном тексте использованы графические приемы структурирования текста, реализующие аттрактивную и воздействующую функции текста-памятки»;

– лексические повторы: «Предоставленный на исследование СТ1 представляет собой диалог, состоящий из иницилирующих и ответных реплик пользователя с именем «Вы» и пользователя с именем «Константин Иванов», «Негативная оценка содержится в семантике самой номинации карателя, а также в семантике лексемы мрази»;

– формулы с иллокуцией обобщения: *таким образом, это означает, что...: «Таким образом, подлежащий лингвистическому исследованию спорный текст создан в ситуации неофициального, массового, опосредованного общения», «Это означает, что негативная оценка, выраженная семантикой данной лексемы, имеет ненормативную форму речевого выражения»;*

– лексические средства, выражающие последовательность мыслей эксперта: *«Далее было проведено лингвистическое исследование спорного текста на предмет наличия в нем языковых средств, выражающих побуждение», «Затем были проанализированы высказывания пользователя с именем N»;*

– указатели на источник аргумента: *«Исходя из установленных обстоятельств, СТ4 создан в ситуации неофициального, межличностного общения», «Анализ коммуникативной ситуации, исходя из информации, изложенной в предоставленных материалах и постановлении о назначении лингвистической экспертизы, показал следующее», «Исходя из анализа языковых средств СТ2, а также контекста и экстралингвистических факторов установлено, что данный речевой акт можно рассматривать как часть общественно-политической коммуникации», «Согласно результатам поиска в основном корпусе Национального корпуса русского языка зафиксировано 390 употреблений лексемы *короб* в различных контекстах, в том числе и в значении ‘гроб’»;*

– лексические акцентуаторы: *«Объект оценки, поименованный в тексте как Саня, представлен в тексте номинациями Александр Иванович, инспектор, кроме того, в спорном тексте имеется указание на место работы данного лица», «В СТ1, несмотря на наличие грамматического показателя адресации конкретному лицу (использование краткой формы личного имени МИША, личного местоимения второго лица единственного числа ты (в форме родительного падежа тебя), адресатом являются посетители мессенджера Telegram», «СТ1–СТ7 эксплицитны в степени, необходимой для понимания (кроме лексемы *рески* в СТ4», «Следует отметить, что данная лексема в толковом словаре субстандартной лексики сопровождается пометами «грубое», «бранное», что указывает на ненормативный характер данной лексической единицы»;*

– экзemplификаторы (аргументы-примеры) *а именно, в частности: «Понимание текста основывается на исходных предпосылках, одной из которых является предположение об осмысленности текста, в частности о том, что адресат текста в состоянии понять текст». В эту же группу входят также экзemplификаторы умолчания, ставящие в известность адресата о том, что примеры есть, но не актуализированы в данном тексте: и т. д., и др., и т. п.: «Лексема *шакал*, употребленная по отношению к человеку, приобретает негативную коннотацию и «перенимает» стереотипные качества того или иного животного (насекомого и т. д.), проецируя их тем самым по принципу сходства на объект оценки: «внешний вид животного – внешний*

вид человека», «поведение животного – поведение человека» и т. п.), «Текст должен быть структурирован по словесной организации: состоять из последовательности отдельных элементов (высказывание, реплика, абзац и т. д.), иметь композицию и др.»;

– использование союзов и предлогов также, вместе с тем, то есть, в соответствии с, так как, в связи с: «Словосочетание с подчинительной связью согласование быдлятский род, где зависимое слово быдлятский согласуется в единственном числе именительном падеже с главным словом род, также содержит негативную оценку лица», «Комментарий может также комментировать другой комментарий», «Вместе с тем интерпретация смысла анализируемого побудительного речевого акта должна предусматривать выявление условий его успешности, выполнение которых делает процесс общения непротиворечивым, осмысленным и способствует достижению понимания», «Для убеждения адресата N использует прием концентрированного повторения информации, то есть многократного повтора в разных вариациях одного и того же по сути побуждения», «В соответствии с данными критериями была установлена пригодность спорного текста для проведения лингвистического исследования», «Негативная оценка выражена семантикой всего высказывания, однако установить форму речевого выражения негативной оценки не представляется возможным, так как лексема биомасса в актуальном значении не зафиксирована в толковых словарях, имеющих в распоряжении эксперта-лингвиста», «В связи с невозможностью определения актуального значения лексической единицы вафля, форма речевого выражения не устанавливалась», «Название является структурным элементом текста и находится в сильной позиции, так как максимально сосредотачивает в себе интенциональные характеристики произведения, изначально раскрывая адресату основные целеустановки адресанта»;

– глаголы интеллектуальной деятельности (установить, определить, свидетельствовать, показать): «В результате анализа установлено, что в спорном тексте отсутствуют необходимые структурные компоненты угрозы», «Наличие такого желания свидетельствует о ситуации конфликта между адресантом и адресатом», «Лингвостилистический анализ показал, что лексема тварь в актуальном для данного контекста значении в толковом словаре современного русского литературного языка зафиксирована с указанием на бранную функцию», «Определить, о ком идет речь в спорном тексте, не представляется возможным по причине изложенной выше»;

– существительные со значением процессуальности, состояния: «Отсутствие указания на несогласие пользователя с именем «Алексей» с оценкой, данной составителем текста, свидетельствует о том, что он солидаризируется с составителем текста и, следовательно, также является субъектом

440 | оценки в спорном тексте», «Наличие пунктуационных, орфографических и грамматических ошибок не затрудняет понимание текста».

Лексическими средствами аргументации не могут быть лексемы, передающие оттенки смыслов, метафоризации, художественные приемы. Аргументы эксперта должны носить однозначный характер.

На синтаксическом уровне в судебных лингвистических экспертизах выделяются следующие средства аргументации:

– простые предложения с составным именным сказуемым: «*Адресант спорного текста – пользователь с именем «Дима», «Субъект оценки в тексте не эксплицирован», «Данный поликодовый текст является объектом лингвистического исследования и условно обозначен экспертом как спорный текст»;*

– предложения с подчинительной связью, бессоюзием, зачастую используются предложения с разными видами связи и большим количеством частей, входящим в состав предложения: «*СТ9 по адресации является персональным, что свидетельствует об усилении коммуникативной направленности угрозы. Объект агрессивных действий – адресат и его близкие, на что указывает словосочетание твоих близких», «Данная угроза выражена имплицитно: сами агрессивные действия в тексте не называются, содержится указание на то, что угрожающий (и третьи лица, связанные с ним) придет, придет и что-то сделает адресату угрозы, в результате чего последний понесет ущерб, урон либо испытает страдания, мучения, неприятности или лишения, затруднения, то есть результат агрессивных действий также не конкретизирован», «Указаний на окончание действия в тексте не имеется: в высказывании употреблено ситуативное слово сегодня, которое приобретает полное значение в зависимости от коммуникативной ситуации»;*

– вводные конструкции для обоснования выводов, обобщающие слова («следовательно», «как следует из...», «следующие», «несколько»): «*Следовательно, в данном высказывании пропущенный инструментальный актант является существительным в форме именительного падежа третьего лица единственного числа мужского рода, которое выполняет синтаксическую функцию подлежащего», «Критерии для определения пригодности речевого произведения для исследования следующие», «В спорном тексте реализовано несколько функций: составительская (соединение композиционных частей спорного текста, его вербальных и невербальных частей); исполнительская (чтение текста под музыкальное сопровождение)»;*

– использование вставных конструкций с поясняющей информацией: «*Высказывание «Порвут» представляет собой речевую конструкцию с незаполненной семантической и синтаксической валентностью предиката, то есть предикат порвут требует конкретизации в виде дополнений – предметных актантов (предмета, на который направлено действие, и предмета – орудия действия)»;*

– активное употребление конструкций с причастным оборотом, стоящим в постпозиции по отношению к определяемому слову: *«Дополнительным фактором, свидетельствующим о реализации целеустановки угрозы, является наличие лексических средств с негативно-оценочным значением, используемых в рамках конфликтной коммуникации», «Следовательно, объектом насильственных действий, обозначенных конструкцией надо убивать, является группа лиц, объединенных по признаку принадлежности к сотрудникам отряда милиции особого назначения», «Исходя из обстоятельств материала проверки и вопросов, поставленных перед экспертом, определены тексты, имеющие отношение к предмету экспертного исследования»;*

– использование сложносочиненных предложений с противительными союзами для подчеркивания значимой, на взгляд эксперта, информации: *«В СТЗ в косвенной (имплицитной форме) содержится намек на некие небенефактивные действия в отношении адресата, однако указаний на то, кто их будет осуществлять, в тексте нет», «Оценка носит обобщающий характер, но в данном контексте переносится на конкретные объекты», «Подобные высказывания используются не для оценивания собеседника, а для выражения адресантом негативных эмоций по поводу некой возникшей ситуации», «Однако с учетом того, что анализируемый текст образует коммуникативное единство с текстом-стимулом, объект оценки восстанавливается как Петров А.А.».*

Судебно-экспертная аргументация полностью исключает средства экспрессивного синтаксиса, синтаксические повторы.

Количество аргументов в заключении эксперта должно быть достаточным, но не избыточным для обоснования тезиса.

Аргументативное построение текста судебной лингвистической экспертизы завершается выводом – вариативным повтором тезиса на основе приведенной аргументации. Специфической чертой вывода в судебно-экспертном тексте является его строгая и лаконичная форма, соответствующая поставленным перед экспертом вопросам.

Таким образом, особенности судебно-экспертного дискурса создают специфические формулы аргументации, которые на лексическом уровне выражаются в использовании клишированных фраз, узкоспециальной лексики, терминов, аргументов-примеров, акцентуаторов, глаголов со значением интеллектуальной деятельности, существительных с семантикой процесса, состояния и др. На синтаксическом уровне в судебных лингвистических экспертизах широко применяются простые предложения с именным предикатом, предложения с подчинительной связью, бессоюзием, зачастую используются предложения с разными видами связи и большим количеством частей, входящих в состав предложения, вводные и вставные конструкции,

442 | конструкции с причастными оборотами, что позволяет создавать четкую, лаконичную, однозначно интерпретируемую аргументацию. Аргументация в судебно-экспертном дискурсе исключает использование экспрессивных средств речи. Она не направлена на компромисс в попытке удовлетворить в равной мере всех участников аргументационного процесса, а носит скорее директивный характер.

Знание предмета аргументации, непротиворечивость мыслей и правильная последовательность аргументов и уместное их речевое выражение обеспечивают эффективность процесса аргументации в судебно-экспертном дискурсе.

Примечание. Авторская орфография и пунктуация сохранены во всех примерах, использованных в настоящей статье.

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук : спец. 10.02.01, 10.02.19 «Русский язык», «Теория языкознания». М., 1990. 48 с.
2. Ивин А. А. Логика и теория аргументации: элементарный курс / А. А. Ивин. М.: Гардарики, 2007. 220 с.
3. Касьянова Ю. И. Структурно-семантический анализ аргументации в монологическом тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ижевск, 2008. 158 с.
4. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20.
5. Лисанюк Е. Н. Логико-когнитивная теория аргументации: дис. ... докт. философ. наук.: спец. 09.00.07. СПб., 2015. 297 с.
6. Пригарина Н. К. Риторические характеристики аргументативных моделей некоторых видов дискурсов / Н. К. Пригарина // Грани познания. 2015. № 1 (35). С. 116–121.
7. Савчук Т. Н. Аргументация в дискурсе гуманитарных наук (на материале русско- и белорусскоязычных текстов): автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка». Минск, 2019. 46 с.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М. Флинта : Наука, 2006. 696 с.
9. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.

MEANS OF ARGUMENTATION IN THE FORENSIC EXPERT DISCOURSE: LEXICAL AND SYNTACTIC LEVELS (USING THE EXAMPLE OF FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATIONS)

Abstract. The article focuses on the phenomenon of argumentation, which is considered through the prism of the specifics of forensic expert discourse. The analysis allowed the author to identify the most significant characteristics of forensic discourse and systematize the lexical and syntactic means of argumentation in it.

Keywords: discourse; forensic linguistic expertise; linguistic argumentation; lexical and syntactic means of argumentation.

Научное издание

**ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
И ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ:
СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО
И ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА**

*Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
«Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы:
социальные сети как объект научного и экспертного анализа»
(Москва, 5–6 октября 2021 г.)*

Коллектив авторов

Электронное издание

Технический редактор *Н. М. Разумова*
Компьютерная верстка *Е. А. Васюкова*

Гарнитура Таймс. Формат А5.

Редакционно-издательский отдел
Департамента научной деятельности
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.
Тел.: + 7 495 330 88 01. Факс: + 7 495 330 85 65.
Эл. адрес: inbox@pushkin.institute
Сайт: www.pushkin.institute

ДЕПАРТАМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ
ГОРОДА МОСКВЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А.С. ПУШКИНА

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина»

www.pushkin.institute

Государственное бюджетное учреждение
города Москвы
«Московский Исследовательский Центр»

www.mic.mos.ru

Шуменский университет
«Епископ Константин Преславски»

www.shu.bg